4
Ш-34

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. Ю. Шведова

ОЧЕРКИ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

71390

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Ю. ШВЕДОВА

ОЧЕРКИ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

4
Ш-34
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
71390

Ответственный редактор
академик В. В. ВИНОГРАДОВ

ВВЕДЕНИЕ

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной. Письменная речь — это всегда так или иначе обработанная и обдумываемая фиксация языка с целью последующего воспроизведения написанного. Разговорная речь — это сам произносимый, звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или слушателям, не подвергающийся предварительной обработке и не рассчитанный на фиксацию: «The spoken word is a fleeting thing; after being uttered it is gone...» [1].

В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий употребляет готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение между письменной и разговорной речью [2]. Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной [3].

---

[1] D. Jones. Differences between spoken and written language. London, 1948, стр. 2.

[2] Подчеркивая мысль о том, что при писании, в отличие от говорения, имеет место обдумывание, возможность исправлений и т. д., Балли писал: «La phrase parlée doit être la base de la syntaxe» (Ch. Bally. Le langage et la vie. 3 éd., Genéve, 1952, стр. 72).

[3] Ср.: «Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется „разговорным стилем". Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата может быть представлен так называемый „письменный" или „книжный" стиль...» (А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. О лингвистических основах преподавания ино-

Известно, что различие двух форм речи в значительной степени обусловливается различием «в общественных условиях и в материальных средствах социального общения» [4]. Повторять здесь описание этих условий вряд ли нужно [5].

Строевые и функциональные различия между разговорной и письменной речью неоднократно отмечались исследователями. Еще в 1914 г. рано умерший талантливый языковед А. Н. Боголюбов писал: «Существенной остается разница между письмом и говорением, между чтением глазами и слушанием; между языком, к которому привыкают наши руки и глаза, и языком, к которому привыкают наш язык (и вообще органы говоренья) и наши уши... Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения» [6]. И дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматической, то... здесь окажется заметная между ними разница. Грамматическое строение говоримой речи зависит в значительной степени от обстановки говоренья и от собеседников или слушателей» [7]. Л. П. Якубинский подчеркивал, что, в отличие от разговорной речи, «письменная речь является речью, закрепляемой в порядке ее осуществления; в результате остается, таким образом, нечто пребывающее, некоторое произведение» [8]. Однако в нашем отечественном языкознании проблема разговорной речи не получила специальной разработки. Ею больше занимались зарубежные лингвисты,

---

странных языков. «Ин. язык в школе», 1954, № 3, стр. 50). — Отождествление разговорной речи и речи устной, принятое в «Очерках по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро (М., 1953), вряд ли можно признать удачным; такое отождествление влечет за собой слишком широкое и неопределенное наполнение этого термина; ср. утверждение, что к устной речи «...относятся как диалог, состоящий из вопроса-ответа по поводу иногда самого мелкого житейского факта..., так и знаменитая сцена приема чиновников Хлестаковым или не менее знаменитый судебный допрос Катюши Масловой» (стр. 6).

[4] В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 78. Ср.: его же. О категории модальности и о модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 45.

[5] О функциональных различиях разговорной и письменной речи см., например: Ch. Bally. Le langage et la vie, раздел «Langue écrite et langue parlée», стр. 68—72; его же. Traité de stylistique française, v. I, 3 éd., Genève—Paris, 1951, стр. 284—322.

[6] А. Н. Боголюбов. Об изучении литературных языков. Методологический очерк. «Уч. зап. Казанского ун-та», год LXXXI, кн. 3, март. Казань, 1914, Часть неофициальная, стр. 9.

[7] Там же, стр. 13.

[8] Л. П. Якубинский. О диалогической речи. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I. Пг., 1923, стр. 145.

главным образом немецкие и французские. Начиная с известной работы Вундерлиха[9], можно назвать целый ряд исследований, посвященных «повседневной», «обиходной», «говоримой» речи (Umgangssprache, langue parlée). Это книги Балли, Мартино[10], Фрея[11], Шпитцера[12], Брауэ[13], Гофмана[14] и др. Общим для этих работ является понимание разговорной речи как «языка разговора», непринужденной, «без небрежности и без изысканности» строящейся устной речи правильно говорящих носителей соответствующего языка[15], имеющей свои характерные черты и нормы употребления[16] и отличающейся от «логической» и «интеллектуализированной» письменной речи эффективностью, конкретностью и индивидуальной выразительностью[17].

Являясь двумя функциональными разновидностями единого языка, две формы речи в большинстве своих структурных черт совпадают друг с другом. Но между ними существуют и значительные различия. Собственно языковые различия между разговорной и письменной речью с наибольшей четкостью выявляются прежде всего в области интонации, лексики и фразеологии, а также в области синтаксиса предложения[18]. Некоторые

---

[9] H. Wunderlich. Unsere Umgangsprache in der Eigenart ihrer Satzfügung. Weimar und Berlin, 1894.

[10] Ph. Martinon. Comment on parle en français. Paris, 1927.

[11] H. Frei. La Grammaire des fautes. Paris, 1929.

[12] L. Spitzer. Italienische Umgangssprache. Bonn und Leipzig, 1922.

[13] A. Braue. Beiträge zur Satzgestaltung der spanischen Umgangssprache. Hamburg, 1931.

[14] I. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache, 3 Aufg. Heidelberg, 1951. — В этой книге — именно в третьем издании — кратко охарактеризованы основные направления в изучении Umgangssprache и даны сжатые аннотации соответствующих исследований (стр. XV—XVI, 185—186).

[15] Следуя за Вундерлихом, Шпитцер пишет: «Für mich ist Umgangssprache einfach mündliche Rede des „korrekt" (normal, durchschnittlich) sprechenden Italieners» (L. Spitzer. Italienische Umgangssprache, стр. VII).

[16] «...On ne parle pas tout à fait comme on écrit, et la formule vous parlez comme un livre n'est un compliment que dans la bouche des ignorants» (Ph. Martinon. Comment on parle en français, стр. V).

[17] «...Die Umgangssprache in erster Linie Affektsprache ist gegenüber der mehr oder weniger intellektualisierten Schriftsprache...» (I. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache, стр. 2). См. также: Ch. Bally. Traité de stylistique française, v. I, стр. 286.

[18] «Основное различие между языком аффективным и логическим (интеллектуальным) заключается в построении фразы. Эта разница бросается в глаза при сравнении языка письменного с языком устным» (Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 141). — «La langue parlée montre, dans sa syntaxe, une différence fondamentale avec la syntaxe ordinaire...» (Ch. Bally. Traité de stylistique française, v. I, стр. 318). — «Wenn wir versuchen wollen, eine Abgrenzung zwischen Schrift- und Umgangssprache, zwischen der für das Auge berechneten Schrift und der für das Ohr bestimmten

исследователи, исходя из правильного положения о том, что эти две формы речи имеют каждая свои особые строевые черты, вообще приходят к выводу о невозможности создания единой грамматики для языка в целом. Так, Фрей, еще в своей «La Grammaire des fautes» (1929) развивавший тезис о том, что «функциональная лингвистика имеет в качестве единственного и подлинного объекта речь, рассматриваемую в качестве системы приемов, организованной для потребностей, которые она должна удовлетворять» [19], в более поздней работе утверждает, что общая грамматика того или иного языка вообще не может быть ничем иным, как только «беспорядочной смесью» (un méli-mélo), грамматикой многих систем» [20]. Таким образом отрицается цельность языка как единой системы.

Обычно считается, что разговорная речь в своем строении свободнее речи письменной, что у нее нет своих строгих норм и правил, обязательное наличие которых характеризует речь письменную. Однако эта «свобода» оказывается в значительной степени мнимой, и распространенное мнение о свободе строя разговорной речи, о «недостаточной оформленности» ее конструкций держится только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Больше того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь свободнее в выборе языковых средств, чем речь «говоримая».

Вдумчивые лингвисты уже давно обратили внимание на то, что обязательность употребления готовых языковых формул, их «неприкосновенность» в разговорной речи острее дает себя знать, чем в речи письменной, основанной на процессе обдуманного избирания. «При говорении всегда существует наивная иллюзия, что мы самую действительность вовлекаем в сферу речи; о чем мы говорим, то и фигурирует в нашей речи под своими языковыми ярлыками и под их сочетаниями... Иное дело язык письменный. Вследствие... особенностей писательского процесса эта иллюзия должна значительно ослабевать или даже совсем исчезнуть: слишком чувствительно здесь вторгаются между «словами» и «вещами», между речью и действи-

---

Rede zu gewinnen, so ist zunächst von der Definition des Satzes auszugehen» (I. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache, стр. 1).

[19] «... La linguistique fonctionelle a pour unique et véritable objet le langage, envisagé comme un système de procédés qui est organisé en vue des besoins qu'il doit satisfaire» (H. Frei. La Grammaire des fautes, стр. 39).

[20] См.: H. Frei. Le livre des deux mille phrases. Genève, 1953, стр. 12. (План и изложение теоретических основ этой книги см.: H. Frei. Qu'est-ce qu'un Dictionnaire de phrases. Cahiers Ferdinand de Saussure, 1, 1941).

тельностью и самый труд писания этих слов, и возможность обдуманного подбора слов и выражений, и необходимость быть обстоятельным. Здесь возникает уже другая иллюзия, иллюзия *свободы* в выборе слов и выражений, названий и оборотов; сильнее начинает чувствоваться момент логической и эстетической оценки, прозаическая и поэтическая ценность различных языковых средств, — в ущерб чувству *обязательности* такого-то говоренья при таких-то обстоятельствах и *неприкосновенности* готовых традиционных формул»[21].

«Устная речь... имеет организованные формы своего построения»[22]. Но строй разговорной речи обладает по сравнению со строем письменной речи особой спецификой[23]. Эта специфика заключается не только в так называемой «неполноте» или эллиптичности высказываний или в преобладании сочинения над подчинением. Она — в наличии огромного количества особого рода стабилизовавшихся построений, с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими. Здесь наблюдается два рода явлений. 1) В разговорной речи обильно представлены застывшие конструкции, «шаблонные фразы», не требующие «комбинирования» и не поддающиеся отчетливому членению — «построения в субстантивном значении этого слова» (в противоположность отчетливо членимым, допускающим комбинирование «построениям в глагольном значении этого слова»)[24]. В качестве одного из многих возможных примеров можно назвать построения типа *Что правда то правда* (*Что так то так*, *Что верно то верно* и т. п.), лишь внешне воспроизводящие схему сложного предложения, по существу же нечленимые, категориально и лексически ограниченные и несущие в своей форме модальное значение уверенного утверждения. Стабилизация в языке подобных конструкций часто сопровождается сложными лексико-семантическими процессами, происходящими внутри слов, которые входят в структурный остов таких образований. 2) Те или иные собственно синтаксические явления

[21] А. Н. Боголюбов. Об изучении литературных языков, стр. 16 (курсив автора. — *Н. Ш.*) Ср. сходные мысли в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи», стр. 174—176.

[22] В. В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. Сб. «Поэтика». Л., 1926, стр. 28.

[23] Замечания об «элементах синтаксиса разговорной речи» см.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 187—196. Анализ ряда высказанных в этом разделе положений дан в соответствующих главах настоящей работы.

[24] См.: Л. П. Якубинский. О диалогической речи, стр. 174—176.

в разговорной речи часто функционируют лишь в определенных лексических условиях: конструкция лексически ограничена, ее словесное наполнение не свободно, грамматическая форма встречает «сопротивление лексического материала» (В. В. Виноградов). Этим создаются совершенно особые типы построений, которые не могут быть отнесены к числу абстрактных, свободно наполняемых любым словесным материалом схем, составляющих основу собственно грамматики. Эта лексическая «несвободность» многих типов построений разговорной речи неоднородна. С одной стороны, многочисленны конструкции, в которых лексически незаменяем один из обязательных компонентов. Таковы, например, построения с частицами и междометиями: без определенного слова нет данной конструкции с данным модально-экспрессивным значением. Так, в построениях типа *Ай да Ваня!* первый компонент лексически незаменяем; то же самое имеет место во многих лексически ограниченных конструкциях — соединениях двух полнозначных слов: *сидит пишет, похожу пойду, взять да и отказаться* и др. С другой стороны, имеет место более сложное и, может быть, с бóльшим трудом устанавливаемое явление: в построениях, конструируемых с участием словесно незаменяемых элементов, может быть лексически, категориально или формально ограничен и второй компонент. Например, в именных построениях типа *Ах он мошенник!* незаменяемо междометие; второй компонент категориально ограничен: это личное местоимение; третий компонент ограничен категориально и лексически: это или существительное, называющее лицо по отрицательному (реже — положительному) признаку, или прилагательное с оценочно-характеризующим значением (*подлый, наглый, милый* и т. п.), или, наконец, сочетание «оместоименивающегося» существительного с определяющим его прилагательным (*добрая душа, золотой человек* и т. п.).

Специфика материала определяет собою и особые приемы анализа. В интересной статье «О лексических элементах в системе русской грамматики», посвященной взаимодействию лексических и грамматических факторов внутри слова, Л. В. Копецкий пишет: «При описании грамматического строя пользуются обычно одним из двух методов: или ограничиваются констатацией грамматического явления, его объяснением и правилом без попыток точнее определить границы его применения, или дается более развернутая характеристика явления с стремлением указать границы действия сформулированного правила. В первом случае грамматика не может дать указаний обо всех случаях поведения слова в речи и о подчиненности каждого слова определенным правилам; во втором — необходимо вносить в грам-

матику много лексического материала без надежды зафиксировать все случаи, например, отклонений от сформулированных правил»[25]. При изучении специфических конструкций разговорной речи первый путь — путь «констатации грамматического явления без попыток точнее определить границы его применения» часто оказывается односторонним и просто ошибочным. Опасности, поджидающие исследователя на втором пути, остаются именно теми, о которых пишет Л. Копецкий: пытаясь определить «границы действия сформулированного правила», языковед неизбежно вносит в грамматику лексический материал и в то же время не может рассчитывать на то, что описание его будет исчерпывающим. И все же приходится идти по второму пути. Конструктивные черты очень многих построений разговорной речи не могут быть установлены без учета возможностей их лексического наполнения[26]. По существу, лексические ограничения являются как бы элементом формы такой конструкции, наряду с лежащей в ее основе абстрактной схемой соединения словесных элементов и со свойственной данной конструкции интонацией. Такое соотношение формопоказателей конструкции характерно именно для разговорной речи; в письменной речи момент лексической ограниченности выступает в сравнительно узком круге построений и не имеет определяющего значения для системы в целом.

Что касается вопроса об исчерпывающем характере описания, то в принципе оно возможно и в конце концов, конечно, будет осуществлено; естественно, что ему должны предшествовать работы подготовительного характера, к числу которых следует отнести и предлагаемые ниже главы.

Относится ли исследование фразеологизированных и лексически ограниченных построений разговорной речи к изучению строя языка? Правомерно ли видеть в них объект синтаксического исследования? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Такие построения образуются по своим особым

---

[25] L. V. Kopeckij. O lexikálních prvcích v systému ruské mluvnice (Příspěvek k ruské lexikologii). Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR. Praha, 1956, стр. 549.

[26] В разговорной речи «... собственно синтаксическая сторона строения предложения входит в соприкосновение с областью лексики, и исследователь оказывается перед проблемой взаимодействия этих двух различных, но вместе с тем нередко органически переплетающихся языковых областей. Как ни нова и ни сложна эта проблема, уклоняться от ее рассмотрения нет никаких оснований, тем более, что на материале разговорной речи разработка ее обещает дать более интересные результаты, нежели на материале речи письменно-книжной» (А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 19).

правилам; в основе их лежит определенная модель, специфика которой по сравнению со свободным построением состоит в ограниченной возможности словесного наполнения одного из формообразующих элементов или во фразеологическом характере самой это модели. Отсюда — единственно возможный метод изучения таких конструкций: их двусторонний анализ, описание как лежащей в их основе грамматической схемы, так и тех словесных рамок, которыми эта схема ограничена. Рядом с этими двумя аспектами изучения необходимо присутствует и третий. Описываемые конструкции разговорной речи никогда не бывают нейтральны с точки зрения своих модальных значений (о принятом в работе понимании этого термина см. ниже). Эти значения заложены в самой форме конструкции и неотделимы от нее.

В предшествующем изложении для обозначения объекта предлагаемого ниже исследования как равнозначные употребляются термины «построение», «конструкция». Каково содержание этих терминов? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать о принятом в работе понимании предикативности.

В результате долгих разысканий и споров в нашей науке в последнее время определились две точки зрения на то, что такое предикативность в грамматическом смысле этого термина [27]. Одна представлена в работах акад. В. В. Виноградова, в частности в написанном им введении ко второму тому академической «Грамматики русского языка» и в основанной на этом введении статье [28]. Другая в полемической форме изложена в статье М. И. Стеблина-Каменского «О предикативности» [29]. Согласно первой точке зрения «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности [30]. Предикативность — это «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают при-

---

[27] Рассмотрение предикативности как «понятийной категории» (см. И. И. Мещанинов. Предикативность, сказуемость и глагольность. «Вестник ЛГУ», 1945, № 4—5), естественно, не может быть признано грамматическим подходом к данному явлению.

[28] В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1.

[29] М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. «Вестник ЛГУ», № 20. Серия истории, языка и лит-ры, вып. 4. Л., 1956. Резюме см.: «Тезисы докладов по Секции филологических наук». Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Научная сессия 1955—1956 гг. Л., 1956.

[30] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 80.

роду предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»[31]. «Со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы». Это «категории времени и модальности, а также — в широком синтаксическом понимании — и категория лица, т. е. категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие „предикативности“...»[32]. «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения»[33]. Без предикативности нет предложения. Категории модальности, времени и лица, «работая» совместно, создают особое и высшее качество — предикативность как обязательное свойство всякой единицы языкового общения.

Согласно другой точке зрения предикативность — это «сказуемостное свойство» или «сказуемостное отношение», т. е. «то, что делает сказуемое сказуемым»[34]. «Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то, очевидно, в нем нет и предикативности»[35]. «Предикативность, или предикативное отношение, это по содержанию несомненно и есть то, что в логике называется отношением между субъектом и предикатом суждения»[36]. «...Между предикативностью и предложением нет соотносительности. Наличие сказуемого, а следовательно и предикативности не является существенным признаком предложения»[37]. М. И. Стеблин-Каменский полагает, что слово «предикативность» со значением «то, что делает предложение предложением», вообще не нужно, так как понятие предикативности полностью покрывается понятием предложения. Однако анализируя предложения разных типов, автор статьи не находит в них общих для всякого предложения языковых показателей. Предложения типа *Пожар!*

---

[31] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 76.
[32] Там же, стр. 78—79.
[33] Там же, стр. 80.
[34] М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности, стр. 133.
[35] Там же.
[36] Там же, стр. 135.
[37] Там же.

оформляются «только интонацией»: «определенная интонация делает это предложение предложением»[38]. Предложения типа *Птица летит* или *Стена бела* оформлены «не интонацией, а определенной внутренней структурой», т. е. тем, что «в них есть сказуемое»[39]: «...в предложении, в котором есть сказуемое, несомненно именно сказуемое является тем, что заставляет осознавать это предложение как предложение»[40]. Следовательно, интонация не является средством оформления всякого, любого предложения вообще, а только некоторых его типов, и там, где у предложения есть «внутренняя структура», роль интонации несущественна. Между «внутренней структурой» и наличием сказуемого ставится знак равенства. Что же объединяет предложения типа *Пожар!*, не имеющие, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, своей внутренней структуры, и предложения типа *Птица летит*, имеющие внутреннюю структуру, в единой категории предложения? Отнесенность к действительности. Но каковы же общие, обязательно присутствующие в любом предложении языковые показатели этой отнесенности? Получается, что таких общих показателей нет. Однако эта точка зрения явно неубедительна. Если предложение есть цельная языковая категория, то у него должны быть единые для всех типов и разновидностей общие собственно языковые приметы. Потому-то *Пожар!* и *Птица летит* и могут быть объединены под общим названием предложения, что они оба являются носителями тех собственно языковых, синтаксических категорий, о которых говорилось выше. И, конечно, оба эти предложения имеют каждое свою внутреннюю словесную структуру; для первого предложения это — номинатив, несущий в себе — уже как в единице коммуникации — значение утверждения наличия называемого, а также значения времени и модальности; для второго это — определенным образом оформленное сочетание слов, несущее те же общие значения. И то особое языковое качество, которое возникает в результате взаимодействия синтаксических категорий времени, лица и модальности в рамках определенной словесной схемы, всегда выражается нераздельным сочетанием словесно-грамматических и интонационных средств: в одном случае — специфически интонируемым номинативом, в другом — также имеющим свою характерную интонацию грамматически оформленным сочетанием слов определенных категорий.

---

[38] М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности, стр. 134.
[39] Там же.
[40] Там же.

Из сказанного ясно, что в настоящей работе принята первая точка зрения на то, что следует понимать под предикативностью как языковой категорией.

В составе любого предложения как единицы сообщения выделяется слово или сочетание слов, сосредоточивающее в себе тот комплекс предикативных значений, о которых говорилось выше. В двусоставном предложении это — сказуемое [41], в односоставном — главный член предложения. «...Выдвижение глагола на роль организатора предложения объясняется не только преобладанием, особенной употребительностью глагольных типов предложения, но и тем обстоятельством, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения» [42]. Этот тезис в несколько измененном виде должен быть распространен на главный член односоставного предложения и на сказуемое, — независимо от того, какой частью речи они выражены. Это — «организаторы предложения», в формах которых находят непосредственное выражение синтаксические категории лица, времени и модальности.

При нераспространенности предложения особенно наглядно выступают общие черты главного члена или, что то же самое, предикативной основы [43] односоставного предложения и сказуе-

---

[41] Невозможно согласиться с узким и односторонним пониманием «ядра проблематики сказуемого», высказанным в статье Р. Мразека «Проблема сказуемого и его классификации» («Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university». Ročník VII. Řady jazykovědné. (A). Č. 6. Brno, 1958), где говорится, что «вся суть проблематики именного сказуемого, и не только именного, но и глагольного сказуемого» заключается в «комплексном» или «некомплексном понимании именного сказуемого» (стр. 11 и 12. Разрядка автора. — *Н. Ш.*). При «комплексном понимании» сказуемым признается сочетание имени не только со связкой *быть*, но и с рядом других глаголов; при «некомплексном понимании» сказуемым считается всегда только глагол, а приглагольное имя рассматривается как второстепенный член предложения.

[42] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 78.

[43] Предикативной основой будем называть такой элемент или такое соединение элементов предложения, без которого оно не может существовать как данный грамматический тип относительно законченного высказывания. Так, предикативной основой двусоставного предложения будет сочетание подлежащего и сказуемого; предикативная основа односоставного предложения — его главный член; в так называемых неполных предложениях предикативной основой является член предложения, сосредоточивающий в себе значения лица, времени и модальности.

мого предложения двусоставного[44]. Эта общность предикативных значений опирается, во-первых, на общность морфологических способов оформления соответствующих членов предложения, во-вторых, на общность тех языковых средств, при помощи которых на «грамматический грунт» такой формы «накладывается» «второй слой»[45] модальных значений. Так, сопоставляя предложения *Шел-шел и дошел* и *Я шел-шел и дошел*, мы видим, что главный член первого предложения (*шел-шел*) и сказуемое второго предложения (*шел-шел*) имеют одинаковое значение длительности признака, создающееся специфически интонируемым бессоюзным соединением двух одинаковых форм одного и того же глагола. Значение интенсивности и полноты выявления предикативного признака в предложении *Так и хлещет* и в сказуемом двусоставного предложения *Дождь так и хлещет* создается одним и тем же способом: соединением глагольной формы со сложной наречной частицей *так и*. То же значение интенсивности в предложении *Ох и умен!* и в сказуемом предложения *Сынишка у меня ох и умен!* одинаково создается соединением прилагательного с междометным сочетанием. Таким образом, налицо общность формальных типов главного члена односоставного предложения и сказуемого двусоставного предложения.

В строе разговорной речи выявляется целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временно́е и модальное значение осложнено значениями характера протекания во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и др. В таких сказуемых и основах предложения обнаруживаются общие правила их образования средствами разного вида повторов и соединений полнозначных слов, сочетаний полнозначных слов с частицами и с междометиями или путем использования застывших фразеологизированных моделей. Все это дает право, — помня, конечно, о существенных различиях этих двух синтаксических единиц, — обозначать такие сказуемые и основы предложения одним об-

[44] Об общности значений предложения и сказуемого как «сообщающих единиц» языка см. замечания в статье А. Дмитревского «Практические заметки о русском синтаксисе» («Фил. зап.», 1878, вып. 1, стр. 53). Ср. в цитировавшейся выше статье М. И. Стеблина-Каменского: «Между словом *пожар* в „односоставном" предложении „Пожар!" и словом *пожар* в „двусоставном" предложении „Пожар начался" в синтаксическом отношении нет абсолютно ничего общего. Напротив, *сижу* в „односоставном" предложении „Сижу как на иголках" и *сижу* в „двусоставном" предложении „Я сижу как на иголках" совершенно аналогичны в своей синтаксической функции выразителя предикативности, т. е. в своей функции сказуемого» (стр. 137).

[45] См.: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 59.

щим термином; таким названием и может быть «построение» или «конструкция».

Объектом предлагаемого исследования являются такие сказуемые и основы предложения, самой формой которых выражаются те или иные дополнительные модальные и экспрессивные значения. Хорошо известно, насколько неопределенными и даже туманными стали в последнее время термины «модальность» и «экспрессивность». Не считая целесообразным входить здесь в подробное рассмотрение разных точек зрения, достаточно полно освещенных в ряде специальных работ [46], изложим кратко принятое в настоящем исследовании понимание модального значения, которое представляется наиболее верно отражающим то, что реально существует в языковой действительности.

«Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальное отношение. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения» [47]. Это — так называемая объективная модальность, обязательно присутствующая в любом построении как одна из конструирующих его категорий. Объективно-модальные значения несут в себе характеристику сообщаемого. Эта характеристика может быть либо самая общая (именно ее присутствие обязательно: всякое предложение имеет значение или сообщения, или побуждения, или вопроса), либо более частная, обычно выявляющаяся в рамках собственно сообщающего построения; это характеристика предикативного признака со стороны полноты и интенсивности его проявления, характера протекания во времени, «сложносоставности», исключительности, обусловленности или необусловленности чем-либо и др.[48] (подробный обзор как частных объек-

[46] Подробную библиографию см. в кн. В. В. Виноградова «Русский язык (М., 1947), в его статье «О категории модальности и о модальных словах в русском языке», а также в многочисленных диссертационных работах последнего десятилетия, посвященных изучению модальных слов и частиц в отдельных языках (диссертации С. И. Бураковой, Л. М. Чистяковой, Г. И. Чирвы, Т. В. Борисовой, Б. Б. Шувалова, А. И. Корнеевой, С. Е. Каган, И. Г. Рикман, Д. С. Светлышева и др.).

[47] «Грамматика русского языка», т II, ч. 1, стр. 81.

[48] «Сама *модальность*, или скорее — *квалитативность* суждения бывает различна, и мы можем в этой области построить целую гамму всевозмож-

тивно-модальных, так и субъективно-модальных значений см. в «Заключении»). Рядом с объективной модальностью существуют субъективно-модальные значения[49], заключающие характеристику отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения: «...С категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональных экспрессий (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.)»[50]. В реальной языковой действительности субъективно-модальные значения отливаются в формы «субъективно окрашенных эмоционально-волевых изъявлений»[51], направленных к «эмоционально-волевому воздействию говорящего лица на слушателя» и выражающих «эмоционально-волевые его реакции на те или иные факты, явления действительности»[52]. Субъективно-модальные значения, т. е. окрашенные эмоциональной экспрессией значения акцентирования, оценки, удивления, решимости, предостережения и т. д., в настоящей работе и будут в дальнейшем называться модально-экспрессивными значениями.

Естественно, что модально-экспрессивное значение присуще далеко не всякому высказыванию; но там, где оно есть, — а для конструкций разговорной речи присутствие его характерно, — это значение наслаивается на объективно-модальное значение[53]; эти два значения выступают тогда в сложном взаимодействии, но при анализе должны обязательно разграничиваться[54]. Интересные замечания о взаимодействии этих двух модальных планов находим в работе Р. А. Будагова о гипотетической модальности в романских языках. В глагольных наклоне-

ных оттенков суждения» (А. В. Добиаш. Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897, стр. 95).

[49] В академической грамматике субъективно-модальные значения не отграничены с необходимой четкостью от значений объективно-модальных (см.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 81).

[50] В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 49.

[51] Там же, стр. 43—44. См. также стр. 45.

[52] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 83.

[53] Детальную характеристику и многостепенную классификацию «высказываний» — главным образом в диалоге — с точки зрения их модальных значений см. в кн.: L. Klemensiewicz. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937, стр. 11—42.

[54] «...Необходимо проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношений высказывания к действительности...» (В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 49). В этой формулировке лишним представляется слово «оценка»: речь идет об объективной модальности, т. е. о «модальном отношении высказывания к действительности».

ниях автор отмечает наличие «сложной системы субъективных отношений говорящего к тому, о чем он говорит, о чем судит, что оценивает»[55]. В частности, о староитальянском конъюнктиве Р. А. Будагов пишет, что он придавал всему предложению «характер критического суждения, определяя тем самым его своеобразную двуплановость — линию фактических событий и оценочную линию размышлений над этими событиями»[56].

Объектом исследования в настоящей работе являются такие построения, которые имеют частные объективно-модальные значения или значения субъективно-модальные (модально-экспрессивные), выраженные специальными словесными средствами, накладывающимися на ту форму, которая несет в себе обязательное общее объективно-модальное значение. В разговорной речи выявляются четыре больших группы таких конструкций: построения, представляющие собою разного вида соединения полнозначных слов; построения с частицами и с такими модальными словами, которые по характеру своего функционирования в составе конструкции сближаются с частицами; построения с междометиями и междометными сочетаниями; построения фразеологизированного характера. Описанию каждой из этих групп посвящен особый раздел работы. Все эти соединения функционируют или в составе относительно самостоятельного, независимого высказывания, или в качестве составной части сложного построения, а также в составе сложной коммуникативной единицы диалога — в сцеплении реплик; именно здесь, в диалогическом единстве, в его зависимой части — второй реплике — особенно ярко и многообразно проявляется специфика многих из перечисленных типов построений. Изучению одного из видов вторых реплик, а именно — таких, которые строятся на основе повторения одного из элементов первой реплики, посвящен последний раздел исследования.

Соединения полнозначных слов, выступающие в роли сказуемого или предикативной основы предложения, могут быть бессоюзными, союзными или строящимися с участием соединяющей частицы (*шел-шел; шел и шел; спать так спать*)[57]. Это могут быть либо соединения слов одной категории — одинаковых

---

[55] Р. А. Будагов. Проблема гипотетической модальности в романских языках. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1947, т. VI, вып. 2, стр. 149.

[56] Там же, стр. 152.

[57] Здесь и дальше примеры далеко не исчерпывают всех возможных типов соответствующих построений.

www.ruslang.ru

форм одного и того же слова или разных слов (*мал-мал, а...; пойду похожу*), или разных форм одного и того же слова (*спросить спрошу; свинья свиньей*), либо соединения слов разных категорий (*ливмя льет*). Каждое такое соединение образует в составе предложения синтаксически неделимое целое; эта неделимость определяется тем, что именно все сочетание в целом, а не какая-то его часть несет нерасчленяемый комплекс значений активно выявляющегося признака, синтаксического времени, лица и модальности.

Все соединения полнозначных слов, функционирующие как сказуемые и как основы предложений, делятся на соединения лексически не ограниченные, лексически ограниченные и соединения с лексически незаменяемым компонентом. Первые знают только категориальные ограничения. В плане грамматической абстракции они существуют как свободно наполняемая модель; слова объединились в строе предложения, и вне его соединение их не мыслится (*шел да шел*). В образовании лексически ограниченного сочетания в качестве одного из его компонентов могут употребляться слова лишь определенной семантической группы (ср. семантическую ограниченность первого компонента в соединениях типа *стоит слушает* или *пойди походи*); это уже не абстрактная схема, допускающая любое словесное наполнение; возможности конструирования по ее образцу ограничены не только категориально, но и лексически; такие соединения «считаемы». Сочетания с лексически незаменяемым компонентом вообще не могут служить грамматической схемой; по их образцу ничего не строится; они существуют в языке как замкнутые соединения, используемые в предложении как готовый материал, «обновляемый» лишь в какой-то своей части (*возьму и не поеду*).

Построения с частицами особенно богаты модально-экспрессивными значениями. Частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет лексического значения; она не имеет и того общего значения «усиления», «выделения» и т. п., которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц. То, что называется значением частицы, обычно отвлекается от модального значения того построения, в составе которого эта частица функционирует. В то же время многие частицы в своем употреблении связаны с конструкциями определенных типов. Функционируя в составе того или иного построения, частица выполняет в нем роль синтаксического форманта, участвующего в образовании предложения или сказуемого с данным, конкретным модальным значением. Так, частицы *и* или *же*, часто выступающие во

взаимодействии, сами по себе ничего не значат; в то же время предложение *И нахал же!* имеет модально-экспрессивное значение акцентированного усиления, которого нет в предложении *Нахал!* (если оно не произносится с особой интонацией, способной внести такое значение). Утверждать, что названное значение вносится только частицами, значило бы подходить к анализу предложения чисто внешне и не замечать осуществляющегося в нем сложного взаимодействия слов разных категорий. Значение акцентированного усиления в приведенном выше предложении создается определенным образом оформленным (словопорядок неизменен) соединением частиц с именем. Общий тип предложения остается именным; но перед нами — разновидность этого общего типа (так же, как *Любила* и *И любила же!* — разновидности общего типа глагольных бесподлежащных предложений). Нам возразят, что это — «лексика»: в предложение определенного типа вносится слово или слова, и этим создается особый оттенок в значении этого предложения. Но, во-первых, частица не вносит в предложение никакого добавочного лексического значения: с ее появлением связано возникновение особого модального значения, иными словами, возникновение нового значения всей конструкции, а следовательно, и новой конструкции. Во-вторых, то новое, что появляется в построении вместе с частицей, создается не частицей самой по себе, а взаимодействием частицы и знаменательного слова, которое может или само по себе быть предикативной основой предложения (*Нахал!*), или входить в состав предикативной основы вместе с частицей или частицами (*И нахал же!*). Модальное значение есть специфическое значение синтаксического построения; оно может быть присуще только конструкции в целом. Значение неотделимо от формы, они образуют нерасчленяемое единство. Выступая как элемент формы предложения или сказуемого, частица участвует в образовании построения нового, особого значения. Поэтому предложения *Любила* и *И любила же!* следует рассматривать как имеющие разные модальные значения конструктивные разновидности односоставных глагольных предложений. И если признать, что модальное значение входит в понятие предикативной характеристики наряду со значениями активно выявляющегося признака и временны́м, то нельзя отрицать того факта, что в образовании основы предложения и сказуемого частицы играют роль конструктивно значимого, собственно строительного элемента.

В современном русском литературном языке многие частицы сохраняют живые функционально-смысловые связи с теми клас-

сами слов, из которых они вычленились. Соответственно выделяются частицы глагольные, наречные, местоименные, союзные и частицы, не сохраняющие функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов. Все эти частицы по-разному ведут себя в строе предложения, связаны с разными типами построений. Они, в частности, проявляют разную степень внешней спаянности с знаменательным словом, входящим в состав главного члена или сказуемого, подчиняются разным правилам словорасположения. Одни частицы позиционно строго закреплены, другие относительно свободно передвигаются внутри предложения; одни функционируют только в составе сказуемого или предложения в целом, другие могут принимать участие в образовании и не предикативно значимых членов предложения (главным образом при акцентированном выделении). Но в любом случае частица не может быть изъята из предложения или сказуемого без изменения его модального значения, а во многих случаях изъятие частицы вообще ведет к разрушению данного синтаксического типа построения (ср. построения типа *Вот они работнички!*, *Уж и конь!* и очень многие другие).

Когда мы постоянно читаем и слышим о том, что частица свободно «вносится в предложение для придания какому-либо слову того или иного оттенка», что частица не только не является членом предложения, но и не играет в предложении никакой синтаксической роли, то мы по существу имеем дело с привычным морфологизмом в подходе к предложению и его членам: член предложения — это знаменательное слово, отвечающее на один из традиционных вопросов; не отвечающее ни на какой вопрос незнаменательное слово — не член предложения и может быть «изъято» без ущерба для синтаксической формы всего построения. Но при анализе синтаксически значимых составных частей предложения необходимо отрешиться от этого одностороннего морфологизма.

То, что мы называем членом предложения, — далеко не обязательно одно, отдельное слово (вопрос о фразеологических сочетаниях лексического характера сюда не относится). Одно из многих отличий члена предложения от слова состоит в том, что он несет в себе разные модальные и модально-экспрессивные значения (это в первую очередь относится к главному члену односоставного предложения и к сказуемому; но и не предикативно значимые члены предложения могут иметь модально-экспрессивные значения; см. раздел «Построения, формирующиеся путем соединения знаменательного слова с частицей»). В образовании таких членов предложения как синтаксических

единиц вместе с знаменательным словом участвуют и частицы. Поэтому частица является конструктивным элементом синтаксической формы — формы члена предложения[58]. По определенным правилам языка здесь осуществляется сочетание слов в целях выражения определенного значения члена предложения. Поэтому такие соединения, как *знай пишет, так и хлещет, сидит себе, то-то рад, ну и умен, и умен же, вот так денек* и многие другие, представляют собою закономерные — и разные — объекты синтаксического исследования. Что же изучает здесь синтаксист? Во-первых, возможности соединения разных частиц со словами разных категорий и семантических групп, с разными формами слов; выявляющиеся здесь во многих случаях ограничения относятся целиком к правилам словосочетаемости; во-вторых, прикрепленность многих частиц к построениям тех или иных общих типов, возможность или невозможность функционирования частицы в составе таких построений; в-третьих, правила и ведущие тенденции расположения частицы в составе конструкции, явления словопорядка; в-четвертых, те особые структуры, которые формируются с участием определенных частиц и без этих частиц вообще не существуют; в-пятых, наконец, образовавшиеся в результате взаимодействия частицы и знаменательного слова конструкции со стороны их частных объективно-модальных и модально-экспрессивных значений.

Сказанное выше о синтаксическом функционировании частиц относится и к некоторым междометиям, главным образом непроизводным. В разговорной речи есть такие типы построений, в которых одним из конструирующих элементов является междометие или неразложимое сочетание междометия с частицей или местоименным словом. В отличие от междометий, свободно присоединяющихся к предложению и выражающих чувства, эмоции, грамматически значимые междометия и междометные сочетания, позиционно строго закрепленные, по определенным правилам интонируемые и ударяемые, участвуют в образовании предикативно значимых построений с различными модальными значениями. Изъятие грамматически значимого междометия из состава предложения ведет к разрушению структуры этого предложения. Таковы построения типа *Ах она змея!, Ох эти сплетницы!, Эх и песня!, Эк его заливается!* и др.

---

[58] «... Ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций...» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 666).

К фразеологизированным образованиям относятся такие, которые не строятся по действующим синтаксическим правилам, а представляют собою застывшие образования, с точки зрения современных норм немотивированные и неразложимые. Они свободно наполняются лишь в одной своей части, в то время как другой компонент, утративший или утрачивающий свое категориальное значение, незаменяем. Таковы собственно фразеологизмы типа *Чем не жених, Что за церемонии* и др. Для них характерна частичная или полная утрата основного лексического значения незаменяемым формантом, строго закрепленный словопорядок. В отличие от построений с частицами эти соединения не активно и каждый раз заново возникают в предложении как реализация живых синтаксических возможностей языка, а используются как готовый материал, «обновляемый» говорящим лишь в части знаменательного слова. С собственно фразеологизмами смыкаются такие образования, отношения между частями которых отражают изменившиеся или устаревшие формы связей, а незаменяемый формант сохраняет свое категориальное и лексическое значение, например: *До чего хорош! Что так то так* и др. Наконец наименьшая степень фразеологизации обнаруживается в построениях, которые формируются по действующим синтаксическим нормам, но имеют в своем составе лексически незаменяемый компонент, претерпевающий определенные семантические изменения и превращающийся в своеобразный обязательный формообразующий компонент конструкции с тем или иным модальным значением: *Какая его жизнь! Хорош друг! Один его вид чего стоит. Я тебе дам озорничать!* и др.

Явления предикативного функционирования разнообразных соединений полнозначных слов, а также разного рода фразеологизированных образований находят своеобразное преломление во вторых репликах диалогического единства, строящихся на основе повторения какого-либо элемента из лексического состава первой реплики. Здесь выявляется сложная система правил, касающихся, с одной стороны, форм собственно повтора и границ его распространения, а с другой — возможностей соединения повторяемого слова с частицами или модальными словами, порядка расположения сочетающихся слов и их интонационных связей. Система модально-экспрессивных значений вторых реплик-повторов, особенно реплик, строящихся с участием частиц, чрезвычайно богата и разнообразна; такие реплики никогда не бывают нейтральны с точки зрения субъективно-модального значения: со значением утверждения или отрицания они всегда совмещают выражение непосредственной экспрессивно окрашенной реакции на сказанное.

Во всех описанных типах построений большая роль принадлежит интонации: вместе со словесно-грамматическим материалом она является средством формирования предложения. Поэтому изучение словесной основы предложения без изучения его интонации является односторонним и неполным. Однако такое одностороннее изучение пока неизбежно. В то же время несомненно, что при формировании предложения роль собственно грамматической схемы и характеризующей эту схему интонации неодинакова. Основой предложения является его словесно-грамматическая структура: «Будучи существенным, неотъемлемым признаком предложения, интонация, однако, не исчерпывает грамматической сущности предложения и своими вариациями не определяет и не создает всего многообразия видов предложений в русском языке»[59]. «Интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, мысли не выражает. Интонация не является средством формирования и воплощения мысли. Без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли»[60]. Эти положения правильно определяют роль интонации при формировании предложения[61]. Понимая огромное значение интонации и ее экспериментального изучения и в то же время будучи не в состоянии осуществить исследование в обоих названных аспектах, автор настоящей работы сосредоточивает свое внимание только на одной стороне вопроса — на описании словесно-грамматической структуры перечисленных выше предикативно значимых построений, свойственных современной русской разговорной речи; что же касается интонации, то здесь мы вынуждены были ограничиться самыми общими наблюдениями[62].

---

[59] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 77.

[60] Там же, стр. 78.

[61] Ср. еще: «Интонацию нельзя считать грамматическим средством, она явление особого рода... Отношение интонации к синтаксическому и семантическому строению предложения следующее: с одной стороны, она находит свое приложение лишь на лексико-грамматическом материале, с другой стороны, семантическое и синтаксическое строение речи, можно сказать, пользуется ею» (Fr. Daneš. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957, стр. 138. В этой книге см. подробную библиографию по вопросу об интонации предложения).

[62] «Мелодию можно исследовать при помощи наблюдательного и инструментального метода. Оба метода опираются на эксперимент. С точки зрения лингвистической первичным следует считать метод наблюдательный... В конечном итоге для языка как системы средств общения в обществе важнее то, что слушатель осознает и понимает, чем то, что устанавливает при помощи приборов» (Fr. Daneš. Intonace a věta... стр. 134—135).

Материалом для исследования послужили, с одной стороны, собственные записи живой речи, услышанной в семье, на работе, в поезде, на улице и т. п., и, с другой стороны, многочисленные произведения русской художественной литературы, в диалогах и монологах героев, а нередко и в авторском повествовании широко отражающие явления «бытовой», «повседневной» речи как носителей литературного языка, так и представителей разных «социальных диалектов» и просторечия.

Можно ли использовать художественно-литературные тексты для изучения «говоримой» речи? При отрицательном ответе на этот вопрос обычно приводятся два аргумента. Первый: в этом материале пропадает интонация звучащего языка, и даже переводя писанный текст в звучание, читающий интонирует ту или иную конструкцию иначе, чем он интонировал бы ее при непосредственном говорении. Другой: вводя в свое произведение конструкции разговорной речи, писатель не механически их воспроизводит, не стремится к «фотографическому» отображению, а осуществляет тщательный и целенаправленный отбор и обработку языкового материала; в авторском повествовании и в речи героев явления живого разговора претерпевают — каждый раз по-своему — разнообразные изменения, сложную трансформацию, варьирующуюся в зависимости от разрешаемых писателем художественных задач.

Первый аргумент ясен и бесспорен: интонационный строй «говоримой» речи по письменным источникам изучать невозможно[63]. Конечно, когда мы видим написанным то или иное построение, постоянно употребляемое в разговоре, то мы знаем, как оно обычно произносится[64]. Эта самая общая, типическая интонационная характеристика неотделима от словесно-грамматической основы предложения. Но на этом приходится остановиться: ни непосредственного звучания данной конструкции, ни тем более тонких нюансов интонирования письменный текст отразить не может. Сказанным выше определяется отношение к пунктуации. Известно, что пунктуация не только далеко не всегда отражает интонационное членение текста, но часто противоречит ему. При написании специфически разговорных конструкций это бывает особенно заметно. Поэтому при анализе

[63] Мы не говорим здесь о специфических интонациях писанного текста, воспроизводимого чтением, которые, как кажется, еще совсем не подвергались у нас специальному изучению.

[64] Ср., например, попытку описания интонаций чешского разговорного языка по письменным источникам в статье: M. Weingart. Étude du langage parlé suivi du point de vue musical avec considération particulière du tchèque. Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1, 1929.

материалов, извлеченных из письменных источников, нередко приходится не принимать во внимание запятую, которая очень часто не показывает никакой паузы. Особенно это относится к построениям с частицами и с междометиями. Здесь необходима постоянная проверка живым звучанием, сопоставление написанного с тем, что мы слышим своими ушами; и именно непосредственное произнесение определяет, чем является в тексте запятая: традиционным письменным значком или показателем реально существующего интонационного членения.

По поводу второго аргумента против привлечения материалов художественной литературы для изучения строевых явлений разговорной речи нужно сказать следующее. Конечно, здесь нет «фотографического» воспроизведения, слепого копирования. Но, как показывает специальное изучение обширных материалов, извлеченных из произведений очень многих прозаиков и драматургов реалистической школы, здесь нет и изменения существующих в языке форм, каких-либо сознательных отступлений от общеязыковой нормы. Художественная обработка материалов заключается не в изменении формы построения, не в отступлении от действующих правил языка, а в отборе и комбинировании материалов, т. е. в специфике их функционального применения. Обращаясь к разговорной речи, писатель-реалист берет соответствующие конструкции в их типической, «чистой» форме, освобождая их от случайного, индивидуального, такого, что фиксируется в записях как отступление от обычной нормы [65].

Именно поэтому материалы, извлеченные из художественной литературы, особенно из произведений таких мастеров русской реалистической прозы, как Гоголь, Гончаров, Островский, Достоевский, Лесков, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Л. Толстой, Мамин-Сибиряк, Чехов, Бажов и др., могут служить надежным

---

[65] Вот один из многих возможных примеров. В художественной литературе широко применяются очень распространенные в разговорной речи предложения, строящиеся с участием сложной частицы *ну и ... же* и выражающие удивление и оценку (*Ну и молодец же! Ну и навезли же всего! Ну и домик же!*). Словопорядок по отношению к компонентам частицы здесь неизменен: они располагаются так, как показано в приведенных примерах. Художественно-литературные тексты фиксируют эти построения именно — и только — в такой форме. В наших записях есть случай перемещения компонентов частицы: *Ну и же домик!* (из речи школьника-подростка). Это — ошибка, индивидуальное нарушение языковой нормы, которое, конечно, не найдет отражения в художественной литературе. Впрочем, такие индивидуальные нарушения иногда допускаются и самими писателями. См., например, на стр. 35 случай неправильного употребления Гл. Успенским бессоюзного сочетания форм глагола несовершенного вида.

источником для изучения основных словесно-грамматических форм разнообразных построений, свойственных русской разговорной речи. Сопоставление этих материалов с собственными записями убеждает, что при разрешении поставленной в работе задачи эти два источника не могут быть разделены или противопоставлены: взаимно дополняя друг друга, они дают совпадающий и одинаково ценный материал [66].

[66] На материалах, извлеченных из художественно-литературных текстов, построена книга Вундерлиха «Unsere Umgangsprache», исследования Гофмана, Шпитцера и некоторые другие работы зарубежных авторов.

ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ РАЗНОГО ВИДА СОЕДИНЕНИЙ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ

Построения, образующиеся путем разного вида соединений полнозначных слов, представляют собой сочетания форм одного и того же слова или разных слов. Эти соединения выступают как формы сказуемого или предикативной основы целого предложения и несут в себе сложный комплекс предикативных значений: личное, временно́е и модальное.

Сочетания форм, выступающие в функции сказуемого или предикативной основы предложения, могут быть либо бессоюзные, либо соединенные союзами или специальными частицами. Со стороны своего словесного состава, возможностей лексического наполненяи эти сочетания могут быть лексически не ограниченными, лексически ограниченными или сочетаниями с лексически незаменяемым компонентом. Лексически не ограниченные сочетания представляют собою определенные синтаксические типы соединений форм, наполняемые любым словарным материалом данной категории. Так, конструкции типа *спят и спят, поля и поля, жить бы да жить, поплачет-поплачет...*, *спросить спрошу, зима-зима; а...* и многие другие ничем не ограничены со стороны возможностей своего лексического наполнения, — конечно, в пределах той категории слов, которая может участвовать в формировании построений данного типа. С другой стороны, существуют соединения лексически ограниченные: в их построении в качестве одного (реже обоих) компонентов могут участвовать слова только какой-либо определенной семантической группы. Таковы, например, конструкции типа *сидит смотрит, пойти бы узнать, стоит и думает* и под., один из компонентов которых ограничен отнесенно́стью к глаголам движения или пребывания в состоянии. Примером лексически ограниченных построений могут служить также сочетания типа *поедом ест, ливмя льет*, оба компонента которых входят в ограниченную несколькими словами группу глаголов и отглагольных образований наречного типа на *-ом* и *-мя*. К сочетаниям с лексически незаменяемым компонентом относятся такие устойчивые соединения, в качестве компонента (или компонентов) которых

может выступать только данное, определенное слово; таковы сочетания типа *взять да и отказаться, знает болтает* и некот. др. Все эти виды сочетаний составляют в современном русском языке многообразный и богатый значениями круг синтаксических форм разной степени стабильности.

Описанию соединений форм одного и того же слова или однокорневых слов посвящена кандидатская диссертация А. Е. Киселева [1]. Совпадение изучаемых материалов заставляет подробно остановиться на анализе данной работы. В диссертации А. Е. Киселева собран и проанализирован большой материал, выбранный из русской художественной литературы, из сказок, пословиц и собственных записей устной речи [2]. Наблюдения над употреблением повторений, определения их значений представляют в работе А. Е. Киселева несомненный интерес и должны быть использованы при дальнейшем изучении данного явления. Однако основной тезис исследования и определяемая этим тезисом трактовка самой природы лексических повторений не могут не вызвать самых серьезных возражений методологического характера. А. Е. Киселев поставил своей целью доказать, что лексические повторения самых разных типов (*шел, шел...*; *иду и иду*; *идти так идти*; *гляди да и гляди*; *мал-мал, а...*; *взять-то возьму*; *барин не барин*; *тысячи и тысячи*; *слаще сладкого*; *еды-то, еды-то!* и мн. др.) относятся, наряду с префиксацией и суффиксацией, к средствам морфологического формообразования и представляют собою «особую разновидность

---

[1] А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. М., 1954 (машинопись).

[2] Большое количество примеров в этой диссертации позволяет, отсылая к ней читателя, в дальнейшем сокращать иллюстрации в тех частях настоящего раздела, которые посвящены описанию построений, образуемых соединениями форм одного и того же слова или форм слов одного корня. Впрочем, обилие материала не всегда является достоинством этой работы: в ней часто рассматриваются совершенно различные явления языка, объединенные только тем, что в них что-то «повторяется». Но наличия повторения — в самом недифференцированном, по-существу нетерминологическом значении этого слова — недостаточно для того, чтобы объединять в одном исследовании как единый объект изучения и собственно синтаксические повторения как особые конструкции (*идут и идут*; *мал-мал, а...* и др.), и разные типы словосочетаний (*яснее ясного*; *дыра на дыре*; *мошенник из мошенников* и даже *били, бьем и будем бить* или *написано и пишется*), и целые предложения (*будь, что будет*; *что будет, то будет*), и явления словообразования (*перво-наперво, вот-вот, еле-еле* и под.). Ср. столь же широкое и нетерминологическое понимание повторения в статье С. Д. Балухатого «Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи» («Изв. Самарского гос. ун-та», вып. 3. Самара, 1922), где никакие синтаксические категории в собственном смысле этого слова не рассматриваются.

описательной (аналитической) формы слова»[3]. Автор диссертации пытается убедить читателя в том, что повторение глаголов создает систему «подвидов» и таким образом «намного расширяет круг значений и их оттенков у видов русского глагола»[4]; что повторением существительных может быть выражена «категория субъективной оценки» (*вот праздник так праздник! эх дела, дела! дурак-дураком* и др.)[5] или «превосходная степень сравнения» (*мошенник из мошенников* и др.)[6], или даже морфологическая «категория типичности», «не замечаемая» современными грамматистами (*мастер как мастер*)[7].

Однако А. Е. Киселеву никак не удается доказать, что те повторения, которые он квалифицирует как особые аналитические формы слова, действительно представляют собою факт морфологии, а не синтаксиса. Наоборот, всеми своими приемами анализа он показывает обратное: ведь необходимость описывать интонирование, конкретные условия употребления диктуется именно синтаксической, а не морфологической природой данных сочетаний; выявляемые в тех или иных повторениях значения оказываются значениями отнюдь не морфологическими, а модальными; обильно представленные в диссертации материалы свидетельствуют о том, что изучаемые лексические повторения возникают не в системе форм слова, а в строе предложения. Поэтому проводимое автором противопоставление таких повторений повторениям «синтаксическим»[8] оказывается неубеди-

[3] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 38. См. также стр. 33—34, 35, 39, 65, 73, 100—102, 150, 153, 184, 245, 247; автореферат диссертации, стр. 3—5, 14 и др. Пытаясь обосновать этот тезис, А. Е. Киселев отступает от истины, утверждая, что «в большинстве случаев компоненты таких лексических повторений локально не разъединены, а выступают вместе (есть исключения, стилистически оправданные)» (дисс., стр. 12). Между тем для большинства сочетаний внешняя раздельность компонентов в предложении — обычное явление, определяемое именно синтаксической природой данных сочетаний, например: *идут они и идут; говорила она говорила, причитала, причитала...; стар-то он очень стар, да...; читать-то эту книгу мы все читали; вот мастер наш Ваня так мастер! Ну, нельзя ехать, так нельзя* и т. п.

[4] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 37.

[5] Там же, стр. 113 и сл.

[6] Там же, стр. 119 и сл.

[7] Аналогичная точка зрения излагается в статье И. Г. Галенко «Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов» («Вопросы языкознания», кн. 1. Львов, 1955). Разные типы синтаксических повторов автор относит к формо- и словообразованию, усматривая в них средство образования видовых оттенков, словосложения и т. д. (ср., например, замечание о том, что сочетаниями типа *пишет-пишет* образуется «усилительный подвид несовершенного вида» и что сочетания эти «приближаются к сложным словам» (стр. 52).

[8] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 12, 29, 104.

тельным; и те повторения, которые называются в диссертации формообразовательными, и те, которые считаются «синтаксическими», в действительности возникают в предложении и представляют собою разнообразные типы синтаксических конструкций с очень многообразным кругом значений; к системе форм слова они не имеют никакого отношения. Не случайно в диссертации А. Е. Киселева тому или иному сочетанию постоянно приписывается значение того предложения, в котором это сочетание функционирует. Вот некоторые примеры. В работе утверждается, что в предложениях типа *Бежит-бежит да остановится* сочетанием *бежит-бежит* выражается «прерывистая длительность»[9]; однако ясно, что само по себе это сочетание обозначает просто длительное действие; «прерывистость» же этого действия показана формой всего предложения. То же самое относится к сочетаниям типа *поспит-поспит...*; они обозначают недлительное действие (по терминологии А. Е. Киселева — «ограниченную длительность»), но отнюдь не «прерывистую длительность»; значение прерванности выявляется в форме целого предложения: *Поспит-поспит и проснется*. Сочетания типа *лошадь и лошадь* («Посмотреть на него [лося] с одной стороны — покажется он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь...»), по мнению А. Е. Киселева, обозначают «полноту сходства двух предметов или явлений» и представляют собою «самостоятельную сравнительную конструкцию, а именно сказуемое-сравнение»[10]; между тем сочетание типа *лошадь и лошадь* само по себе не обозначает сравнения: оно имеет значение соответствия «норме», образцу; сравнение же устанавливается средствами целого предложения или более сложными условиями контекста.

Таким образом, богатый материал в диссертации А. Е. Киселева рассматривается с ошибочных позиций: специфические конструкции, возникающие в предложении, объявляются формами слов; синтаксические значения этих конструкций искусственно подводятся под значения тех или иных морфологических категорий[11].

---

[9] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 56 и сл.

[10] Там же, стр. 148.

[11] В написанной по материалам диссертации статье «О некоторых случаях выражения модальности в русском языке» («Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XXIII. Симферополь, 1957) А. Е. Киселев коренным образом изменил свою точку зрения: он видит в повторениях уже не «формы слов», а просто «выражения», «повторения», несущие в себе «некоторые модальные значения». В этой статье А. Е. Киселев уже не вспоминает о своем прежнем понимании описываемых явлений и никак не оценивает свою прежнюю точку зрения, излагавшуюся им

Сказуемые и предикативные основы предложения, образующиеся соединениями полнозначных слов, характеризуются общим кругом модальных значений, которые могут быть объединены в четыре большие группы: 1) значения протекания во времени (признак характеризуется со стороны длительности его выявления, эпизодичности или непрерывности, постоянства и т. п.); 2) значения качественной характеристики (признак характеризуется со стороны интенсивности или неинтенсивности проявления, определенности или неопределенности, произвольности или подготовленности, исключительности, распространенности на ряд объектов, а также со стороны своей «сложносоставности»); 3) значения соотнесенности с другими признаками (признак характеризуется как зависящий от другого, сопоставляемый с ним, вызванный другим признаком или как подчеркнуто независимый, проявляющийся вопреки наличию других, не способствующих ему признаков, противопоставляемый им); 4) значения акцентирования и оценки (признак характеризуется как категорически утверждаемый, принимаемый или допускаемый, соответствующий «норме», безразличный со стороны своего результата и др.). Обязательное присутствие тех или иных из этих значений объединяет предикативные единицы — сочетания полнозначных слов с предикативными единицами, строящимися с участием частиц и междометий, а также с фразеологизированными типами построений.

БЕССОЮЗНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Бессоюзные сочетания полнозначных слов, образующие сказуемые или предикативные основы предложения, разнообразны. Многие из них отмечались исследователями [12], но вся система

в диссертации и получившую критическую оценку в печати (см.: «Вопросы языкознания», 1956, № 2, стр. 77).

[12] См., например: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. II. Харьков, 1874, стр. 131, 401, 403—405; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, § 206[1], стр. 187; В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке. Материал для словаря русского языка. Приложение к I вып. VIII тома «Словаря русского языка», изд. II Отд. АН СССР. Л., 1927, стр. 69—70; А. И. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 194—196; Н. Ю. Шведова. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке. В кн.: «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955; А. Е. Киселев. Лексическое повторение...; И. Г. Галенко. Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов. Об «удвоениях» в говорах см.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 41—45.

их в целом не описана. Между тем бессоюзные сочетания как формы предикативных единиц представляют собою в русской речи огромный массив живых, богатых значениями и активно функционирующих синтаксических конструкций. Основную массу их составляют сочетания слов, относящихся к одной и той же грамматической категории; внутри выделяются сочетания лексически не ограниченные, лексически ограниченные и сочетания с лексически незаменяемым компонентом. Значительно меньше по объему и менее активна группа конструкций — сочетаний слов, относящихся к разным грамматическим категориям.

Сочетания слов, относящихся к одной и той же грамматической категории

ЛЕКСИЧЕСКИ НЕ ОГРАНИЧЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ

1. Внутри лексически не ограниченных сочетаний едва ли не самую большую группу составляют сочетания одинаковых форм одного и того же глагола или имени, характеризующиеся двоякой интонацией: или слитным и убыстренным произнесением обеих форм с подчеркнутым акцентированием первого слова: *ду́мал*↑*ду́мал*, *кричи́т*↑*кричи́т*, *стра́шно*↑*стра́шно*[13] или произнесением их с паузой, с выделением и растяжением ударенного слога каждой формы: *ду́мал*↓ *ду́мал*, *кричи́т*↓ *кричи́т*, *стра́шно*↓*стра́шно*. Такие сочетания несут в себе особые значения и оттенки значений. Это было отмечено еще А. А. Потебней, который писал: «Усугубление в речи одного и того же слова дает новое значение объективное или субъективное. Первое — когда при сравнении итога с отдельным слагаемым заметна разница в признаках обозначаемого; второе, когда итог указывает на изменение состояния самого говорящего, именно, когда повторение слова или оборота вызвано

---

[13] Интонационная нераздельность такого сочетания отмечена А. М. Пешковским, который писал, что черточка в сочетаниях типа *ходил-ходил* есть «знак слияния», означающий «особую ритмическую цельность соединенных элементов» (А. М. Пешковский. Знаки препинания и научная грамматика. В кн.: А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. М., 1914, стр. 44).

чувством, замедляющим течение мысли, напр. гневом, который располагает к тождесловию»[14]. «Объективные значения» таких сочетаний и должны привлечь внимание грамматиста.

Как показывают материалы, отмеченное выше различие в интонировании данных сочетаний не влечет за собой различия в их общих значениях или в условиях их функционирования[15]. В то же время можно отметить тенденцию к слитному и убыстренному произнесению этих сочетаний тогда, когда они обозначают длительный, но прерываемый признак (*ду́мал*↑*ду́мал и надумал*) и тенденцию к произнесению их с паузой и растяжением ударенных слогов тогда, когда эти сочетания обозначают длительный непрерываемый признак (*я ду́мал*↑*ду́мал...*). Однако следует подчеркнуть, что это — лишь тенденция, но не правило; многочисленны и вполне закономерны произнесения типа *ду́мал* ↑ *ду́мал и надумал* и, с другой стороны, *я ду́мал*↑*ду́мал*... Помимо этого различия существует еще одно, впрочем, также не распространяемое на все случаи употребления по-разному интонируемых сочетаний. Различие это следующее: убыстренно и слитно произносимое сочетание может приобретать оттенок значения интенсивности проявления признака: *ду́мал*↑*ду́мал* — значит «долго и напряженно думал»; ср. еще *мы́л*↑*мы́л* (долго) и *мы́л*↑*мы́л* (долго и напряженно, энергично); *пла́кал*↑*пла́кал* (долго) и *пла́кал*↑*пла́кал* (долго и сильно). Поэтому есть случаи, когда слитное и убыстренное произнесение невозможно в силу лексического значения глагола или содержания высказывания. Так, в предложении *Я думал, думал без конца* убыстренное слитное произнесение невозможно потому, что здесь имеется лексическое указание на собственно длительность процесса («без конца»). В предложении *Страх въедался в детей, рос, рос* (Гл. Усп., Нравы Растер. улицы, III) само лексическое значение глагола указывает на постепенное и длительное

---

[14] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899. стр. 552.

[15] Не случайно С. Д. Балухатый писал, что такие сочетания, служащие для выражения «длительности действия», представляются «неясными в ритмическом отношении». Впрочем, его пример: «До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она *спит, спит*» (Чехов, Степь) вызывает сомнения; здесь повторение скорее обозначает не длительность, а полноту и интенсивность выявления признака, его исключительность; интонирование *спи́т* ↑ *спи́т* здесь исключается (см.: С. Д. Балухатый. Некоторые ритмико-синтаксические категории русской речи, стр. 24).

нарастание; произнесение *рóсТрӧс* здесь исключено (но оно возможно при наличии значения прерванности: *рóсТрӧс да и вырос*).

В книге «Русское правописание» А. Б. Шапиро относит сочетания типа *ходишь-ходишь* к сложным словам. Основания такого отнесения неясны и автором не излагаются. Отмечая, что такие «сложные слова» «произносятся без паузы между их составными частями и с одним основным ударением (при этом возможно и второстепенное ударение на одной из составных частей)», А. Б. Шапиро далее пишет: «Некоторые случаи объединения одинаковых слов в сложное слово с целью усиления значения внешне близки к случаям повторения, вносящего значение многократности или длительности. Так, в предложении: „Я его *просил-просил*, а он не соглашается“ *просил-просил* означает „усиленно просил“; в предложении: „Я его *просил-просил*“ — другое значение: „не раз просил“. То же в предложении: „А зуб все *болит, болит*“ — здесь говорится о длительной боли. Значение повторяемости находим также в предложениях типа „За теми деревнями *леса, леса, леса*“ (М.-Печерский), т. е. одни леса сменяются другими. Указанные различия в значениях находят отражение в интонации соответствующих слов (во втором случае — интонация перечисления)» [16]. Однако обследованный большой материал не подтверждает тезиса о том, что *проси́л Тпроси́л* означает «не раз просил»; ведь даже следующий пример (*боли́т Тболи́т*) уже исключает возможность такого понимания сочетания данного типа; с другой стороны, и *проси́л Т просӥл* означает не просто «усиленно просил», а «длительно и усиленно просил» [17].

1) Основное значение описываемых бессоюзных сочетаний — значение длительности и постоянства предикативного признака,

---

[16] А. Б. Шапиро. Русское правописание, М., 1951, стр. 122.

[17] Замечания А. Е. Киселева («Лексическое повторение...», стр. 50—51, 100) о том, что в предложениях типа *Хвалили-хвалили, но камень все-таки приберегали* повторение может выражать уступку, носит слишком общий характер. Ссылаясь на мысль Потебни об уступительном значении повторения в народной песне [«Заинька, повиляенька! Ты виляй-виляй (уж как ты ни виляй), не отвиляешься»], А. Е. Киселев не отмечает различия в интонировании повторений, выражающих простую длительность, и повторений, выражающих уступку. Интонирование первых двояко: *хвали́ли Тхвали́ли* или *хвали́ли Тхвалӥли;* интонирование вторых: *хвали́ли Т хвалӥли* (при повторении немногосложного слова возможно перенесение акцента на вторую форму: *умён-умéн, а...*).

«сплошь» заполняющего собою значительный промежуток времени [18]. Ф. И. Буслаев видел здесь повторение «для выразительности» [19], однако этим определением не раскрывается грамматическое значение такого повторения. Прав был Потебня, писавший о «повторении (удвоении, утроении, в отличие от анафоры и пр.) слова» как о «средстве синекдохического представления продолжительности действия, интенсивности качества, множества вещей» [20]. В сочетания с этим значением, естественно, чаще всего вступают формы глаголов несовершенного вида, обозначающих конкретное действие, движение, восприятие или внутреннее состояние; поскольку такие сочетания — характерная принадлежность повествовательного монолога, постольку здесь наиболее употребительны формы прошедшего времени и настоящего в разных его значениях (кроме значения совпадения с моментом речи); в формах будущего времени и в сложном сказуемом повторяется инфинитив.

Обычно употребление данных сочетаний при обозначении такого длительного и «сплошного» предикативного признака, который сменяется или прерывается другим, недлительным признаком. Этот сменяющий признак обозначается или вторым сказуемым (при однородности), или следующим далее предложением — подчиненным, сочиненным или самостоятельным [21].

Сапожник *бился, бился* и наконец за ум хватился. Крылов, Откупщик и сапожник; [Большов] Вот так-то и все: *жил, жил* человек, да вдруг и помер... (Остр., Свои люди — сочт., 3, I); ... Старики-то *копили-копили, старались-старались*, и все это прахом!.. (Горбунов, Мысли вслух на парад-

---

[18] Поэтому как не отвечающее норме языка следует признать такое употребление этой конструкции у Г. Успенского: ...Кухарка назвала меня в ту пору «волчий рот». И так я набрасывался, так набрасывался, до забвения доходил. *Отъедался-отъедался* я тут быстро, поспешно: вся прислуга у них очень торопливо отъедалась и щеки нагуливала. (Гл. Усп., Разоренье, I, 1). Бессоюзное сочетание форм глаголов несовершенного вида не может обозначать «быстрого», «поспешного» действия.

[19] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II]. Изд. 5, М., 1881, § 173, стр. 105.

[20] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III, стр. 562. Ср. еще: «Повторение слов означает... продолжительность или повторение действия: *жили, жили, а стыда не нажили; еду, еду, следу нету — режу, режу, крови нету* (лодка)» (В. Водовозов. Формы предложений в русском народном языке. «Учитель», 1866, т. VI, № 15—16, стр. 552).

[21] Здесь и дальше в примерах абзацем разделяются случаи употребления описываемого сочетания в сказуемом и в предикативной основе односоставного предложения.

ном подъезде); — Господи! *Жили-жили, радели-радели,* и нутка, ступай теперь вон, говорят! (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, III); Улита *ехала-ехала,* да наконец и приехала. Синица *хвасталась-хвасталась,* да и в самом деле моря не зажгла (С.-Щ., Богатырь); — *Злился-злился* я, *бесился-бесился,* да однова подгулял и махнул в арендателя камнем... (Гл. Усп., Разоренье, I, 2); — *Мучился-мучился* человек, *думал-думал,* колебался, не знал, как решить... И вдруг — раз! — и открылось... (Соболев, Зеленый луч, 3).

— Вот воротился я и стал дознаваться в канцелярии... *Рылись, рылись, копались, копались,* и наконец того, уж кой-как да кое-как и дорылись до корня (Гл. Усп., Маленькие недостатки механизма); Погнал я лошадь; *еду, еду* — все выезду нет. Все лес. Думаю, шуба на мне плохая, замерзнешь. *Ездил, ездил,* нет дороги и темно (Л. Толст., Как дядя Семен рассказывал про то, что с ним в лесу было); — В наше время жених-то приехал в дом, поглядел невесту издальки, а потом тебе и свадьба. А нынче, *тянут-тянут, ходят-ходят, говорят-говорят* по-умному-то, а глядишь — дело и рассохлось... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 2, IX); — Самый отвратительный клиент. *Штрафуем, штрафуем,* а наладить быструю погрузку они никак не могут (А. Рыбаков, Водители, 2, 12).

Сочетание двух одинаковых глагольных форм может повторяться; этим подчеркивается общее значение длительно проявляющегося и «сплошного» признака; глагольные формы при этом произносятся слитно, а сочетания разделяются паузами.

Сижу я и *жду-жду, жду-жду;* приезжает генерал... (Лесков, Воительница, 5).

— ...*Искала-искала, искала-искала,* — нет! Сгинул да пропал (Дост., Униженные и оскорбл., I, XII).

А. Е. Киселев видит в сочетаниях типа *слушал-слушал* значение «малой степени ограниченности» [22]. Но в самом сочетании значения ограниченности нет; оно вносится в предложение вторым сказуемым или следующим далее предложением [23]. Однако указание на прерванность, сменяемость признака при употреб-

[22] См. А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. М., 1954, стр. 7. Автореф. канд. дисс.

[23] Такое употребление попутно отмечено А. Х. Востоковым: «...Знак мыслеотделительный [или черта (—)] ставится: ...2. Пои неожиданном переходе в речи: напр.: Он смотрел, смотрел, — и отскочил в ужасе» (А. Х. Востоков. Русская грамматика. Изд. 10, СПб., 1859, § 153, стр. 225).

лении данных сочетаний как бы обязательно ожидается, и два сказуемых, обозначающих признаки длительный и недлительный, могут восприниматься в плане временно́го соотношения как нечто целое, ср.:

— А поп *вдруг говорил, говорил о чем-то и спрашивает*: «А почему сие важно в-пятых?» (Лесков, Шерамур, 11).

Бессоюзными сочетаниями типа *думал-думал* может обозначаться «сплошной» и заполняющий собою длительный промежуток времени признак и вне отношения к другому, сменяющему его недлительному признаку[24].

— Я на старости, горемычная, *мыкаюсь, мыкаюсь* с ним... (Гонч., Слуги старого века, III); — Сижу себе, грущу, да и *плачу-плачу*, слез удержать не могу (Дост., Униженные и оскорбл., 1, XII); Встала Катерина Львовна, села на постель, *целовала, целовала* Сергея, *миловала, миловала* его... (Лесков, Леди Макбет Мценского уезда, 6); — Так она *таскала-таскала* ее за косы, инно жалость меня взяла. (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Аринушка); — Вы тут? А я *искал-искал*, хотел проститься... (Чехов, Верочка); — Мы вас *ждали-ждали* после победы! Никак не верили, что вы не вернетесь (Пауст., Ночь в октябре).

[Стеша] Уж и в самом деле, барышни, вам от нее житья нет вовсе. *Муштрует, муштрует*, как солдат на ученье... А уж надо мной-то *измывается, измывается* — одной только чистотой одолела (Остр., Доходное место, 2, I); — *Думаешь-думаешь, оправдываешься-оправдываешься*, а на дне души все что-то повторяет: виновата, виновата, виновата... (Гаршин, Трус); — На самой заре встанешь и *топчешься-топчешься* по избе: и воды надо принесть, и печь растопить... (Пауст., Кордон «273»).

Ср. то же значение в соединении сказуемостно значимых сочетаний:

— А в трактире Вася *рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой*... (Чехов, В Париж!); [Митрич] Ну, взял я ее, да *по головке, по головке*. А шаршавая, как еж. Гладить, гладить — затихла (Л. Толст., Власть тьмы, 4, 2, III [вариант]).

В номинативных предложениях выступает значение полноты, исключительной распространенности признака.

— Представь ты себе высокие-высокие горы, на тысячу раз выше, чем церковь... Наверху *туман, туман, туман*... Внизу громаднейшие *камни, камни, камни*... (Чехов, Длин-

[24] Об «усилении» как функции таких сочетаний см.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 557, стр. 486.

ный язык); Снова засвистело в ушах, снова — *поля, поля* (Троепольск., Один день).

Трехкратным повторением акцентируется общее значение сочетания.

[Фамусов] Сергей Сергеич, запоздали: А мы вас *ждали, ждали, ждали* (Гриб., Горе от ума, 3, 12); — Я все это думаю и *курю, курю, курю* (Л. Толст., Крейц. соната, XX).

[Хлестаков] И в ту же минуту по улицам *курьеры, курьеры, курьеры*... Можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! (Гоголь, Ревизор, 3, VI); — Как приехали, и давай пить, давай пить... *Пили—пили—пили!* (Мамин-Сиб., Золотуха, XI).

В бессоюзное соединение могут вступать два сочетания форм, соединенных союзом. Значение здесь — то же, что и у обычных сочетаний, описанных выше.

— Что ему, псу несытому, делается! *Ест да пьет, ест да пьет!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII); [Кухарка] Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью — свое. *Ест и запивает, ест и запивает* (Л. Толст., Плоды просвещ., II, 5).

Если предложение, в котором функционирует бессоюзное сочетание глагольных форм, имеет в своем составе частицу *уж* (начинающую собой предложение или следующую за находящимся в абсолютном начале предложения подлежащим), то бессоюзное сочетание со значением длительности совмещает значение интенсивного проявления признака.

— *Уж* он *ходил, ходил*, братцы мои — нет! не может найти дороги... (Тург., Бежин луг); Сел за стол. *Уж* он *писал, писал*, бормотал все что-то, вскочил потом нахмуренный такой (Л. Толст., Записки маркера); — И по ночам, знаете ли, ходила вдова княгиня на могилку и плакала. *Уж* она *голосит-голосит, уж* она *стонет-стонет*, и такую на нас тоску нагоняла, что не спим да и все (Чехов, Печенег).

— Что за манера! *Уж сидели, сидели!* — сказала графиня, проводя гостей (Л. Толст., Война и мир, I, 1, XII); — Побито народа что, господи! — продолжал он, изменив голос. — *Уж возили-возили* с той стороны... (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова, VIII).

Входящие в сочетание глагольные формы могут быть разделены: а) подлежащим или б) подлежащим и дополнением, только дополнением, либо дополнением и обстоятельством. Этим не нарушается конструктивная цельность сочетания и даже до некоторой степени — его интонационная цельность: все сочетание произносится обычно убыстренно, с акцентированием вто-

рой формы; на слове, разделяющем глагольные формы, ударение ослаблено.

В сказуемом.

а) — *Терпел я терпел* — невмоготу стало, думаю: — утоплюсь (Горбунов, Дьявольское наваждение); — Сердце мое предчувствовало, когда посылала; *ныло* оно, *ныло*, ныло-ныло! (Дост., Униженные и оскорбл., 2, IV); — Ну-с, *ехали* мы, *ехали*, кружились-кружились, и этак к полночи наши кони уперлись в ворота имения... (Чехов, То была она!).

б) [Жареный] Доктора эти *мяли* меня, *мяли*... (Горбунов, На реке, V); — *Слушал* он меня, *слушал*, и все не отвечает ни слова (С.-Щ., Губ. оч., Владимир Константиныч Буеракин).

В предложении.

— *Ждали* вас, *ждали* к обеду-то... ведь двое суток не были!.. (Дост., Униженные и оскорбл., Эпилог); — *Били* тебя на службе, *били*, а ты все-таки не знаешь, в какой день пятница бывает (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, XI).

В бессоюзное сочетание могут вступать глагольные формы, усиливающиеся союзной частицей *и*.

— Что это за кросс, скажите пожалуйста! *И шпарит, и шпарит*... (Павленко, Голос в пути).

Итак, основное значение бессоюзных сочетаний типа *ходил-ходил* — значение длительного признака: в зависимости от условий функционирования сочетания это значение может осложняться теми или иными добавочными оттенками [25].

2) Другое значение бессоюзных сочетаний форм глаголов несовершенного вида — редко встречающееся значение прерывистого действия с оттенком некоторой неопределенности. Сочетания с этим значением функционируют обычно как бесподлежащные определенно-личные предложения; произносится такое сочетание слитно.

— Прошло это с месяц, *смотрю, смотрю*, — моя барыня квартиру сняла: «жильцов, говорит, буду пущать» (Лесков, Воительница, 3); — Стала это я его потчевать, а сама так вот и взлетываю... *Хочу-хочу* чашку ему подать, а руки-то кверху, а сама-то я в сторону (Гл. Усп., Будка, 2).

3) Третье значение изучаемых бессоюзных сочетаний — значение интенсивно проявляющегося признака; оно выявляется в сочетаниях а) имен и б) предикативных наречий, преимуще-

[25] О бессоюзных сочетаниях в народных говорах см.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 41—43.

ственно — в односоставных предложениях. Произносится такое сочетание всегда слитно, с усиленным акцентированием первой формы.

а) ...Птички уже поют в лесу, заря на востоке, *розовая-розовая*, *воздушная-воздушная*, плакать хочется, такая милая заря (Панова, Спутники, 1, 2).

б) Она сказала, что время вернуться, и мне *жалко, жалко стало* ее, бедняжку (Л. Толст., Семейное счастье, 1, III); — Грязно у них? Вася наморщил лицо: — *Грязно-грязно*! И на полу и везде! (Макаренко, Кн. для родителей, 6) [26].

4) Наконец четвертое значение изучаемых сочетаний — воспроизведение неодобрительно оцениваемой чужой или прежней своей речи. Между членами сочетания проходит интонационное членение. В такие бессоюзные сочетания могут вступать слова любой категории.

— Толкуют — *просвещенье, просвещенье*, а это просвещенье — фук! (Гоголь, М. д., 1, V); [Агафья Кондратьевна] Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, — а то *приедет, приедет*, а бог знает кто приедет (Остр., Свои люди сочт., 3, III).

— Ну, товарищи, кажется, с весны начнем строиться... Сопин не поверил: — А долго так будет казаться? *Строиться, строиться*, а потом скажут — денег нет (Макаренко, ФД-1, 12).

2. Бессоюзные сочетания двух одинаковых форм глагола совершенного вида, произносимые слитно, с акцентированием первой формы (*посмотрю͡ˊ↑посмотрю͡*, *залáет↑залáет*), имеют свой круг значений.

1) Основную группу здесь составляют сочетания глаголов с приставкой *по-* со значением недлительного действия. Это глаголы, обозначающие конкретное действие, движение, пребывание в состоянии, речь, мысль или восприятие. Заложенное

---

[26] Значение интенсивности свойственно бессоюзным сочетаниям и вне предикативной функции: [Хрептюгин] *Очень-очень* вам благодарен, Леонид Сергеевич! утешили вы меня... (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, VIII); *Редко, редко* выдавались короткие спокойные периоды (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, VII). Здесь может иметь место и частичная лексикализация, например: *мнóго-много, тóлько-только, бéдно-бедно*. Ср.: Не забудьте одно, за то, что вы шумели, и за то, что вы лжете, — *много, много* вас посадят в карцер... (Герцен, Былое и думы, 1); Ан дерево-то *бедно-бедно*, в двадцати рублях пойдет (С.-Щ., Господа Головлевы, Выморочный); ...Рано там делать нечего, так как хлеб *только-только* «подошел» и поутру будет сыроват для уборки (Троепольск., Игнат с балалайкой).

в приставке значение ограниченности во времени усиливается повторением глагольной формы, и все сочетание получает значение ограниченного во времени, недлительного признака. Вслед за таким сочетанием всегда следует другое сказуемое (или — в односоставном предложении — предикативно значимое слово), которое обозначает действие, сменяющее, прерывающее собой первое (*посмотрю-посмотрю и пойду*); указание на прерванность может также содержаться в следующем далее предложении (*Послушал-послушал... Собака залаяла*).

— Выходили ему места — *посмотрят, посмотрят* господа на него и не берут (Гонч., Слуги старого века, IV); — ... Смотрю: новый барин какой-то в дверь вошел, *посмотрел, посмотрел*, да и сел на диванчик (Л. Толст., Записки маркера); [Шелавина] Достались мне акции да билеты; вот я *поверчу, поверчу* их перед глазами, да опять положу... (Остр., Без вины виноватые, 1, 3); *Подумал-подумал* Иванко и вспомнил, как накануне вечером Оксютка шептала... (Бажов, Иванко-Крылатко).

...Начальник всегда затрудняется, как отозваться о его труде; *посмотрит, посмотрит, почитает, почитает*, да и скажет только: «Оставьте, я после посмотрю» (Гонч., Обл., 1, II); ...Знобит всего, на печке лежу. *Похожу-похожу* по двору, на улицу загляну и опять на печь лягу (С.-Щ., Пошехонск. старина, XII).

Возможна внешняя раздельность компонентов.

— *Постоял* я тут, *постоял*, а потом опять говорю: — Простудитесь, барышня, — холодно ведь (Короленко, Чудная, II).

2) Другая группа сочетаний двух одинаковых форм глаголов совершенного вида — это сочетания со значением эпизодичности, прерывистости, нерегулярной повторяемости; словообразовательных или каких-либо внутрикатегориальных ограничений здесь нет. Интонация двоякая: или слитное произнесение обеих форм, или раздельное, с незначительной паузой между ними.

...Только все как будто собачка эдак *залает, залает* где-то... (Тург., Бежин луг); Костылин все отстает и охает. Жилин *шикнет-шикнет* на него, а сам все идет (Л. Толст., Кавказск. пленник, V).

[Глафира Фирсовна] ...Лежит, как мертвая; *опомнится, опомнится* да опять глаза заведет (Остр., Последняя жертва, 5, VIII); — И все-то мне мило — и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка... Все — точно родные, друзья дорогие, кровные... *Гляну-гляну* — страсть какое разорение, а у меня

только дух бодрей... (Гл. Усп., Власть земли, II); — Откуда вот эти гвозди? *Наколю-наколю* руки, *наколю-наколю*... (Из разг. речи).

3) Отсутствуют какие-либо словообразовательные или внутрикатегориальные ограничения и у сочетаний со значением интенсивного действия; впрочем, здесь отмечается преимущественное употребление глаголов с начинательным значением. Такие сочетания, так же как и сочетания предыдущей группы, могут произноситься с двоякой интонацией.

Только заведет глаза, а ветерок *заюлит, заюлит* в прореху и опять разбудит (Лесков, Несмертельный Голован, 6); Тетя Даша взволнованно *зашептала, зашептала*, вскочила, уронив стул... (Каверин, Два капитана, I, 10).

— Я тогда деньги-то пропил, ведь это все от скуки. *Накатило, накатило* на меня. Думаю: дай, пьян нарежусь (Л. Толст., Хаджи Мурат, II); — Пуще всего — работать ничего не мог. На пашню поглядит — *зальется-зальется* (Гл. Усп., Власть тьмы, IX); — *Разлетится, разлетится*, по щеке — хлоп! (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, III); — *Понес, понес* свою философию: «Есенин — это красота умирания!» (Макаренко, Кн. для родителей, 6).

3. Слова любых категорий образуют сочетания двух слитно произносимых форм, обычно с подчеркнутым акцентированием первой формы и с общей интонацией незаконченности: *мáл-мáл* (*а понимает*); *шутú-шутú* (*да оглядывайся*); *учéн-учéн* (*а здесь промахнулся*); *старúк-старúк* (*а туда же*). Такие сочетания употребляются только как первая часть сложной конструкции, части которой соединены противительными отношениями: значение сочетания — акцентирование признака при уступительном противопоставлении[27]. Наиболее типическое употребление их — при противопоставлении признаков, выявляющихся в одном временно́м плане.

— Послушай, отец лекарь, ты *шути, шути*, только пропорцию знай: ты помни, что я духовная особа! (Лесков, Соборяне, 1, 7); Яшка *слепыш-слепыш*, а тоже разглядел эту деваху... (Бажов, Травяная западенка); — Она, Дуся-то, *смирная, смирная*, да только до поры до времени... (А. Вальцева, Дуся).

---

[27] В цитировавшейся выше статье И. Г. Галенко смешивает такие построения с сочетанием типа «Он *скоро-скоро* оправдается», «*далече-далече* во чистом поле» (стр. 47).

[Кудряш] Ишь ты! *Смирен, смирен*, а тоже в разгул пошел (Остр., Гроза, 3, 2, II); — *Портной, портной*, а какой отчаянный! (Станюк., Человек за бортом, VII); — *Скромна, скромна*, — подумала она, — а уж точно львица (Тург., Дворянское гнездо, XL); — *Глуп-глуп*, а смотри, как исподтишка мать козыряет! (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейный суд); — Людей морить разве порядок? — *Арестант-арестант*, а все человек, — говорили в толпе (Л. Толст., Воскресение, 2, XXXVI); — *Дурак-дурак*, а умный. Гляди, как ловко сообразил! (Т. Тэсс, Дальняя дорога).

Значительно реже имеет место употребление данных сочетаний для обозначения акцентируемого признака, противопоставляемого другому в разных временны́х планах.

Правда, что она до сих пор не знала ни малейшей хворости, но ведь бог в смерти и животе волен. *Здорова, здорова* — и вдруг больна (С.-Щ., Пошехонск. старина, X); — То *хорош, хорош*, а случись что — все на тебя навалятся... (А. Рыбаков, Водители, 1, 3).

Во всех случаях значение самого сочетания — только акцентирование признака; значение уступительного противопоставления заложено не в бессоюзном сочетании, а в той сложной конструкции, в которой это сочетание обязательно употребляется. Поэтому неверно, что это «повторения чисто уступительные»[28].

4. Большую группу лексически не ограниченных бессоюзных сочетаний составляют слитно произноси́мые (традиционно ставящаяся запятая не показательна) соединения двух одинаковых форм разных глаголов[29]. Описанию таких сочетаний — в числе сочетаний, строящихся и с другими частями речи, посвящена статья Н. Боровской[30], изучающей «геминацию слов», т. е. случаи «сопоставления» двух слов, относящихся к одной и той же части речи и составляющих семантическое и морфологическое или же семантическое, морфологическое и фонетическое целое.

---

[28] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 12 (автореф.).

[29] Необоснованным является рассмотрение таких сочетаний как «однородных сказуемых» или «сочетаний сказуемых, выражающих собой одно понятие», в работе Е. А. Гузуновой «Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии». Л., 1952, стр. 13—14. (Автореф. канд. дисс.).

[30] N. Borowska. Redoublement des mots dans la poésie populaire russe (á propos du recueil des chansons de geste onégiennes). Lingua posnaniensis, III, 1951. — О повторениях имен и о разных типах «сложений» в славянских языках см. также: Fr. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 378 и сл.; B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, III Teil. Strassburg, 1900, гл. XL, § 79 и 82.

Среди предикативно значимых сочетаний двух одинаковых форм глаголов выделяется несколько групп с разными значениями [31].

1) Сочетания со значением действия, качественно характеризуемого через другое действие. Сюда относятся такие сочетания, как *хохочет-заливается, разливается-плачет, работает-убивается, помираю-хохочу, убивается-плачет, прошел-протанцевал, живет-ухитряется* и под. Значение качественной характеристики вносится здесь лексическим значением одного из глаголов. Поэтому в сочетаниях этой группы может намечаться некоторое семантическое ограничение со стороны характеризующего компонента. Порядок членов сочетания свободный.

— Вижу, маменька... *так и убиваются плачут* (Лесков, Соборяне, 2, 3); — Жизнь мою можно уподобить петербургскому климату: сегодня оттепель, с крыш льет, на улицах почти полая вода, а завтра двадцатиградусный мороз гвоздит. И однако же *живут-ухитряются* люди! (С.-Щ., Губ. оч., Горехвастов); Вока *заливался плакал* (Л. Толст., Нечаянно); Кто опять придумал вырезать девушку с корзинкой груздей, кто свою собачонку Шарика *лепит-старается* (Бажов, Чугунная бабушка).

И *заливается-хохочет*, и усатый барин тоже хохочет (Л. Толст., Записки маркера); Смотритель велел по лесу искать — тоже не оказалось. И то сказать, *искали-не надсажались* (Бажов, Синюшкин колодец).

2) В отличие от сочетаний типа *плачет-заливается*, не обозначающих «сложносоставного» действия, сочетания типа *торчит- не шелохнется* [32], *слушает- не дохнет, плывет- не колых-*

---

[31] Вопросы стилистического значения повторений близких по значениям слов, а также функций таких повторений в произведениях народного творчества здесь не рассматриваются. См. об этом: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III, стр. 552—573; Ф. Миклошич. Изобразительные средства славянского эпоса. «Древности (Труды Славянской комиссии Моск. археол. о-ва)», т. I. М., 1895; В. Я. Пропп. Язык былин как средство художественной выразительности. «Уч. зап. ЛГУ», № 173. Серия филол. наук, вып. 20. Л., 1954; А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв. Л., 1949. Докт. дисс. (машинопись); там же — обзор литературы вопроса; см.: ее же. Язык былин. Статья 3-я. «Русский язык в школе», 1940, № 4; ее же. Язык русской поэзии (синонимия). «Труды Отд. древнерусской лит-ры Ин-та русской лит-ры АН СССР», VII. М.—Л., 1949; Т. А. Бертагаев. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. XXXIII, вып. 2. М., 1955.

[32] О значении формы будущего времени в сочетаниях типа *стоит детина не ворохнется* см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV. М.—Л., 1941, стр. 101.

нется, спит-похрапывает, донесла- не расплескала, умрет- не охнет обозначают два «накладывающихся» один на другой предикативных признака, из которых один является основным, а другой — сопровождающим и характеризующим; *спит-похрапывает* значит: «спит и похрапывает» и, в то же время «спит, похрапывая».

— Мы все *слушаем, не дохнем...* (Гонч., Слуги старого века, I); Эта же краля, как пошла, так как фараон *плывет-не колыхнется...* (Лесков, Очарованный странник, 13); Мертвый *лежит* на траве *не шелохнется*, и они сидят как мертвые (Л. Толст., Кавказск. пленник, IV); А он *себе спит-похрапывает* на холодке, под навесом (Бажов, Круговой фонарь).

[Чацкий] *Бегу, не оглянусь*, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок! (Гриб., Горе от ума, 4, 14); [Алексей] Его, братец ты мой, — как бы тебе *сказать не солгать*, — барин прогнал (Горбунов, Визит, II); — Как бы, кажется, в таких лесах *ходить- не заблудиться*! (С.-Щ., Губ. оч., Старец); — Ну поди, умница, спроси у бабушки Анны, в стакане, и *принеси, не расплескай...* (Л. Толст., Поликушка, XII); [Няня] Какое же молоко может быть, когда *ночи не спят, плачут*? (Л. Толст., Живой труп, I, 1, II); — Да ведь прямо только лощинку *проехать не сбиться...* (Л. Толст., Хозяин и работник, II); [Пепел] Возьмите вы нож, ударьте против сердца... *умру- не охну*! (Горький, На дне, I).

Ср. в народных песнях:

Говорит он *не мешается*,
В устах речь рассыпается.

(Свадебная песня) [33]

Поп тот запевается,
Дьякон в книгу зачитается,
Пономарь *звонит — мешается*.

(Бытовая песня. Рыбн., 3, 137)

В сочетаниях с данным значением возможно соединение глагольных форм разных видов и времен, но при обязательном условии совпадения общих временны́х значений.

— Что же, очень рад был? — спрашивал он. — Как же не рад! *Чуть не прыгает пошел* отсюда (Л. Толст., Анна

[33] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. 3. Изд. 2, под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910, стр. 37—38. Дальше сокращенно: Рыбн.

Каренина, 2, 5, XVI). Ср. в сказке: ...И так хорошо ему... нахлестали — *поехал домой на брюхе лежит* [34].

3) Не обозначают «сложносоставного» действия сочетания типа *беги-не стой, жили-не разводились, носи-не снимай* и под. Функция второй формы здесь приближается к тавтологическому повторению [35]; но в то же время второй глагол имеет и уточняющее, а иногда и характеризующее значение.

— Вот помру, — сказала Аграфена, — останутся эти сережки тебе. И ты их *носи, не снимай* (Пауст., Повесть о лесах, Мать и дочь). Ср.: — Я не одна. Бродяжка тут есть. *Носи-не-потеряй* прозывается... (Мамин-Сиб., Лётные, IX).

— Небось: лошади чужие, хомут не свой, *погоняй не стой*... (Пушкин, Кап. дочка, II); — ...Однако *жили не разводились* и восемь лет прожили (Лесков, Воительница, 6); Десять лет ему под этой любовью *ходить — не вырваться*... (Н. Грибачев, Рассказ о первой любви).

Ср. в сказке: Микита — шим-шим, выбрался, убежал, и *бежи не стой* (Онч., 91).

4) Сочетания типа *визжит-кричит, бросил-позабыл, задрожала-испугалась, стонет-кричит, заплакала-запричитала* обозначают «сложносоставное» действие как неразделяемое единство двух сходных, близких и полностью совмещающихся действий. Обычно такие сочетания лексически ограничены (см. ниже); однако возможны и свободные, лексически не ограниченные сочетания с данным значением.

— Что же ты меня совсем *бросил-позабыл*? (Лесков, Очарованный странник, 18); — Сосна на бору в ясный день *играет-звенит*... (Короленко, «Лес шумит», I); ...Ивовый лист — узкий, серебряный, вроде рыбки уклейки — *дрожал-блестел* в бегучей воде (Пауст., Дремучий медведь).

...Обеими руками глаза захватил, как обожгло их: *Стонет-кричит*: — Ой, батюшки, ослеп я! (Бажов, Малахит. шкатулка).

5) «Сложносоставное» действие как единство двух разных действий обозначают сочетания глаголов одного или разных видов типа *скачут-заливаются, поет-радуется, не понимают читают, сжалится-даст, не утерпит-сболтнет, спешу-одеваюсь, надулся- не ест, возьми убери* и под. Здесь выделяется несколько видов сочетаний в зависимости от их значения.

[34] «Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова». СПб., 1909, стр. 44. В работе цитируются сказки по записям Н. Е. Ончукова и А. А. Шахматова. Дальше сокращенно: Онч.

[35] А. А. Потебня видел здесь собственно тавтологию. См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III, стр. 565—566.

Полное совпадение двух действий, слияние их в одно сложное действие без каких-либо дополнительных оттенков обозначают сочетания типа *поют-радуются, скачут-заливаются* и т. п.

Подойдет к лесной опушке, овечку из стада попробует унести, — а собаки *так и скачут-заливаются* (С.-Щ., Бедный волк); В лесу-то хорошо. Пташки *поют-радуются*... (Бажов, Медной горы Хозяйка); ...Им надо объяснять слова, они *ведь не понимают читают* (Из разг. речи).

[Чацкий] Не образумлюсь... виноват. И *слушаю, не понимаю*... (Гриб., Горе от ума, 4, 14); — А ты что фордыбачишь! — придиралась она и ко мне. — Что *надулся, не ешь!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, IX).

Сочетания с этим значением произносятся с небольшой паузой и с акцентированием первой формы: *что надýлся Yне ĕ(ъ)шь?*

Оттенок целевых отношений наслаивается на значение одновременности или временнóй последовательности в сочетаниях типа *снеси продай, сниму выстираю, бери спрячь, спи ложись* и т. п. Основную массу здесь составляют сочетания, ограниченные со стороны первого компонента глаголом со значением движения (см. ниже); но возможны и лексически свободные сочетания, хотя свобода компонентов здесь относительная, поскольку первый глагол — всегда глагол конкретного действия.

— Где, — думает, — матери столько денег *взять* за меня *заплатить* (Л. Толст., Кавказск. пленник, III); — Дай-ка скуки ради почитать! — *Возьми читай*... (Чехов, Розовый чулок); — Не хватай штору руками! Думаешь легко ее *снимать стирать*! (Из разг. речи).

Ср. в сказке: — Это ты ночью овцу увез, в карты проиграл? — Нет, зернышком виноват (зерно *носил продавал)*, а овцу не трогал (Онч., 577); Ну, потом суседи пришли, у которых *просиў-ходиў*, им завидно стало... (Онч., 276).

Причинно-следственные и условные отношения сопровождают значение одновременности в таких сочетаниях, как *не вытерпел сказал, сжалился впустил, заторопился забыл.*

— Ты что, как мышь на крупу, надулся! — *не утерпит-прикрикнет* она на него (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейный суд).

Наконец значение одновременности может сопровождаться оттенком значения объектных отношений.

— ...Все вперед ушли; *попробуй* теперь *догони*! (А. Рыбаков, Водители, 1, 7).

Сочетаниям глаголов, описанным на стр. 43—47, посвящена статья А. Н. Гвоздева «Согласование глагола с глаго-

лом»[36]. Рассматривая сочетания типа *сели отдохнули, пошел получил, шли разговаривали, тороплюсь пишу, рассказывай садись, пойди купи, возьму поеду* и правильно отмечая, что они «относятся к разговорному жанру», А. Н. Гвоздев считает их «редким и своеобразным синтаксическим явлением русского языка».[37] Между тем явление это не редкое, а чрезвычайно распространенное, как и вообще всякие «удвоения»[38]. В статье указывается, что эти «обороты» «не допускают чтения с интонацией перечисления», что «запятой здесь ставить не следует; наличие запятой в литературных примерах часто не позволяет отделить данные сочетания от перечислительных (*смотрит, улыбается*)»[39]. В качестве специфических черт таких сочетаний отмечается возможность перестановки глаголов, поскольку они не обозначают последовательных действий, и возможная утрата одним из глаголов своего «полного лексического значения». Основная задача статьи — доказать, что в таких сочетаниях имеет место подчинение одного глагола другому: согласование в формах числа, рода, лица, времени, наклонения и вида. Однако представляется более правильным видеть здесь не подчинение одного глагола другому, а просто координацию форм[40]. Это подтверждается также тем, что формы времени могут в таких сочетаниях и не совпадать (*идет задумался, чуть не прыгает пошел, стоит не шелохнется, озяб бежит* и т. п.).

5. Анализируя конструкции типа *взять возьму*, А. А. Шахматов колебался при определении синтаксической природы препозитивного инфинитива и склонен был видеть в нем то «инфинитивно-глагольное безличное предложение», то «дополнительный глагольный член» при спрягаемом глаголе. В конце раздела «Инфинитивно-глагольные безличные предложения» Шахматов делает приписку: «Не оговорить ли антиципацию инфинитива: *Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив,*

[36] А. Н. Гвоздев. Согласование глагола с глаголом. «Русский язык в советской школе», 1930, № 2.

[37] Там же, стр. 55.

[38] Ср. Э. Сепир. Язык. М.—Л., 1934, стр. 59—60 (русский перевод).

[39] А. Н. Гвоздев. Согласование глагола с глаголом, стр. 55.

[40] Изучению таких сочетаний в народных говорах посвящена статья В. И. Собинниковой «Словосочетания с двумя формами глагола, связанными по способу подчинения» («Труды Воронежского гос. ун-та», т. 59. Воронеж, 1957, стр. 69—79). Автор видит в этих сочетаниях «особую форму связи (соотносительное подчинение)», отражающую «переходный момент в развитии примыкания» (стр. 78). Наличие подчинительной связи доказывается «смысловой стороной конструкции», «соответствующей (?) интонацией» и «обычным соседством частей конструкции» (стр. 69). Однако ни один из этих факторов не имеет отношения к грамматической связи подчинения.

мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Дядя Ваня, 1» [41]. С другой стороны, в разделе «Дополнительный глагольный член», после абзаца о предложениях с *чтобы* (*писал, чтобы он напоминал*), находится приписка: «Быть может, здесь сказать об инфинитиве при том же спрягаемом глаголе в наст., прош. или буд. вр. Спать я не хочу, — промолвил Полозов, грузно поднимаясь с кресла, — а *отправиться — отправлюсь.* Вешн. воды, XXXIV» [42]. Таким образом, вопрос о синтаксической функции инфинитива в сочетаниях данного типа не был для Шахматова решенным. Между тем, еще Потебня правильно отметил здесь полную слитность, неотделимость инфинитива от спрягаемой формы глагола. О сочетаниях *знать не знаю, ведать не ведаю* он писал: «...Неопределенное наклонение в русском просто усиливает отрицание глагола, перед коим оно стоит: „Я знать незнаю, ведать неведаю“ (т. е. вовсе, решительно незнаю)» [43]. Ван Хок в специальном исследовании, посвященном значениям русского инфинитива, пишет, что инфинитив здесь «имеет более или менее ясное условное значение», сопровождающееся добавочным значением подчеркивания, выделения [44]. Но изученные материалы убеждают, что условного значения инфинитив в таких построениях не имеет. Отрицание при спрягаемой форме — возможный, но не обязательный элемент такой конструкции [45]; поэтому функция сочетаний спрягаемой формы с всегда препозитивным инфинитивом того же глагола — акцентирование не отрицания только, а предикативного признака вообще: *верить я (не) верю* значит: «что касается того, чтобы верить, то я (не) верю» [46]. Об этом писал еще В. Водовозов: «В смысле отвлеченного представления о действии оно [неопределенное наклонение]... встречается при повторении глагола, когда судим относительно: *вырасти вырос, а ума не вынес* (что касается того, чтобы вырасти, то он вырос); *спать не сплю, дремать не дремлю, а все думаю думу* (сказать ли о сне, так я не

---

[41] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 100, стр. 111.

[42] Там же, § 475, стр. 398.

[43] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 401.

[44] A. G. F. Van Holk. The semantic spectrum of the russian infinitive. Leiden, 1953, стр. 60.

[45] Толкования отдельных случаев употребления таких построений с отрицанием см.: В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке. Л., 1927, стр. 69—70.

[46] Несколько искусственным представляется анализ данной конструкции в книге А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка», стр. 195 (см. ниже, стр. 354).

сплю, и проч.); *нарожать нарожала, а научить не научила; жить живи, да честь знай*» [47].

Сочетания рассматриваемого типа чаще всего употребляются в составе противительной конструкции; это наиболее типическое, обычное употребление заставляло некоторых исследователей видеть в таких сочетаниях «повторение чисто уступительное» [48], что неверно: значение уступительного противопоставления заложено в конструкции целого предложения (*Верить верь, а без ружья спать не ложись*), а не в сочетании типа *верить верь*, значение которого — чисто акцентирующее.

[Софья] Ну, вот, я вас *успокоить не успокоила*, а все-таки развлекла, развеселила немного (Остр., Невольницы, 2, 6); — Я, ребята обещания вам не даю, а *попытать попытаю* (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, IV).

— Они меня все пугают. *Говорить — не говорят*, а так смотрят мудрено (Тург., Отцы и дети, XXIII); — Оно точно, я в тот раз обругал его, не стерпело сердце. А *поджигать не поджигал* (Л. Толст., Воскресение, 1, LII).

— *Брать берете*, а на место не кладете... (Чехов, В потемках); — Ну что же: *говорить говорили, собираться собирались, сигнализировать сигнализировали*, а толку? Чуть. Собственно не чуть, а никакого (Из разг. речи).

При подчеркнутом противопоставлении и обычно при сообщении о действии, не давшем желаемых результатов, «неполноценном», в состав сочетания может вводиться частица *то*, примыкающая к инфинитиву.

...Выкопал золотой самородок пуда в два весом. *Выкопать-то выкопал* мужик, да испугался... (Мамин-Сиб., Золото, 2, II).

— *Есть-то, почитай, что не ем* ничего, а вода — вон она в кружке-то... (Тург., Живые мощи); — *Купить-то купил* шерсть, а чтоб продать — ума нет, молод еще (Чехов, Степь, III).

Указывая на постпозитивную частицу *то* как на средство выражения уступительного значения (*ест-то он хорошо, да работает плохо*), Потебня писал: «Это средство оказывается иногда недостаточным, и просторечие для той же цели прибегает к повторению усиляемого члена (наречия, сказуемого или предикативного атрибута): „давно-то давно, да не забыто“, „мал-то мал, да удал“. Отсюда видно, что неопределенное,

---

[47] В. Водовозов. Формы предложений в русском народном языке, стр. 548.

[48] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 12 (автореф.).

одно ли, или с постпозитивным *то* или с уступительною частицею при сказуемом, только потому служит средством превращать противительные сочетания в уступительные, что, как мы видели..., имеет свойство усилять сказуемое: „Нашуметь нашумели, а дела не сделали"; „любить нелюблю, а отстать немогу"; „любить хоть нелюби, да почаще взглядывай"; „знать-то он знает, да неговорит"». В примечании Потебня поясняет: «Чем служит одно *то* для сказуемого, сопровождаемого наречием (*ест-то он хорошо, но...*), тем — неопределенное, когда мысль сосредоточена на одном глаголе: „есть-то он ест, да мало"»[49].

Компоненты сочетания могут быть разделены другими членами предложения. Это внешнее нарушение цельности конструкции не меняет ни ее формы, ни значения.

— ...Хотя и не надеюсь, но *попробовать* я для тебя *попробую* (Лесков, Воительница, 3); — Что ж? Убейте, Пантелей Еремеич: в вашей воле; а *вернуться я не вернусь* (Тург., Конец Чертопханова, I).

[Хорошенькая актриса] Михайло Семеныч, венок на голову! [Первый комический актер] Нет, товарищи, *взять* венок от вас *возьму*, но *надеть* на голову — *не надену* (Гоголь, Развязка «Ревизора»).

Ср. относительно редкие случаи разделения компонентов целым предложением.

— А верно: смотрел, насчет плана болела голова, а *подумать*, что к чему делается, *не подумал* (Г. Радов, Петр Егорыч, 5).

Сочетания спрягаемой формы с инфинитивом могут употребляться и вне состава противительной конструкции; значение сочетаний остается то же: акцентирование, выделение предикативного признака.

— Вы *пахать-то пахали* когда? (Шолохов, Подн. целина, 1, 36); — Может, покушаете на дорогу? Консервы есть. Тушонка. Вы *и обедать-то не обедали* как следует (В. Некр., В окопах Сталинграда, 29); — Ну, теперь-то уж можно признаться, — деньги я тебе дала, *злиться* я на тебя *не злюсь*, — признайся, соврал? (Из. разг. речи).

— Куда же они ее вывели? — подумал он. — *Запрягать — не запрягали*, сани еще все наружи (Л. Толст., Фальшивый купон, 1, IX); ...Что с ним сделает Захаров? *Под арест посадить не посадит*, под арестом сидят только колонисты... (Макаренко, Флаги на башнях, 2, 13).

---

[49] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. II, стр. 403.

Отсюда — устойчивые сочетания: *знать не знаю, ведать не ведаю.*

Материал показывает, что сочетания типа *верить верь* далеко не всегда называют действие «уже знакомое», как об этом пишет Л. А. Булаховский [50].

6. Слова любой категории могут соединяться в интонационно не членимом сочетании одинаковых форм с частицей *то* при первой форме. Основное значение таких сочетаний — акцентирование противопоставляемого признака: *умен-то умен, да...* Употребляются такие сочетания в составе сложной конструкции [51].

— Ну, — говорит, — жаль мне тебя, Александра Петрович, а делать нечего — надевай, брат, кандалы. А *разоришься-то* ты, *все-таки разоришься...* (С.-Щ., Губ. оч., Старец); — *Прав-то* ты *прав*, да зря на рожон лез (А. Рыбаков, Водители, 2, 20).

[Лотохин] Что́ уж! Очаровательница! *Хороша-то хороша*, да умеешь и товар лицом показать... (Остр., Красавец-мужчина, 3, 1, 2); — *Жалко-то жалко.* А что же поделаешь (Л. Толст., Песни на деревне).

Компоненты сочетания могут быть разделены частицей *оно*, усиливающей общее значение как самого сочетания, так и противопоставления.

— *Хорошо-то оно хорошо* здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! (С.-Щ., Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил).

Основная сфера функционирования сочетаний с *то* — ответные реплики диалога (см. стр. 354—356).

7. Несколько значений имеет слитно произносимое сочетание двух одинаковых форм слов любой категории с отрицанием при второй форме (*рад не рад*) [52].

---

[50] См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5, Киев, 1952, стр. 332.

[51] См. замечание Потебни о том, что постпозитивная частица *то* «усиляет» сказуемое, «оттеняя» «члены первой половины уступительного сочетания» («Из записок по русской грамматике», II, стр. 403). Противоречиво толкование таких сочетаний в «Синтаксисе...» Шахматова. В § 40 (стр. 57) *бог-то бог* (в предложении *Бог-то бог, да сам-то, смотри, не будь плох*) рассматривается как «сцепление двух предложений»; в § 247 (стр. 209) аналогичное сочетание с частицей *оно*: *так-то оно так* (*Так-то оно так, да одиночество.* Чехов, Три сестры, II) считается «двусоставным односказуемым наречным предложением». Упоминание об этих формах см. также в кн.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 195.

[52] Шахматов видел в таких сочетаниях неполное предложение с опущенным подлежащим: *рады не рады* — «адъективное бесподлежащное предложение с опущенным „вы"» («Синтаксис», § 71, стр. 84). Ср. в § 152,

1) В составе противительной конструкции с оттенком уступительных отношений сочетание типа *рад не рад*, всегда начинающее собою такое построение, может иметь значение смягченного и неуверенного отрицания [53].

Наиболее обычны в этих случаях сочетания имен, образующие бесподлежащные определенно-личные предложения.

— Иногда Антипка что-то сомнителен покажется: *пьян не пьян*, а как-то дико смотрит... (Гонч., Обл., 1, IX); Я и думаю: что же это такое за дом: *трактир как будто не трактир*, а видно, что гостиное место... (Лесков, Очарованный странник, 13); — Вот, рекомендую, — промолвил Пантелей Еремеич. — *Жена не жена*, а почитай что жена (Тург., Чертопханов и Недопюскин); «Кожи-то мол у тебя краденые». *Краденые не краденые*, однако откуда взялись и у кого купил, заводчик объясниться не мог (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего); ...Не могли узнать, что это за люди... *Купцы — не купцы, немцы — не немцы;* господа? — тоже таких не бывает, а важные люди (Л. Толст., Декабристы, III); *Полянка не полянка*, а все-таки чистенькое место (Бажов, Дорогой земли виток) [54].

Редки, но возможны в этих случаях сочетания форм глаголов.

...А впереди них на стуле веселым героем уселся Рыжиков; *слушает-не слушает*, а разглядывает всех нахальными глазами (Макаренко, Флаги на башнях, 2, 9); Они и сплели, будто Катя не одна была, а за ней мертвяк стоял... Парням *поверили-не поверили*, а по народу с той поры пошло: нечисто в этом доме (Бажов, Каменный цветок).

2) Другое значение данных сочетаний — выражение неопределенного и неясного или слабо и неполно проявляющегося предикативного признака. В этом значении сочетания типа *воз не воз* функционируют вне состава сложной конструкции.

— Да постойте ж! Куда вы? — сказал Иван Савич. — Нечего стоять; и вы-то *чистите не чистите* сапог. Смотрите,

---

стр. 155: *воз не воз* — это «двусоставное несогласованное предложение тождества» с опущенным *это*.

[53] Вряд ли можно согласиться с тем, что такое сочетание представляет собой «отрицательную сложносочиненную конструкцию» (В. А. Трофимов. К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 156. Серия филол. наук, вып. 15. Л., 1952, стр. 111).

[54] В. А. Трофимов полагает, что «этот прием отражает в себе определенный психологический момент восприятия, момент отстранения ошибочно напрашивающегося представления» (там же, стр. 112); однако в современном языке такого «подтекста» здесь нет.

выйдет барин: он вас за ушко да на солнышко (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — ... Ловко обделывают свои делишки, а Ястребов *видит-не видит*, потому рука руку моет (Мамин-Сиб., Сестры, II); — ... А вот такой «юрист» *вспашет* тебе-*не вспашет*, поцарапает почву — ну, и жди урожая с этого поля! (В. Овечкин, На переднем крае, 1).

— Выйдет замуж и на купчиху-то не похожа: *попадья-не попадья, барыня-не барыня* и обществом своим торгующим гнушается (Горбунов, Купеческое житие); Проходя по зале, посмотрит на часы и обругает стрелку. — Ишь ведь, *бредет не бредет*! Как стояла на четверть седьмом, так и теперь четверть седьмого показывает (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); — Извозчик попался: *едет не едет* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XV); — Василий Назарыч уехал на прииски: уже неделю, почитай. *Доедут-не доедут* по последнему зимнему пути... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 4, VII); — Держался в тени. На собрании забьется в дальний угол, насупится: и *спит-не спит*, и *слушает-не слушает* (Г. Радов, Петр Егорыч, 1) [55].

В сказке: *Ходил не ходил* день весь, блудил, вечер стал, опять к этой же избушке пришел (Онч., 45). Ср.: Братьям едет и сказыват: «Я достал живу воду и глазну, *застанем — нет* отча живого» (т. е. «застанем или нет — неизвестно») (Онч., 41).

3) Третье значение сочетаний с *не* при второй форме — значение предикативного признака, который оценивается как безразличный для чего-то последующего; такие сочетания функционируют обычно (но не всегда) в составе противительной конструкции. Об этом значении писал Потебня: «Отрицание действия вслед за его утверждением выражает между прочим безразличие этих действий по отношению к третьему, им противополагаемому, т. е. независимость последнего от первых: *была-не-была, пойду; спал не спал, а вставай; плачь-не плачь, былого не воротишь*; млр. *втик не втик, а потюпати вилно*» [56].

---

[55] Описываемые сочетания могут выступать и в качестве других, не предикативно значимых членов предложения. Ср.: На днях-де и его, исправника, какой-то *медведь не медведь, человек не человек* едва не задрал... (С.-Щ., Дикий помещик). В составе противительных конструкций: Селифан, помахивая кнутом, затянул *песню не песню*, но что-то такое длинное, чему и конца не было (Гоголь, М. д., 1, III); Кормили неважно. Бывало, нальют в бак *суп не суп*, а разлуку какую-то (Нов.-Прибой, Рассказ боцманмата).

[56] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 131. Ср. у Водовозова: «Повторение выражает... равнодушие к делу: *сват не сват — был бы добрый человек*... (повторения с отрицанием: *была не была, сват не сват* в общем смысле означают, что для нас безразлично

— *Придет, не придет* Долохов, надо брать! ... А? — сказал Денисов, весело блеснув глазами (Л. Толст., Война и мир, IV, 3, V).

[София] ... Он с ними целый день засядет, *рад не рад*, Играет... (Гриб., Горе от ума, 3, 1); — Воля ваша, Иван Савич, *гневайтесь не гневайтесь*, а я больше не намерен (Гонч., Иван Савич Поджабрин); [Константин] *Думай, не думай*, ума не прибудет... (Остр., Сердце не камень, 1, 6); — Храбрые вы уж такие, видно. — Вот те и храбрые. *Храбрись не храбрись*, а храбрее мира не будешь (Лесков, Разбойник); — *Отец не отец, сестра не сестра* — он не посмотрит, всех за грош продаст! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIII); — *Пост не пост* — пошел на погребицу, облапил горшок молока — лакает, как свинья (Гл. Усп., На травке, 3); — *Крутись не крутись*, все равно женишься на Вале... В. Некр., В родн. городе, 1, 15); — Хамса с пролива уходит! *Шторм не шторм*, а она идет себе и идет (Д. Холендро, Друг рыбака).

Ср. редкий случай соединения в сочетании с *не* двух форм разных, но близких, почти совпадающих по значению глаголов:

— А у Веткина — тринадцать, *крути не верти*, а все равно постоянный недостаток и дефицит (Макаренко, Кн. для родителей, 3).

8. В «Синтаксисе» Шахматова конструкции типа *дружба дружбой, а служба службой* находят противоречивое толкование. С одной стороны, они отнесены к односоставным предложениям (без дальнейшего уточнения типа); § 39, объединяющий предложения: «Скворцы прилетели. Гляжу, куда сядут. *Туча тучей*» (Чехов) и «*Горе-то горем*, а тут хлопоты еще» (Остр.), сопровождается характерной припиской: «(означ. частью полноту проявления признака, выраженного существительным, а частью?)»[57]; таким образом, предложения типа *Горе-то горем, а...* рассматриваются здесь как односоставные, но значение их не определяется. С другой стороны, те же конструкции помещены Шахматовым в разделе «Двусоставные согласованные односказуемые субстантивные предложения». В § 212[1] читаем: «В некоторых случаях именит. падеж сказуемого заменяется под влиянием аналогии со стороны связочных и связочно-сказуемых предложений творит. падежом»[58]. При-

---

и то, и другое)» («Формы предложений в русском народном языке», стр. 551—552).

[57] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 39, стр. 56.

[58] Там же, § 212[1], стр. 189.

меры: *Дружба дружбой, а служба службой* (погов.); — Я уж и сначала догадывалась, что... *уроки-то уроками*, а цель у вас другая (Черн., Что делать?, IV); Да, милая Верочка, *шутки шутками*, а ведь в самом деле лучше всего жить, как ты говоришь (там же, II, 18). В разделе «Неполные предложения» Шахматов в предложениях типа *Шутки шутками, а...* видит пропуск *пусть будут* [59].

Предложения данного типа нечленимы; выделение членов предложения по традиционной схеме здесь не может быть осуществлено. Значение конструкции — подчеркнутое утверждение наличия предикативного признака, выявляющегося самостоятельно и независимо от других; *Шутки шутками* значит: «шутки сами собою»; это значение особенно отчетливо выступает тогда, когда данные сочетания употребляются вне противительной конструкции (в самом сочетании значения противопоставления нет).

— Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете! *Пенька пенькою*, в другой раз приеду, заберу и пеньку (Гоголь, М. д., 1, III); [Лотохин] Выскочит замуж вот за этакого проходимца, — *разоренье-то разореньем*, да кого еще в родню-то введет! (Остр., Красавец-мужчина, 1, 2).

Однако чаще всего такие конструкции употребляются в составе построения с противительным значением.

— Да ты застегнись. *Фронтовичка фронтовичкой*, а март месяц знаешь, какой? (В. Некр., В родн. городе, 3, 10); — *План планом*, а тридцать машин стоят (А. Рыбаков, Водители, 1, 2); — *Смех смехом*, а, выходит, Парамонову я жизнью обязан (Соболев, Зеленый луч, 5).

С частицей *то* при первом компоненте.

— *Пароходы-то пароходами*, а без щей тоже не проживешь (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, IX).

Очень распространено употребление данных построений в однотипных частях сложной противительной конструкции.

— *Дело делом, а чай чаем*: выкушай, родимый (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, II); — Не живете жизнью всего института. Загрузкой оправдываетесь. *Но загрузка загрузкой, а жизнь жизнью* (В. Некр., В родн. городе, 3,4).

---

[59] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 312, стр. 242.

ЛЕКСИЧЕСКИ ОГРАНИЧЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Как уже отмечено выше, лексически ограниченными являются такие сочетания, в качестве компонентов которых (обоих или реже — одного) могут выступать не любые слова данной категории, а лишь некоторые, определенные. Это может быть более или менее значительная семантическая группа слов, или несколько слов, но ограничение всегда четко выявляется. Здесь, как и в других случаях, намечается несколько видов сочетаний.

1. Ограничены со стороны одного компонента сочетания типа *сидела шила, ворчит ходит, лежит думает* и под. Первый компонент — глагол *сидеть, стоять, идти, ходить* или *лежать*. Значение сочетания — сложносоставный предикативный признак: конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии. Произносится сочетание слитно, с акцентированием второго компонента; порядок компонентов свободный, но обычно на первом месте стоит глагол движения или пребывания в состоянии. По Шахматову это — «двусказуемые спрягаемо-глагольные предложения»[60]. Такие сочетания чрезвычайно характерны для разговорной речи. Они зарегистрированы в записях живого разговора А. М. Пешковским: «Тебе скучнее, потому что ты *лежишь отдыхаешь*»[61].

— ...Ну, а ты что тут без меня делала?..— Я? — сказала Жанна, бледнея.— Да что ж я... *Сидела шила*... (Л. Толст., Бедные люди); ...Все *стоят — дожидаются* (Л. Толст., Кавказск. пленник, I); ...А она *сидит — помалкивает*, будто ее дело не касается (Бажов, Малахит. шкатулка); — Ты может хочешь отсюда выбраться? Я *сижу мешаю*? (Из разг. речи); — Она ему рассказывает, а он *стоит и стоит слушает*... (Из разг. речи).

[Круглова] Что ж у него за дело — спешное? [Феона] Да какое дело, окромя, что *ворчать ходить*, да чтоб не спали? Ненавистник! (Остр., Не все коту масл., 2, 1); [Варвара] *Что стоишь — переминаешься*? (Остр., Гроза, 1, IV); Притомились мы, *идем — дремлем*... (Короленко, Соколинец, VII); *Будет* так вот *сидеть глядеть* хоть целый день (Пауст., Повесть о лесах, Дорожная книга); — Спустила я твой суп в погреб... Смотрю, *стоит киснет*, нетронутый... (Ю. Сальников, Экзамен Гали Перфильевой, 4).

---

[60] См.: там же, § 293, стр. 234.

[61] А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков (Приложение II [текст]). В кн.: А. М. Пешковский. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925, стр. 190.

Чрезвычайно распространены такие формы в записях сказок, былин и песен. Вот некоторые примеры.

Все на пиру наедалися,
Все на честном напивалися,
Все на пиру *сидят — хвастают...*

(Данила Игнатьевич и Михайло Данильевич. Повенец, В. Лазарев. Рыбн., 2)

Все на пиру лежат без памяти,
Владимир князь стольно-Киевский
Тот *стоит — шатается...*

(Три поездки Ильи. Повенец, Ф. Никитин, Рыбн., 2)

Работник *лежит ждет...* (Онч., 114); Федор царевич *стоит выслушиват*, на ум берет (Онч., 27); —Што, вор-жараф, *идешь-улыскаисьсе?* — Што так, мати-лисича, печально *идешь ругаишьсе?* (Онч., 51).

Возможна и постпозиция лексически ограниченного компонента; соответственно акцентируется первый компонент, что создает еще большую слитность глагольных форм.

[Шелавина] Я прыгаю, веселюсь, а она вон *работает сидит* (Остр., Без вины виноватые, 1, 3); Или возьмет начнет немецкие песни петь — оба *и плачут сидят* (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего).

...Наконец, словно заснула; по крайней мере, *не шевелится лежит* (Тург., Уездный лекарь); — Пришли мы в замок, как следует, бумагу подали, — *ждем стоим* (Короленко, Чудная, II); Он приехал, кстати сказать, *шумит ходит* здесь (Из разг. речи).

Члены сочетания могут быть разделены подлежащим.

— ...И *сидят* они — *ждут*, чтобы затихло в ауле (Л. Толст., Кавказск. пленник, V).

Синтаксическая нераздельность глагольных форм, образующих данное сочетание, и смысловая подчиненность лексически ограниченного компонента с особенной несомненностью проявляются в тех случаях, когда в предложении имеется второстепенный член или придаточное предложение, грамматически относящееся ко всему сочетанию, внешне (со стороны словопорядка) — к лексически ограниченному компоненту, а со смысловой стороны — к компоненту лексически не ограниченному, например: *слушаю сижу твои разговорчики.*

— [Глеб] Я вот, Мавра Тарасовна, *рассуждаю, стою, что* пора бы нам яблоки-то обирать (Остр., Правда хорошо...,

3, 2); — ...И ходим так перед домом, и народ *на нас стоит смотрит* (Лесков, Соборяне, 2, 4); Я *всю дорогу шел, работал* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XI); ...Под липой против шалаша дымится костерчик, а *на него стоит смотрит* какой-то мужик (Бунин, Божье древо).

Стою читаю у стола такого, и вдруг сбоку ко мне привалился кто-то (Из разг. речи, рассказ о сне); — Знаешь что? Поди вымой руки и *будешь сам сидеть листать* (Из разг. речи). Ср. также: — *Об тебе же беспокоюсь сижу* — где ты, и ты не можешь ответить, да? (Из разг. речи).

В песне:

В большом углу ясен сокол
Надо мной сидит ломается,
Надо мной он надсмехается.

(Свадебная песня. Рыбн., 3, 24)

И клюка у него сорока пудов,
Той клюкой идет — подпирается.

(Данила Игнатьевич и Михайло Данильевич. Повенец, В. Лазарев. Рыбн., 2)

Наиболее «чистый» вид описываемых сочетаний — такие, компоненты которых не имеют при себе второстепенных членов или имеют второстепенные члены, подтверждающие нераздельность данного сочетания. Однако очень часто второстепенный член относится лишь к одному из членов сочетания; тогда установление слитности или раздельности глагольных форм со стороны их функционирования в речи определяется только произнесением (слитное произнесение всей группы при единстве сочетания и раздельное — при наличии однородности, ср.: *машинист около машины сидит* ↑ *наблюдает* и *машинист около машины сидит* ↑ *наблюдает*). Ср. возможность двоякого произнесения в следующих случаях:

— А он в новой рубахе *ходит, пашет* и поет стихи воскресные (Л. Толст., Свечка).

[Ераст] Беги в мою комнату, возьми свечку, затворись и *сиди* там *не дыши* (Остр., Сердце не камень, 3, 3); *Сидим* ни слова *не говорим*... (Лесков, Чертогон, 2); Ходит по аулу, насвистывает, а то *сидит* что-нибудь *рукодельничает*... (Л. Толст. Кавказск. пленник, III).

С глаголами совершенного вида *сесть, посидеть, пойти, походить, полежать* возможно сочетание формы другого глагола совершенного вида; в результате образуется сочетание с тем же значением полного совпадения во времени состояния и конкретного действия, осуществляемого в процессе пребывания в этом

состоянии: *сяду подумаю, посижу подожду, пошла заплакала, похожу погляжу, полежи отдохни.*

— Ну так, говорит, извольте идти куда вам требуется, а я *сяду, подумаю* об своей жизни (Горбунов, Травиата); Выпарился — лучше нельзя, *сел — отдышался* (Бажов, Две ящерки).

Ср. в песне:

Привязала негодяя к белой березе,
А сама *пошла — загуляла,*
Загуляла — пировала девять денечков...

(Бытовая песня. Рыбн., 3, 167)

Пошла девушка, *заплакала,*
Да-й во весь народ разжалилась.

(Свадебная песня. Рыбн., 3, 26)

В описываемых сочетаниях возможно соединение и разновидовых форм — тогда, когда форма совершенного вида употреблена в перфектном значении.

— Так я *устала ходила*! (Из разг. речи); — Замерзла ты? А я вот *не замерзла шла* (Из разг. речи).

— Сию минуту уйду-с..., — шептала она. — Не побеспокою... *Озябла,* признаться, *бегала...* (Гл. Усп., Будка, 3)

Особняком стоят сочетания форм разновидовых и разновременных типа *идет закручинилась;* форма прошедшего времени здесь всегда имеет перфектное значение.

— ...Лошадь вашу всю снегом занесло, вся *согнулась стоит...* (Бунин, Дубки); Никита от таких слов себя потерял: *стоит-уставился* на Дениска (Бажов, Жабреев ходок); *Стоит-задумалась,* в руднишную сторону глядит (Бажов, Горный мастер).

В песне:

Я чего *сижу-задумалась,*
Чужих басенок ослухалась...

(Свадебная песня. Рыбн., 3, 29)

В сочетаниях типа *идешь закручинился* Ф. И. Буслаев в форме на *-л* видел причастие («идешь закручинившись»). Потебня, возражая ему, писал, что действия здесь «в предикативном отношении равносильны», так же как в сочетаниях типа *идет по двору шатается*[62]. Пример «„что ты, сударыня, идешь

[62] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 142.

закручинилася?" (Д.-р. ст., 150) Буслаев объясняет: „т. е. закручинившись" (Гр., §189); но следует читать „идешь, закручинилася", т. е. предполагать опущение глагола, в то время составляющее уже правило» [63]. В этой полемике отражаются два различные подхода к одному и тому же явлению: описательно-нормализующий (Буслаев) [64] и историко-этимологический (Потебня).

2. Большую группу лексически ограниченных сочетаний составляют слитно произносимые бессоюзные сочетания, первым компонентом которых являются глаголы, обозначающие движение: *идти, пойти, войти, дойти, прийти, взойти, пройтись, ступать* (в форме повелит. накл. в значении «иди»), *сходить* (сов. вид), *сбе́гать, зайти, бежать, побежать, забежать, заехать, поехать, поездить, приехать, прие́зжать, ехать, повезти, ходить* (при обозначении повторяющегося и целенаправленного действия). Второй компонент свободный. Таковы сочетания: *пойду похожу, люблю ходить слушать музыку, забегу узнаю, иди проверь, поедем прогуляемся, приготовь ступай, сходим посмотрим, пройдись осмотрись, дойди посмотри, повезу покажу, заеду навещу, взойдем посидим, приезжай познакомься, зайду проведаю, поездим поучимся, поезжай развлекись, беги купи, приди помоги* [65] и т. д. Значение таких сочетаний — конкретное действие, осуществляющееся в результате предварительного движения туда, где это действие должно быть осуществлено. Значение движения в таких сочетаниях всегда подчинено значению конкретного действия [66]; отсюда — ослабление основного номина-

---

[63] Там же, стр. 150. Имеется в виду опущение вспомогательного глагола при форме на *-л*.

[64] Но ср. у Буслаева: «„Где была рыба красная, очутились у садки червонцы лежат": с первого разу покажется, будто здесь два сказуемых одного и того же предложения — *очутились* и *лежат* — однако так как они разных времен, то смысл требует признать два предложения, но так родственно слитые воедино, что глаголы — *очутились* и *лежат* — мгновенно выражают одно и то же представление» (Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Изд. 2, М., 1867, стр. 334).

[65] Предложения со сказуемыми, образованными такими сочетаниями, А. А. Шахматов считает «двусказуемыми» (см.: «Синтаксис»..., § 293, стр. 234); односоставные предложения — «осложненными спрягаемо-глагольными предложениями» (там же, § 115, стр. 126). См. о них также: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 289.

[66] В цитировавшейся выше статье Н. Боровской такие сочетания (*пойду схожу, бегай ступай*) неправомерно объединяются с сочетаниями типа *стучит-бренчит, плакать-рыдать* в общем разделе «Синонимическая геминация» (см.: N. Borowska. Redoublement des mots..., стр. 281—282).

тивного значения у форм повелит. наклонения глаголов *пойти, идти*, например: *поди-ка поживи с моё; плакали мои денежки... теперь ищи поди; потом, глядишь, дров нет: поди бегай занимай; иди-ка разберись во всем этом.* Глагол движения обычно стоит на первом месте, но такой порядок не является строго обязательным. Данные конструкции находят самое широкое употребление в разговорной речи[67]. Впервые они были специально отмечены в небольшой заметке Н. Милова[68]. Вот полный текст этой заметки.

«Исправляя письменные работы по русскому языку учеников и сдающих различные экзамены при нашей гимназии, я натолкнулся на интересное для меня явление: употребление формы изъявительного и повелительного наклонения для выражения цели действия. Так, в работах я встретил: „Сестра *стояла* на столе *держала* лампу"; „Я *поеду* их *читать научу*". Было бы непростительно грешно исправлять в сочинениях эти фразы учеников, например, так: „Сестра стояла на столе *и* держала лампу"; „Я поеду *и* их читать научу", потому что здесь не два разных действия — *стояла* и *держала*, *поеду* и *научу*, — а одно: *стояла-держала*, *поеду-научу*. Еще смешнее было бы исправлять эти фразы так: „Сестра стояла на столе, *чтобы держать лампу*"; „Я поеду, *чтобы научить* их читать". Очевидно, здесь какая-то неуловимая глубоко психологическая индивидуальная черта русского языка. В самом деле, в народном языке очень часты такие выражения: *Схожу попрошу* у соседей мучки; *Подойди посмотри*; *Беги возьми* книгу. Как народный поэт, Кольцов пишет: *Посмотрю пойду*, полюбуюся... Между тем, эта особенность русского языка не отмечена еще нашими школьными грамматиками, и наши ученики не могут найти объяснения, если бы они пожелали, вышеуказанным явлениям, которые проскальзывают из жизни в ученические тетради мимо сознания учеников. Жизнь, школьная практика, таким образом, ставят задачу: возможно скорее объяснить указанное явление и объяснение внести в школьный синтаксис, в отдел о слитном предложении, или в отдел о придаточном предложении абстрактной цели, или же

---

[67] Они зарегистрированы в записях Пешковского: *Я потом их пойду выхлопаю* (А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков, стр. 186).

[68] Н. Милов. Не отмеченное школьными грамматиками явление русского синтаксиса. — РФВ, 1913, № 4, Пед. отдел, стр. 128—129. Ср. его же. Пояснение имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия другим именем существительным, именем прилагательным, глаголом и наречием в синтаксисе русской речи. — РФВ, 1914, № 3 и 4, Пед. отдел, стр. 29—31.

в новый отдел — это выяснится после точного определения указанного явления».

Наиболее характерный порядок расположения членов сочетания — с глаголом движения на первом месте.

[Городничий] Ну, друг, ты *ступай приготовляй* там, что нужно для барина (Гоголь, Ревизор, 3, XI); [Один из народа] Я *забегу возьму* рукавицы (Гоголь, Театр. разъезд...); — Лучше я *поеду посмотрю*, как в чужих землях люди живут (Горбунов, Отжившие типы); — Ермошка, *иди* и ты *садись* рядом (Лесков, Соборяне, 2, 6); — Я *заеду возьму* из банка (Л. Толст., Анна Каренина, 2, 7, II); — ... Ты туда *дойди погляди* (Л. Толст., Хозяин и работник, II); — Не двинусь с места, пока не кончу рассказа! И не просите! — Так вы *идите* поскорей *оканчивайте!* (Чехов, Заказ); — Я *думаю* на дачу *повезти показать* ребятам (Из разг. речи).

— ... Настудят комнаты, а дров нет; *поди бегай, занимай*... (Гонч., Обл., 1, VIII); [Бальзаминов] Теперь *сбегать* в цирюльню *завиться*, да и бежать (Остр., Свои собаки грызутся.., I, 6); — *Зайду проведаю* (Л. Толст., Бедные люди); Нет, не улежать: *пойти выкупаться* (Л. Толст., Метель, VI); — *Надо выехать* на гору *поглядеть*... (Л. Толст., Кавказск. пленник, I); Но *это глупо приехать спрашивать* (Л. Толст., Крейц. соната, XX); — ... *Беги скажи*, чтоб мне беговые дрожки заложили! (Чехов, Тина, II); — *Поезди погляди* своими глазами (Бажов, Про главного вора); — *Пойдем походим* — холодно тут... (Н. Грибачев, Рассказ о первой любви); — *Пришла бы хоть прибрала* (В. Некр., В родн. городе, 2, 12);

Сюда же — соединение трех глагольных форм в синтаксически едином сочетании.

[Ефросинья Потаповна] Что я стою-то! *Бежать* мне серебро *сосчитать запереть*, нынче народ без креста (Остр., Бесприданница, 3, III); — Лешка! *Вали сбегай поди*... (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, VIII); — Говорят, хорошая картина. *Пойдем сходим посмотрим*? (Из разг. речи).

Построения с постпозицией глагола движения также обычны. Акцентируется всегда первая форма.

[Миловидов] Ты *бы легла пошла* (Остр., На бойком месте, 3, 7); — Так сахару же нету у нас. — *Купи поди*... (Горький, Страсти-мордасти).

Как при препозиции, так и при постпозиции глагола движения в форме повелительного наклонения [*пойди(те)*, *ступай(те)*, *иди(те)*] возможно ослабление номинативного зна-

чения глагола: он превращается в особую «форму побуждения» без конкретного лексического значения. Второй глагол при этом, как правило, имеет значение отвлеченного действия, мысли или речи.

[Жадов] ... Что ни скажешь, бывало, против взяток или вообще против всякой неправды, у него один ответ: *поди-ка, поживи*, не то заговоришь (Остр., Доходное место, 1, VII).

Ослабление основного значения у формы повелит. накл. глаголов *пойти, идти, ступать* особенно часто проявляется в обобщенно-личных предложениях, что естественно объясняется их значением.

— Фу, чорт! в своем больном не властен, *лечи поди*! (Дост., Прест. и наказание, 3, II); [Лоскутков] Вот *поди-верь* тут ученым! Я и ничему не учился, да поскорей их собственным умом добрался, в чем штука-то... (Некр., Петерб. ростовщик, II).

3. Лексически ограничены со стороны обоих компонентов сочетания типа *не ест- не пьет, напился-наелся, обула-одела*, и т. п. Это — бессоюзные слитно произносимые сочетания двух глаголов (совершенного или несовершенного вида), обозначающих действия разные, но сходные, обычно совмещающиеся, сопровождающие одно другое и сливающиеся в одно сложное [69]. Круг глаголов, вступающих в такие сочетания, ограничен и четко очерчен; соответственно выявляются и сами лексически ограниченные сочетания, обозначающие «сложносоставное» действие: *пить-есть, попить-поесть, напиться-наесться, припить-приесть, поить-кормить, вспоить-вскормить, напоить-накормить, обуть-одеть, разуть-раздеть, купить-продать, скупить-продать, пить-гулять, попить-погулять;* реже встречающиеся, но относящиеся к этой же группе: *шить-вязать, сшить-связать, читать-писать, принимать-сдавать, пойти-поехать, желать-требовать* [70]

---

[69] По Н. Боровской, это — «коллективная геминация», когда два разных «обозначения» образуют «единое семантическое целое» (см.: N. Borowska. Redoublement des mots..., стр. 272 и 285). Сюда же автором отнесены сочетания типа *стоит глядит, идут несут*, что неверно, так как смысловые отношения между частями соединения здесь иные (см. выше, стр. 57—59).

[70] См. еще в цитировавшейся статье Н. Боровской (стр. 286—288): *седлал-уздал, помытьсе-попаритьсе, стёрала-трахмалила* и др. Именные не предикативно значимые сочетания данного типа (как и названные предикативно значимые сочетания) неоднократно отмечались исследователями народной словесности: *хлеб-соль, руки-ноги, безрукий-безногий, отец-мать, братья-сестры, птицы-звери, сила-храбрость, пенья-коренья* и др. Ср. еще: *имя-отчество, папенька-маменька* (С.-Щ., Губ. оч., Госпожа Музовкина),

и некот. др. Единичны аналогичные сочетания кратких прилагательных: *жив-здоров* (возможно, уже лексикализация?), народно-поэтическое *злы-обманчивы*[71] и некот. др.

— ...Столько теперича этой сироты... и куда пойдет она, кто ее *вспоит-вскормит, оденет-обует*... (Горбунов, Из моск. захолустья, II); ...Я *пью-ем*, что хочу, и всем доволен... (Лесков, Левша, 4); — ...Господ много наехало, и все *пьют-гуляют*... (Лесков, Штопальщик, 6); *Жив-здоров вернулся* Павел, а что нога с протезом — что поделаешь. *Одет-обут*, как все люди... (Панова, Кружилиха, 7).

— Мне и без вас *есть кого поить-кормить*! (С.-Щ., Пошехонск. старина, VII); Ну, из завода тоже *побежали-поехали* на розыски... (Бажов, Каменный цветок); Да еще придумали поучить ребятишек, чтоб, значит, *читать-писать*, цифру понимать (Бажов, Хрупкая веточка); Управится и садится за какое рукоделье; *сшить-связать*, мало ли (Бажов, Горный мастер); — Ваша работа — будь здоров, ответственная работа, знаем... Груз ценный, *принимай-сдавай*... (А. Рыбаков, Водители, 3, 29).

Ср. в пословице: *Ни выпрячи-впрячи*, ни в ухабе сберечи, ни от солнышка затулье, ни от дождя епанча[72].

Ср. в былине:

...На один на погреб *скуплю — продам*
Стольный Киев град и Чернигов град.

(Дюк. Пудога, А. Сорокин. Рыбн., 2)

4. Ограничены со стороны обоих компонентов слитно произносимые соединения бесприставочного глагола несовершенного вида с однокорневым приставочным глаголом того же вида (*лежу-полеживаю*). Значение такого сочетания — длительное и ничем не затрудненное, свободно осуществляющееся действие. В такие сочетания вступает незначительный круг глаголов со значением конкретного действия: *ходит-похаживает, сидит-посиживает, лежит-полеживает, визжит-повизгивает, льет-поливает, ждет-поджидает* и некот. др.

— ...Лежу я себе, *лежу-полеживаю*... (Тург., Живые мощи); — ...А вы тут, поди-чай, с утра раннего *ждете* —

птица-рыба (Бажов, Дорогое имячко), *родня-соседи* (Бажов, Змеиный след), *девки-бабы, чашки-ложки, изба-сени* (Бажов, Малахит. шкатулка); *разгрузка-погрузка* (Троспольск., Один день).

[71] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 260, стр. 219. — Все эти сочетания могут функционировать и в роли не предикативно значимых членов предложения.

[72] В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 368.

поджидасте (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, Введение); — А мой то [адвокат] не унялся, да опять их молол-молол, толок-толок, *тер-перетирал...* (Гл. Усп., Маленькие недостатки механизма).

— *Ишь льет-поливает!* рожь только что зацвела, а он, знай, поливает (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному).

В народной словесности значение длительного свободно осуществляющегося действия в таких сочетаниях часто ослаблено. Ср.:

Как по сеням, по сенюшкам,
По новым сеням по решетчатым,
Как *ходила-похаживала*
Молодая боярыня, Марья свет Григорьевна.
Она *будила-побуживала*
Своего дружка, Ивана свет Петровича...

(Рыбн., 3, 164—165).

Красная девица коров доила,
Сквозь платочек молочко цедила,
Цедила-выцеживала,
Говорила-прибубенкивала...

(Рыбн., 3, 139)

5. В аналогичных по форме сочетаниях *ждет-пождет, слышит-послышит, тянет-потянет, хожу-похожу, думает-подумает, сиди-посиди, узнаю-поузнаю* значение длительного и свободно осуществляющегося действия может быть ослаблено ввиду сохраняющейся недифференцированности видового значения второго компонента[73]. А. А. Потебня полагал, что *по-* в глаголах типа *послышит, поузнаю* и т. п. «означает последовательность»[74].

Кровопивец давно с поля убрался, а мы *сиди-посиди*! (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному); — *Слышит-прослышит* он одним временем, что в немецких землях с овец шерсть стригут... (Писемск., Тысяча душ, 4, XII).

Вот ждет пождет, а хвост лишь более примерзает (Крылов, Лиса); *Хожу похожу*, соломинку зубами со скуки кусаю и думаю... (Лесков, Фигура, 7); — Немного погодя, *слышу-*

[73] «...Оборот этот, видимо, перенесенный из живой народной речи, встречается уже у Хемницера», — пишет Л. А. Булаховский («Русский литературный язык первой половины XIX в.» Изд. 2, М., 1954, стр. 311).

[74] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III, стр. 559—563.

послышу — в чиновники особых поручений в слободы раскольничьи назначен (Гл. Усп., Идиллия).

В сказке: Пошоў дедке репы рвать. *Тяне, потяне*, вытянуть не може... (Онч., 264).

6. Значение полноты, напряженности и длительности действия имеют сочетания, ограниченные небольшим кругом глаголов конкретного действия, восприятия и чувства: *ждет не дождется, глядит не наглядится, черпать не исчерпать, таскать не перетаскать, носить не переносить, ловить не переловить, радуется не нарадуется, слушаю не наслушаюсь, смотрю не насмотрюсь* и некот. др. Значение отрицания здесь ослаблено, так же как и значение будущего времени у второго компонента приставочного глагола совершенного вида со значением достижения предела, исчерпанности.

Я все же беспокоюсь, на кого покинул я тебя! На Петра, сонного пьяницу, который *спит, не проспится*, ибо он и пьяница, и дурак... (Пушкин, Письмо Н. Н. Пушкиной, 22 сент. 1832 г.); ...*Радуются не нарадуются* на ненаглядное детище... (С.-Щ., Губ. оч., Богомольцы, странники и проезжие, Общая картина) [75].

Глядят-не наглядятся, а сами молчат, будто задумались (Бажов, Огневушка-Поскакушка); — ...Дури в тебе — *черпать не исчерпать!* (Шолохов, Подн. целина, 1, 24); — *Ловить* вам *не переловить!* Не грех бы и нам рыбки принести! (Пауст., Золотой линь); — Смотрите-ка, запроектировали какую толщину: двенадцать сантиметров асфальтобетона. — Что они там, белены объелись, что ли?.. Еще *придется* и асфальтобетон *возить не перевозить* (Серг. Антонов, Дожди, 4) [76].

7. Единую группу образуют сочетания двух однокорневых слитно произносимых прилагательных или причастий, из которых первое — безаффиксальное, а второе несет в себе значение высокой степени, интенсивности признака, выражаемое префиксом или суффиксом: *заняты-перезаняты, страшный-расстраш-*

---

[75] Ср. в союзном сочетании: *Слушает* Порфирий Владимирыч Ильины речи *и не наслушается* их. (С.-Щ., Господа Головлевы, Выморочный).

[76] При сохранении значения отрицания и видо-временного значения второго компонента все сочетание лексически не ограничено и имеет значение длительного действия, не приводящего к тому результату, на достижение которого оно направлено. Впрочем, в этом случае синтаксическая неделимость всего сочетания может быть поставлена под сомнение, ср.: Вцепились, хоть что хошь! Не понимаю. *Думаю-не придумаю* (Гл. Усп., Маленькие недостатки механизма).

ный, злая-презлая, рад-радешенек[77]. Все эти сочетания имеют значение полноты и интенсивности проявления признака и ограничены небольшим кругом качественных имен прилагательных и причастий, образованных от глаголов со значением конкретного действия, восприятия, речи или мысли.

1) *Рад-радешенек* (*-радехонек*), *бел-белешенек* (*-белехонек*), *жив-живешенек* (*-живехонек*), *мал-малешенек* (*-малехонек*) и некот. др. Сюда же — *один-одинешенек* (*одинехонек*).

— Отец и брат на хуторе *одни-одинешеньки*... (Чехов, На пути).

— Живешь в этой Сибири, так человеку образованному *рад-радешенек* (Л. Толст., Воскресение, 3, VIII).

2) *Заняты-перезаняты, видано-перевидано, читаны-перечитаны, думано-передумано, делано-переделано, езжено-переезжено, мешано-перемешано, заложено-перезаложено, чинено-перечинено* и некот. др.

— Тетя Нюра, все *заняты-перезаняты*, твой черед (Павленко, Хлеб жизни).

3) *Страшная-расстрашная, худой-расхудой, густой-разгустой, пьяный-распьяный* и др.

[Настасья Климовна] Только будто бы Иван-то Петрович *пьяный-распьяный*, стоит да на меня пальцем грозит (Горбунов, Просто — случай, I).

На ногах высоконький, а *худой-расхудой*... (Бажов, Каменный цветок).

4) *Злая-презлая, злющий-презлющий, доволен-предоволен, добрый-предобрый, честный-пречестный, старый-престарый* и др.

— Он, пьяный, *злущий, презлущий*! (Гонч., Слуги старого века, III); — И она рада, и мой Федор Захарыч *довольны-предовольны* (Л. Толст., Дьявол, III); [Иванов] ...Когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя *делается* лицо *наивное-пренаивное*... (Чехов, Иванов, 3, VII).

8. Сочетания с так называемым «творительным усиления» — *болван-болваном, молодец-молодцом* — значат: «настоящий болван», «настоящий молодец»[78], т. е. обозначают полноту предикативного признака[79]. А. А. Шахматов в своем «Синтак-

---

[77] Такие сочетания могут функционировать и в роли не предикативно значимых членов предложения.

[78] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 472—473.

[79] Повторением «усиливается свойство предмета...: *копна копной так и переваливается* (подобно этому: *сморчок сморчком, бобыль*

сисе» несколько раз возвращается к этим конструкциям. Как уже отмечалось выше (стр. 55), в § 39 он дает определение их значения, отмечая, что сочетания типа *туча тучей* означают «полноту проявления признака, выраженного существительным». В § 46 читаем: «...В значении количественных наречий употребляются и некоторые существительные... Сюда... относится предложение, как *Как зашли в лядину, луды лудами груздей* (Заонежск., Певин), где *луды лудами* (кучи кучами) имеет значение: много, очень много»[80]. Таким образом и здесь высказывается мысль о «полноте проявления признака» как об основном значении таких сочетаний. С точки зрения грамматической Шахматов рассматривает творительный как дополнение; в разделе «Двусказуемые субстантивные предложения» он отмечает, что «второе и придаточное сказуемое» могут быть «заменены сказуемым дополнением»[81]. «При творит. дополнения имеется то же слово в именит. для выражения сказуемого. И из гостей домой *Пришла свинья-свиньей*. Крыл., Свинья»[82].

В современной русской литературной разговорной речи такие сочетания ограничены словами с эмоционально- или сравнительно-характеризующими значениями. Но исходное функционирование таких сочетаний, по-видимому, не знало лексических ограничений: сочетания с творительным усиления могли образовать слова любого значения; все сочетание обозначало полное соответствие называемому[83]. Вот примеры такого употребления.

> [Федор Федорыч] Ведь ты же опять и не красавец, как и мы все грешные. Нельзя же сказать уж так напрямик, *чтобы* твое лицо *было образец образцом* (Гоголь, Развязка «Ревизора»); — ...Я не выглядел таким старым, прокопченным чубуком, как теперь, а *был*, можете себе представить, *молодец молодцом*, кровь с молоком, красавец мужчина, одним словом (Чехов, То была она!); — ...Видит — у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, *сорт-сортом* (Бажов, Медной горы Хозяйка).

бобылем)...» (В. Водовозов. Формы предложений в русском народном языке, стр. 552).

[80] А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 60.

[81] Там же, § 271[1], стр. 224.

[82] Там же. Ср. также § 212[2] и 264.

[83] Неясны основания, позволяющие И. Г. Галенко утверждать, что во второй половине XVIII в. эти «образования» «стояли на грани между сложными словами и идиоматическими выражениями» («Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов», стр. 49).

К этому значению восходят ставшие устойчивыми *честь честью, чин-чином*[84].

В системе этого значения обособились и вошли в современное употребление сочетания двух типов.

1) Сочетания слов с эмоционально-оценочным и бранным значением.

А как засел в него дурак, То идол *стал болван болваном* (Крылов, Оракул); — А этот, небось, *спит себе дурак дураком*, рад, что выиграл... (Л. Толст., Два гусара, XIV).

— Я так на месте и села...*дура-дурой* и ни словечка вымолвить не могу (Мамин-Сиб., В худых душах, VI).

2) Сочетания слов, значения которых являются сравнительно-характеризующими в применении к человеку и возникли на основании переноса по сходству: *зверь, сморчок, глиста, осел, бык, баран, медведь, свинья, орел, волк, дерево, кувалда, пень, скелет, камень*, а также слов, употребленных для сравнения (обычно — человека, его состояния, поведения): *князь* (*живет князь-князем*), *невеста, барин, помещик, чорт* (*выскочил чорт-чортом*); *пласт* (*лежит пласт-пластом*), *плеть* (*рука висит плеть плетью*), *гора* (*стал гора горой*), *река* (*река рекой разливаюсь-плачу*), *тень* (*тень-тенью сделался*), *туча* (*сидит туча тучей*).

На корвете он *казался орел орлом*, особенно когда стоял на мостике... (Станюк., Нянька, IV); — А моя-то Дарья *пласт-пластом лежит*... (Мамин-Сиб., Золото, 5, V); Мужичище *бык быком*, а рожа у него ровно нарошно придумана (Бажов, Травяная западенка).

— ...*Свинья свиньей живет*, просто не приведи бог (Гоголь, Портрет, I); — Кормили его, кормили — *все шкелет шкелетом* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIII); ...Он подумал, что не шатущая эта девка, коли вся в глине, *чорт чортом* (Мамин-Сиб., Золото, 3, IV); ...Вовсе из сил выбился. *Тень-тенью стал*... (Бажов, Две ящерки).

9. Особняком стоят слитно произносимые сочетания относительных местоимений и местоименных наречий: *кто-кто, что-что, какой-какой, где-где, куда-куда, когда-когда*, функционирующие только как первая часть сложной конструкции с противительным значением[85]. *Что-что, а уж одеться она не дура*; *Кому-кому,*

---

[84] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 487, стр. 401.

[85] Эти же сочетания используются и в непредикативных функциях: во-первых, для выражения разнообразного множества (*Чего-чего* не пробовали! Уж *кто-кто* за него не просил! *Каких-каких* книг там нет! *Куда-куда* я только не ездил!); во-вторых (сочетания наречий), для выражения редкого и нерегулярного проявления — Овес-то, братцы, лаком; *когда-когда* его мужичий коняга видит! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XI); Огни

а тебе пора бы понимать; *Где-где, а у нас всегда найдется*; *Уж кто-кто, а он-то придет обязательно*. А. Н. Гвоздев полагает, что такие построения восходят к диалогической речи, когда «говорящий повторно воспроизводит вопрос собеседника, а затем противополагает ему (союзом *а*) свой ответ; этим достигается то, что даваемый ответ подчеркивается и выдвигается на первый план по сравнению со всеми другими возможными ответами» [86]. Такое объяснение представляется совершенно искусственным: никакого воспроизведения вопроса здесь нет, потому что такого вопроса нет и он не предполагается. Тем более нельзя видеть в таких сочетаниях новые слова, как это имеет место в цитировавшейся выше диссертации А. Е. Киселева, который о сочетаниях типа *кто-кто, чего-чего* пишет следующее: «Повторяясь, данные местоимения создают качественно новые образования, а именно модальные слова. Основная функция этих слов — выразить уверенность в правильности высказывания» [87]. Кстати, ряд последующих оговорок самого автора, по-существу, опровергает это утверждение.

На самом деле перед нами — особые категориально и лексически ограниченные построения, функционирующие как несамостоятельное предложение — первая часть противительной конструкции — и имеющие свое определенное значение: они обозначают допущение иного — не называемого и неопределенно мыслимого обстоятельства, субъекта или объекта, на который распространяется признак, противоположный выражаемому во второй части конструкции: *Кто-кто, а он-то придет* значит: «может быть, кто-нибудь другой не придет, а он обязательно придет»; *Что-что, а уж одеться она не дура* значит: «может быть, она не умеет чего-нибудь другого, но одеться она умеет»; *Где-где, а у нас всегда найдется* значит: «может быть, где-нибудь в другом месте не найдется, а у нас всегда найдется».

...*Уж кому-кому*, а мне-то пора было этому научиться! (Каверин, Два капитана, 7, 5); — *Уж кто-кто*, а вы, женщина, должны уметь оказать помощь в таких случаях (Панова, Спутники, 3, 12).

СОЧЕТАНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКИ НЕЗАМЕНЯЕМЫМ КОМПОНЕНТОМ

В сочетаниях с лексически незаменяемым компонентом в качестве одного из членов обязательно выступает одно, данное, определенное слово; возможны и такие сочетания, в которых

у старательских балаганов потухли, и только *где-где* глянет сквозь ночную мглу красная яркая точка (Мамин-Сиб., Золотуха, VI).

[86] А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 194.

[87] А. Е. Киселев. Лексическое повторение..., стр. 210 (дисс.).

оба компонента лексически незаменяемы. Эти соединения, в отличие от лексически не ограниченных сочетаний, существуют в языке как готовый материал, используемый при построении предложения. Естественно, что круг таких сочетаний в языке несравненно у́же, чем круг свободных или лексически ограниченных сочетаний, и что значения их гораздо менее разветвленны.

1. Сочетания типа *возьму убегу* (*убегу возьму*) незаменяемы со стороны одного компонента — *взять*, — который обычно является первым, но может быть и вторым. Значение таких сочетаний и условия функционирования совпадают с аналогичными союзными сочетаниями *возьму и (да, да и) убегу*, гораздо более употребительными (см. стр. 92—93). По сравнению с союзными, бессоюзные сочетания имеют окраску подчеркнутой непринужденности.

И взял я сел, вынул из кармана гребень и зачал им себя будто в голове чесать... (Лесков, Очарованный странник, 5); — *Взяли* мы сухариков моченых ему *положили...*, простились как следует, да так и оставили (Л. Толст., Рубка леса, XIII).

[Петр] А вот *взял* сейчас один глаз *зажмурил*, вот тебе и кривой; и не узнают (Остр., Лес, 2, 1); Или *возьмет начнет* немецкие песни *петь* — оба и плачут сидят (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего); — ... Какой вы отец? .. *Удавлюсь вот возьму!* (Гл. Усп., Разоренье, III, 1).

2. В сочетаниях типа *знает бездельничает* порядок компонентов закреплен: незаменяемый компонент — *знает* — начинает собою сочетание. Значение сочетания — ничем не обусловленное, свободное действие, осуществляющееся независимо от каких-либо сопутствующих ему обстоятельств, других действий, возможно — вопреки им. Возражая против предлагаемого Буслаевым определения значения «выражения» *знай* как «значения продолжения и непрестанности», К. Аксаков писал: «Определение, по нашему мнению, неверное. *Знай* не это собственно значит. Это выражение значит, что ни до чего другого дела нет, ни о чем другом не беспокоится. Вместо *знай* может быть употреблено и *знает*. Напр.: „Около него и шум и крик, а он *знает себе пишет* (*знай себе пишет*), и только“ (т. е. пишет, как бы оградясь от всего остального, как бы ничего не замечая» [88].

---

[88] К. С. Аксаков. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. В кн.: К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I. М., 1875, стр. 569—570.

— Бывало, даже молиться начнет, так и то и нагни ты ее, и подними ты ее, а она *только знает командует* (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, V).

— Своей болтовней я отнял у тебя последнее утешение. *Знала бы себе* до смерти *лечила* мужиков, да *не ела* мяса, так нет же, дергал меня черт за язык! (Чехов, Скука жизни).

Знает в таких сочетаниях ослабляет свое основное значение. Ср. сохранение лексического значения *знать* («уметь», «преимущественно заниматься чем-либо») в синтаксически раздельных сочетаниях форм этого глагола с инфинитивом.

— При дедушке жила в богатом доме и *знала только* на балы *выезжать*, при отце тоже... (Писемск., Виновата ли она? III); — *Знает только* на вечера к артистам *ходить*... (Ю. Сальников, Экзамен Гали Перфильевой, 4).

Таков круг свободных, лексически ограниченных и имеющих незаменяемый компонент сочетаний слов одной и той же грамматической категории. Как видно, сочетания эти очень разнообразны. Но все их объединяет, с одной стороны, синтаксическая неразделенность компонентов, с другой стороны, наличие специфических модальных значений.

Сочетания слов, относящихся к разным грамматическим категориям

Образующие предикативные единицы сочетания форм слов, относящихся к разным грамматическим категориям, не свободны со стороны своего словесного наполнения: они или лексически ограничены, или имеют лексически незаменяемый компонент. Круг таких сочетаний очень узок.

ЛЕКСИЧЕСКИ ОГРАНИЧЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Основную массу лексически ограниченных сочетаний слов, относящихся к разным грамматическим категориям, составляют:

1) Сочетания форм глаголов *есть* (*съесть*), *пропасть*, *дрожать*, *задрожать*, *ходить*, *пойти*, *слыхать*, *слыхивать*, *слышать*,

видать, видывать, валить, повалить, сидеть, стоять, стать, кишеть, закишеть, реветь, зареветь, лежать, выть, завыть, жить, гореть (сгореть), вертеть, завертеть, лить, лететь с однокоренными образованиями наречного типа на *-ом*[89] и *-мя (-ма)*[90]: *поедом есть (съесть), пропасть пропадом, дрожма (-я) дрожать, ходуном (ходенем) ходить, слыхом (не) слыхать, видом (не) видать*[91], *валом (и валма) валить, сидма (-мя) сидеть, стойма (-мя) стоять, летма (-мя) лететь, кишмя кишеть, ревма (-мя) реветь, лежмя (-ма) лежать, войма (-мя) завыть, живмя жить, едма есть, горма (-мя) гореть, вертма (-мя) вертеть, ливмя лить*[92].

2) Сочетания некоторых качественных прилагательных и наречий с однокоренными образованиями наречного типа на *-ым*[93]; с бессуфиксными формами прилагательных: *красным красна, голым голо, пьяным пьяна, черным черна, белым бела, пустым пуста* и некот. др.[94] (образования с краткими бессуфиксными

---

[89] «...Творительный существительного, иногда вовсе неупотребительного в другом падеже» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 406).

[90] О литовской форме на *te*: degtè dega — «горьма горит» Потебня писал: «Как бы ни было, это падеж, потерявший свое значение, т. е. в сущности не падеж, а глагольная форма...» (там же, стр. 405).

[91] Два последние сочетания в современном языке употребляются почти исключительно с отрицанием (но ср. ниже пример из Чехова, Иванов, 2, V). Ф. И. Буслаев называл их «описательным отрицанием»; он писал: «...Описательное отрицание... может быть выражено повторением корня слова: *видом не видать, слыхом не слыхать*; напр.: *помчали, и за стол роскошный посадили, какого и видом не видано у нас* Дм. 3, 136» («Историческая грамматика русского языка», [II], § 264, стр. 328).

[92] Ср. еще в «Пословицах русского народа» В. Даля (стр. 514 и 515): *бежма бежать, течма течет*. В «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г.: «*порма пороть:* скоро читать или говорить. *Так порма и порет*» (стлб. 171).

[93] О происхождении и развитии форм на *-мя, -ом, -ым* см.: К. С. Аксаков. Несколько слов о нашем правописании. Соч. филологические, ч. I, стр. 403; его же. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаева, стр. 502—504; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II], § 226, стр. 214; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 405—407, 472—473; А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 478, стр. 401; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 365—366; А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв., стр. 199—201 (там же — обзор литературы вопроса); N. Borowska. Redoublement des mots..., стр. 271.

[94] Н. Боровская отмечает еще: *статным статна* (там же, стр. 275).

www.ruslang.ru

формами имеют категориальное ограничение; в такие сочетания не входят формы мужского рода: в современном литературном языке нет сочетаний типа *пьяным-пьян, красным-красен* и т. п.); с суффиксальными формами на *-ехонек, -ешенек, -енек: белым-белешенек, старым-старенек, сухим-сухохонек*[95].

3) Сочетание *одним-один* (*одна, одни*).

Значение всех этих сочетаний — интенсивно и полно проявляющийся предикативный признак[96]. Произносится все сочетание слитно.

Сочетания с образованием на *-ом*[97].

Она, что называется, «*поедом ела* его», а он принимал все это равнодушно... (Гонч., Слуги старого века, III); ...Белая миткалевая рубаха *ходила ходенем* на трепещущей груди (Лесков, Котин доилец и Платонида, 18); Ну народ — откуда такая? — *валом* за ней *валит* (Бажов, Малахит. шкатулка). Сравн.: — Много ли турков? — спросил Семичев. — *Свиньем валит*, ваше благородие (Пушк., Путеш. в Арзрум, III).

Сочетания с образованием на *-ма* (*-мя*):

Она чаще бывала у него: обедала, завтракала, — словом, как говорят, *живмя-жила* (Гонч., Иван Савич Поджабрин); ...Порывистый ветер опахивал холодными волнами и *воймя завывал* где-то в соседней трубе (Писемск., Тысяча душ, I, VIII); [Матрена Панкратьевна] Данила Григорьич, что с девкой-то сделалось? *Ревмя-ревет* (Горбунов, Самодур, 2, III); — ...То зуб с зубом сомкнуть не могу, то весь *так и горю горма* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Аринушка); ...Все

---

[95] Почему Л. А. Булаховский считает *рад-радехонек, один-одинешенек* и т. п. сложными словами — неясно (см.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 193).

[96] Буслаев видел здесь «описательные формы превосходной степени»: *ливмя льет* — «т. е. очень сильно», много; *высоким высоко* — «т. е. очень высоко» (см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II], стр. 214. Ср. у Давыдова: «...От некоторых глаголов производятся наречия с особым окончанием на *-мя* и *-ми*, с которыми глаголами и употребляются в совокупности для усиления действия, как то: *ливмя, лежмя, сидьмя, стоймя*» (И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Изд. 3, СПб., 1854, § 268, стр. 216).

[97] В образованиях на *-ом* ударение первоначально падало всегда на последний слог. Ср. свидетельство В. Г. Белинского: «Она была написана не книжным языком, которым никто не говорил, которого не знал ни один народ в мире, а русские особенно *слыхо́м не слыхали, видо́м не видали*, но живым легким разговорным русским языком» (В. Г. Белинский. Собр. соч. т. V, 1901, стр. 76. Рецензия на «Горе от ума» Грибоедова. Ударение поставлено Белинским).

время *сидмя-сидел* в девичьей (С.-Щ., Пошехонск. старина, XX); — Рыбы тут *кишмя-кишит* (И. Арамилев, На охоте); — Как он купанью-то обрадовался. Он прямо в эту воду *летел летма*! (Из разг. речи).

Сочетания с образованиями на *-ым:*

Наша весна *красным красна* (Даль, II, 39) [98]; — То надо лечить себя, того или этого, то учителя, репетиторы, гувернантки, а жизнь *пустым-пустешенька* (Л. Толст., Крейц. соната, XVIII); ... Береза *стоит голым-голешенька*... (Бажов, Огневушка-Поскакушка); ... Кругом *было белым-бело* от новых бревенчатых стен (Б. Зубавин, Начало).

В песне:

... Что у вас-то мужья молодые,
У меня ли, молодешеньки, *старым-старенек.*

(Бытовая песня. Рыбн., 3, 162)

К сочетаниям типа *поедом есть* примыкают такие, в которых глагол соединяется с творительным однокорневого имени, выступающим не как самостоятельный член предложения, а как составной элемент предикативно значимого сочетания: *криком кричит, голосом голосит, ходом ходит, бегом бежит, ревом ревет, стоном стонет, сиднем* (*сидуном*) *сидит, мором морит, смехом смеется, воем воет*[99] и некот. др.

— ... Старички (птица такая, вроде чайки) над морем летают, *криком кричат*, ровно черти. Каменный берег весь *стоном стонет*, море на берег лезет (Короленко, Соколинец, VI); — Вот заслышали мы, что русский человек в тайге *голосом голосит*, кинулись в овраг... (там же); — ... Ты и старика свекра *мором моришь*... (Л. Толст., Упустишь огонь — не потушишь); ... Наши березовские старики *смехом смеялись*, как такое услышали (Бажов, Золотые дайки).

— ... И волны вовсе освирепели, ровно сбесились... *Воют воем* и на «Ястреб» набрасываются (Станюк., Гибель «Ястреба», I); А он стоит да топает ногами, как будто *бегом бежит*... (Гл. Усп., Михалыч) [100].

---

[98] Пример заимствован из кн.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 480, стр. 405.

[99] Ср. у Буслаева: «Черные вороны *табуном табунилися* (Древн. росс. стихотв., 288)» (Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Изд. 2. М., 1867, стр. 330).

[100] Ср. у Мамина-Сибиряка повторяющееся выражение: *стоном стон стоит* («Хлеб», I, VIII; IV, VIII; «Говорок», III).

СОЧЕТАНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКИ НЕЗАМЕНЯЕМЫМ КОМПОНЕНТОМ

Очень немногочисленны такие сочетания слов разных грамматических категорий, в которых один или оба компонента лексически незаменяемы. Это, во-первых, незаменяемое со стороны обоих компонентов сочетание *рад радостью*, обозначающее высокую степень проявления предикативного признака. В современной живой литературной речи это сочетание почти совсем утрачено. Для XIX в. оно фиксируется в разговорной речи, граничащей с просторечием (главным образом у Островского).

[Дергачев] Где же я тебе достану? Я *бы рад радостью*, да негде (Остр., Последняя жертва, 3, II).

Во-вторых, незаменяемыми со стороны первого компонента являются слитно произносимые сочетания препозитивного *рад* с глаголом в форме сослагательного наклонения: *рад бы пошел;* такие сочетания, в соответствии со значением компонентов, обозначают положительно оцениваемое и желательное, но трудно осуществимое или неосуществимое действие; употребляются они обычно как первая часть противительной конструкции. Эти сочетания сейчас отошли в сферу архаизированной речи; они известны говорам и просторечию. Анализируя употребление «прилагательного вместо наречия», Ф. И. Буслаев приводит характерные для «старинного и народного языка» соединения: «...В Др. Р. Ст. «*рад бы, осударь, женился*, да негде взять» 135[101]; в песн.: «уж я *рада бы не плакала*». Чулк., 1, 142; «уж я *рада бы* с тобою *говорила*». Прач. 59»[102].

[Беркутов] ...Выкиньте все это из головы! [Мурзавецкая] *И рада б выкинула*, да нейдет (Остр., Волки и овцы, 5, 5); — Дело мое одинокое, старое... Где *и рад бы похлопотал* — сил моих нету (Л. Толст., Утро помещика, IV); — А не заводи полюбовницу. — *Рад бы не завел*, да господь навел (Горький, Дело Артамоновых, I); — *И рад бы велел*, да не слушается (Слепцов, Трудн. время, VIII); — Я *бы рада сделала*, ну никак сам с собой не совладаешь: засыпаешь и все (Из разг. речи).

Отметим вообще способность формы *рад* участвовать в образовании нераздельных предикативно значимых сочетаний, например: — Вишь, *не опомнится — рад*, — сказала Дуняша... (Л. Толст., Поликушка, XIII).

---

[101] Ср.: *И рад бы женился*, да некого взять (В. И. Даль. Пословицы русского народа, стр. 363).

[102] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II], § 227, стр. 215.

СОЮЗНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Лексически не ограниченные сочетания

К числу лексически не ограниченных союзных сочетаний, выступающих в роли сказуемого двусоставного предложения или предикативной основы односоставного предложения, относятся сочетания с соединительными союзами (*и, да, да и*), сочетания с разделительными союзами и сочетания с союзом *как*.

СОЧЕТАНИЯ С СОЕДИНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

Сочетания с союзом *и*

1) Одним из основных значений лексически не ограниченных сочетаний двух (реже — трех, при бессоюзном соединении двух первых) одинаковых форм одного и того же слова, соединенных союзом *и*, является значение длительности и постоянства, непрерывности предикативного признака. Для глагольных построений здесь характерно соединение двух форм глагола несовершенного вида в настоящем или прошедшем времени; глаголы, как правило, обозначают конкретное действие. Такое сказуемое тяготеет к концу предложения [103].

Пули *летели и летели* (Гаршин, Аясларское дело, III); Она не чувствовала ни ветра, ни темноты, а *шла и шла*... (Чехов, Несчастье); — Гости-то *спят и спят* в саду, да? (Из разг. речи).

— ...И хоть бы одно задушевное слово сказал! *Крики и крики* — и больше ничего! (Писемск., Тысяча душ, 3, III); — Он измором берет: *говорит и говорит* без конца (Л. Толст., Воскресение, 1, XXXV); — И кто это его только выдумал, тот футбол проклятый! *Бьют и бьют* от зари до зари, подметки себе начисто поотбивали (Пауст., Кордон «273»); — ...Мы, значит, отступали, а он напирал нам на пятки. *Едем и едем, едем и едем:* и день, и ночь (Троепольск., Один день).

Формы глагола в сказуемом могут быть разделены подлежащим; конструктивная цельность сказуемого при этом полностью сохраняется.

---

[103] А. А. Шахматов склонен был относить такие сочетания к «усилительному подвиду» несовершенного вида (см.: «Синтаксис...», § 544, стр. 475).

— Ну, хорошо: *скорбит* он *и скорбит*, а владыко решили, что быть ему за его пьянство без места (Лесков, Очарованный странник, 1).

То же значение в сложном глагольно-именном сказуемом.

[Вершинин] Мы *должны только работать и работать*, а счастье — это удел наших далеких потомков (Чехов, Три сестры, 2).

2) Другим значением лексически не ограниченных сочетаний с союзом *и* является значение интенсивности, высокой степени проявления предикативного признака; в именных построениях здесь выявляется также и значение исключительности. Это обычно сочетания двух форм глагола совершенного вида или двух форм глагола несовершенного вида, а также двух форм одного имени.

— Ты *неправа и неправа*, мой друг, — сказал Вронский, стараясь успокоить ее (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 4, III); [Саша] Зачем же они говорят вздор? Ах, да все это *скучно и скучно!* (Чехов, Иванов, 2, III).

Главным основанием его системы была строгость. «*Строгость, строгость и — строгость*», — говаривал он обыкновенно... (Гоголь, Шинель); — Для меня *одно и одно* — это твоя любовь (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, XXVII) [104]; — Из-за чего только люди кровь себе портят, *не понимаю и не понимаю* (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, VI); — *Пристал и пристал:* едем и едем! (Макаренко, Кн. для родителей, 2).

3) Третье значение сочетаний с союзом *и* — значение категорического утверждения.

— ...Это редкая девушка. Милый друг, я вас прошу, вы не умствуйте, не сомневайтесь, *женитесь, женитесь и женитесь*... И я уверен, что счастливее вас не будет человека (Л. Толст., Война и мир, II, 3, XXII); — Тысячу раз говорил уж я всем, что у меня писец есть! *Есть, есть и есть!* Пора уже перестать ходить! (Чехов, Персона); — Нет у меня для вас места! *Нет и нет!* Оставьте меня в покое! (Чехов, Дамы).

4) Особым значением сочетаний с союзом *и* является значение принятия, допущения. Здесь типической конструкцией является предложение.

---

[104] Ср. не предикативно значимые члены предложения: Жалею *весьма и весьма*, что нахожу вас в таком положении (Дост., Прест. и наказание, 2, V); — Но ее, бедняжку, мне *ужасно и ужасно* жалко (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, X); Где я, боже мой? Меня окружает *пошлость и пошлость* (Чехов, Учитель словесности, II).

— ...«Глуп, говорит, ты!» *Ну, глуп и глуп*, не впервой мне это от него слышать... (Лесков, Соборяне, 1, 2); *Бросил и бросил*, ничего не поделаешь, в семье исчезла фигура отца... (Макаренко, Кн. для родителей, 5).

5) Пятое значение описываемых сочетаний с союзом *и* — значение обычности, соответствия норме, привычному образцу. Это значение выявляется только в именных нераспространенных предложениях.

— У лешего наружность обыкновенная. *Мужичок и мужичок*. Вроде меня (Пауст., Повесть о лесах, Глухомань); — Ну, значит, какой бу́дет рисунок? — Ну как какой будет? Плохой не надо. — Что значит плохой. *Рисунок и рисунок* (Из разг. речи).

Распространение таких предложений невозможно. Не видоизменением их, а особой конструкцией являются предложения следующего типа:

А про золото те не сказали. Думают, так и есть — погуляем, потешимся. *Только золото, оно и золото*. Хоть веско, а само кверху лезет. Его, видишь, первым делом разменять требуется (Бажов, Дорогое имячко).

6) Лексически не ограниченные сочетания с союзом *и* могут обозначать воспроизведение слов чужой или прежней своей речи как обычных и характерных. Это значение выявляется обычно в односоставном предложении, реже — в сказуемом.

— Стала на своем, что *иду и иду*, и только (Лесков, Воительница, 5); До прошлой осени *был* все еще *Степой и Степой*. А вот женился, и пошли его величать по отчеству (Д. Холендро, Дорога в степи, 3).

7) Наконец последнее значение изучаемых сочетаний — значение множественности, выявляющееся в именном сказуемом или именном личном бесподлежащном предложении. Здесь имеет место категориальное и лексическое ограничение.

Кто и кто те люди, которые могли бы решить, действительно ли он так умнее всех? (Л. Толст., Война и мир, IV, Эпилог, 1, XVI) [105].

К сочетаниям с союзом *и* относятся и такие, в которых при второй форме стоит отрицание: *верил и не верил, похож и не похож*; союз может быть повторяющимся (*и верил и не верил*).

---

[105] Ср. не предикативно значимые члены предложения: ...Озабоченный соображениями о том, *что и что* ему нужно о делах спросить у предводителя... (Л. Толст., Война и мир, II, 3, II). Ср. с союзом *да*: ...Расспрашивал у ребят, *чьи да чьи* ребята идут и зачем они зашли в избу... (Л. Толст., Песни на деревне); [Леонид Федорович] Так *кто же да кто* остается? (Л. Толст., Плоды просвещ., III, 18).

Нераздельность предикативно-характеризующей функции здесь определяется наличием нерасчленяемого значения одновременно реализующегося и не реализующегося признака, т. е. осуществляющегося в едином временно́м плане сложного совмещения наличия и отсутствия действия, выявляемого качества и т. п. как внутренне противоречивого признака. Наиболее обычны здесь формы сказуемого.

Призванный Пизонский *и рад и не рад был* своему счастью... (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 12); ...Он *верил и не верил* этому слуху (Писемск., Тысяча душ, 2, III); Косые глаза ее, остановившись, *смотрели и не смотрели* на него (Л. Толст., Воскресение, 1, XLVIII); — Я *надеялся и не надеялся*, то мне казалось, что вы кокетничаете, то верилось... (Л. Толст., Семейное счастье, 1, V); И нельзя сказать, что он [разговор] был совсем не похож на тот разговор, который вскоре произошел между мною и Катей. Он был *и похож и не похож*, как сон *похож и не похож* на реальную жизнь (Каверин, Два капитана, 4, 15) [106].

Возможно соединение одинаковых форм разных, но обязательно однокоренных и одновидовых глаголов: *видел и не видал, слышал и не слыхал.*

Машинально смотрел и не замечал, как забрезжилось утро; *слышал и не слыхал*, как раздался сухой кашель старухи..; *видел и не видал*, как хозяйка и Акулина пошли на рынок, как мелькнул пакет мимо забора (Гонч., Обл., 3, XVII).

Сочетания с союзом *да и*

Лексически не ограниченные сочетания с *да и* функционируют в современном русском языке в основном как предикативные основы односоставных предложений. Круг их значений у́же, чем у сочетаний с союзом *и*.

1) На основное значение сочетаний с союзом *да и* — значение непрерывной длительности, постоянства — обычно наслаивается значение интенсивно проявляющегося признака.

— ...Архиерей стал пред иконой и зачитал, и *читает, да и читает*, молитву за молитвой (Лесков, Соборяне, 3, 3) [107]; [Наташа] Теперь масленица, прислуга сама не своя,

[106] Ср.: [Лошкарев] (опуская руку с ножом) Стой!.. Подожди... (Слушает). Наш свист... (И дает, еще *не веря и веря*, в ответ удалой четырехпалый свист...) (Вс. Вишневск., У стен Ленинграда, 3).

[107] Ср.: ...Начал он к нам каждый день ездить. Сыграет партию — другую, *да и наверх, да и наверх* (Л. Толст., Записки маркера).

гляди да и гляди, чтоб чего не вышло (Чехов, Три сестры, 2).

Значение интенсивности может быть в сочетаниях с *да и* основным. Ср. у Буслаева: «*больно да и больно*, т. е. очень больно» [108].

— ...Возьмет, возьмет, вот на те, в руках, — перекинется птицей, *улетит, да и улетит*. И убить тоже нет положенья (Л. Толст., Война и мир, IV, 4, VIII) [109].

2) Другое значение сочетаний с союзом *да и* — значение категорического утверждения.

— Не пью, благодарим покорно, — сказал он... — Что ж так? — сказал старший брат. — *Не пью, да и не пью*, — сказал Никита... (Л. Толст., Хозяин и работник, IV).

Сочетания с союзом *да*

1) Основным значением лексически не ограниченных сочетаний с союзом *да* в сказуемом является значение непрерывности, постоянства, длительности проявления предикативного признака [110]. К этому значению может присоединяться оттенок неукоснительности проявления признака.

И корвет *шел да шел* узлов по семи, по восьми, имея на себе всю парусину (Станюк., Между своими, III); ...Он безумолку продолжает болтать все время, покуда карета *ползет да ползет* по мостовнику (С.-Щ., Пошехонск. старина, VII).

Добавочное значение неукоснительности проявления признака наиболее отчетливо выявляется в предложениях, имеющих сопоставительно-противительное значение.

...Она сажала цветы и наблюдала за птичьим двором, он изредка ездил на охоту и занимался хозяйством, а Аркадий *рос да рос* — тоже хорошо и тихо (Тург., Отцы и дети, I); Много людей сгинуло, а другие *идут да идут* (Бажов, Дорогое имячко).

Это значение может уточняться внесением лексического указания: «между тем».

---

[108] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II]. стр. 214.

[109] Ср.: — ...Ты слишком их щадишь! С народом этим надо *руки да и руки*... (Полевой, Елена Глинская); — ...Выходит, что *привычка да и привычка* нужна! (С.-Щ., Пошехонск. старина, V).

[110] Ср. не предикативно значимые члены предложения: — Небось, любезный сынок Петр Васильич не раскошелился, а все норовит *себе да себе*... (Мамин-Сиб., Золото, 2, VIII).

— А падчерица ее, первого ее мужа, откупщика дочь, *меж тем росла да росла* (Дост., Униженные и оскорбл., 1, XII); А барка, *между тем, плыла да плыла* (Решетн., Подлиповцы, 2, XI).

В строе односоставных предложений сочетания с союзом *да* в качестве основного также имеют значение длительного признака.

[Домна Пантелевна] Да и не осудишь женщину-то... *Смиренничай, да смиренничай* — и проживешь всю жизнь так, ни за что... (Остр., Таланты и покл., 3, IV); — Нынче соловьи-то кусаются... Нынче их *поискать, да поискать* хороших-то... (Горбунов, Птицелов); ...И сноха попалась смирная и работящая. *Жить бы да жить* Ивану с семьей (Л. Толст., Упустишь огонь — не потушишь); — Да, брат, гостей стал водить. А то что? *Один да один*. Скучно. (Г. Радов, Петр Егорыч, 8).

2) Другое часто встречающееся значение сочетаний с союзом *да* — воспроизведение чужой или прежней своей речи, оцениваемой отрицательно, иронически, неодобрительно. Это значение выявляется почти исключительно в односоставных, обычно нераспространенных предложениях [111].

— Пристал: *купи да купи;* петушок, говорит, славный (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — Да что вы это все меня *мальчишка да мальчишка*. Полно вам; пора и перестать мальчишкой-то звать меня (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9); — Меня Адель сбила: *купите да купите*, — сказал Пьер (Л. Толст., Война и мир, IV, Эпилог, 1, XII); [Матрена] Так себе старичок мой зря болтает: *женить да женить* (Л. Толст., Власть тьмы, 1, X); — Нахвалили: «*хлеба да хлеба* там», а вышло — одно горе хлебаем (Бажов, Через межу, 1).

Вообще любое слово, взятое как характерное из чужой или прежней своей речи, повторенное дважды и образовавшее таким образом сочетание с союзом *да*, может стать основой предложения с соответствующим значением, например: — Ну, как у вас там дела? — Да ничего, помаленьку. — Вот все вы так: *помаленьку да помаленьку*, а я этого терпеть не могу (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, X).

---

[111] Шахматов видел здесь неполные предложения с «опущенными» глаголами *говорить, сказать, отвечать, рассказать, обращаться, приставать*. Его пример: «От рук отбился, блаженничать стал, совсем дураком сделался. *Дурак да дурак*; так и по сие время за дурака слывет». Слепцов, Отр. из дор. зам. (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 313, стр. 244).

В сказуемом сочетания с *да* со значением чужой речи редки, но возможны.

...Сейчас начнет глупые «канплименты» говорить, зовет на чашку щеколаду, — *поди да поди* я к нему сюда! (Гонч., Слуги старого века, I).

3) Особым значением сочетаний с *да* является значение интенсивности предикативного признака; оно выявляется не часто, — обычно в нераспространенных бесподлежащих определенно-личных предложениях.

[Репейкин] ...Я наконец выхожу из терпенья и решаюсь... угадал, на что? Решаюсь сам сесть на козлы... Ты знаешь, что я правлю мастерски... *Пошел да пошел!* Коляска набок, а я здесь налицо (Писарев, Хлопотун, VI).

Шахматов видел здесь значение категорического утверждения, «аффектированного изъявления». Он писал: «Утверждение и отрицание может быть изъявлено в особой категорической форме и с особенною резкостью; но этот привходящий элемент чувства не вносит нового значения в установленную говорящим связь; словесное выражение он находит только в усиленной интонации; различные оттенки ее, различные степени резкости и категоричности не создают определенного критерия для отделения простого изъявления от изъявления аффектированного. Впрочем, аффектированное изъявление может найти себе словесное выражение в различных союзах: *да придут же, да был же;* также *придут да придут, куплю да куплю*» [112]. Однако имеющиеся материалы убеждают, что значение интенсивности выявляемого признака выступает здесь как самостоятельное, вне сочетания со значением «аффектированного изъявления».

Итак, сочетания с соединительными союзами имеют в качестве основных и наиболее общих значения: длительности, постоянства, непрерывности признака (сочетания с союзами *и, да и, да*) и интенсивности проявления признака (сочетания с союзами *и, да и, да*); кроме того, этим сочетаниям могут быть присущи значения категорического утверждения (сочетания с союзами *и, да и*), принятия, допущения (сочетания с союзом *и*), обычности, соответствия норме (сочетания с союзом *и*), множественности (сочетания с союзом *и*), чужой речи (сочетания с союзами *и, да*), одновременного выявления и невыявления признака (сочетания с союзом *и*, с отрицанием при второй форме). Как видно, наиболее многообразен круг значений у сочетаний с союзом *и*.

---

[112] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 551, стр. 482.

СОЧЕТАНИЯ С РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

Сочетания двух форм при помощи союза *или*, реже *ли*, с отрицанием при второй форме образуют в современном русском языке особую форму сказуемого или предикативной основы односоставного предложения со значением безразличия, несущественности результата. Полное единство временно́го, модального и — там, где оно имеется, — личного значений делает сочетание типа *рад или не рад, сердись или не сердись, охота или не охота* одним членом предложения и определяет нераздельность его компонентов[113]. Сочетания с *или* функционируют всегда в составе уступительной конструкции[114].

— Убить! За это сейчас убить его! Суд *оправдает или не оправдает*, но честь спасена будет (Лесков, Фигура, 9).

[Глафира Фирсовна] ...Уж *рада не рада ль*, а не выгонишь... (Остр., Последняя жертва, 1, I); — Присягу, ваш-скородь, сполнять приходится, — сказал он отчетливо: — *охота или не охота*, а прикажут воевать — пойдем! (Соболев, Капит. ремонт, 10).

СОЧЕТАНИЯ С СОЮЗОМ *как*

Лексически не ограниченные сочетания двух форм при помощи союза *как* имеют значение соответствия обычному, приближения к норме: *дом как дом*. В примере *Нельзя же: все люди, как люди — я точно не человек!* (Гонч., Слуги старого века, III) Шахматов видит в сочетании *все люди, как люди*[115] «двусоставное согласованное односказуемое субстантивное предложение» (подлежащее — *все люди;* ср. постановку тире, а также другой пример там же: *Люди как люди, а Фома как бес*. Даль, III, 121)[116]; в противоречии с этим находится отнесение к «слитному сказуемому» сочетания *баба как баба* в примере: «Пока в сиятельство не лезла — *была баба как баба*, а теперь

---

[113] Изучение дополнительно собранных материалов заставляет отказаться от мысли, что такие сочетания являются «переходной формой между синтаксической конструкцией, оформляющей сказуемое, и соединением однородных членов» (см.: «Исследования по грамматике русского литературного языка», стр. 338).

[114] Ср.: А служба такова: *хоть рад, или не рад*, Исполнить должен повеленье (Крылов, Скупой).

[115] У Гончарова пунктуация именно такая; в «Синтаксисе...» Шахматова она изменена: «... все люди — как люди, я точно не человек!»

[116] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 204, стр. 187. Эта точка зрения принята в «Грамматике русского языка» АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 420.

приступу нет» (Чехов, Иванов, IV)[117]. В живой речи сочетание с *как* нераздельно и является единым членом предложения, функционирующим как сказуемое или предикативная основа односоставного предложения. Произносится все сочетание слитно.

Предложения данного типа — именные односоставные или двусоставные с глаголом бытия, нераспространенные, редко — малораспространенные.

Захожу в колониальный магазин. Ничего! *Магазин как магазин* (Горбунов, Из деревни, IV); — А заметили вы, как вчера Прасковья Ивановна одета была? — Что ж, *одета как одета*... (С.-Щ., Пошехонск. старина, XVI); *Обед был как обед*, скучный, притворный (Л. Толст., Крейц. соната, XXIII); — Из себя-то они какие? — Какие! *Возчики как возчики, лошади как лошади!* (А. Рыбаков, Водители, 2, 21); ...Снаружи — *человек как человек*, а вот внутри — загадка (Троепольск., Прохор семнадцатый...).

Отсюда же — устойчивое сочетание *нет как нет*.

В сказуемом обычно сочетание имен.

— Наговорили мне о тебе с три короба, а ты — *карась как карась*, — только и всего (С.-Щ., Карась-идеалист).

Редко — сочетание глаголов.

— ...Да нет, *одеревенел* человек *как одеревенел*, твердит одно и то же (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего); — В четыре руки жить захотел! — клокотало в ней... — И там страховка, и тут подвертка! А я? А почему я *живу, как живу*, концы никуда не прячу? (Павленко, Счастье, 2, 9).

Лексически ограниченные сочетания

Среди лексически ограниченных сочетаний выделяются две неравные группы: сочетания с соединительными союзами и сочетания с союзом *что*.

СОЧЕТАНИЯ С СОЕДИНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

Лексические ограничения в сочетаниях с соединительными союзами могут распространяться или на один из компонентов сочетания, или на оба компонента. Естественно, что в последнем случае круг сочетаний у́же; в случае же ограниченности

[117] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 297[1], стр. 236.

со стороны лишь одного компонента (обычно первого) границы возможного круга сочетаний фактически не могут быть очерчены.

В отличие от лексически не ограниченных сочетаний, в сочетаниях лексически ограниченных союзы *и, да и, да* не вносят особых оттенков в значение всего сочетания.

1. Свободны со стороны второго компонента и ограничены со стороны первого сочетания типа *сиди и жди, хожу да посмеиваюсь, лежит и думает* и под. Наиболее обычно их употребление в функции сказуемого или главного члена односоставного определенно-личного предложения [118]. Такие сочетания обозначают сложносоставный признак: действие, осуществляющееся в процессе пребывания в том или ином состоянии. Соответственно имеет место ограничение со стороны первого компонента (порядок компонентов строго закреплен): это глагол, обозначающий движение или пребывание в состоянии: *идти, ходить, сидеть, стоять, лежать.* Компоненты сочетания могут быть разделены другими членами предложения; конструктивная цельность сочетания этим не нарушается. В отличие от соответствующих бессоюзных сочетаний (*сиди жди, лежит думает*) первый компонент здесь всегда ударяем, но, как и там, часто лексически неполнозначен.

Сочетания с союзом *и.*

— Я *сидела и слушала,* — рассказывала мне Наташа, — но я сначала право как будто не понимала его (Дост., Униженные и оскорбл., 4, VI); *Лежит* Ефим *и не спит...* (Л. Толст., Два старика, XI); — Протопоп нашелся проповеди читать! Я, может, *стою и плачу,* а тебе смешки-смехунчики! (Соболев, Перстни).

Сидим и клеим. Я строгаю лучинки для змея, Митя хвост делает (Гл. Усп., Михалыч); Мать с двумя детьми, муж погиб, жить негде... *Стоит и смотрит* на тебя. Жить негде. На руках дети. Плачут (В. Некр., В родн. городе, 1, 17); — И подмечать все научился. *Ходишь и думаешь:* неужто он раньше меня что-нибудь заметит? (Соболев, Зеленый луч, 6).

Сочетания с союзом *да.*

...Мы люди непричастные, мы *сидим да глядим только,* как вы там стараетесь и как у вас ничего из этого не выходит! (С.-Щ., Губ. оч., Лузгин); Почему Поляков, Степанов, диспетчер сразу почувствовали в Вертилине жулика,

---

[118] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 293, стр. 234.

сразу насторожились, а он *только ходил да посмеивался?* ... (А. Рыбаков, Водители, 3, 34).

И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление; так что *стоишь только да дивишься*, пожимая плечами, да и ничего более (Гоголь, М. д., 1, IV). Сочетания с союзом *да и*.

— У кого пойдешь защиты искать? *Сидим* оба, *да и плачем* (Горбунов, Из деревни, I).

[Павел] Повернул назад, пошел. *Иду да и думаю:* сам не балует ли?.. (Горбунов, Лес, II).

Возможно сочетание разновременных и разновидовых форм глагола: настоящего и прошедшего со значением перфекта.

Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь *сидит и хвост подвернул*, не горячится (Гоголь, Ревизор, II, 1); — Знает кошка, чье мясо съела! — бормотал Савка, щуря на нее глаза. — *Идет и хвост поджала*... (Чехов, Агафья).

Грамматическая и смысловая цельность союзного сочетания особенно наглядно выявляется тогда, когда в строе предложения к такому сочетанию относится а) дополнение (особенно в случае его препозиции по отношению к сказуемому) или б) придаточное предложение, а также в) тогда, когда предложение, содержащее сказуемое типа *сидит и пишет*, является придаточным к такому, в котором обозначается восприятие.

а) — И пошел, знаете, и пошел, и все опровергает; а я *все это сижу да слушаю* (Лесков, Соборяне, 1, 3).

б) Когда вы *стоите и ждете, что* вот-вот лопнет эта натянутая струна, когда все ждут неминуемого переворота, надо как можно теснее и больше народа взяться рука с рукой... (Л. Толст., Война и мир, Эпилог, 1, XIV).

в) Ее раздражение достигло высшей степени, когда она *услышала, что* Галактион *сидит и смеется* (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, VIII).

2. Свободны со стороны второго компонента и ограничены со стороны первого также сочетания с союзом *и*, реже *да* типа *пойду и скажу, ступай и сделай, пойти бы и рассказать*. В качестве первого компонента здесь выступают глаголы *пойти, ступать* (в форме повелительного наклонения), *сбегать* (в значении «пойти», «сходить»); порядок компонентов неизменен. Значение таких сочетаний то же, что у соответствующих бессоюзных соединений: они обозначают конкретное действие, осуществляющееся в результате передвижения туда, где это действие осуществляется; значение движения подчинено значению

конкретного действия; отсюда — возможное ослабление основного номинативного значения первого компонента.

— Есть у тебя деньги на касторку? Или постой я *сбегаю и куплю* (Чехов, Актерская гибель); — Нет, я *пойду и скажу* Левинсону, что я не желаю ездить на такой лошади... (Фад., Разгром, 2, I).

Я думаю, *поди только, да послушай* — и уши потом заткнешь (Гоголь, Ревизор, III, 10); — Тебе дают поручение, *ступай и сделай* (Макаренко, Пед. поэма, 1, 24) [119].

Нераздельность конструкции подтверждается случаями наличия объекта, относящегося внешне к глаголу движения, а по смыслу — ко всему сочетанию. Ср. в сказке: *Братьям едет и сказывает:* «Я достал живу воду...» (Онч., 41).

3. Ограничены со стороны обоих компонентов сочетания, обозначающие одновременное внешнее, физическое и внутреннее, психическое восприятие: *слушаю и радуюсь, смотрел и любовался.* Первый компонент — глагол несовершенного вида *смотреть, глядеть, слушать;* второй — глагол со значением внутреннего восприятия. Порядок компонентов неизменен. Функционируют такие сочетания в качестве сказуемого или главного члена односоставного предложения.

[Кулигин] Комета ли идет, — не отвел бы глаз! Красота!.. Ну, *смотрел бы да любовался!* (Остр., Гроза, IV, 4); — *Смотрю и глазам* своим *не верю:* ну, за каким лешим судьба загнала нас в этот поганый трактир? (Чехов, На пути).

4. Ограничены со стороны обоих компонентов сочетания типа *уселся да и сидит, стал и стоит, лечь бы и лежать.* Первый компонент — глагол совершенного вида, второй — несовершенного; оба глагола — однокорневые и близкие по семантике: *лечь* и *лежать, сесть* (*усесться*) и *сидеть, стать* (*встать*) и *стоять;* могут быть сочетания и одновидовых глаголов — совершенного вида: *лягу и полежу, сяду и посижу.* Значение таких сочетаний — начавшееся и продолжающееся длительное и непрерывное действие; функционируют они в сказуемом, и — чаще — в личном односоставном предложении.

Села я себе и сижу. Но нехорошо же, знаешь, так в молчанку сидеть... (Лесков, Воительница, 5); — Волохов сказал: стой у дверей и никаких хождений на кухню! Я *стал и стою* (Макаренко, Пед. поэма, 3, 3).

---

[119] По Шахматову, это — осложненные односоставные предложения с второстепенным сказуемым (см.: «Синтаксис...», § 116, стр. 127).

И вот ходит он, ходит по комнатам, потом *сядет и посидит*. И все думает (С.-Щ., Дикий помещик) [120].

5. Особую группу сочетаний с союзом *да* составляют сочетания однокоренных и по общему значению совпадающих глаголов несовершенного вида типа *сиди да посиживай, льет да поливает, жить бы да поживать*. Первый глагол — бесприставочный, второй — приставочный; формы времени обязательно совпадают. Значение таких сочетаний — длительное и ничем не затрудненное, свободно выявляющееся действие; союз *да* привносит в них оттенок значения неукоснительности и независимости ничем не обусловленного признака.

Половину сена уже сгноили, а он *прыскает да попрыскивает!* (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному); — Ты *мели да помалывай* серячок, а мы белую мучку будем делать, даст бог (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, X).

— Метель-то, видно, взаправду взялась, — замечает Арина Петровна; — *визжит да повизгивает!* (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейные итоги); — ...Или саночки вели заложить — *катай да покатывай!* (Там же, Племяннушка). Ср. в песне:

Молода Наталья Микулична!
Что ты *сидишь да высиживаешь*,
А у молодого Добрынюшки не спрашиваешь...

(Рыбн., 2, 175)

Сочетание *жить да поживать* стало устойчивым, и значение длительности в нем ослаблено. То же в сочетаниях *жди да пожди, сиди да посиди*.

[Аннушка] Нет, таким-то всегда счастье, а хорошие барышни *жди да пожди* (Остр., Без вины виноватые, 1, 1); — Мужчины все такие: наша сестра *сиди да посиди*, а они везде пошли да поехали... (Мамин-Сиб., Золото, 2, VIII).

6. Лексически ограничены оба компонента сочетаний типа *обуть и одеть, накормил и напоил, не доедал и не допивал*: союз *и* «образует из двух слов интонационное целое для выражения единого понятия или того, что в данном контексте является таковым (*и* объединительное)» [121] (примеры: *муж и жена* (= супруги), *отец и мать* (= родители), *покупать и продавать*

---

[120] Зависимое слово при одном из глаголов разрушает синтаксическую цельность союзного сочетания: [Анисья]... Где ж он? [Матрена] Здесь, ягодка, здесь. *В солому лег, да и лежит* (Л. Толст., Власть тьмы, 5, 1, IX).

[121] Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стлб. 2.

(= торговать), *Содом и Гоморра, огнем и мечом, днюет и ночует* (= постоянно бывает), *догнать и перегнать, стыд и срам, встречный и поперечный*).

Он вечно суетился и спешил...; *не доедал и не допивал*, все распоряжался (Тург., Отцы и дети, XII).

Ср. равнозначные бессоюзные построения, стр. 64—65.

СОЧЕТАНИЯ С СОЮЗОМ *что*

Лексически ограниченные сочетания с союзом *что*, выполняющие функцию сказуемого двусоставного предложения или главного члена односоставного предложения, представляют собой устойчивую двуглагольную конструкцию, первая часть которой включает сложную частицу *только и* и глагол *делать, сделать, знать* в форме настоящего (будущего простого) или прошедшего времени, а вторая (после союза) — лексически свободна: *только и делает, что болтает; только и знал, что бездельничал; только и сделал, что отвернулся*[122]. Части конструкции могут быть внешне разделены другими членами предложения. Значение такого построения — единственность и исключительность признака.

...Батюшка его... день-деньской *только и знает, что ходит* из угла в угол, заложив руки назад... (Гонч., Обл., 1, IX); С дедушкой они *только и делали, что играли в шашки* (Гл. Усп., Михалыч).

— А к попу обернулся да только *и сделал всего, что* в лицо ему *плюнул* (Лесков, Тупейный художник, 13)[123].

Ср. параллельные построения с *делать* и *дело* (*де́ла*):

— А что́, песня важнецкая! Наш учитель приходский *только и дела, что мурлычет ее* (С.-Щ., Губ. оч., Елка); — Теперь критики *только и дело что расхваливают* его нарасхват (Писемск., Тысяча душ, 2, I).

Ср. рядом с *знает — знай* в бессоюзном сочетании:

Из-под повойничка у Матвевны бегут вперегонки ручейки пота, а она *только и знай поворачивается, только и знай приговаривает*... (Федин, Анна Тимофевна, 4).

---

[122] Упоминание об этой форме см.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 236, стр. 203.

[123] Без соединения со второй личной формой группа *только и знает (думает)*, *что* служит для выделения объекта или субъекта: *только и знает, что спорить; только и думаю, что о тебе; только и навсщают, что ученики.*

Сочетания с лексически незаменяемым компонентом

Сочетаниями с лексически незаменяемым компонентом являются глагольные союзные сочетания с разными формами глагола *взять*, утратившего в составе этой конструкции свое лексическое значение: *взял да и распечатал, взять и отказаться, возьмешь да разболтаешь* [124]; второй компонент свободный [125]. А. А. Шахматов относил эти сочетания к «двусказуемым спрягаемо-глагольным предложениям»: «Предположительно отношу к двусказуемым некоторые такие предложения, где при спрягаемом сказуемом стоит еще другое спрягаемое же сказуемое, выраженное большею частью в той же форме времени или наклонения и при этом потерявшее полноту своего реального значения. Таких ставших вторыми сказуемыми глаголов немного: *взять, смотреть, глядеть, знать*, а также некоторые глаголы состояния и движения» [126]. Возможная внешняя разобщенность компонентов не нарушает грамматической целостности сочетания. Значение таких сочетаний — действие как ничем не затрудненное осуществление принятого решения, часто с оттенком значения «произвольного действия, всецело обусловленного личной прихотью субъекта» [127]. Общепринятое определение этих форм как выражающих внезапное и неожиданное действие не отражает их основного значения.

Оттенок значения произвольного действия особенно четко проявляется в сочетаниях с союзами *и, да, да и*.

С союзом *и*.

[Мерчуткина] ...А когда я пошла за его жалованьем, то они, изволите ли видеть, *взяли и вычли* из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек (Чехов, Юбилей); Данилов и сам знал, что его не убьют. *Не может* его жизнь так вот просто *взять и оборваться* (Панова, Спутники, 1, 1); — Кстати, я еще не твоя жена, и если ты будешь

---

[124] Буслаев видел здесь одну из разновидностей «слитных предложений»; см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, § 283, стр. 365.

[125] Сочетания с *взял* сейчас широко употребительны. В XIX в. они, по-видимому, воспринимались как нелитературные; интересно косвенное свидетельство И. С. Тургенева: «Не знаю, чем я заслужил доверенность моего нового приятеля, — только он, ни с того ни с сего, как говорится, „взял" да и рассказал мне довольно замечательный случай...» («Уездный лекарь»).

[126] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 291, стр. 233. См. там же, § 292—293, а также § 115.

[127] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 603. См.: его же. О категории модальности..., стр. 52.

так глупо вести себя, *я вот возьму и выйду* за другого (Каверин, Два капитана, 6, 9).

— Что ты делал на театре? — А вы не знаете? Вот меня *возьмут и нарядят*; я так и хожу наряженный... (Тург., Льгов); [Боркин] Тысяча десятин земли — и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... *Возьму вот и продам* завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра *возьму и рожь продам* (Чехов, Иванов, 1, I); Она хочет остаться здесь — кто ей может запретить?! *Вот возьмет и не уедет. Возьмет и скажет:* «Володичка, ты как хочешь, а я не уеду» (Панова, Кружилиха, 7).

С союзами *да, да и.*

— Ждали мы наградные-то к празднику, а генерал *возьми да и захворай*... (Горбунов, Канун рождества, I); — ...Я пришел к нему записаться на курс, а он вдруг *возьми да и пригласи* меня к себе на вечер (Тург., Гамлет Щигр. уезда); [Мужик] Послал я его летом пахать, а он *возьми да* в болоте *вспаши* (Л. Толст., Первый винокур, 3, 4); — Уездное земство дало им взаймы для посева овса, а они *взяли да и пропили* этот овес! (Чехов, Скука жизни).

— Тоже, — говорю, — новости: у Фили пили, да Филю ж и били! *Взяла да и говорить* с ней *перестала* (Лесков, Воительница, 3); — Ведь только про знаменитых людей в газетах печатают, а тут *взяли да* про меня *напечатали!* (Чехов, Радость); — Ждал я от тебя или от Леньки весточки. Вижу, нет ничего, *взял да и уехал* (Серг. Антонов, Дедушка); — Они только составляют планы да пишут приказы, а капитан выполняй. *Вот взять да и отказаться!* Крымов, Танкер «Дербент», Ветер, I.

Как видно, временны́е формы в описываемых сочетаниях совпадают. Однако возможно сочетание и разновременны́х форм: прошедшего (*взял*) и настоящего в значении praesens historicum.

— Подумал я: что мне злиться? *Взял и пишу:* «Сын!..» (Гл. Усп., Идиллия).

Таков круг союзны́х свободных, лексически ограниченных сочетаний и сочетаний с лексически незаменяемым компонентом, функционирующих в качестве предикативно значимых членов предложения. Естественно, что, как и в бессоюзных сочетаниях, основную массу здесь составляют свободные соединения, обладающие разветвленной системой значений. В ряде случаев наличие или отсутствие союза между соединяемыми формами является единственным различием между сочетаниями,

совпадающими друг с другом по всем остальным грамматическим и лексическим показателям (Ср.: *шел-шел* и *шел и шел*; *сердись или не сердись* и *сердись не сердись*; *льет да поливает* и *льет-поливает*; *сидит и ждет* и *сидит ждет*; *пойду и скажу* и *пойду скажу*; *обул и одел* и *обул-одел*; *взял и сказал* и *взял сказал*).

СОЧЕТАНИЯ С СОЕДИНЯЮЩЕЙ ЧАСТИЦЕЙ

Соединяющим элементом в сочетании двух полнозначных слов может быть частица *так*. Эта частица выступает здесь в характерной функции тех «гибридных слов», «в которых союзные функции являются как бы придатками к их основной грамматической роли наречий, модальных слов или присоединительных частиц» [128].

1. Слова любых категорий могут соединяться при помощи всегда безударной частицы *так*, образуя слитно произносимое и синтаксически неделимое сочетание, функционирующее как сказуемое или как предикативная основа предложения. Одно из значений таких сочетаний — значение внутреннего согласия, принятия, допущения. В этом значении сочетания с *так* функционируют как главный член односоставного предложения. Как уже сказано, категориальных или лексических ограничений со стороны соединяющихся слов здесь нет: соединяться могут имена, глаголы, предложные сочетания, наречия, целые словосочетания.

Он поспешно стал одеваться. — «*Пропаду так пропаду*, все равно!» (Дост., Прест. и наказание, 2, I); Она пусть делает то, что вытекает из ее душевного состояния, — *шашни с фельдшером, так шашни с фельдшером* — это ее дело (Л. Толст., Воскресение, II, XXIX); «*Умереть так умереть*, видно так надо», — думал этот человек... (Л. Толст., Сила детства); «*Что же, чужая, так чужая...*» — с горечью думала про себя Феня (Мамин-Сиб., Золото, 2, VIII).

Редко — с частицей *так и*.

«А черт возьми это все!» — подумал он вдруг в припадке неистощимой злобы. «Ну, *началось, так и началось...*» (Дост., Прест. и наказание, 2, II).

Такие построения связаны с бессоюзными конструкциями с условным значением и непосредственно к ним восходят. Ср.:

[Лотохин] Ах! Он меня любит! Ну, что же тут делать? Остается только радоваться. *Любит, так и пускай любит*

[128] В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 78.

(Остр., Красавец-мужчина, 1, 2); — Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты и больше ничего, — продолжал он. — *Умирать велят нам — так умирать...* (Л. Толст., Война и мир, II, 2, XXI).

Другое значение сочетаний с *так* — выявление признака как во всем соответствующего называемому, обнаруживающегося во всей полноте, во всех своих возможных проявлениях[129].

[Кочкарев] Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда ж ей женить, ей ли женить? Вот я *женю, так женю* (Гоголь, Женитьба, 2, VIII).

...*Уж брать, так брать*, А то и когти что марать! (Крылов, Вороненок); [Огудалова] Нет, ты не фантазируй. *Свадьба так свадьба:* я Огудалова, я нищенства не допущу (Остр., Бесприданница, 2, VI); — ...Правильные были господа, настоящие: *зверь так зверь*, во всю меру, *добрый так добрый, лакомый так лакомый* (Мамин-Сиб., Золото, 4, V); — В степи — сила! — прибавил он, помолчав со значением. *Ветер так ветер*, о! *Грязь, так уж грязь*, поборись с ней — человеком станешь (Д. Холендро, Дорога в степи); — Вот кого вареньем-то хорошо кормить! *Уж с аппетитом так с аппетитом!* (Из разг. речи).

Синтаксическая цельность сочетаний с *так* обусловлена полной несвязанностью соединяющихся слов с другими словами в предложении; наличие членов предложения, зависящих от входящих в сочетание слов, свидетельствует о синтаксической раздельности этих последних; показательно и резкое различие в интонации. Ср.:

— ...Я пришла не затем, чтобы играть в загадки, а *говорить, так говорить все* (Лесков, По поводу Крейц. сонаты, II).

Тем более это относится к таким случаям, когда вместе с *так* в формировании сочетания участвует союз *чтобы*.

— Я люблю, чтоб у меня все было в порядке... *завод так чтоб завод*, карета так карета... (С.-Щ., Губ. оч., Хрептюгин и его семейство).

При наличии вводящего все сочетание условного союза имеет место полная синтаксическая раздельность и самостоятельная значимость сочетавшихся через *так* слов.

[Городничий] Кричи во весь народ, валяй в колокола, чорт возьми! *Уж когда торжество, так торжество* (Гоголь, Ревизор, 5, 1).

---

[129] О построениях с этим значением см.: А. А. Шахматов, Синтаксис..., § 100 и 206[1], стр. 111 и 187.

Характерно, что при сочетании разных форм одного слова также имеет место их синтаксическая раздельность.

— Что ж, Кир Алексеевич, *показывать искусство, так показывай все* (Горбунов, Из деревни, VI).

2. Широко употребительны в разговорной речи соединения с *так*, начинающиеся всегда препозитивной и резко ударяемой частицей *вот* и имеющие значение точного соответствия называемому — в сочетании с элементом оценки: *Вот урод так урод*. Эти сочетания легко включают в свой состав частицу *уж*, получастицу-полуместоимение *это*: *вот уж урод так урод*; *вот это урод так уж урод* (*это* здесь не может рассматриваться как грамматическое подлежащее, ср.: *вот это удружил так удружил*). Такие сочетания функционируют как нераспространенные предложения. Лексических ограничений нет.

Вот был плотник, так плотник... умер — царство ему небесное! (Гонч., Обл., 1, IX); [Полина] *Вот шляпка, так шляпка*, не то, что моя (Остр., Доходное место, 4, VI); — *Вот кутят, так кутят!* (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — *Вот молодец — так молодец!* (Павленко, Идут дожди).

С полуместоимением-получастицей *это*.

— *Вот это дождик, так дождик...* (В. Некр., В родн. городе, 1, 8); *Вот это удружил так удружил!* (Из разг. речи).

С частицей *уж*.

[Пирамидалов] (отирая пот) *Вот устал, так уж устал* (Остр., Богатые невесты, 1, 5); — *Вот это плуты, так уж плуты!* (Лесков, Обман, 13).

Таков круг сказуемых и предложений, образующихся путем разного вида повторов и соединений полнозначных слов. Общность структурных основ таких сочетаний (соединение форм полнозначных слов), а также общность их модальных значений объединяет их в один богатый разновидностями и разветвленный тип синтаксических конструкций, составляющих значительный пласт в массиве построений, характерных для русской разговорной речи. В то же время необходимо строго различать образования свободные и связанные в той или иной степени лексическими ограничениями. Если первые представляют собой отвлеченную схему, каждый раз получающую в предложении новое лексическое наполнение и предстающую перед нами в бесконечном количестве проявлений, то вторые используются как готовые образования, в одном из своих компонентов допускающие ограниченно или не допускающие совсем никаких словесных замен.

ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ СОЕДИНЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО СЛОВА С ЧАСТИЦЕЙ

Литература о русских частицах, их разрядах и значениях, их функциях в речи очень богата [1]; обозрение ее не может входить в задачу настоящего раздела, цель которого — изучить не самые частицы, а те конструкции, строительным элементом которых является та или иная частица. Исследование большого материала убеждает в правильности той точки зрения, что взятые изолированно, вне определенного типа конструкции, частицы лишены лексических значений [2]. Предпринимавшиеся

---

[1] См. подробную библиографию в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 676, а также в его статье «О категории модальности». См. также диссертационные работы последних лет: Л. М. Чистякова. Частицы в современном русском литературном языке. Л., 1949; Г. Г. Скиба. Переход самостоятельных слов в служебные в современном русском языке. Львов, 1954; Д. С. Светлышев. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке. М., 1955. Богатые материалы об употреблении частиц в говорах см. в кн.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 237—280.

[2] Частицы — «это та часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они имеют формальное, служебное значение...» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, § 590, стр. 506). Ср. еще: «Частица не речь с отдельным смыслом, а звук или созвучие, придающее своеобразный оттенок тому предложению, в котором оно находится. Отдельно взятая частица уже не имеет смысла, а получает свой смысл в предложении, окрашивая его в известный оттенок. Только в предложении частица имеет свой смысл, свое значение. Значение частицы, как мы сказали, состоит в том, что она придает известный оттенок речи, оттенок же часто улавливается только из контекста...» (Н. В. Шляков. Добавление к статье: «Частицы *ста, ста-ни, сте, сѣ, сѣм, су* и *осу*». — РФВ, 1900, т. XLIV, стр. 133). У В. В. Виноградова: «Частицами называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями. Поэтому семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны,

попытки (включая сюда и опыт толковых словарей) отыскать в частицах свои самостоятельные значения до сих пор оказывались неудачными, так как частице обычно приписывалось значение, свойственное не ей самой как слову, а той конструкции, в составе которой это слово функционирует; больше того, «значение» частицы нередко выводится даже не из самой конструкции, а из более широкого контекста. Вот один из многих возможных примеров. Частица *дай* функционирует в предикативно значимых построениях со значениями: а) внутреннего решения (Шел мимо, думаю: *дай зайду*); б) призыва выждать или дать возможность сделать то, что названо глаголом (*Дай гостей проводим, тогда...*; *Дай позатемняет, я тебя провожу*); в) призыва к согласию (Не ходи, *дай я схожу*). Можно ли говорить здесь о трех разных значениях частицы *дай*? По-видимому, для этого нет никаких оснований, так как эти значения свойственны определенному типу построения в целом, а не собственно частице как отдельному слову. Не имея лексического значения, частица несет в себе отраженно модальное значение целой конструкции; ср. характерный пример: «Но он был не библиотекарь, а фрезеровщик, и фрезеровщик какой-то особенный, потому что другие фрезеровщики его фамилию произносили не иначе как в двойном виде: — Сам Стоянов. — *Даже-Стоянов. — Только-Стоянов. Ну!-Стоянов. Вот-Стоянов*» (Макаренко, Кн. для родителей, 8).

Сторонники той точки зрения, что частицы имеют самостоятельные лексические значения, оказываются не в состоянии доказать этот тезис. Ярким примером этого может служить работа Д. С. Светлышева, где по отношению к частицам понятие «значение» последовательно смешивается с понятием «функция». Заявив в начале своей работы об ошибочности той точки зрения, что частицы не имеют своего лексического значения[3], Д. С. Светлышев дальше утверждает, что «частные значения» частиц «осознаются только по их синтаксическому положению в контексте и по их смысловой нагрузке, т. е. по их семантике»[4]. В то же время автор высказывает верную мысль о том, что «частицы выступают в речи в роли особых компонентов

они находятся во власти синтаксического употребления». И дальше: «Частицы... приходится рассматривать как особый тип слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 663 и 665).

[3] Д. С. Светлышев. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке. М., 1955, стр. 6. Автореф. дисс.

[4] Там же, стр. 9.

члена предложения или предложения в целом»[5]; к сожалению, этот тезис не находит в работе своего обоснования и развития.

Функционируя в составе предложения или сказуемого как их конструктивный элемент, частица может сохранять или не сохранять следы своего «знаменательного» происхождения, своей связи с тем или другим классом слов. Соответственно могут быть выделены частицы, с одной стороны, глагольные, наречные, местоименные и союзные и, с другой стороны, частицы, не сохраняющие функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов[6].

С точки зрения синтаксической роли частицы делятся на две группы: частицы, которые функционируют только в составе предикативно значимых построений, и частицы, которые могут выступать в качестве элемента формы как предикативно значимого, так и не предикативно значимого построения[7].

Со стороны своего состава все частицы могут быть разделены на простые, составные и сложные. Простые частицы представляют собой одно слово. Составные частицы — это неустойчивые сочетания простых частиц, легко возникающие и распадающиеся. В разговорной речи с простой частицей свободно соединяются, так же свободно отъединяясь от нее, усиливающие элементы — один или более. Так, например, местоименная частица *какое* легко обрастает усиливающими элементами: *уж, тут, там, тебе* и некот. др. (*какое там, какое уж там, какое тебе* и т. д.); местоименная частица *что* легко соединяется с усиливающими препозитивными элементами *а, да, ну*, постпозитивными *тут, там, же* и некот. др. (*а что, да что, ну что, что ж там* и т. п.). Усиливающие элементы в составной частице в большинстве случаев подвижны, свободны и легко отчленимы. Сложная частица ни по составу, ни по значению не членима и представляет собой единое целое. Порядок компонентов внутри частицы обычно строго закреплен. В то же время в сложной частице сравнительно легко выделяется ее ядро, позволяющее

[5] Там же, стр. 7.

[6] Следует признать, что если установление наличия или отсутствия такой соотносительности не опирается на строго грамматические и смысловые показатели, то оно определяется только субъективным восприятием. Об этом писал Д. В. Бубрих: «Многие частицы в той или иной мере приближаются к полновесным словам, и их отнесение к числу частиц может оспариваться (как может оспариваться и их отнесение к числу полновесных слов)» (Д. В. Бубрих. «Грамматика литературного коми языка». Л., 1949, стр. 194).

[7] Поэтому к русскому языку неприменимо утверждение А. В. Добиаша о том, что «частица всегда имеет отношение только к синтаксическому сказуемому» («Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка». Прага, 1897, стр. 510).

отнести частицу к определенной группе с точки зрения сохранения связей с той или иной категорией слов. Таковы, например, сложные наречные частицы *так и, туда же*, местоименная частица *что это*, глагольная частица *и есть* и ряд других. Сложные частицы в ряде случаев могут обрастать усиливающими элементами, однако со значительно бо́льшими ограничениями, чем простые.

Частица не может рассматриваться как слово, с точки зрения синтаксической стоящее вне предложения, внесенное в предложение «для придания всему предложению или отдельному слову того или иного оттенка»[8]: она всегда — элемент формы целой конструкции или отдельного ее члена. Наиболее характерно для частиц участие в формировании построений предикативно значимых — предложения или сказуемого[9]. Сравнивая построения: *жулик ты!* и *и жулик же ты!*, *потерял* и *как есть потерял*, *пойду* и *пойду-ка*, *мы с ним поругались* и *мы с ним вроде поругались*, *пишет* и *знай себе пишет* и т. п., мы видим, что различие их модальных значений связано с различием их форм: в одних случаях предикативно значимая единица строится без участия частицы, в других — с ее участием. Частица не произвольно «вносится» в предложение или сказуемое; входя в синтаксическую конструкцию, она подчиняется определенным правилам словоразмещения, сочетаемости со словами тех или иных категорий или только с определенными формами,

---

[8] Ср.: «В отличие от служебных слов частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различного рода дополнительные смысловые оттенки (*он-то придет, только он и придет, он же придет* и пр.). Следовательно, по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами — приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 224). Трудно согласиться с этой точкой зрения, согласно которой в составе предложения имеет место механическое соединение «реального значения» слова и того особого значения, которое вносится частицей в состав предложения или отдельного его члена. Это — качественно различные явления, так же, как качественно различны по своим функциям и общим значениям слово как единица словаря и слово как единица предложения. Впрочем, такой подход не оригинален. Еще в 70-х годах прошлого века А. А. Дмитревский писал: «... Сказуемое, будет ли оно глагольное или неглагольное, может иметь при себе частицы в приставочном смысле для выражения какого-либо оттенка значения (подобно приставкам в глаголах для означения видов)» («Практические заметки о русском синтаксисе». «Фил. зап.», 1878, вып. I, стр. 49).

[9] Для ряда частиц возможно участие в формировании и не предикативно значимых членов предложения, см. ниже.

а часто и со словами лишь некоторых лексических групп. Иными словами, в своем синтаксическом функционировании частица встречает ограничения и собственно грамматические (словопорядок и ограничения со стороны формы сочетающегося с частицей слова), и категориальные (ограниченная возможность сочетаемости со словами тех или иных категорий), и лексико-семантические. Кроме того, во многих случаях частица и соединяющиеся с ней формы знаменательных слов образуют особую структуру — синтаксически неразложимое единство.

ПОСТРОЕНИЯ С ГЛАГОЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

К глагольным частицам относятся частицы *знай* (*знай себе*), *дай*, *давай*, *смотри(те)*, *гляди(те)*, *того (и) гляди*, *глядь и*, *хвать и*, *было*, *и есть*. Все эти частицы функционируют только в составе предикативно значимых построений.

1. Построения с частицей *знай* (*знай себе*) имеют значение ничем не обусловленного предикативного признака, выявляющегося независимо от каких-либо неблагоприятствующих ему условий или вопреки чему-либо. По своему общему значению построения с *знай*, *знай себе* совпадают с построениями с *знает* (*знает болтает*, см. стр. 72—73). «Это выражение (*знай.* — *Н. Ш.*) значит, что ни до чего другого дела нет, ни о чем другом не беспокоится», — писал К. С. Аксаков [10]. Шахматов построения с *знай* относил к «осложненным» или «двусказуемым» предложениям [11]. О происхождении частицы *знай* он писал: «Что до *знай* в соединении с настоящим временем, то по-видимому *знай* заменило *знает* и, следовательно, не представляет повелительного наклонения; ср. он *только и знает, что.* — А она *только знай приподнимается* да поглядывает. Тург., Однодв. Овсяников; также *знай себе*, например, в следующих неполных предложениях: Ни с кем не разговаривает, дичится, — *знай себе* по саду гуляет. Тург., Однодв. Овсяников; Все сидит в халате да трубку, *знай себе*, покуривает. Женитьба, 1, 8» [12].

В составе сказуемого личного предложения *знай*, как правило, находится в препозиции по отношению к глаголу.

[Домна Пантелевна] Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты, *знай, посмеивайся*! (Остр., Таланты и покл., 1,

---

[10] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I. М., 1875, стр. 569.
[11] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 115, стр. 126; § 293², стр. 234.
[12] Там же, § 236, стр. 203.

VI); Это ведь в романах только секретари райкомов не страдают, не любят, не хохочут, а только, *знай, руководят* (Троепольск., Прохор семнадцатый..., 2).

То же — с *знай себе*.

...По лесу то там, то сям мелькают Ее подружки в вышине; Она лишь глазками моргает, а оне Орешки, *знай-себе, щелкают да щелкают* (Крылов, Белка).

Так же, как и многие другие частицы, *знай* (*знай себе*) может участвовать в формировании целого отрезка предложения — сказуемого и группирующихся вокруг него второстепенных членов предложения. Несомненно, что «группа сказуемого» (оставляем в стороне вопрос об удачности этого термина) [13] — реальная единица предложения, обладающая своими формальными признаками и структурными особенностями [14]; при наличии у этой «группы» в целом особого модально-экспрессивного значения частица выступает в качестве одного из ее формантов. Частица *знай* всегда стоит в абсолютном начале такой группы.

...А стряпуха, *знай, перебирает в уме* — на какой блин икорка придется, на какой севрюжинка (Федин, Блинки); На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали... Федюня, *знай, идет своей дорогой* (Бажов, Огневушка-Поскакушка).

При совпадении временны́х значений двух однородных сказуемых (нераспространенных или с относящимися к ним словами) частица *знай* (*знай себе*) оформляет всю эту предикативную группу, всегда находясь в ее абсолютном начале.

— Отец мой кричит: «Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она *только знай приподнимается да поглядывает* (Тург., Однодв. Овсяников).

Частица *знай* (*знай себе*) участвует также в формировании односоставных глагольных предложений определенно-личных и обобщенно-личных; глагол, участвующий в формировании главного члена такого предложения, может иметь форму изъявительного или повелительного наклонения.

В предложениях с глаголом в форме изъявительного наклонения частица может находиться как в препозиции (*знай* и

[13] См.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 175—176, 180 и сл.

[14] Во введении ко II тому академической «Грамматики русского языка» «группа подлежащего» и «группа сказуемого» фигурируют как реально существующие единицы предложения. В частности, отмечается «широкое употребление второстепенных членов предложения в тех случаях, когда их нельзя включить ни в «группу подлежащего», ни в «группу сказуемого» («Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 93).

знай себе), так и в постпозиции (только *знай*) по отношению к глаголу.

Препозиция частицы.

— Чему обрадовался сдуру? *Знай колет*: всю испортил шкуру! (Крылов, Крестьянин и Работник); [Фекла] ...Уже вот третий месяц хожу к тебе, а проку-то ни на сколько. Всё сидит в халате да трубку *знай себе покуривает* (Гоголь, Женитьба, 1, VIII).

При препозиции частицы она может быть отделена от глагола другими членами предложения.

Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, *знай головой помахивает*, да гордо щурится... Хорошо! (Тург., Лебедянь).

Редки, но возможны случаи разделения элементов частицы *знай себе*.

— «Копчик» и не такую штурму выдерживал, барыня. Небось, взял все рифы и *знай покачивается себе*, как бочонок... (Станюк., Нянька, XVIII).

Постпозиция частицы.

— ...Да и дорогу, видно, знает: *идет, знай*, покачивается, по сторонам не глядит... (Короленко, Соколинец, V).

В определенно-личных предложениях с глаголом в форме повелительного наклонения частица *знай* обычно находится в постпозиции по отношению к глаголу.

[София] И свет, и грусть. Как быстры ночи! [Лиза] *Тужите знай*, со стороны нет мочи... (Гриб., Горе от ума, 1, 3); — Где это ты научился? — вздохнув, спросила жена. — Не твое дело, *шевелись, знай* (Нов.-Прибой, Порченый, IV); [Костылев] Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, *живи, знай*, в свое удовольствие... (Горький, На дне, I).

Препозиция *знай* возможна, но менее обычна.

[Таня] Кто возле сидит, того и захватывай. А как захватишь, так жми. (Хохочет). Барин ли, барыня ли, *знай — жми*, все жми, да и не выпускай, как будто во сне... (Л. Толст., Плоды просвещ., III, 15).

Знай себе обычно препозитивно.

— И ты зря не думай. *Знай себе, посматривай вперед!* (Станюк., За «Щупленького», II).

В обобщенно-личных предложениях с глаголом в форме повелительного наклонения *знай*, напротив, в подавляющем большинстве случаев препозитивно по отношению к глаголу.

То ли дело обман! *Знай, пиши да обманывай* (С.-Щ., Обманщик-газетчик и легковерный читатель); ...Есть

хорошее занятие — бурлачество, работа легкая: *знай плыви*, дают деньги, еда вволю... (Решетн., Подлиповцы, 1, XVI); — Вам же покойнее, *только знай — получай* денежки, а то греха сколько! (Л. Толст., Воскресение, 2, II).

Постпозиция *знай* возможна, но менее обычна.

...И сразу место, с какого та руда либо камень взяты, на глазах появится. Со всеми пригорочками, ложками, болотцами, — *примечай, знай* (Бажов, Богатырева рукавица).

Как и многие другие частицы, *знай* может оформлять в так называемом неполном предложении тот его член, который, по форме совпадая с дополнением или обстоятельством, является в предложениях данного типа носителем предикативного значения.

— Бывало, жена-то воет-воет, а мы *знай свое*... (Гл. Усп., Будка, 5).

2. С частицами *дай* и *давай* строятся двусоставные и односоставные определенно-личные предложения и сказуемые двусоставных предложений[15]. Эти построения объединяются общим значением решения или побуждения. Но внутри этого общего значения намечается дифференциация.

1) Предложения с *дай*(*-ка*), *давай*(*-ка*) могут иметь значение внутреннего решения (на это внутреннее, «для себя», решение обычно имеются лексические указания: *думаю, подумал, говорю себе* и т. п.). Это могут быть предложения как двусоставные, так и односоставные определенно-личные; в состав такого односоставного предложения или в состав сказуемого в двусоставном предложении обычно входит глагол в форме 1-го лица будущего простого; это может быть и безглагольное односоставное предложение, главный член которого выражен именем или наречием (*Лопата не берет, дай ломом*; *В санях не проехать — дай верхом*).

Наиболее обычны здесь построения с *дай* (*дай-ка*).

Односоставные предложения. Частица стоит в начале предложения.

[Жевакин] Я тоже, в газетах вижу объявляют о чем-то. *Дай-ка*, думаю себе, *пойду* (Гоголь, Женитьба, 1, XVIII); — Накатило, накатило на меня. Думаю: *дай, пьян нарежусь*

---

[15] А. А. Шахматов относил сочетания с *дай, давай* к формам «усилительного подвида»; он писал: «Мне кажется, к видовым отличиям относятся также у с и л и т е л ь н ы е подвиды несоверш. и соверш. вида. Несоверш. вид посредством повторения слова...; также посредством соединения *дай, давай, ай да, ну и* с инфинитивом: ...он и давай плясать. Соверш. вид например, для будущего...: *дай посмотрю, давай выскочу, ну ка скажу*...». («Синтаксис...», § 544, стр. 475, см. там же, § 551, стр. 483).

(Л. Толст., Хаджи Мурат, II); ...Я подумал: «А *дай-ка напишу* насчет этой самой роковой ошибки жизни!» (Троепольск., Прохор семнадцатый...).

В двусоставных предложениях частица также начинает собою предложение.

— А впрочем, *дай-ка я прочту еще раз со вниманием письмо старосты*, а потом уж и встану. Захар! (Гонч., Обл., 1, I); [Ширялов] *Дай-ка, думаю, я в баню схожу* (Остр., Семейная картина).

При вынесении в начало предложения сказуемого частица может следовать за ним.

— Ну, думаю, и мне пора; *помолюсь, дай-ка, и я*, да лошадь пойду снаряжать (Короленко, Река играет, VII).

Возможны построения со значением внутреннего решения и с частицей *давай*; конструктивные условия и значение построения здесь те же, что и в построениях с *дай*. «*Дай, давай*, употребляясь вместе с изъявительным, имеет почти одинаковый смысл, различаясь, насколько *дать* различается от *давать;* напр., *дай взгляну, давай взгляну*»[16].

— Вот и присел он под дерево; *давай, мол, дождусь утра...* (Тург., Бежин луг); — *Давай*, — думаю, — *я чем-нибудь солдат бедных обрадую!* Угощу их, что ли, чаем напою... (Лесков, Фигура, 7).

2) Только с частицей *давай*(*те*) строятся предложения и сказуемые со значением побуждения, обращенного к другому лицу, обычно — как к «совместному действователю»; здесь обязателен или а) глагол в форме, обозначающей побуждение, или б) форма, в предложении несущая в себе значение побуждения (*Давай за этим столиком?*). По отношению к знаменательному слову, формирующему сказуемое или главный член предложения, частица может находиться как в препозиции, так и в постпозиции, но чаще всего она начинает собою предложение.

А ну, Чубатый, давай поври там еще чего-нибудь (Л. Пантелеев, Индиан Чубатый); ... — *Сядем давайте на скамеечку*. Или в хату пожалуйте! (Троепольск., Тугодум). То же значение в сказуемом или в группе членов, относящихся к сказуемому.

— ...Мы с Поляковым уже по этому поводу договорились, а ты *давай жди указаний*... (А. Рыбаков, Водители, 3, 26).

3) Только с частицей *дай*(*те*) строятся односоставные и двусоставные предложения со значением призыва выждать, дать

[16] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 570.

возможность осуществиться чему-либо; *дай* здесь восходит к «разреши», «позволь», но это лексическое значение утрачено, и призыв может быть обращен говорящим как к другому лицу, так и к самому себе. В глагольных построениях с этим значением глагол может иметь форму а) 1-го лица или б) 2-го или 3-го лица (в личном и безличном значениях). Частица всегда стоит в начале конструкции.

а) Доктор бодро, утешающе потирает руки.— Я холоден. Мороз здоровый. *Дайте обогреюсь*, — говорит он... (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, VIII); Хазов подплыл к нему и силком положил его руку к себе на плечо. — Тогда погоди, — смирился Артюшин. — *Дай я попробую ногу растереть* (Соболев, Зеленый луч, 10).

б) — Неправда, матушка, вы меня не любите; *вот дай только вырастете большие*, выдете замуж и Нашу свою забудете (Л. Толст., Детство, XXVIII).

4) Частицы *дай* и *давай* участвуют в формировании односоставных и двусоставных предложений со значением призыва к согласию. Частица стоит в начале предложения.

— *Давай я пойду.* — Нет, я сам (Из разг. речи); *Дай я пойду.* — Нет, я.

3. Частицы *смотри и гляди*[17] участвуют в формировании предикативных единиц со значением предостережения. В «Синтаксисе» Шахматова сочетания типа *смотри не упади* находят противоречивое толкование. В § 552, посвященном повелительному наклонению, такие сочетания рассматриваются как формы «предостерегательного наклонения»: «Особым оттенком повелит. наклонения является наклонение предостерегательное; оно обнаруживается посредством соединения *смотри, смотрите* с формой повелительного наклонения совершенного вида и несовершенного, сопровождаемою отрицанием: *смотри не ушибись, не упади, не признавайся, не отставай*»[18]. В другом месте эти же сочетания отнесены к «двусказуемым спрягаемо-глагольным предложениям[19] или к «осложненным односоставным»[20]; наконец в § 355 *смотри(те)* в аналогичных построениях трактуется как вводное слово[21].

---

[17] Замечания об употреблении *смотри* как частицы см.: L. V. Kopeckij. O lexikálních prvcích v systému ruské mluvnice. (Příspěvek k ruské lexikologii). Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějny SSSR. Praha, 1956, стр. 544.

[18] А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 483.

[19] Там же, § 292, стр. 233—234.

[20] Там же, § 115, стр. 126—127.

[21] Там же, стр. 267.

Слова *смотри* и *гляди* функционируют в речи как вводные слова и как частицы. В качестве вводных слов они могут вносить в предложение значения угрозы (*Смотри, я строгая!*), удивления (*Тихоня-тихоня, а гляди — разбуянилась*; *Сколько у тебя народу перебывало, а всех, гляди, запомнил!*), предположения, часто — с оттенком опасения (*Краюху большую баба отрезала, а, гляди, всю съем*; *А лодку-то гляди, унесет; — Я сама схожу. — Да ты, смотри, обманешь*).

Как частицы *смотри(те)* и *гляди(те)* участвуют в формировании сказуемого или целого предложения со значением предостерегающего предупреждения. В сказуемом частица сочетается с глаголом и находится перед ним (обычно) или после него.

Акулька и говорит: Ты, Малаша, *смотри не брызжи*, а потихонечку (Л. Толст., Девчонки умнее стариков); — Только ты *смотри — не балуй* (Нов.-Прибой, Пошутили); [Иван] Ты, Боря, *смотри, не влюбись* (Макаренко, Командировка, 27); — Ты, *гляди, не торопись*, Данилушко! (Бажов, Каменный цветок).

Частицы могут оформлять группу членов предложения, объединяющихся вокруг глагольного сказуемого.

[Варвара] Ну, вот еще! Ты сама-то, *смотри не проговорись как-нибудь* (Остр., Гроза, 2, II); — Ты, *гляди, не мотни эту шкатулку за пустяк*. Больших тысяч она стоит (Бажов, Малахит. шкатулка).

Рассматриваемые частицы функционируют также в составе предложения. Наиболее обычный тип — это односоставные определенно-личные глагольные предложения, нераспространенные или малораспространенные. Место частицы: а) в начале предложения, б) в конце предложения или в) непосредственно при слове, формирующем главный член предложения.

а) — *Смотри, брата не испугай*, — сказал ему Павел Петрович. — Не вздумай ему докладывать (Тург., Отцы и дети, XXIV); — Метелица? ... У-у... да ведь это — сокровище! — подтвердил Левинсон. — *Только смотри, не зазнавайся*... (Фад., Разгром, 1, VII); Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает: — *Гляди из рук не выпусти!* Крепче держи! (Бажов, Огневушка-Поскакушка).

б) — *Не разбей, смотри*. — Небось, не разобью (Тург., Свидание); Барин видит — парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу. — На, — говорит, — *только старайся, смотри* (Бажов, Медной горы Хозяйка).

в) [Городничий] Я не памятозлобен; только теперь *смотри держи ухо востро*! (Гоголь, Ревизор, 5, II);

— ...А теперь иди да тому, который с тобой, ничего, *смотри, не говори* (Бажов, Медной горы Хозяйка).

Наряду с глагольными предложениями частицы *смотри(те), глядите(те)* оформляют и безглагольные предложения с главным членом, несущим в себе значение предупреждения, предостережения.

— Как можно станет, сейчас же окрути эту девку! *Без поблажки, смотри!* (Бажов, Травяная западенка).

4. Построения со сложной, фразеологического характера частицей *того (и) гляди* имеют значение непосредственной и близкой возможности осуществления нежелательного. В сказуемом частица находится обычно перед глаголом, но может и следовать за ним.

...Ежели пса не бить, он и хозяина, *того гляди, позабудет* (С.-Щ., Верный Трезор).

Частица может оформлять группу членов предложения, объединяющихся вокруг сказуемого.

— ...Жена в блузе, в легком чепчике, который чуть-чуть держится, *того и гляди слетит с головы*... (Гонч., Обл., 2, IV).

В составе предложения (односоставного или двусоставного) *того (и)гляди* находится а) в начале предложения (чаще всего), б) в конце предложения или в) непосредственно при слове, формирующем главный член односоставного предложения.

а) — ...А теперь у вас воспаление, вот что; *того и гляди, антонов огонь сделается* (Тург., Смерть); — ...И живут они тут, как волчата. *Того и гляди, зарежут кого на дороге* (Чехов, Печенег).

б) [Фамусов] Да, разные дела на память в книгу вносим; *Забудется, того гляди* (Гриб., Горе от ума, 2, 2); — Сиди в целом доме одна; *еще зарежут, того гляди*!(С.-Щ., Господа Головлевы, Выморочный).

в) [Лиза] Идешь да боишься: опять, *того и гляди, случится*, как в прошлом году... (Некр., Петерб. ростовщик, IX).

Частица *того (и) гляди* сохраняет живые связи с глаголом. В этом смысле показательны глагольные построения с *того и смотри, что, того и гляди, что*, а также с *того и жди*.

[Глов] Ведь уж слишком много рыси: *того и смотри, что* сломит шею! (Гоголь, Игроки, X); — ...Стены тоже побелил, механику наверху поправил: а то было, *того и гляди, что* убьет кого-нибудь из артистов (Писемск., Тысяча душ, 4, X); — Стены-то, гляди, насквозь просвечивают, да и печка, *того и жди*, повалится (Бажов, Аметистовое дело).

5. Предикативные единицы глагольного характера, строящиеся с участием всегда препозитивных по отношению к глаголу сложных частиц *глядь и* и *хвать и* и функционирующие как вторая часть сложного построения, имеют значение неожиданности и неподготовленности.

[Осип] ... Ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю — *глядь и посылает* на толкучий продавать новый фрак (Гоголь, Ревизор, 2, I); ...Бился, бился я так-то сам с собой, глаза эдак-то растопыривал, растопыривал всеми способами — *хвать и свалился* как сноп (Гл. Усп., Из деревенского дневника, II).

6. А. А. Шахматов видел в построениях с *было* значение неосуществившейся связи субъекта с предикатом («недействительное наклонение») [22]. Более правильно определение, предложенное В. В. Виноградовым: такие построения обозначают действие осуществившееся, но или прерванное, не доведенное до конца, или не приведшее к желаемому результату [23], действие «с неосуществленным или аннулированным результатом» [24]. Правильное определение значения этих форм дал еще К. С. Аксаков; критикуя Буслаева, он писал: «...Автор безличные глаголы *было* и *бывало* ставит на одной доске. — Это два совершенно разные (по употреблению синтаксическому) слова; первое (*было*), приданное глаголу, может, напротив, быть поставлено рядом с *бы*, а второе (*бывало*) — точно есть вводное

---

[22] «Недействительное наклонение. Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, посредством этого наклонения выражает, что связь эта не осуществилась, хотя и могла осуществиться. Недействительное наклонение выражается посредством присоединения к форме прошедшего времени частицы *было*, иногда в сопровождении союзов *чуть, едва: она было заснула; мальчик упал было; дети было расшалились, но их остановили; он чуть было не лопнул с досады; он едва было не ударил меня*. Отмечу областное *был* вместо *было*. В древнем языке недействительное наклонение выражалось, по-видимому, такой сложной формой, как *сестра засънула была есть*» (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 555, стр. 485. Ср. там же, § 408, стр. 405). Ср. также у А. Х. Востокова: «Безличный [глагол] прилагается к прошедшим временам совершенного вида для показания, в окончательном виде, что действие не дошло до исполнения; в начинательном, что начавшееся действие не имело продолжения, напр.: *Прочел было. Сказал было. Стал было читать. Стал было говорить*» («Русская грамматика». Изд. 10, СПб., 1859, § 15, стр. 159).

[23] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 589.

[24] В. В. Виноградов. О категории модальности и о модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 70. Ср. у И. И. Давыдова: «К прошедшим временам прибавляется *было* для означения неудачи, *ходил было*, да не достиг своей цели» («Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым Отделением Академии наук». Изд. 3, СПб., 1854, § 150, стр. 107).

речение, состоящее из безличного глагола. — *Я было пошел, я было сделал;* это совсем не то, что «несовершенное действие»; напротив: действие, о котором говорится, совершено, но должно быть опять или прекращено (напр.: я *было* стал читать... да печать очень мелка), или уничтожено (напр.: *я было* заснул, да меня разбудили), или обращено назад, т. е. тоже уничтожено (напр.: я *было* воротился с прогулки... да вас увидел в саду и пошел к вам). *Было*, сказали мы, стоит наравне с *бы*; прибавим, что если *бы* образует наклонение, именно условное, то и *было* точно так же образует наклонение, и тоже, можно сказать, условное, но совершенно с особенным оттенком, которого нет, кажется, в других языках. — Речение с *было*, так же, как и с *бы*, предполагает другое ответствующее речение. Вот примеры обоих. «Я *бы* заснул... если бы мне не мешали» и «я *было* заснул... да мне помешали». В первом случае действие не начиналось еще и встретило препятствие; во втором оно уже началось и встретило препятствие, или совершилось и было уничтожено; напр., я *было* написал письмо, да опять изорвал» [25].

Существуют разные точки зрения на вопрос о том, являются ли сочетания глагольных форм с *было* аналитическими формами глагола или синтаксическими образованиями внутри предложения, т. е. являются ли они формой слова или формой предикативной единицы. А. А. Шахматов видел в таких сочетаниях формы наклонения. В. В. Виноградов также считает их формами наклонения, переходными от изъявительного к ирреальному [26]. А. Х. Востоков считал *было*, как и *бывало*, безличным глаголом и все сочетание — особой синтаксической конструкцией. Той же точки зрения придерживался А. А. Потебня, который писал: «Доказательством, что „дал был“ никогда не составляло одной формы, служит то, что в русск. литерат., великорусских и многих млр. говорах оно разложилось на безличное *было*, *було* с прич. *лъ*: «хотел было пойти (идти), да раздумал», «сел было писать, да помешали»; в млр. (рядом с вышеприведенным «хотів був») «се ёму дяк также списав, як він було думав залицятись до протопопівни» (из чего однако ничего не вышло). Кв.» [27].

Материал современного русского языка убеждает в том, что *было* является одним из формообразующих элементов синтаксической конструкции; с участием этой глагольной частицы

[25] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 539—540.

[26] См.; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 587. Ср.: его же. О категории модальности..., стр. 51.

[27] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II. Харьков, 1874, стр. 181.

строятся сказуемые, а также односоставные и двусоставные предложения разной структуры.

В составе глагольного сказуемого *было* сочетается всегда с формой прошедшего времени. Сочетания с формой настоящего времени возможны, но крайне редки. Мы располагаем только одним примером:

Федор Иваныч *садится было* за газету (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 32, авторская ремарка).

Было может сочетаться с глаголами как совершенного, так и несовершенного вида; для первых нет каких-либо лексических ограничений; глаголы же несовершенного вида, образующие сказуемое или основу односоставного предложения с частицей *было*, лексически ограничены. Это глаголы волеизъявления и мысли (*хотеть, думать, подумывать, собираться, намереваться, пробовать, пытаться, просить, требовать, протестовать, понуждать, соглашаться, отказываться, посылать, ладить* [в значении «собираться»] и некот. др.), речи (*говорить, спрашивать, уговаривать, успокаивать* и некот. др.), движения (*идти, бежать, ехать*), глаголы со значением начинания (*приниматься, начинать*), а также некоторые отдельные глаголы (*готовить, показывать, беречься* и некот. др.).

Входящая в состав сказуемого частица *было* может а) предшествовать глаголу или б) следовать за ним.

а) Он *было пошел.* — Постой, постой! Куда ты? — остановил его Обломов (Гонч., Обл., 1, IV); — Жена *было заголосила*, а я ее бить (Гл. Усп., Власть земли, IX); Повозка *было тронулась*; но он остановил ее (Л. Толст., Рубка леса, VIII).

б) Старик посмотрел на меня, *пожал было плечами*, но тотчас же отвернулся (Дост., Униженные и оскорбл., 4, VIII); Чертопханов *запил было*; однако «очувствовался» (Тург., Конец Чертопханова, I); — Куда ты? — *спросила было* мать, но Фаина быстро вышла... (Бажов, Через межу, III); Демин *лег было*, а теперь опять поднялся на локте... (А. Рыбаков, Водители, 2, 16).

В состав сказуемого с *было* может входить частица *и*, предшествующая глаголу; при этом акцентируется общее значение всей конструкции.

[Дарья] Ах, сударыня! я *было и забыла* совсем, Иван-то Петрович приказывал... (Остр., Семейная картина).

В составе сложного сказуемого с спрягаемой формой глагола и инфинитивом частица может находиться: а) после спрягаемой формы, перед инфинитивом; б) после инфинитива, перед спрягаемой формой; в) в начале конструкции, перед сочета-

нием спрягаемой формы и инфинитива; г) при разделении глагольных компонентов сказуемого подлежащим (или подлежащим и каким-либо второстепенным членом предложения) — после спрягаемого компонента (перед подлежащим) или перед инфинитивом (после подлежащего).

а) Павел Сергеич *начал было протестовать*, но потом махнул рукой... (Чехов, Заказ); Конь... на ходу *потянулся было пить*, но всадник заторопил его... (Шолохов, Подн. целина, 1, 1).

б) На ель ворона взгромоздясь, *Позавтракать было совсем уж собралась*, Да призадумалась... (Крылов, Ворона и Лисица); — Смотритель *разговаривать было стал*, я его в зубы (Л. Толст., Два гусара, II).

в) Я *было хотел отказаться*, но как-то замялся и сел (Лесков, Чертогон, 2).

г) — *Хотел было* он *и жаловаться*, так уж я насилу отговорил... (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Неумелые).

Попробовала она *было бороться*, но тотчас же махнула рукой... (Чехов, Несчастье).

В составе именного или наречного сказуемого частица *было* чаще является препозитивной по отношению к знаменательному слову.

Акакий Акакиевич еще *было насчет починки*, но Петрович не дослышал... (Гоголь, Шинель); — Я *было то да се*, а он чуть было не закричал на меня... (Дост., Униженные и оскорбл., 1, XII); Он *было и наутек*, да в прихожей, сказывают, задержали (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейный суд).

Помимо сказуемого *было* может входить в состав полупредикативного определения, формируемого причастием (*хотевший было; слегка было оборотившийся; цыганки, разбредшиеся было по комнатам; погибший было*).

Как и другие частицы, *было* может относиться к нескольким членам предложения, группирующимся вокруг сказуемого; это — наиболее обычное функционирование данной частицы. Группы членов предложения, оформляемых данной частицей, могут быть разнообразны по своему составу; ограничимся рядом отдельных примеров.

Я *было заговорил о чем-то постороннем*, но старик только рукой махнул (Дост., Униженные и оскорбл., 4, IV); [Радимов] Я *отказал было Лионскому от дома;* ты отыскал его и привел ко мне... (Писарев, Хлопотун, XXX); — Недавно явился к нам один новенький и *стал было по части честности корреспонденции писать*. Что ж? Прикрыли...

(Гаршин, Встреча); Балага *было пошел из комнаты.* — Нет, стой, — сказал Анатоль (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XVII); — Простились, и она *совсем уже было к двери пошла*, вдруг оборачивается и спрашивает...(Б. Полевой. Любовь).

В записях разговорной речи выявляются построения с *было*, имеющие особое значение неуверенного, с оттенком сомнения утверждения, предположения.

— Надо дырочками вниз ставить. — Я *было так и ставила* (Из разг. речи); — Ты ее пересолила. — Да я *было чуть-чуть посолила* (Из разг. речи). Сравн.: [Скотинин] Все меня одного оставили. *Пойти было прогуляться* на скотный двор (Фонв., Недоросль, 1, VIII).

Частица *было* участвует в формировании разных типов односоставных предложений; она тяготеет к слову, формирующему главный член предложения.

[Хлестаков] *Хотели было даже* меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем (Гоголь, Ревизор, 3, VI); [Гордей Карпыч]... Спасибо, что на ум наставил, а то *было свихнулся* совсем (Остр., Бедн. не порок, III, XV); — Catherine, значит, была у вас?.. — Была, и *просила было*... — И что ж? — Разумеется, ничего (Писемск., Тысяча душ, 4, VIII).

7. Специфичны предложения, строящиеся с участием частицы *и есть*[28]. В разных типах конструкций эта частица обнаруживает разную степень сохранения своих глагольных качеств.

Особый тип предложения, характерный для экспрессивно окрашенной речи, представляют собой предложения, строящиеся как двукратное повторение имени, заключающееся частицей; такие конструкции имеют значение уверенного утверждения признака и предицируют по отношению к субъекту известному, но не названному или названному в предшествующем контексте. Глагольное значение *и есть* здесь максимально ослаблено; видеть в первом имени подлежащее, а в *и есть*

---

[28] По Шахматову *и есть* — «утвердительное наречие» (см.: «Синтаксис»..., § 487, стр. 418). В § 252 (стр. 211), посвященном «двусоставным связочным предложениям», Шахматов, вопреки этому своему пониманию, равно видит в *и есть* связку в следующих разных построениях: «А вот он-то и есть этот чиновник» (Гоголь, Ревизор, I, 3) и «— Никита! — Ну что Никита. Никита и есть. Чего надо-то?» (Л. Толст., Власть тьмы, I). См. также § 304, стр. 239—240. О частице *и есть* см. также: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 71; его же. Русский язык, стр. 733.

связку — невозможно: такому пониманию противоречат условия употребления данных конструкций (речь идет всегда о субъекте уже известном), их модально-экспрессивное значение, специфическая интонация (пауза между именами очень короткая и по своему характеру иная, чем пауза сказуемости), строгая локализованность глагольного элемента (*и есть* всегда заключает собою конструкцию). В таких построениях обычно фигурируют имена с характеризующим, качественно-оценочным или конкретно-предметным значением.

Грачиха со своей неизменной правдой начала тотчас же бранить его. — Пошто, пес, дедушек обижаешь и печалишь? *Балда, балда и есть*, не даст тебе бог счастья... (Писемск., Старая барыня); — И охота вам расписывать! *Звери — звери и есть*! (Л. Толст., За что?, VII); — Чего проще, кажется, огурец... Такое ему и название: *огурец — огурец и есть*. А возьмите здешний огурец или наш — муромский. Церемония одна, а вкус другой (Мамин-Сиб., Золотуха, VI); — Уж не вьюном Гриньшу зовут, а Рыбкой навеличивают да нахваливают. — *Рыбка — рыбка и есть*. Поглядеть на него весело (Бажов, Круговой фонарь).

Тот же общий тип конструкции сохраняется при включении в ее состав — непосредственно перед частицей — местоимения *он* (*она*, *оно*, *они*) в акцентирующей функции.

— В деревне за сохой всему этому не обучишься. Известно, *соха — соха она и есть* (Горбунов, Из деревни, V).

Другой тип построений с *и есть* — тесно связанные с диалогом (см. стр. 329) нераспространенные именные конструкции со значением уверенного подтверждения, состоящие из имени и постпозитивной частицы; все построение возникает на основе повторения имени, употребленного в предшествующем контексте (сюда же — случаи «повторения» подразумеваемого имени). Так же, как и в построениях предыдущего типа, имя здесь обычно имеет качественно-оценочное или конкретно-предметное значение.

— ...Целые дни-то деньские как *пес* дрыхнет! *Пес и есть*! (Дост., Прест. и наказание, 2, I); — ... Ну, душа и не стерпела... Назвал его *злодеем*... *Злодей и есть*... (Станюк., Побег, IV); — ...Ну, он хошь и *Живоглот* прозывается (*Живоглот и есть*), а моему делу не препятствовал (С.-Щ., Губ. оч., Первый шаг); Морозов вошел и, качнувшись, сразу попал в кресло. «*Сапог и есть*» — подумал Юрий презрительно; механиков звали сапогами, намекая на черные погоны Инженерного училища и на черную кость (Соболев, Капит. ремонт, 6).

Сюда же примыкают утверждающие построения с местоимением.

[Дементий] Что это, тетушка, словно как *сам* приехал. (Молчание) Да, *он и есть*! Его речи-то (Горбунов, На большой дороге, IV).

Во всех перечисленных построениях *и есть* в той или иной степени сохраняет следы своего глагольного значения. Это значение частицей полностью утрачивается в обозначающих уверенное утверждение конструкциях глагольных.

— *А ведь и есть — потерял*, — сердито проворчал Панов, — либо забыл, либо выскочила дорóгой. — Чего ищешь-то? — спросил один из солдат бодрым, веселым голосом. — Трубку, — чорт ее знает куда запропала! (Л. Толст., Хаджи Мурат, II).

Итак, разные глагольные частицы участвуют в формировании разных типов синтаксических построений, характеризующихся особыми конструктивными чертами и своеобразными модально-экспрессивными значениями.

ПОСТРОЕНИЯ С НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

В отличие от глагольных частиц, составляющих единую группу слов, функционирующих всегда только в составе предикативных единиц, наречные частицы делятся на два большие разряда: частицы, которые участвуют в построении только предикативно значимых членов предложения, и частицы, которые могут выступать в качестве элемента формы как предикативно значимого, так не предикативно значимого члена предложения.

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц

Только в составе предикативных единиц функционируют наречные частицы *вот, вóт так, вот и, тáк и, так-таки, и так, куда, туда же, где, как, вóт как, чуть было (не), нет-нет (да) и*. У всех этих частиц в большей или меньшей степени сохраняются функционально-смысловые связи с соответствующими наречиями.

1. Очень разветвленным является круг построений, конструируемых с участием частицы *вот*. Эта частица сохраняет живую и непосредственную связь с наречием в двух его основ-

ных значениях: собственно указательном и временно́м. Только при утрате этих значений мы можем говорить о переходе *вот* в частицу, которая участвует в формировании предложений со значениями: 1) акцентирования, 2) усиления, 3) оценки, 4) отрицательного, иронического отношения [29].

1) В односоставных и двусоставных предложениях со значением акцентирования частица *вот* находится а) в начале предложения или б) непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложения (в односоставном предложении).

а) [Кочуев] Уж пора забыть эту книжку. [Ксения] Нет, *вот не забываю* (Остр., Не от мира сего, 3, 4); — Где пропадал? — Пропадал или не пропадал, а *вот нашелся* (В. Некр., В родн. городе, 1, 18).

б) — Вам-то *вот смешно*, а нам слезы (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, IX); — На курсы бетонщиков *вот просится*, как думаешь, отпускать? (Б. Полевой, Любовь).

Значение акцентирования подчеркивается координирующей с *вот* и постпозитивной по отношению к главному члену частицей *же*.

— Чёрта лысого получишь! Хотел было, даром хотел отдать, но теперь *вот не получишь же*! (Гоголь, М. д., 1, IV); — То-то старички говаривали: потная рука торовата, сухая неподатлива. Сам голый, а *вот отдал же* (Л. Толст., Война и мир, IV, 2, XI).

С другой стороны, подчеркивание общего значения конструкции достигается сочетанием *вот* с союзными частицами *и, да, а, ну, а ... и*; такое сочетание всегда начинает собою все построение.

Николай стал ходить взад и вперед по комнате. «*И вот охота заставлять ее петь!* Что она может петь? И ничего тут нет веселого», — думал Николай (Л. Толст., Война и мир, II, 1, XV); — *А вот не спросишь*, — говорил маленький брат Наташе, — *а вот не спросишь*. — Спрошу, — отвечала Наташа (Л. Толст., Война и мир, I, 1, XIX); — Да ты «Отче» знаешь? — Знаю. — *Ну вот читай ее* (Л. Толст.,

---

[29] Описанию употребления частицы *вот* посвящена статья Л. М. Чистяковой «К методике стилистического анализа частиц (Частица *вот* в русском литературном языке)» («Русский язык в школе», 1951, № 5). Внимание автора сосредоточено на описании отдельных конструкций; в статье нет попытки выяснить общеязыковые синтаксические условия функционирования изучаемой частицы. Отсюда нередко — приписывание частице таких значений, которых у нее нет.

Фальш. купон, 2, IV); — Вы сейчас чем занимаетесь? — спросил Иванов. — *Да вот готовлю материал к областному совещанию* (А. Рыбаков, Водители, 3, 35).

В сказуемом *вот* функционирует своеобразно: оно всегда обращено и к подлежащему и связывает эти два члена общим значением акцентирования.

— А, это вы, — сказал Пьер с рассеянным и недовольным видом. — А *я вот работаю* (Л. Толст., Война и мир, II, 3, XXII); — Раз взяли, значит, всякий может... — Как это всякий... *Я вот не возьму*, например... (Макаренко, ФД-1, 9); — Ешь все-таки, да? — Ага. — Эх ты, а *я вот не буду* (Из разг. речи).

То же в группе членов, относящихся к сказуемому.

— Вы курите? — Спасибо. Только что потушил папиросу. — А *я вот махорку курю*. Никак не отвыкну (В. Некр., В родн. городе, 1, 5).

2) Другой вид построений с *вот* (*вот уж*, *вот-то*) — конструкции с оценивающим или усилительным значениями. В предложениях типа «*Вот девушка! Вот стрелок!* Дай бог бьет» (Вс. Вишневск., У стен Ленинграда, 3), *Вот обрадуется!* сочетанием всегда препозитивного *вот* с последующим словом создается конструкция, обозначающая оценку или усиление тех или иных называемых или непосредственно выявляемых качеств.

В непринужденной устной речи *вот* в таких конструкциях может звучать как *от*.

Она решительно подошла и без труда сдернула его с кровати. — А ну, иди запрягай! — *От чортова баба!* — сказал Игнат... (Троепольск., Игнат с балалайкой).

Существуют разные виды построений с *вот* со значениями оценки или усиления [30].

а) Именные определенно-личные конструкции. В роли второго (называющего) компонента выступает существительное с характеризующим или конкретно-предметным значением.

[Осип] Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора. [Хлестаков] (пишет) *Вот вздор!* Зачем? (Гоголь, Ревизор, 4, IX); — *Вот новость!* Обморок! С чего бы! (Тург., Отцы и дети, XXIV); — Значит, во мне призвание есть! Как же я этого раньше не знал? *Вот диковина!* (Чехов, Открытие); [Боркин] Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. *Вот комик!* (Чехов, Иванов, 4, XI); — А Ленька пи-

[30] Последнее значение выявляется там, где в состав предложения (его сказуемого, главного члена или предикативной основы) входит слово с качественно-характеризующим значением или слово, обозначающее признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности.

шет? — И он нет. — *Вот безобразник!* (Серг. Антонов, Дедушка); — Кажется, опять Зеленстрой не сделал ничего осенью... *Вот работнички!* (Д. Осин, Хозяева); — Хлеба-то и нет на столе. И чай забыла заварить. *Вот хозяйка!..* (В. Овечкин, Районные будни).

б) Глагольно-именные определенно-личные односоставные конструкции с глаголом бытия, состояния, обнаружения, движения.

— Помнишь Дашу? — прибавил он наконец. — *Вот золотая была душа! Вот было сердце!* (Тург., Смерть); — Что вы наделали, я вас спрашиваю? — сказала она строго. — Я? Что я? — сказал Пьер. — *Вот храбрец отыскался!* Ну, отвечайте, что это за дуэль? (Л. Толст., Война и мир, II, 1, VI); [Шабельский] А что, в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность? А? На зло! Возьму и устрою. Честное слово... *Вот будет потеха!* (Чехов, Иванов, 3, I).

Сюда же относятся именные конструкции, в которых после *вот* следует *это*, выполняющее почти служебную, акцентирующую функцию.

— *Вот это стрелки!* Только вышел командир на мостик — бац! Готов. Прямо в сердце (Нов.-Прибой, В бухте «Отрада»); — *Вот это постройка!..* Глядите-ка, товарищ Хазов! (Соболев, Зеленый луч, 7).

в) Глагольные определенно-личные конструкции.

— Поди, выбери Денисова. *Вот танцует!* Чудо! (Л. Толст., Война и мир, II, 1, XII); [Бетси] Ах, как это хорошо! *Вот не ожидала!* (Л. Толст., Плоды просвещ., III, 8); А командир у нас был бедовый. Первый год на крейсере плавал. *Вот любил команду!* (Нов.-Прибой, Рассказ боцманмата); — ... Была бы жива моя старуха, *вот бы повстречала, вот бы радовалась*, пирогов напекла... (Т. Тэсс, Дальняя дорога).

г) Безличные и инфинитивные предложения.

— *Вот неожиданно!* Какими судьбами! (Тург., Отцы и дети, XXV); — Ах, хомуты славные с набором висят. *Вот бы на тройку сесть* (Л. Толст., Два гусара, II); — *Вот интересно бы их свести вместе*! (Мамин-Сиб., Золотуха, VIII).

д) Двусоставные нераспространенные или малораспространенные предложения.

Прасковья Ивановна следила за ней улыбающимися глазами и думала: *вот отчаянная эта Харитина...* (Мамин-Сиб., Хлеб., 5, XI); — Придется мне сходить к твоей матери. — Приходите, Анна Васильевна, *вот мама обрадуется!* (Ю. Нагибин, Зимний дуб).

Усиливающим элементом в составе всех видов описываемых конструкций может быть частица *то*, присоединяемая обычно к главному члену односоставного или к сказуемому двусоставного предложения.

[Бобчинский] (Добчинскому) *Вот это*, Петр Иванович, *человек-то*. Вон оно что значит человек (Гоголь, Ревизор, 3, VII); [Данила Григорьич] А этот, майор-то! *Вот выжига-то!* (Горбунов, Самодур, 3, III); [Вожеватов] Квартиру свою вздумал отделывать, — *вот чудит-то* (Остр., Бесприданница, 1, II); *«Вот дурак-то!»* — продолжал думать сам с собой Калинович (Писемск., Тысяча душ, 3, V); — А провинцияльное простодушие смотрит на эту толкотню, да только рот разевает: *вот-мол деловой-то город!* Как же! (С.-Щ., Губ. оч., Лузгин); [Василий Леонидыч] А вы свиней выкармливаете? *Вот выгодно-то!* (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 43).

Частица *то* может сочетаться непосредственно с *вот*; это свидетельствует о цельности сочетания *вот-то* даже при внешней раздельности компонентов.

— *Вот-то приятно было с ним служить! Вот-то был знающий и дельный старший офицер и добрый товарищ!* (Станюк., Куцый, IV).

Значение всей конструкции усиливается соединением *вот* с частицей *ведь* (*вот ведь, ведь вот*).

— *Ведь вот выбрали место под город*, — возмущался Ечкин, глядя на город в кулак (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, XII); Удивляются офицеры. — *Вот ведь*, говорят, — *тип! Вот экземпляр!* Ну и ну! (Л. Пантелеев, Пакет); ...Удивился: *вот ведь неожиданно вышло!* (Соболев, Зеленый луч, 9).

То же с сочетанием *вот уж (уж вот)*.

[Каркунов] Ах, кум ты мой милый, *вот уж спасибо, вот уж спасибо*! (Остр., Сердце не камень, 1, 3,); — ...И какой малый чудесный, я вам скажу, граф, Ильин этот: *вот уж не скупой* — последнюю рубашку отдаст (Л. Толст., Два гусара, I); — Здравствуйте, Юрий Петрович, *вот уж не ждали*... (Соболев, Капит. ремонт, 8).

3) Третий круг построений с частицей *вот* объединяется значением отрицательной или иронической оценки. В конструкциях с этим значением *вот* выступает всегда в сочетании с другой частицей или с местоименным словом. Здесь намечаются следующие типы построений.

а) Предложения типа *Вот они работнички!* имеют значение раскрытия неудовлетворительности или внутренней несостоятельности называемого, иронической его оценки. Такие пред-

ложения имеют характер умозаключения; этим определяется тенденция к семантической ограниченности входящих в эти построения имен: это обычно отвлеченные существительные: *жизнь, мечты, гордость* и т. п. Конструкция предложения определенна: *вот* всегда находится в абсолютном начале всего построения, далее следует местоимение 3-го лица в указательной функции и имя (после которого возможно, но не обязательно *то*). Этот тип конструкции отмечен А. А. Шахматовым в разделе «Бессказуемо-подлежащные предложения»[31].

Думает это бедняга и слезами так и захлебывается. *Вот они, заячьи-то мечты!* (С.-Щ., Самоотверженный заяц); [Львов] Должно быть, сейчас начнется благословение... Благословят и повезут венчать. *Вот оно торжество добродетели и правды!* (Чехов, Иванов, 4, I); Сергей вздыхает. — — *Вот она, семейная жизнь...* (В. Некр., В родн. городе, 3, 2); — Я же, по милости сынов моих, горбом пропитание добываю. Это как? *Вот оно, потомство.* Да пропади оно пропадом! (И. Арамилев, На охоте); — *Вот они, работнички!* Видал? С первых шагов на подрыв пошли (Троепольск., Прохор семнадцатый..., 3).

Редки, но возможны инфинитивные построения с *вот оно:*

[Платон] Значит, наше взяло! Ура! *Вот оно — правду-то вам говорить почаще, вот!* (Остр., Правда хорошо... 3, 10).

б) Глагольные и именные предложения, оформляемые с участием сочетания *вот еще* (компоненты сочетания могут быть разделены), имеют значение насмешливого осуждения.

— Ну, ну, — сказал он. — *Вот воин еще!* Глупости-то оставь: учиться надо (Л. Толст., Война и мир, III, 1, XX); — Поела, согрелась и ступай. — *Вот еще выдумал!* Куды я пойду-то? Тоже и сказал... (Мамин-Сиб., Золото, 3, IV); — Где же я возьму рукомойник? — *Вот еще проблема* — рукомойника не найти! (Серг. Антонов, Дожди, 3).

в) То же значение имеют глагольные и именные конструкции с *вот тоже* (компоненты сочетания также могут быть разделены).

Пелагея Евграфовна только плюнула. — *Вот старого дармоеда держат ведь тоже!* — проговорила она... (Писемск.,

---

[31] Его примеры: *Вот она действительность-то.* Св. Креч., II, 5; *Вот она — наша логика.* В. и м., IV, Эпилог, 1, IX; *Вот оно торжество добродетели и правды,* Иванов, IV; *Вот она гордость-то,* Матрена Панкратьевна. Горб., Самодур, III. — Сюда же Шахматов относит: «Наш порядок вещей вам не нравится, это мы видим, чувствуем..., а какой свой порядок вы придумали? *Вот он, вопрос?* Н-да... Мещане, I» (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 38, стр. 53).

Тысяча душ, 1, IX); — Чего же ты стоишь? Напужался? .. Ах ты, воробей, воробей, — *вот дурак-то тоже*! Стоит и крышка! А ежели б задавил тебя? .. Ах, *вот дурак-то тоже*! (Фад., Разгром, 3, I).

2. Построения со сложной частицей *вот так* (*так* всегда безударное) [32] имеют значение оценки. *Вот так* всегда начинает собою все построение.

— Ребята, *вот так пушка*! — Да! ... — Уж оченно, сейчас умереть, бо́льшая! ... (Горбунов, У пушки); — В девятом часу велено на месте быть, а мы и половины не прошли. *Вот так распоряжения!* (Л. Толст., Война и мир, I, 3, XIV); Вся улица хохотала над Авдотьей: *вот так нашла добряка*. То-то глупая баба! (Мамин-Сиб., Говорок, I); — *Вот так коробочки!* Ую-юй, — даже жалко тронуть, руки у меня немытые (Горький, «Страсти-мордасти»).

В двусоставных предложениях с *вот так* в функции сказуемого обычно выступает глагол бытия, обнаружения, проявления.

— *Вот так денек выбрался!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, IV); *Вот так старичонка задался*: на два аршина под землей все видит (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, I).

От описанных построений отличаются такие, в которых между *вот* и *так* проходит — хотя и очень незначительное — интонационное членение и *так* несет на себе слабое ударение: *во̀т ˇ так ры́жики! во̀т ˇ так лесо́к! во̀т ˇ так са́хар! во̀т ˇ так бра́ли*! . Значение таких конструкций совпадает с теми, где *вот так* нечленимо; но все построение является более логизированным, и в *вот* выступает оттенок указательности. Сюда же примыкают конструкции с *вот это так*, в которых *это*, выполняя роль акцентирующего слова (ср. *Вот это стрелок!*), в то же время расчленяет все построение.

— Их нет дома... — *Вот это так мило*: хозяин сидит в ванне, хозяйки нет дома... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 2, IV); — Ты пойми, ты пойми, Ванька! Собака смеется человеческим голосом. *Вот это так собака!* (Макаренко, Флаги на башнях, 2, 11).

3. Сложная частица *вот и* участвует в формировании предложений со значениями, во-первых, следственности, осуществления ожидаемого и, во-вторых, отрицательной, иронической оценки. Специфика наречной частицы *вот и* заключается в ее

---

[32] В просторечии *так* может звучать как *дък*: — А ты погляди, как рыбу ташшат неводом. *Вот дак ремесло!* Лучше этова ремесла ничего нет (Решетн., Подлиповцы, 2, XIII).

живой связи с союзом и, в ряде конструкций, по существу, в полусоюзной ее функции [33].

1) Предложения со значением естественной следственности, подготовленности.

Односоставные предложения.

[Корпелов] ...Всякая жизнь и бедная, и горькая, — все радость. Озяб, да согрелся, — *вот и радость*! Голоден, да накормили, — *вот и радость* (Остр., Трудовой хлеб, 4, 8); [Несчастливцев] ...Паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка в трагики! *Вот и нет никого* (Остр., Лес, 2, 2); — Я сказал — выпрошу, *вот и выпросил* (Лесков, Соборяне, 2, 3); [Митрич] Ты не бойся ничего, *вот и не будет страшно* (Л. Толст., Власть тьмы, 4, 2, I, вариант); [Бушков] Табачок ваш, бумажку дашь, огня добудем — *вот и курить будем* (Вс. Вишневск., У стен Ленинграда, 3); — А я раньше срока управился, *вот и пришел* (Ю. Нагибин, Пути-дороги).

Двусоставные предложения.

— Продал я и молодость, и карьеру, и принципы, — *вот и мстит мне теперь жизнь* (Чехов, Жилец); И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. *Вот и оберегаются люди* (Бажов, Каменный цветок).

Соединение компонентов частицы *вот и* — непрочное: они легко разъединяются и в предложении могут быть разделены: подлежащим, подлежащим и каким-либо второстепенным членом или только второстепенным членом предложения. Такое разделение типично для предложений с *вот и*.

[Шапкин] Унять-то его некому, *вот* он *и воюет* (Остр., Гроза, 1, I); — Поднеси стаканчик, *вот* я тебе *и покажу* свою душу... (Горбунов, Из деревни, IV).

В состав сложной частицы *вот и* может быть введен элемент *тебе*, вносящий в предложение оттенок некоторой фамильярной непринужденности.

[Осип] С проезжающим знакомится, а потом в картишки — *вот тебе и доигрался!* (Гоголь, Ревизор, 2, I); — Скот всю землю истолок — *вот тебе и пошли пески* (Пауст., Повесть о лесах, Не боги горшки обжигают).

К предложениям со значением следственности, подготовленности примыкают предложения со значением осуществления ожидаемого, того, что естественно должно произойти.

[Ксения] *Вот я и успокоилась.* [Кочуев] Успокоилась, а голос-то дрожит (Остр., Не от мира сего, 3, 4); — *Вот ты*

---

[33] См.: Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стр. 9 (статья «И», составленная Л. В. Щербой).

и приехала, славу богу, — сказала она, садясь на постель (Чехов, В родном углу, I).

2) Другое значение построений с *вот и* — значение иронической оценки, внутренней несостоятельности того, о чем сообщается. Здесь выделяются следующие типы построений.

а) Обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом в форме повелительного наклонения. *Вот и* всегда начинает все построение, которое обычно представляет собою вывод из предшествующего рассуждения или умозаключение о выявившейся невозможности, нецелесообразности какого-либо действия.

[Барбарисов] Экое наказание! *Вот и верь твоей маменьке, и рассчитывай на ее слова* (Остр., Не от мира сего, 2, 2); [Наталья Степановна] Каков негодяй? *Вот и верь после этого добрым соседям!* (Чехов, Предложение, V); — ... Все-таки перегибает, значит, Воропаев, не знает вашего дела? А? *Вот и угоди на вас!* (Павленко, Чья-то жизнь).

Разновидность — построения с элементом *тут* при глаголе, носящие оттенок большей непринужденности.

[Маша] (смеется, берет деньги и прячет в пазуху). [Федя] (цыганам) *Вот и разберись тут!* Мне открывает небо, а сама на душки просит (Л. Толст., Живой труп, I, 2, VI); Хозяин только развел руками. *Вот тут и толкуй с упрямым старичонкой* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, V).

б) Определенно-личные глагольные (всегда с формой на *-л*) бесподлежащные предложения со значением иронической оценки действия как неосуществившегося, неудавшегося или давшего результаты, противоположные ожидавшимся.

[Кабанова] Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. *Вот и дождался!* (Остр., Гроза, 4, VI); Глупо все получилось... Незачем мне было в атаку ходить. Комбат должен управлять, а не ходить в атаку. *Вот и науправлял* (В. Некр., В окопах Сталинграда, 2, 12).

Частица может быть осложнена элементом *тебе, те, вам,* перешедшим (*те*) или переходящим в разряд частиц. Соглашаясь с Буслаевым в определении значения и сферы распространения формы *те* (*ти*), К. Аксаков писал: «Автор (на стр. 186—187) справедливо говорит о вставном дательном: *ти*, видя в нем особенную искренность и наивность разговорного начала. Он видит „остаток такого употребления" в выражении „вот тебе раз". Подобных выражений довольно; они даже могут вновь образоваться, например: „вот тебе и съездил!",

„а вот тебе и гулянье!“ ... Здесь *тебе* вовсе не значит именно *тебе*. — В речи народной употребление это еще свободнее» [34].

— ... Доложить обещался об нем барыне, напомнить. *Вот те и напомнил!..* (Тург., Льгов).

в) Односоставные именные предложения со значением отрицания в называемом предмете или действии качеств, свойств, в нем предполагаемых, естественно ожидаемых. Частица осложнена элементом *те, тебе, вам*.

— ... Они любят только играть в чувства... *Вот вам и гуманность вся его...* (Писемск., Тысяча душ, 4, XI); — Так за что ж она? — За отравление. Но она неправильно осуждена. — Да, *вот тебе и правый суд...* (Л. Толст., Воскресение, 1, L); [Бубнов] (угрюмо) Всё — сказки... [Пепел] Н-да... *вот те и праведная земля...* не оказалось, значит... (Горький, На дне, III); — *Вот тебе и знаток!* — говорили они. — Что же это? То было все на свете знал, а то вдруг решительно все забыл! (Павленко, К. А. Тренев) [35].

4. Сложная частица *та́к и* в современном русском языке функционирует в глагольных построениях с тремя совершенно различными значениями: 1) интенсивно и полно выявляющегося предикативного признака (*Дождь так и хлещет*), 2) признака как завершения или выявления предшествующего состояния (*Постель так и стояла неубранной*; *Уеду, так и не узнаю ничего*) и 3) уверенного и вызывающего отрицания (*Так и испугались тебя!*).

1) «Высокую степень напряжения» [36] предикативного признака, его интенсивное и полное выявление выражают сказуемые и предложения с частицей *так и*, всегда начинающей собою всю конструкцию. А. А. Шахматов видел в *так и* «наречие, означающее отношение, т. е. ту или другую степень проявления признака» [37] и соответственно — «обстоятельство дополняющее» [38]. Эти построения с глаголом в форме настоящего, прошедшего, реже — будущего времени в современной русской разговорной речи чрезвычайно употребительны.

---

[34] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 580.

[35] В диалогической речи реплики-повторы с частицей *вот* (*тебе*) и имеют значение иронической оценки слов собеседника (см. стр. 315). Ср. отражение этих форм в монологе: [Анна Андреевна] А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я *сейчас*». *Вот тебе и сейчас!* (Гоголь, Ревизор, 1, VI); [Счастливцев] А говорили *на тройке* поедем! *Вот тебе и тройка!* Вот и на пароход (Остр., Лес, 5, 9).

[36] Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стр. 11.

[37] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 480, стр. 404.

[38] Там же, § 485, стр. 413.

Завязка целого романа *так и блеснула* в моем воображении (Дост., Униженные и оскорбл., 2, XI); — ... Доски под ним *так и гнутся, так и трещат* (Тург., Бежин луг); Снег *так и брызжет* из-под копыт у коней... (Лесков, Тупейный художник, 11); [Андрей] ... А тут ранний рассвет, солнце *так и лезет* в спальню (Чехов, Три сестры, 1); ... Он вдруг весь *так и встрепенулся, так и впился* в газетный лист глазами... (А. Калинин, На среднем уровне).

Вчера я был в суде и видел там судью: Ну, *так и кажется*, что быть ему в раю! (Крылов, Вельможа); [Фамусов] А? Бунт? Ну *так и жду* содома (Гриб., Горе от ума, 2, 3); [Утешительный] Сын молодец: *так и рвется* в гусары (Гоголь, Игроки, X, IV); ... От нее *так и пышало жаром* (Станюк., Нянька, XVIII); Сильно нагретым и удушливым воздухом *так и обдало меня* (Писемск., Старая барыня); Мне *так и хочется* плакать от радости (Л. Толст., Война и мир, IV, 1, XVI); *Так и веяло* несчастьем от всей его фигуры (Л. Толст., Поликушка, V); От лица ее *так и дышит* счастьем... (Чехов, Егерь); Меня *так и затрясло* от смеха (Нов.-Прибой, На медведя); — И рыба есть? — Рыбы много. После дождя *так и бьет* (В. Лукашевич, Прошлым летом, Третий в доме).

Значение конструкции подчеркивается ее повторением.

— ... Смола раскипелась — *так и брыжжет, так и брыжжет!*... (Горбунов, В дороге); — А «Ястреб» наш *так и бьется, так и бьется* о каменья... (Станюк., Гибель «Ястреба», I).

— А мастер танцевать... — *Так и строчит, так и строчит*, — сказала другая приезжая... (Л. Толст., Два гусара, IV); — А кроме того, что в самом зубе, но и всю эту сторону... *Так и ломит, так и ломит*! В ухо отдает, извините, словно в нем гвоздик или другой какой предмет: *так и стреляет, так и стреляет!* (Чехов, Хирургия).

Повторяться может только глагольная форма с элементом *и*, без *так*.

— ... А у самого слезы *так и бегут, и бегут*... (Тург., Петр Петрович Каратаев). Сюда же: Вся задушевная тоска этой песни *так и послышалась и почуялась* в каждом переливе его голоса (Писемск., Тысяча душ, 2, V).

А главное, заносит поля. *Так и ползет и ползет* — хоть переноси деревню на новое место (Пауст., Повесть о лесах, Не боги горшки обжигают).

Частица *так и* может быть осложнена элементом *вот*; значение конструкции при этом не меняется, но в ней может появ-

ляться оттенок значения непосредственного и беспрепятственного выявления предикативного признака.

— ...И нога, что повыше косточки, *так вот и ломит* (Гоголь, М. д., 1, III).

[Коринкина] А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! *Так бы вот и убила его!* (Остр., Без вины виноватые, 2, 2).

Элементы частицы могут быть разделены. Это не меняет общего значения всего построения, но в *так* (*так вот*) при этом усиливается оттенок наречного значения.

— ...*Так вот* на ней все *и горит*, особенно башмаки... (Гонч., Обл., 3, VI); — Бросил вожжи: держи, мол, ваше сиятельство; сам *так* в сани *и повалился* (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XVI).

[Купцы] Такого никто не запомнит городничего. *Так* все *и припрятываешь* в лавке, когда его завидишь (Гоголь, Ревизор, 4, X); — Как я люблю ваше Покровское, — сказал он, прерывая разговор. — *Так бы* всю жизнь *и сидел* тут на террасе (Л. Толст., Семейное счастье, 1, II).

2) Другой круг конструкций с *та́к и* — построения со значением завершения или выявления предшествующего состояния[39]: предикативный признак, выражаемый построением с *так и*, характеризуется как результат или естественное завершение другого, подготовившего его признака, самостоятельного и несходного с завершающим (*весь вечер плакала, так и уснула*), близкого и сходного с ним (*долго хворал, так и зачах*), или того же самого признака, исходящего из прошлого, какое-то время длившегося и естественно завершившегося «самим собою» (*так и не отдал долг*). Характерно, что оттенок наречного значения в *так* последовательно ослабляется от первого случая к последнему. Значение построений с *так и* уясняется при сопоставлении их с построениями типа *как упала, так и лежит*; *как сел, так и не поднимался весь вечер*; *как жил бедняком, так и умер*; *как сидишь, так и останься*.

— Сначала как будто интересуются, а потом *так и остаются* новые книги до половины *неразрезанными*... (Л. Толст., Воскресение, 2, XIX); ...Он понял, что он пропал, что возврата нет, что пришел конец, совсем конец, а сомнение *так и не разрешено, так и остается сомнением* (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, XII); — Неужели вы *так и не припомните*, где мы встречались? (Пауст., Снег).

[39] Определение значения таких форм в смысле «в конце концов» — очень приблизительное и не охватывает всех видов этих построений (см.: Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стр. 11).

— А отец-то что ж? *Так и не простил?* (Дост., Униженные и оскорбл., 4, VIII); [Аркадина] Вот уеду, *так и не буду знать*, отчего стрелялся Константин... (Чехов, Чайка, 3); — Не остался! *Так и не остался*... Уехал... (Фад., Разгром, 1, II).

Чаще всего *так и* оформляет несколько членов предложения, группирующихся вокруг сказуемого.

Он взялся за весла, взмахнул ими, как птица крыльями, и *так и замер в прекрасной позе* (Гаршин, Художники, I); По сути дела, он *так и не вкусил подлинной семейной жизни* и сам никогда не чувствовал себя женатым человеком (Фад., Разгром, 1, VIII).

3) Третью группу построений с *так* (*вот*) *и* составляют глагольные конструкции со значением уверенного и насмешливого отрицания, утверждения обратного [40]. Это чаще всего — односоставные предложения, в которых *так* всегда начинает собою все построение, а элемент частицы *и* может быть отделен от *так* каким-либо словом, но всегда находится непосредственно при главном члене предложения — глаголе в форме прошедшего или будущего времени.

— Говорят, очень уж шалят по ночам. — Нас пятеро. — *Так вас и побоялись*, пятерых-то... (Лесков, Разбойник); — Мало ли войсков наших идет. *Так его и пустили*! На то начальство (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XXIII); Матрешка усомнилась... «*Так и поверила тебе*, — думала она, делая глупое лицо: — нашла дуру» (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 1, XII).

Двусоставные предложения.

[Марфа] Я бы убрала на досуге за вас. [Мирон] Ну, да, как же! *Так бы я вас и пустил в кабинет!* (Остр., Невольницы, 3, 2); Наверное, он денег просить приехал... — Дожидайся! *Так я и отдал!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); [Саша] Что тебе не нравится? [Лебедев] Все мне не нравится! Все! [Саша] Что все? [Лебедев] *Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать* (Чехов, Иванов, 4, IV).

Такие предложения произносятся с полувосклицательной интонацией. При вопросе такое построение обозначает не уверенное отрицание, а ироническое сомнение, подчеркнутое недоверие.

— Как же, *так и бросят Москву-то*? Тебе на смех сказали, а ты и поверил (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XXIII).

---

[40] Упоминание об этих конструкциях см.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 198.

5. С частицей *так-таки* (*так-таки и*) строятся предикативные единицы со значением истинности, несомненности утверждаемого, его полного соответствия тому, что действительно имеет место.

В предложении частица *так-таки* всегда стоит в его начале; элемент *и* отнесен к главному члену (в двусоставном предложении — к сказуемому).

— В деревне мне уже теперь нечего делать. — Отчего же нечего? — *Да так-таки нечего* (Тург., Петр Петрович Каратаев); — ... А что, ежели и в самом деле... прокляну? *Так-таки возьму да и прокляну...* (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному).

Частица *так-таки* может участвовать также в образовании сказуемого; однако чаще с этой частицей оформляется целая группа членов предложения, объединяющихся вокруг сказуемого.

— Вы думаете: я вам *так-таки сейчас мое требование и объявлю*? .. Нет, вы планы сюда подайте, — вот что! (Тург., Однодворец Овсяников); — Неужели уж я своей персоной *так-таки и не представляю никакого интереса*? (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 2, V).

6. Предикативные единицы, строящиеся с участием сложной частицы *и так*, обозначают, что то, о чем сообщается, совершается независимо от указаний, советов или условий, его вызывающих или ему способствующих, как бы предвосхищает эти указания или условия; так, в сложном предложении: *Не упрекай его, он и так раскаивается* сказуемое второй части значит: «независимо от упреков, уже раскаивается». То же значение имеют предикативные единицы с частицами *и то* (см. стр. 212—213) и *без того* (см. стр. 160).

В составе сказуемого частица *и так* может находиться перед знаменательным словом или после него.

— Он *и так расстроен*, а ты его больше сердишь! (Писемск., Тысяча душ, 1, VII); — ... Я приму меры, чтобы положение это кончилось. — Скоро, скоро оно *кончится и так*... (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 4, IV); — Вы, барин, глядите веселее! — Да я, голубчик, *и так не скучаю* (Гаршин, Трус); — Зачем тебе капитал, Фомич? Ты *и так не беден* (И. Арамилев, На охоте).

В так называемых неполных предложениях частица оформляет предикативно значимый член предложения.

— Покритиковать не мешает, — поддержал и Митрофан Андреевич, — но только по-хорошему, вежливо. — А мы *и так вежливо* (Троепольск., Один день).

Частица может оформлять группу членов предложения, связанных со сказуемым.

[Каренин] Лизавета Андреевна прислала мне записку, чтобы я приехал. А я *и так собирался к вам нынче вечером*, так что очень рад... (Л. Толст., Живой труп, I, 1, IX).

В составе предложения место частицы *и так* не является строго закрепленным, но свобода ее передвижения относительна; выявляются следующие правила местоположения этой частицы.

а) Частица находится в начале предложения.

[Трагик] Не проси, *и так выпью* (Остр., Таланты и покл., 2, VII); — ... А ей уродовать себя нечего — *и так дурна* (Л. Толст., Война и мир, I, 3, IV); — *И так тошно*, а ты еще каркаешь... (Нов.-Прибой, Лишний, I).

б) Частица находится в конце предложения.

Сунулся в один двор, дает золотой за курицу — не берет хозяйка. — *У меня*, — говорит, — *много и так* (Л. Толст., Сказка об Иване дураке..., XII).

в) Частица находится непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член односоставного предложения.

[Муров] Ну, перестань же. Мне *и так не легко расставаться* с тобой, а как ты еще расплачешься... (Остр., Без вины виноватые, 1, 2); — Провались ты со своими советами, мне *и так плакать хочется*... (Н. Грибачев, Рассказ о первой любви).

г) Частица находится при группе слов, относящихся к главному члену предложения.

— У меня уж *и так два раза лавы ломали*, а вам не позволю! (Чехов, На реке).

Если формируемое с участием частицы предложение входит в состав сложной противительной конструкции, то в состав частицы может включаться элемент *-то* (*и так-то*).

И так-то он у нас нездоровый, а посади его за малахит — вовсе изведется (Бажов, Хрупкая веточка).

7. С частицей *куда*[41] формируются инфинитивные предложения со значением уверенного отрицания возможности совершения действия: в составе предложения обычен дательный субъекта; частица, как правило, начинает собою все построение.

---

[41] *Куда* в значении частицы не следует смешивать с *куда* — наречием в значении «очень» (*...жизнь куда легка; куда как мил; все это мне куда не по душе*). «Словарь русского языка» (т. 4, вып. 1. СПб., 1906—1907, стр. 176) называет сочетание *куда как* в таких построениях «усилительным оборотом».

— *Куда мне, оглашенной, к большим барам ездить...* (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII); — *Куда ему поправиться*, когда в нем места нет живого... (Мамин-Сиб., Сестры, V). Обычно осложнение частицы элементами *уж, там, тут, же.*

[Кочкарев] Ну, *куда ж ей женить*, ей ли женить? Вот я женю, так женю (Гоголь, Женитьба, 2, VIII); — ... Не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше муки приму. *Уж куда меня лечить!* (Тург., Живые мощи); — Война все равно кончена. *Куда там воевать*, когда уже всё провоевали! (Макаренко, Честь, 1, 17).

Предложения с *куда*, имеющие значение отрицания возможности совершить то или иное действие, могут состоять только из частицы и следующего за ней дательного субъекта: *Куда ему! Куда уж тебе! Куда тут вам!* О построениях с *куда* в диалоге см. стр. 317.

8. Построения с наречной частицей *туда же* имеют значение насмешливого неодобрения, иронии, утверждения несоответствия признака внутренним возможностям, качествам его носителя (ср. равнозначные конструкции с *тоже*, стр. 172—174). Частица находится в начале или в конце всего построения. Предложения с *туда же* — односоставные, именные или глагольные.

— ... Ведь и она человек: любит тоже. — Любит!.. Всякая тварь *туда же лезет любить*! (Гонч., Иван Савич Поджабрин); У самой дочка с драгуном убежала, а она *туда же злоязычничает!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XVI); [Хлестова] *Туда же из смешливых*; Сказала что-то я: он начал хохотать (Гриб., Горе от ума, 3, 21); — ... Но какого чорта прапорщики эти лезут. Такое же пушечное мясо, как и мы. *А туда же, воевать им хочется* (Макаренко, Честь, 1, 22).

9. Внезапное, интенсивно проявляющееся и напряженное недлительное действие выражают предикативные единицы, строящиеся путем сочетания всегда препозитивной наречной частицы *как* с глаголом совершенного вида в форме будущего (обычно — в значении прошедшего) или прошедшего времени [42]. Круг глаголов здесь лексически ограничен: «При глаголах, означающих быстрое или сильное движение, а также громкий крик, восклицательное *как*, способствуя выразительности описания, выражает как бы удивление быстроте, силе и неожиданности действия» [43]. Это определение требует уточнения: в сочетание с *как* вступают глаголы со значением резкого движения

[42] См. об этих формах в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 589.

[43] Словарь русского языка, т. 4, вып. 1, стлб. 176.

(*вскочить, бросить, прыгнуть, дернуть, стукнуть, шаркнуть, хлопнуть, схватить, махнуть, замахнуться, размахнуться, затрястись, вцепиться* и т. п.), звуковых явлений (*закричать, крикнуть, раскричаться, зазвенеть, захохотать, рассмеяться, зашуметь, загудеть, застучать, зашипеть, взвыть, заплакать, запричитать, заголосить, рявкнуть, цыкнуть, загреметь, заорать, зареветь, ухнуть* и под.), глаголы, обозначающие проявление чувства или восприятие (*вспылить, покраснеть, взрадоваться, вскинуться, вспыхнуть, взглянуть* и некот. др.), а также глаголы со значением начала действия (*начать, приняться, пуститься* и под.).

Построения с глаголом а) в форме будущего времени[44], б) в форме прошедшего времени.

а) — ... Потом будто кто-то к двери подошел да вдруг *как закашляет, как заперхает*, словно овца какая... (Тург., Бежин луг); Выпил он молоко. «Хорошо», — говорит. *Как взрадуется* Дина! (Л. Толст., Кавказск. пленник, III).

— ... А Кишкин и проснись на грех ... *Как закричит*... (Мамин-Сиб., Золото, 5, IV); [Швандя] ... Бородища — во! Волосья — тоже. *Как зыкнет*! (Тренев, Любовь Яровая, 1). С разделением частицы и глагольной формы.

— Слушает меня Кинтя, а потом *как* у него *губы затрясутся*, заплачет... (Мамин-Сиб., В худых душах, VI).

Такое разделение является чисто внешним и не влияет на внутреннюю цельность конструкции. Интересны в этом отношении такие — относительно редкие — случаи, когда при значительной отдаленности глагола от частицы *как* повторяется непосредственно при глаголе:

— И-и-их, *как она опять на эти на мои слова вся как вспыхнет!* (Лесков, Воительница, 3).

б) *Как вскинулась* Анна, *как заголосила, как вцепилась* в мужа — едва оттащили (Мамин-Сиб., Золото, 3, VII); — *Как рявкнул* он от злобы! Река, кажись, всколыхнулась (Нов.-Прибой, На медведя); — *Как раскричался* он: «Какой ты бригадир! Тракторы работают, а ты спишь!» (В. Овечкин, На переднем крае, 2).

— *Как подняла*, братец ты мой, *визг, как заорала*, так будь ты трижды неладна... (Чехов, Женское счастье).

Формы прошедшего и будущего времени в таких построениях равнозначны, ср.:

---

[44] «Настоящее время соверш. вида... употребляется... для обозначения мгновенного действия, осуществившегося в прошедшем: *он как крикнет на меня, я и испугался; он как взглянет на меня*» (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 558, стр. 487).

— ...А дьякон *как ухнет, как заревел*... Ну, ей-богу, медведю или чумному быку впору! (Мамин-Сиб., Золотуха, XI).

Сравнительно редки, но возможны случаи повторения глагола, а также случаи сочетания с *как* двух форм разных глаголов.

— ...Вода вдруг по колесу *как зашумит, зашумит*; застучит, застучит колесо, завертится... (Тург., Бежин луг); — ...И тебе, — говорит, — князь, и себе в жизнь свою этого не прощу. *Да как зальется, заплачет* (Л. Толст., Записки маркёра).

С частицей *как* и сложной частицей *вот как* (просторечн. *во́ как*) строятся глагольные предикативные единицы и с более широким значением вообще высокой степени проявления предикативного признака.

В составе сказуемого частица, как правило, находится непосредственно перед глаголом.

— Хоть бы вы меня взяли к себе в Заполье, братец... Уж я *бы как старался* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, III); — Женитесь-ка лучше на мне. Я вас *вот как покоить буду!* (С.-Щ., Чижиково горе); — Дома-то, поди, жена тебя *вот как ждет* (Мамин-Сиб., Золото, 2, I).

Ослабление лексического значения в *как* здесь подтверждается сравнением с специфически разговорными построениями с устойчивым сочетанием *не знаю ка́к*, произносимым всегда слитно, с ударением на *как* и функционирующим в предложении как сложная частица.

— ...Вот я его за это... *не знаю как уважаю*! (Лесков, Дама и фефела, 15); [Таня] *Уж как благодарят-то, и не знаю как* (Л. Толст., Плоды просвещ., IV, 13); — У нас народ этому *не знаю как радуется* (А. Вальцева, Дуся).

В составе предложения частица *вот как* находится в начале всего построения или непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член односоставного предложения.

— Ох, Татьянушка, болит у меня сердце за всех вас. *Вот как болит!* (Мамин-Сиб., Хлеб., 1, VII); — Меня к семнадцати годам *вот как вымахало* — плечи во!.. (Соболев, Зеленый луч, 4).

Частицы *как* и *вот как* легко обрастают усиливающими элементами: *уж вот как, как-то ли* (просторечн.), *даже вот как*.

[Миров] *Да уж вот как стараться буду, уж вот как*... Ну, уж одно слово... *вот уж как*, как раб... самый... который... (Остр., Невольницы, 1, 4); Два оставшиеся лоцмана уговаривают остальных бурлаков идти за ними. — Пусть они

идут по той! *Уж как-то ли заблудятся, эво как!* (Решетн., Подлиповцы, 2, I); — У вас, Галактион Михеич, учимся... *Даже вот как учимся* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, IX).

Частица *как* в обязательном сочетании с отрицанием выступает как элемент формы предикативных единиц с двумя разными значениями.

Это, во-первых, сказуемые и определенно-личные предложения со значением непосредственной близости, реальной возможности осуществления предикативного признака (ср. значение построений с *чуть не, едва не*). Эти конструкции образовались из вопросительных предложений, утративших значение вопросительности, а для *как* — значение наречия и вопросительного слова.

— ... Архиерей стал перед иконой и зачитал, и читает, да и читает молитву за молитвой. Опять час прошел; тощий гость *как с ног не валится* (Лесков, Соборяне 3, 3); — У меня уж, кажется, *как глаза от слез не вылезут*, голова *как не треснет;* грудь болит (Лесков, Воительница, 3); Рожу наел — *как не лопнет*, а глаза все на прищур держит... (Бажов, Травяная западенка).

Во-вторых, это именные или инфинитивные предложения со значением уверенного утверждения, мысленно противопоставляемого возможному сомнению или утверждению противоположного (ср. построения с *как... не* в диалоге, стр. 336—338). *Как* всегда начинает собою предложение; отрицание находится при главном члене.

Княжна ошиблась ответом. — *Ну, как же не дура!* — крикнул князь, оттолкнув тетрадь и быстро отвернувшись... (Л. Толст., Война и мир, I, 1, XXV); *Как мне здешние места не знать!* Бажов, Про главного вора).

10. С частицей *где* (*где уж, где ж, где там, где тут*) строятся обычно предложения, причем очень определенной структуры. Значение их — то же, что у предложений с *куда*: они выражают полную уверенность в невозможности совершить то или иное действие.

Это, во-первых, предложения инфинитивные, обычно — с дательным субъекта; частица, как правило, стоит в начале предложения, но может и заключать его или находиться непосредственно при инфинитиве.

— Ты нежная душа, размазня, *где тебе ненавидеть!* (Тург. Отцы и дети, XXI); — Вы слыхали про Неуеденова? — Нет. — Ну, *да где же и слыхать*!.. (Мамин-Сиб., Золотуха, VI); Вылез на свой берег и — *где там отряхиваться*: некогда! — пустился бежать по песку к своему лесу (Пауст.,

Дремучий медведь); ...*Где уж ей*, старой, *справиться* с такими непокорными травами, деревьями и кустами! (Пауст., Бабушкин сад).

Во-вторых, это предложения, состоящие или только из частицы и дательного субъекта, или из частицы, дательного субъекта (не обязательно) и члена предложения с обстоятельственным или объектным значением; частица начинает собою все построение, но может и заключать его: действие, возможность осуществления которого отрицается, при этом подразумевается с большей или меньшей степенью определенности.

[Дементий] В экую стужу и мужику только в пору, *а уж вашей сестре где* (Горбунов, На большой дороге, IV); — Когда буду умирать — не плошай! — *Где уж тогда!* Во все глаза на меня смотреть будут! (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII); — Конечно, *где нам, мужикам*! — злорадствовал акцизный. — Теперь мы за штатом... (Чехов, Муж).

В-третьих, это предложения обобщенно-личные; частица всегда стоит в начале предложения.

— Кинулись искать монаха, *да где там найдешь* в такой пыли и урагане! (Пауст., Повесть о лесах, Дорожная книга),

11. Со сложной частицей *чуть было* (*не*) строятся глагольные предикативные единицы со значением близкого к выявлению, но не выявившегося признака [ср. построения с *чуть* (*не*), *едва* (*не*), стр. 146—148]. Частица всегда находится в начале конструкции, глагол — только совершенного вида — имеет форму прошедшего времени.

[Лаврентий] Ах, Григорий Савич! я вас *чуть было не запер*. Извините! (Гоголь, Владимир третьей степени, 2); Я сам *чуть было не разревелся* (Гаршин, Трус).

Ср. характерное соседство *чуть было* (*не*) и *чуть* (*не*)

— Как прочел — я, брат, *чуть порядочным человеком не сделался*! *Чуть было*; да только пораздумал и предпочел лучше остаться непорядочным человеком (Дост., Униженные и оскорбл., 2, V).

Частица может оформлять группу членов предложения, связанных со сказуемым.

— Что за дикость! Я *чуть было сама не ударила его* (Ю. Крымов, Танкер «Дербент», Командиры, II).

У Островского засвидетельствованы построения с *было чуть* (*не*) (ср. конструкции с глагольной частицей *было*).

[Агния] А я *было чуть не полюбила* его, плаксу (Остр., Не все коту масл., 1, 8); [Паратов] Ведь я *было чуть не женился на Ларисе*, — вот бы людей-то насмешил! (Остр., Бесприданница, 1, VII).

Ср. еще:

— А ты не знаешь, что *чуть довел было меня до самоубийства* (Писемск., Тысяча душ, 3, VII).

В предложении — односоставном и двусоставном — частица или а) начинает собою предложение или б) находится непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член односоставного предложения.

а) [Боркин] Ах, да! *Чуть было не забыл*... Пожалуйте восемьдесят два рубля!.. (Чехов, Иванов, 1, I); — Да-а... *Чуть было беда не стряслась* (Троепольск., Тугодум).

б) [Чацкий] Пускай себе сломил бы шею, Вас *чуть было не уморил* (Гриб., Горе от ума, 2, 8); — ...С тем и поехала к вам, чтоб показать, да вот за тем да за сем *чуть было не позабыла* (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейные итоги).

Помимо глагольных частица *чуть было* (*не*) может участвовать в образовании и именных построений, в которых сказуемое или главный член формируется с участием косвенного падежа имени: *Он на меня чуть было не с кулаками.*

12. Значение нерегулярно и нечасто выявляющегося признака имеют глагольные предикативные единицы, строящиеся с участием сложной частицы *нет-нет* (*да и*) [45]; глагол в составе такого построения имеет обычно форму будущего простого в значении повторяющегося действия, реже — форму прошедшего времени или повелительного наклонения и совсем редко — форму настоящего времени [46]. Частица находится в начале конструкции; союзные элементы частицы могут быть отделены от ее основной — наречной — части [47], но всегда находятся непосредственно при глаголе.

С глаголом в форме будущего времени.

Юрко Шмель *нет-нет и зайдет навестить*, как сиротская семья живет (Бажов, Шелковая горка); *Нет-нет да и напутает что-нибудь в плане*, часто допускает неточности в своей работе... (В. Некр., В родн. городе, 3, 5).

---

[45] По Шахматову, это наречие, выступающее как «сопутствующее обстоятельство»: «Наречие выражает сопутствующее изложению соображение или обстоятельство, сопровождающее действие, о котором сообщает предложение» («Синтаксис...», § 487, стр. 416).

[46] Неубедительно отнесение этих форм к «отрицательным сложносочиненным конструкциям» в работе В. А. Трофимова «К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке». («Уч. зап. ЛГУ», № 156. Серия филол. наук, вып. 15. Л., 1952, стр. 111).

[47] Ср.: Одеваясь, он бормочет что-то, и, *нет-нет*, на губах его *взрывается* дудниковское имя... (Леонов, Дорога на океан, Разбитое корыто).

С глаголом в форме прошедшего времени.

...И о чем бы ни говорили, она *нет-нет и возвращалась мыслью* к своему кудрявому Сереже (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 1, XXI); *Нет-нет, да и чудилось ему*, что рано или поздно Фелич взыщет за сердечность и расходы свои сторицей (С. Голубов, Багратион, 18).

В сочетании с глаголом в форме повелительного наклонения.

— А ты бы, как я: *нет, нет да и пробегись* — оно тебя и согреет (Л. Толст., Метель, VI); — Ты вспоминай, Сашко. *Нет-нет и вспомни*. Нельзя забывать (Панова, Кружилиха, 8).

Частица может оформлять группу членов предложения, связанных со сказуемым.

...А покуда что, все он хмельной, все *нет-нет да и вытянет палкой кого*... (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, I); Ребятишки малешеньки, несмысленны, а и те *нет-нет да и припомнят тятьку* (Мамин-Сиб., Говорок, III).

Итак, конструкции с наречными частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых построений, характеризуются всегда определенными правилами месторасположения частицы, взаимообусловленностью наличия частицы и собственно грамматических ограничений в категории и форме знаменательного слова, входящего в состав сказуемого или формирующего главный член предложения. Кроме того, в ряде случаев имеет место вхождение частицы в такой общий тип конструкции, который без участия частицы вообще не образуется.

Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц

К числу наречных частиц, функционирующих в составе как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц, относятся частицы: *всё, как-то, что-то, чего-то, как (же) (не), так, там, чуть (не), чуть-чуть (не), едва (не), чуть ли (не), вовсе, совсем, совершенно, положительно, окончательно, решительно, непременно, именно, просто (просто-напросто), прямо, почти, почти что (почитай что, почесть что), как раз (как раз и), лучше*.

1. Построения, образующиеся с участием частицы *всё*, имеют различные значения.

1) Наиболее обычны построения с *всё*, имеющие значение длительного, постоянного и преобладающего признака. Такое

употребление отмечалось еще Ф. И. Буслаевым, который писал: «Из особенностей в употреблении местоимения *весь* замечаются следующие: ... б) *Всё*, в средн. р. ед. ч., вм. *всегда;* напр., „всё бы тебе гулять“»[48].

В составе сказуемого — глагольного и именного — частица *всё* может находиться а) перед знаменательным словом или б) непосредственно следовать за ним.

а) — А знаете ли, отчего он *такой все невеселый, все молчит*, знаете? (Тург., Бежин луг); [Дмитрий Иваныч] Вы *все шутите*, доктор, а мне уж не до шуток, право! (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, V).

б) — Кому ж сказать? Анна Аркадьевна *нездоровы все*, — недовольно сказала няня (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 4, XIX); — ... Что вы с ним возитесь, он же *симулирует все* (Панова, Спутники, 2, 7).

При частице *всё* может находиться акцентирующее *то*.

Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, и *все-то думает*: кажется, что я жив? (С.-Щ., Премудрый пескарь).

Частица *всё* может оформлять также группу членов предложения, связанных со сказуемым.

— Отец даже будет рад; он *все гонит меня служить*, а я *все отговариваюсь нездоровьем* (Дост., Униженные и оскорбл., 1, IX); — Пока люди седлают, а я ему умываться подаю, *а он все велит себе воду с ледком на голову лить*, а *сам все ее ловит горстьми*... (Лесков, Зухудалый род, 1, 3).

При объединении в составе сказуемостной группы двух глагольных форм значение длительного признака распространяется на обе эти формы.

— Мы с тобой тогда *все на речке сидели и песни пели*... (Чехов, Скрипка Ротшильда).

Частица *все* участвует также в формировании предложений — односоставных и двусоставных — с тем же значением длительности и постоянства. Место частицы — в начале предложения, в конце предложения или непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член (в односоставных предложениях), либо при предикативной основе (в предложениях двусоставных). Наиболее обычное место частицы — в начале предложения.

[Подколесин] Как же не странно: *все был неженатый*, а теперь вдруг женатый (Гоголь, Женитьба, 1, XI); [Елена

---

[48] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [II]. М., 1881, § 210, стр. 180.

Дмитриевна] Я все хвораю, *все грудь болит*... (Горбунов, Визит, II); [Федор Иваныч] *Все вам только пересмеивать людей!* (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 15); — Летом — днями в поле, зимой — *всё пишешь*... Трудная работа! (Троепольск., Игнат с балалайкой).

С акцентирующим *то* при частице.

— Да отвори, жив аль нет? *И все-то он дрыхнет*! — кричала Настасья... (Дост., Прест. и наказание, 2, I); — Ах, господа, господа! *все-то вы пальцем в небо попадаете*! (С.-Щ., Коняга).

2) Со значением длительного и «сплошного» признака смыкается второе значение конструкций с *всё* — значение длительного и преобладающего признака, исходящего из прошлого: *А ты все пьешь?* значит: — «продолжаешь пить»[49] Ср.: Но Симон *продолжал стоять* и заслонял Бочкову. — Картинкин, сядьте. Картинкин *все стоял* (Л. Толст., Воскресение, 1, IX); Пошла жена в прислуги, а Семен *по-прежнему все бродит* (Гаршин; Сигнал).

В сказуемом со значением продолжающегося длительного признака частица *все*, как правило, находится перед знаменательным словом.

— Хоть ты и в новой коже, Да сердце у тебя *все то же* (Крылов, Крестьянин и Змея); — Здоровье ваше *все нехорошо*? (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 2, XXXIV); Костылин *все отстает и охает*. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам *все идет* (Л. Толст., Кавказск. пленник, V); Я сидел, откинувшись на подушки дивана, а он *все ходил и ходил* (Гаршин, Надежда Николаевна, III).

Частица может оформлять группу членов предложения, связанных со сказуемым.

— Ну что, Печников Сидор *все не живет дома*? — спросил он. — Нет, все в городе (Л. Толст., Дьявол, XVIII); Два раза приезжали ординарцы с приказом немедленно прибыть всем взводом, а он *все не мог найти людей*, метался по двору, как пойманный зверь... (Фад., Разгром, 1, IX).

Частица может сочетаться с двумя формами разных глаголов.

Цыганская песня *все лилась и томилась*, как отдаленный звон (Пауст., Беглые встречи).

---

[49] Именно в построениях с таким значением Шахматов рассматривал *всё* как «наречие времени» и «обстоятельство дополняющее»; его пример: «Верь, что тотчас после войны, ежели я буду жив и *все любим* тобою, я брошу все и прилечу к тебе». Л. Толст., Война и мир, III, 1, XII (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 483, стр. 409).

В односоставных и двусоставных предложениях, сообщающих о том, что продолжается, исходит из прошлого, частица, как и в предложениях первой группы, может находиться или в начале предложения (обычно) или в конце его, либо непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложения, или при предикативной основе предложения.

— Ну, ты как? *Все толстеешь*... (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XXI); Проходит час, другой, а Сережки *все нет* (Чехов, Художество); — А где он сейчас? *В Риге все*? — В Риге (В. Некр., В родн. городе, 2, 12).

3) Именные конструкции с частицей *всё* могут иметь значение исключительности и преимущественности признака.

В сказуемом с таким значением частица может находиться как перед именем, так и после него.

[Анисья] На отца сворачиваешь, а умыслы — *твои всё* (Л. Толст., Власть тьмы, 1, VIII); — Копаются жинки ваши по огородам, народ кругом тоже *все деревенский*... (Фад., Разгром, 2, V).

В звучащей речи в таких построениях наблюдается как бы смещение паузного членения: частица произносится слитно с подлежащим, а после частицы проходит пауза сказуемого:

— Мешочек у него аккуратный вышел и *камень все — самоцвет* (Бажов, Солнечный камень).

Предложения с частицей *всё* также могут иметь значение исключительности и преимущественности предикативного признака; это или а) предложения именные — не личные или определенно-личные, или б) двусоставные предложения со сказуемым — глаголом бытия, состояния, обнаружения. Правила расположения частицы здесь те же, что в предложениях первых двух групп.

а) [Собачкин] Чорт побери, право, как устроен свет: *все условия да приличия* [Гоголь, Отрывок (Сцены из светской жизни), II]; — ... А долгов — на сто тысяч: векселя, *да все фальшивые* (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному).

б) Гаврила Иванович объяснил, что в допрежние времена здесь *все рос сплошной ельник*, а потом был пожар... (Мамин-Сиб., Золотая ночь, IV); — Там ведь, в вашем-то Петербурге иль Москве, *все бедовый народ живет* (Мамин-Сиб., В худых душах, III).

4) Построениями с частицей *всё* может выражаться акцентирование признака. Это или а) сказуемые — именные или сложные, включающие в свой состав форму сравнительной степени прилагательного, одну, либо — чаще — повторенную, или

б) безличные предложения, в состав главного члена которых входит форма сравнительной степени предикативного наречия — также одна или, чаще, в удвоении. Частица по отношению к форме сравнительной степени всегда препозитивна, но может быть отделена от нее другими словами.

а) Туча *все ближе и ближе...* (Станюк., Между своими, III): ...Кушанья *эти все были для него безвкуснее и безвкуснее, отвратительнее и отвратительнее* (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, VII); С каждым днем боцман *становился Решетникову все ближе остальных* (Соболев, Зеленый луч, 8).

б) Он выпивал стакан за стаканом, и ему *становилось все теплее и теплее, и приятнее и приятнее* (Л. Толст., Хозяин и работник, IV); Только ему *все жарче да жарче*. Он и открыл глаза (Бажов, Две ящерки).

5) В особую группу по своему значению и форме выделяются предложения с частицей *всё*, называющие что-либо как главную причину, единственный и исключительный источник состояния, действия, поступка и т. п. В своей основной массе это предложения именные односоставные: *Всё ты!* Частица находится в начале или — реже — в конце предложения, которое обычно является нераспространенным или малораспространенным.

— Когда ежели прошение какое или в суд ежели требуется — *все он* (Горбунов, Из деревни, II); [Астровзоров] ...Страх берет, как может человек в беспредельную высь подняться? *А кто все?* — *Все немцы* (Горбунов, Домашние сцены); — Мы знаем, какая земля — мак, а тоже не больно хвалятся урожаем. *Все недосмотр*! (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, XXV).

Предложения с описываемым значением могут быть и двусоставными, а также инфинитивными.

Да из лесу-то кто ж? *все я его пугал* (Крылов, Заяц на ловле); К чему? *Все отличиться*. Точно что-то веселое есть в том, чтобы драться (Л. Толст., Война и мир, IV, 2, XVII).

Предложения с данным значением часто начинаются с частицы *а* в усилительной функции.

[Анна Андреевна] *А все эта*: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас»... Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! *А все проклятое кокетство*, услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться... (Гоголь, Ревизор, 1, VI); — *А все я вас провел*. Молиться вы должны за меня (Решетн., Подлиповцы, 2, VIII).

Частица *все* участвует в формировании не только предикативных единиц, но и не предикативно значимых членов предложения. Так, частица *всё* может формировать обстоятельство, акцентируя в нем значение нарастающего признака (несется *все дальше и дальше*); полупредикативное определение с тем же значением (голоса в хоре подобрались *все молодые*; дни наступали *все беспокойнее и беспокойнее*); подлежащее[50] или дополнение со значением исключительности или преимущественности (...насколько хватал глаз, ковром расстилались *все поля и поля;* бралась она *все за большие роли*). Особо выделяются построения, в которых *всё* распространяет свое значение одновременно на сказуемое (или на главный член односоставного предложения) и на обстоятельство (или дополнение), с явным тяготением именно к последнему.

— Я сирота. *В пастухах все жил* (Станюк., За «Щупленького», II); — *Жил все в деревне*; привык, знаете... (Тург., Петр Петрович Каратаев); — У меня сахар есть. Я *все с вареньем и с вареньем пила.* Вот, возьми. (Из разг. речи).

2. В особую группу выделяются построения с частицами *как-то, что-то, чего-то*, объединяющиеся общим значением неопределенности, неясности признака. Однако у построений с этими частицами есть свои оттенки.

1) Собственно неопределенность, иногда как бы некоторая неосознанность признака выражается построениями с частицей *как-то*.

В сказуемом.

[Подколесин] Я того мнения, что черный фрак *как-то солиднее* (Гоголь, Женитьба, 1, III); — Все собираюсь, да *как-то не могу дойти.* А надо бы повидать (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, IX).

Частица может находиться в составе группы членов, связанных со сказуемым.

...Полученное известие ошеломило его, и он *как-то ничего не мог сообразить*... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, VI).

В составе предложения — односоставного и двусоставного — частица, подчиняясь почти общему правилу, находится или в начале предложения, или в конце его, либо непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложе-

[50] Шахматов *всё* в таких построениях считал «обобщающим местоимением»: «...Приложение может быть введено обобщающим местоимением *все, всё*. — В церкви Разумовских была вся знать московская; *всё знакомые Ростовых*. В. и м., III, I, XII» («Синтаксис»..., § 382—386, стр. 287).

ния, а в двусоставном предложении — при его предикативной основе.

[Кочкарев] Конечно, отказать. [Агафья Тихоновна] Да ведь как же это сделать? *Как-то стыдно* (Гоголь, Женитьба, 2, I); [Молодой адвокат] Ужасно взволнован. *Весь трясется как-то* (Л. Толст., Живой труп, VI, 2, III); Свидание кончилось тем, что он поссорился с женой и даже затопал на нее ногами. — И до тебя доберусь! .. — *как-то зашипел он* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, VII).

Частица *как-то* может участвовать в формировании определений и обстоятельств: — Прежде, — продолжал Петр Михайлыч, — для поэзии брались предметы *как-то возвышеннее*... (Писемск., Тысяча душ, 1, V); — Нет, уж это оченно что-то размашисто будет! — повторил Абрам Семеныч, но *как-то слабым голосом*. (С.-Щ., Губ. оч., Владимир Константиныч Буеракин) [51].

Впрочем, употребление *как-то* в составе определения в современном языке заметно сокращается.

2) В построениях с частицами *что-то* и *чего-то* (последняя — просторечная) основным является значение неизвестности причины того, о чем сообщается. В живой речи частицы могут звучать как *штой-то* и *чивой-то*.

В сказуемом.

[Яичница] Физиономия этого человека мне *что-то подозрительна*... (Гоголь, Женитьба, I, IV); [Лупачев] Ты *что-то*, я замечаю, *весел приехал* (Остр., Красавец-мужчина, 2, 4); [Гнусова] Говорила, сударь... только она *все чтой-то мнется*... (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, II).

В ряде случаев значение неизвестности причины в построениях с *что(й)-то*, *чего(й)-то* ослабляется и на первый план выступает более общее значение неопределенности признака, как бы неясности его содержания.

— То есть знаю по репутации и по виду. Знаю, что он умный, ученый, *божественный что-то*... (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 1, XVII). — Совесть мучить не будет, Василий Петрович. — Ну, это, батюшка, *что-то тонко* (Гаршин, Трус); Из трубы дым идет, на палубе матросы *чего-то ковыряются* (Л. Пантелеев, Рассказы о Кирове, 1).

---

[51] Ср. у Шахматова пример на «обстоятельство», выраженное «наречием, определяющим прилагательное»: «Никогда не забуду меланхолического, но *как-то приятного* впечатления, испытанного мною однажды в положении путника». И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, 52 (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 480, стр. 405).

Частица может относиться к группе членов, объединяющихся вокруг сказуемого.

— Позвольте, а где же мог стоять дом? Я *что-то не совсем улавливаю композицию усадьбы* (Павленко, Чья-то жизнь); — ... *Не понравился мне чего-то* этот дядя (Л. Пантелеев, Рассказы о Кирове, 1).

В составе предложения (односоставного и двусоставного) частица может находиться в начале предложения, при знаменательном слове, формирующем главный член предложения (или при предикативной основе), либо в конце предложения.

[Осип] (входит). Там *чего-то городничий приехал*, осведомляется и спрашивает вас (Гоголь, Ревизор, 2, VII); — О-о-ох! *Чтой-то мне словно душно!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); — *Страшно мне чтой-то*, Евстигней Федотыч, — говорит пономарица (С.-Щ., Губ. оч., Порфирий Петрович); — Что ж ты не раздеваешься? .. — *Не хочется еще спать что-то* (Л. Толст., Два гусара, XIV); [Бубнов] Дуришь ты, Василий. *Чего-то храбрости у тебя много завелось*... (Горький, На дне, II); — Алеша, погляди, какие к нам девчата красивые пришли? — Сам ты какой красивый: рыжая борода, и *чегой-то тебе ее повыщипали* (Макаренко, Честь, 2, 25); — С утра, говорят, человек пять приезжало, а сегодня *штой-то не слыхать*... (Фад., Разгром, 2, II).

Кроме предикативно значимых построений, частица *что-то* может оформлять обстоятельство или дополнение: Он проиграл *что-то много*, но сколько именно, он не знал (Л. Толст., Два гусара, II); — Э, дьявол, *плохо что-то* раскуривается. Табак, видно, отсырел... (Нов.-Прибой, Рассказ боцманмата).

Частица *чтой-то* (обычно именно в таком звучании) может участвовать также в формировании предложений со значением сомнения, смешанного с неодобрением, осуждением, недоверием, иногда — подозрением. Частица всегда находится в начале предложения [52].

— *Чтой-то какой вы странный*... Верно еще очень больны (Дост., Прест. и наказание, 2, VI); — Тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николаевна, — померла. — Какая тетенька Марья Николаевна? — спросил я. — Ой, да Ометкина-то, *чтой-то в Питере-то всех перезабыл* (Писемск., Старая барыня); — *Чтой-то уж вам, видно, хлеба для родного сына стало жалко!* — говорит она с сердцем (С.-Щ., Губ. оч.,

[52] По Шахматову, частица *чтой-то* в таких построениях — вопросительное наречие и соответственно — «обстоятельство сопутствующее». Его пример: «*Чтой-то* вы нарядились, товарищ, — не узнать». Е. Карпов, Зарево («Синтаксис...», § 487, стр. 417).

Хрептюгин и его семейство); — *Чтой-то я будто не знаю тебя?* — проговорила ворожея (Нов.-Прибой, Порченый, IX).

3. Построения с частицей *так* характеризуются значением отношения к сообщаемому как к несущественному, неважному, не заслуживающему внимания.

В составе сказуемого эта частица может а) отделяться от знаменательного слова паузой или б) интонационно сливаться с этим словом. В глагольном сказуемом частица может находиться как перед, так и после глагола, в именном сказуемом частица всегда предшествует имени.

а) [Хлестаков] Из любви, право из любви. Я *так только, пошутил*, Марья Антоновна, не сердитесь! (Гоголь, Ревизор, 4, XII); ... Так что, в конце концов, получается — жена у него одна-единственная, а эта, теперешняя, — *так, ошибка* (Троепольск., Прохор семнадцатый...).

б) [Муров] ... Я думал, что это *так золотая безделушка*, не представляющая никакого документа (Остр., Без вины виноватые, 3, 7); Частный пристав это *так скомандовал*, для собственного развлечения (Горбунов, Отрывки из воспом., II).

То же в предложении.

а) — Служил он, сударь, в одном полку с некоим Перетыкиным — *так, жалконький был офицеришка* (С.-Щ., Губ. оч., Обманутый подпоручик); — Да только вижу я: буду для нее вроде лишнего. *Так, муж при жене* (П. Шебунин, Неинтересный человек).

б) [Отрадина] А где служит? [Шелавина] Не знаю, право. *Так болтается где-то...* (Остр., Без вины виноватые, 1, 3). Ср. *так* в том же значении в сказуемостной функции.

— Помилуйте, ведь музыка *так*, забава, игрушка... (Одоевск., Русск. ночи, Эпилог); ... Начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это *так*, что это старая шинель (Гоголь, Шинель); Прежде он был богатый помещик, теперь он *так*... живет у себя в маленькой усадьбе, никаких общественных должностей не занимает... (Горбунов, Из деревни, IV).

Частица *так* может участвовать в формировании и не предикативно значимых членов предложения, внося в них то же значение несущественности, пренебрежительной оценки: — Жила у нас на селе девка не девка, вдова не вдова, а *так женщина сумнительная* (С.-Щ., Губ. оч., Старец). Вряд ли прав Шахматов, утверждая, что в следующем предложении *так* зависит от глагола: «Университетский совет перепугался и убедил попечителя представить дело оконченным и для того виновных или *так*

кого-нибудь посадить в карцер» (Герцен, Былое и думы, I, 316) [53].

Помимо описанного значения, предложения с частицей *так* могут иметь значение приблизительности.

Было так часов около шести вечера (Лесков, Чертогон, 2); Четверо больших, а пятый парнишечко. *Лет так восьми*, не больше... (Бажов, Огневушка-Поскакушка).

4. Построения с частицей *там* обозначают «отстранение» чего-либо как маловажного, непервостепенного, часто — с оттенком скрытого пренебрежения.

В сказуемом и в составе группы членов предложения, относящихся к сказуемому.

— Вы, однако, литератор, *пишете там что-то такое...* (Писемск., Тысяча душ, 3, XIII).

В составе предложения частица располагается по общим правилам: в начале или в конце предложения, при знаменательном слове, формирующем главный член предложения, или при предикативной основе двусоставного предложения.

[Отрадина] Ну, а не в силах буду работать, *захвораю там, что ли...* ну, что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню (Остр., Без вины виноватые, 1, 2); — А это нехорошо, нехорошо! *Там обижайтесь или нет*, а я всегда правду-матку скажу (Л. Толст., Война и мир, I, 2, V); — Раньше жили себе, и никому дела до нас не было... *Ну, там, пожар, неурожай, холера*, а от корреспондента до сих пор бог миловал (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, XII).

Как в сказуемом, так и в предложении частица *там* имеет тенденцию сочетаться с местоименными словами *как, какой, сколько, что, чего, всякий.*

— *У тебя какой-то там метод*, а у меня... — Энергия, — отвечает Вася в тон (Макаренко, Настоящий характер, 34); — А вы бы ему сами написали, — сказала Лена, — *Ну как я там пишу*, — сказала Данилова (Панова, Спутники, 2, 7); — Все цветы мои погибнут за это время. Попросила Ксению Петровну за ними следить, да она и своих-то не поливает. — Не погибнут. *Чего их там поливать особенно* (В. Некр., В родн. городе, 2, 17).

Частица *там* может участвовать в формировании дополнения и подлежащего: — Приедет из Петербурга *какой-нибудь там чиновник* — переполошится, скачет... (Писемск., Тысяча душ, 4, IV); — Ведь мы от Свенциан отступали, не смей хворостины тронуть или *сенца там*, или что (Л. Толст., Война и мир, III,

[53] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 485, стр. 413.

2, XXV). И здесь, так же как в составе сказуемого или целого предложения, характерно сочетание описываемых форм с местоименными словами *какой, всякий, чей*: — ...Раз у вас лесу много, делайте колеса, да телеги, да *кадушки всякие там*, решета (Н. Жданов, Отъезд); Все это, по их мнению, интеллигентщина, «сентименты». Если кому нечего делать, пусть занимается *чьим-то там настроением* (А. Калинин, На среднем уровне).

5. С частицами *чуть (не)*, *чуть-чуть (не)*, *едва (не)* просторечн. и обл. *чудок (не)*, *мало (не)* оформляются предикативные единицы со значением близкого к выявлению, но не выявляющегося признака. В сочетаниях типа *чуть не упал* Шахматов видел форму наклонения глагола («недействительное наклонение») [54]. Это понимание синтаксической конструкции как морфологической формы правильно критикуется акад. Виноградовым, который пишет, что «А. А. Шахматов смешивает аналитические, сложные формы глагола с несвободными или полусвободными синтаксическими словосочетаниями, служащими для выражения модальности» [55]. (В другом месте той же работы [56] В. В. Виноградов определяет сочетания типа *едва не упал* как свободные, что представляется более точным). В книге «Русский язык» В. В. Виноградов пишет о том, что частицы *едва не, чуть не* и под. сопутствуют формам изъявительного наклонения [57].

Именные и глагольные построения с частицами *чуть (не)*, *чуть-чуть (не)*, *едва (не)* различаются оттенками своих значений. Глагольные построения обозначают близкий к выявлению, но не выявляющийся признак; формы прошедшего времени глагола преобладают, но не являются единственно возможными.

Чуть (не).

— ...Я ведь этого лекаря *чуть не утопил* (Лесков, Соборяне, 1, 8); Павел Владимирович лежал весь багровый и *чуть не задыхался* (С.-Щ., Господа Головлевы. По-родственному).

Смотрите: лепится, как рак; *Вот чуть не зацепил за камень*; косо, криво! (Крылов, Обоз); [Вожеватов] А уж как она его любила, *чуть не умерла с горя* (Остр., Бесприданница, 1, II).

Чуть-чуть (не).

— Поверите ли, я *чуть-чуть не закричал*... (Тург., Уездный лекарь); — А я *чуть-чуть не опоздала* (Макаренко, Пед. поэма, 2, 11).

---

[54] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 555, стр. 485.
[55] В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 51.
[56] См. там же, стр. 69.
[57] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 587.

— ...Да на том было и кончили, что *чуть-чуть их самих на Ваганьково кладбище не отнесли* (Лесков, Соборяне, 2, 4).

Едва (не).

Бедняк от радости *едва не помешался*... (Крылов, Бедный богач); Эта свадьба *едва не закончилась катастрофой* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, VIII).

Плыл, плыл, *едва не унесло* (Гаршин, Сказание о гордом Аггее); — Эка, глазастый ты на что не надо. А вот хлебозаготовки-то *едва не просмотрел!* (Шолохов, Подн. целина, 1, 2).

Мало (не) (просторечн.).

...Хлопнул его по спине так, что Морозкина голова *мало не отделилась от туловища* (Фад., Разгром, 1, IX).

[Фекла] Уж тот, неча сказать, барин так барин; *мало в эти двери не войдет* — такой славный (Гоголь, Женитьба, 1, XIII); — И в колокольчик стал звонить, *мало не оборвал* (Дост., Прест. и наказание, 2, VI).

Частица может оформлять группу членов предложения, объединяющихся вокруг сказуемого.

[Цыплунов] Как же можно с ней говорить иначе, коли она *чуть не бросается на шею каждому мужчине*? (Остр., Богатые невесты, 1, 4); Я от страха *даже мало на землю не упал*, но чувств совсем не лишился... (Лесков, Очарованный странник, 17); ...Девица Налимова *чуть-чуть не затмила девиц Погорельских и не сделалась героинею вечера* (С.-Щ., Господа Головлевы, Расчет).

В именных построениях — свой оттенок значения: они обозначают непосредственное приближение к называемому признаку («почти», «совсем почти»).

[Еще литератор] ...Он уж теперь, чай, думет о себе, что он *чуть-чуть не Шекспир* (Гоголь, Театр. разъезд); [Ахов] Эти деньги *чуть не краденые* (Остр., Не все коту масл., 4, 3); — Гляди-ка, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! *Чуть не полное решето!* (Бажов, Синюшкин колодец).

Отметим сравнительно редкий случай такого же значения с глагольном сказуемом — по-видимому, при обязательном условии перфектного значения глагольной формы.

[Несчастливцев] Пятнадцать лет, братец, не был; а ведь я *чуть не родился* здесь (Остр., Лес, 2, 2).

Частицы *чуть (не)*, *чут-чуть (не)*, *едва (не)* участвуют также в формировании не предикативно значимых членов предложения; подлежащего: Тут промеж бар *чуть не драчишка* слу-

чилась. Один другого винят, ни в чем сговориться не могут... (Бажов, Травяная западенка); дополнения: [Лотохин] ...Выходит замуж *чуть не за мальчика*... (Остр., Красавец-мужчина, 4, 9); обстоятельства: ...Отряд *чуть не разом* хлынул на плотину (Фад., Разгром, 3, III).

6. Значение близкой вероятности, скрытой под формой внешнего сомнения, неуверенности, выражают построения с частицами *чуть ли (не)*, *едва ли (не)*. Эти конструкции Шахматов относил к формам «предположительного наклонения», отмечая, что в подобных случаях «говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, делает это не с полной уверенностью, а с оговоркой»[58]. Об этом писал и В. В. Виноградов: «*едва ли не* = очень вероятно, почти; синоним: *чуть ли не*»[59]. А. А. Потебня писал, что «*чуть* с вопросительным *ли* и отрицанием становится знаком вероятности, догадки: *чуть ли он не умер* (= едва ли не...), *лошади у него чуть ли не серые*»[60].

Да и костюм-то *чуть ли не тот же самый*, в котором он осенил себя крестным знамением в великий день освобождения (Горбунов, Из деревни, V); Жила она прежде в скитах и *была* в котором-то из них *чуть ли не настоятельницей обители* (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, III).

[Яичница] Физиономия этого человека мне что-то подозрительна: *чуть ли он не за тем же сюда пришел*, за чем и я (Гоголь, Женитьба, 1, XV); Старушка тоже смотрела необыкновенно торжественно; *чуть ли она не надела к чтению нового чепчика* (Дост., Униженные и оскорбл., 1, V).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— А пусть их пока еще поколотят. Только я *чуть ли скоро и сам не начну им сдачи давать* (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9); — ...Ведь он *чуть ли не молится на вас*, полюбуйтесь (Тург., Отцы и дети, X).

Частицы *чуть ли (не)*, *едва ли (не)* могут участвовать в формировании и не предикативно значимых членов предложения: Я солгал *чуть ли не первый раз в жизни* (Короленко, В дурном обществе, VII); ...Переплачивает *чуть ли не вдвое* (Серг. Антонов, Дедушка).

7. Построения с частицами *совсем, вовсе (и вовсе)*, *решительно, положительно, окончательно, совершенно* обозначают

---

[58] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 555, стр. 486.
[59] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 672.
[60] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 361.

полное, до конца выявление предикативного признака[61]. Такие конструкции по значению противоположны тем, которые обозначают частичное, не до конца выявление признака, как бы неполную его исчерпанность[62].

[Хлестаков] *Я совсем объелся* (Гоголь, Ревизор, 3, V); — *Человек-то* ты *сумасшедший вовсе!* (Тург., Однодворец Овсяников); — Что с ним делать — я *решительно не знаю* (Л. Толст., Утро помещика, IX); Старушка Анфуса Гавриловна *окончательно ничего не понимала...* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, VII); Поведение Прасковьи Ивановны *положительно отталкивало* Галактиона ... (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, XII); Устроив эту операцию, Харитон Артемьич *совершенно успокоился* и сразу повеселел (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, II).

[Кулигин] Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних *заела совсем* (Остр., Гроза, 1, III); — Значит, от него все зависит? — *Решительно все от него* (Писемск., Тысяча душ, 3, II); — Тебе *бы вовсе не ходить* на этот обед (Чехов, Учитель).

Частицы *совсем, вовсе, решительно* могут оформлять и не предикативно значимые члены предложения: ...Как будто имя Петра Петровича слышал он *решительно в первый раз* (Дост., Прест. и наказание, 2, V); — Хоть бы лысого ожеребила, а то *вовсе пегого*! (Л. Толст., Холстомер, V).

8. Частица *именно* входит в состав построений со значениями: 1) несомненности, подлинности утверждаемого и 2) совпадения (ср. построения с частицей *как раз*).

Построения со значением несомненности, подлинности утверждаемого.

Ужасно люблю я Палагею Ивановну. Это *именно почтеннейшая женщина*! (С.-Щ., Губ. оч., Христос воскрес!); — Уж поверьте мне, что они теперь мечтают... да, *именно мечтают*, что вот приехал Привалов да прямо к ним в руки и попал (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 1, XI).

— Страшный, можно сказать, день был! *Именно уж страшный*, невиданный, забыть его невозможно!.. (Горбунов, Мысли вслух на парадном подъезде).

Построения со значением совпадения («как раз»).

...Так бы, кажется, взял да и уехал; а *ехать-то именно и нельзя* (С.-Щ., Губ. оч., Обманутый подпоручик).

---

[61] О значениях сочетаний *вовсе не, совсем не* см.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 672—673.

[62] Значение «усиленного отрицания» в построениях с частицами *совсем, вовсе* — частное, так как отрицание в таких построениях необязательно (см.: А. Х. Востоков. Русская грамматика, § 91, стр. 140).

В составе не предикативно значимых членов предложения: — Как же вам не хотелось ехать, когда вы *последнее именно время* сбирались на театре играть? (Писемск., Тысяча душ, 3, X); Он, *именно он* мудрит, он эту канитель разводит! (С.-Щ., Медведь на воеводстве, III).

9. Признак подлинный и несомненный обозначается построениями с частицами *просто, просто-напросто*. Конструкции с этими частицами Шахматов рассматривает в разделе «Обстоятельство сопутствующее, выраженное наречием»: «наречие выражает оценку, придает субъективную окраску тому или иному действию»; пример: «Просто беда моя» (Горбунов, Самодур, II) [63].

[Княгиня] Я думаю, он *просто якобинец*, Ваш Чацкий!!! (Гриб., Горе от ума, 4, 7); ...Товарки ... взглянули на нее с таким нахальным изумлением, что она *просто-напросто струсила* (С.-Щ., Господа Головлевы, Расчет); — ...Вы меня *просто гоните*, когда надоем вам (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, XV).

[Артемий Филиппович] (Луке Лукичу) *Страшно, просто*. А отчего, и сам не знаешь (Гоголь, Ревизор, 3, VII); — Я совсем разучился говорить с дамами, — сказал он, — *просто скучно* (Л. Толст., Война и мир, IV, Эпилог, 1, XVI); — Володя был такой замечательный мальчик! *Просто все восторгались* (Макаренко, Кн. для родителей, 1).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— ...Один бы тебя обидел, другой бы обманул, а третий и *просто-напросто насмеялся бы над тобой*! (С.-Щ., Господа Головлевы, Племяннушка).

Частица может находиться при знаменательном слове, формирующем главный член предложения, или при предикативной основе.

Как вам *просто не жалко* меня, когда вы знаете... (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, X).

С участием частицы *просто* могут строиться и не предикативно значимые члены предложения: Он разговаривал со мной *просто нагло* (Из разг. речи).

10. Построения с частицей *прямо* по значению близки к построениям с *просто*: они обозначают подлинность и несомненность признака.

---

[63] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 487, стр. 415.

— Когда Сергей Александрыч только что приехали в Узел, *я прямо подумала*: вот жених Зосе... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, I).

В составе группы членов предложения, связанных со сказуемым.

— И прежде мне всегда бывало неловко, жутко, когда я видал разряженную даму в бальном платье, но теперь мне прямо страшно, *я прямо вижу нечто опасное для людей и противозаконное*... (Л. Толст., Крейц. соната, IX).

— *Прямо я удивляюсь вам*, — говорила она. — Вы как маленький (Панова, Спутники, 2, 6).

Частица *прямо* может участвовать в образовании и не предикативно значимых членов предложения: Приходила в лес *прямо как на свидание с любимым* (Пауст., Повесть о лесах, Старая яблоня).

11. Значение неполного, частичного выявления признака, приближения к нему имеют построения с частицей *почти, почти что*, просторечн. *почитай, почитай что, почесть что*[64].

— Иную [книгу], боже упаси, как истреплют, а другая *так почесть новая и останется*... (Писемск., Тысяча душ, 3, I); — ... Да мы его *и не видали почитай*: все в Москве жил... (Л. Толст., Утро помещика, V); [Иванов] Жена и без того уж оскорблена, *почти умирает*... (Чехов, Иванов, 3, VII).

[Жевакин] ... Уж десять лет ношу, до сих пор *почти что новый* (Гоголь, Женитьба, 1, XVI); — Вот, рекомендую, — промолвил Пантелей Еремеич. — Жена не жена, а *почитай что жена* (Тург., Чертопханов и Недопюскин); — *Почесть что держала на посылках*, а он вообразил себе другое (Писемск., Старая барыня).

В составе группы членов, связанных со сказуемым.

[Вожеватов] Он *почти не бывал в дамском обществе*, так застенчив (Остр., Бесприданница, 2, X).

Частица *почти* (*почитай* и т. д.) может входить в состав и не предикативно значимых членов предложения: ... Наступило *почти что веселье* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVIII). Ср. с просторечной частицей *считай*: ... В цехах тесно, холодно, станки старые, пасы рвутся, *считай, каждую минуту*: все старьё (Макаренко, Марш 30 года, Наши шефы).

12. Конструкции с частицей *как раз* (*как раз и*, обл. *как быть*) имеют три круга значений: они обозначают, во-первых, своевременность признака или его совпадение с чем-либо;

[64] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 480, стр. 405.

во-вторых, близость, реальность, полную возможность выявления признака; в-третьих, полное соответствие желаемому, необходимому, образцу, норме.

1) Значение своевременности признака, его совпадения с чем-либо может быть присуще как сказуемому, так и предложению.

Игра *как раз кончилась*, и когда он поднялся с места, невольно встретился глазами с двумя шептавшимися почтенными старичками... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, IX); Потом заходят в избу, а Танюшка *как раз одна была* (Бажов, Малахит. шкатулка).

— Вижу: другой ей нужен спутник в жизни, повыше меня. А тут квартиру ей *как раз предоставили*. Ну, все и решилось (П. Шебунин, Неинтересный человек); — А у меня мать и сестренка на свекле работают. Может, *как раз, им тут и участок отведут* (В. Овечкин, На переднем крае, 1). В составе группы членов, связанных со сказуемым.

— ...И ему захотелось посмотреть на соседа. А тот *как раз подошел и стал со скрипкою у окна* (Лесков, Совместители, 2).

Ср. обл. *как быть*: — В эвто самое время *как быть к вечерне ударили* (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего).

2) Значение близости, непосредственной возможности выявления признака также присуще и сказуемому, и предложению.

[Глов] Все на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра *как раз кончилась большой* (Гоголь, Игроки, X).

[Чугунов] Как это можно бланки выдавать! *Отберут имение-то как раз* (Остр., Волки и овцы, 5, 6); — Признаться вам, боюсь я службы: *как раз под ответственность попадешь* (Тург., Петр Петрович Каратаев); — Народ потерял голову... *Как раз и в огонь бросят* (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, XII).

3) Значение соответствия желаемому, необходимому, какому-то образцу, норме выявляется обычно в предложении.

— ...Поверните-ка его... вот так! *Как раз по последней моде одет!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, IV).

Ср. с *как быть*: — ...А чем барин был худ? Из себя красивый, в речах складный, *как быть служащий* (Писемск., Старая барыня).

Частица *как раз* формирует и не предикативно значимые члены предложения: Вася попал в сад *как раз во-время* (Станюк., Побег, IV).

13. Признак, оцениваемый как предпочтительный по сравнению с другим или другими, выражается построениями с частицей *лучше*[65].

— *Я лучше пойду*, дяденька, — нерешительно сказала она... (Б. Зубавин, Начало).

— Посмотри, который час... Нет, *лучше дай мне сюда часы* (Гаршин, Денщик и офицер); — *Иди-ка ты, отец, к себе лучше*, — проговорила старушка... (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, IV).

В составе группы членов предложения, связанных со сказуемым.

— Нет, ты мне *лучше не говори про это*, Егор... (Л. Толст., Поликушка, I).

Как в сказуемом, так и в предложении частица *лучше* может соединяться с усиливающими элементами: *уж лучше*, *лучше и* (при обязательном отрицании: *лучше и не говори!*).

[Хлестаков] Да зачем же тюрьмы? *Уж лучше мы осмотрим богоугодные заведения* (Гоголь, Ревизор, 2, X); — Ну уж это, — говорю, — ты мне, пожалуйста, этого *лучше и не ври* (Лесков, Воительница, 3).

Ср. построения со старым и обл. *за добра ума:* — *Уж не воротиться ли, за добра ума, домой?* (С.-Щ., Пропала совесть).

Частица *лучше* может участвовать в формировании и не предикативно значимых членов предложения.

Итак, наречные частицы, участвующие в формировании как предикативных построений, так и не предикативно значимых членов предложения, функционируют в составе сказуемого, группы членов, связанных со сказуемым, или в составе целого предложения в соответствии с определенными правилами языка; место частицы в предложении закреплено в его начале или в конце, либо непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член односоставного предложения, или при предикативной основе предложения двусоставного. Характерно, что частицы данной группы, за очень небольшим исключением (некоторые построения с частицей *всё*), в своем функционировании не связаны со строго определенными типами предложений.

---

[65] Ср.: Иной больно высоко себя ставит, а сам об одном заботится, как бы на чужой спине прокатиться. Ты его и опасайся. *А того лучше*, гони от себя куда подальше (Бажов, Алмазная спичка).

ПОСТРОЕНИЯ С МЕСТОИМЕННЫМИ ЧАСТИЦАМИ

Местоименные частицы: *что, что же, что это, без того (и без того), это, себе* — участвуют в образовании только предикативно значимых единиц языка. Наиболее разветвленным является круг построений с частицей *что* и производными от нее: *что же, что это*. Эти частицы функционируют только в составе предложения.

1. Выделяется два вида построений с частицей *что*, резко различных по значению и по характеру связей частицы с соответствующим местоимением.

1) К построениям первого типа относятся предложения со значением оценки чего-либо как несущественного, неважного, такого, которое не заслуживает серьезного отношения, может быть легко преодолено или отстранено. Основной массив таких предложений — именные вопросительные или собственно утвердительные, с частицей в начале или в конце предложения. *Что* здесь сохраняет живые связи с местоимением; соответственно в нем может быть обнаружен элемент предикативного значения (*Что деньги! Деньги дело наживное*).

— Он тебя и кормит, и поит, и одевает, и все. Угодишь ему, — еще больше даст... *Что́ твое жалованье!* Не надо его совсем... (Тург., Контора); — По правде, по-божьему так-то, — говорил он. — *Что деньги?* За деньги малого не купишь, — говорил другой (Л. Толст., Поликушка, XV).

Возможно сочетание частицы с усиливающими элементами: *ну, а, да, ведь* (препозит.), *же, там* (постпозит.): *да что ж, ну что там, что же там, да ведь что ж* и т. п.

[Чужой лакей] Что? Говорят, ребята бал затеяли? [Петр] Да. А ты будешь? [Чужой лакей] *Да ведь что ж этот бал!* Только, чай, слава, что бал (Гоголь, Лакейская, I); — Конечно, за эту историю я получил от начальства очень строгий выговор. Да только — *что же выговор?* Я и сам себя распекал не жалеючи (Л. Пантелеев, Первый подвиг): — *Ну что там — агроном!* Что он понимает по коровьим делам! (Троепольск., Тугодум); — Хапуга и созреть-то не даст яблокам, все оборвет, стащит на базар... *Да что там яблоки.* Мы у себя на московском дворе не можем вырастить обыкновенную мещанскую сирень (И. Арамилев, На охоте).

Частица может находиться в постпозиции по отношению к имени; здесь обычны построения с личным или указательным местоимением (*Я что! Это что!*).

— Да нам, главная причина, *награда что*! ...Нам бы только господь привел помереть с чистым покаянием (Гор-

бунов, Петр Петрович); — *Служба что.* Сам себя веди аккуратно, только и всего (Короленко, Чудная, 1); — А вы читали «Анну Каренину» Льва Толстого? Вы, кажется, брали у меня. — Нет, *«Анна Каренина» что*! Там ничего нет определенного (Макаренко, В библиотеке); — Ты-то тоже не спал сегодня? — *Я — что*, я могу (Троепольск., Один день); — *На заводе автодело — что?* Так себе, пришей кобыле хвост... (А. Рыбаков, Водители, 1, 1); — По-моему, все-таки нужно зайти туда и написать заявление. *Потому что звонок что?* Позвонили или не позвонили, с кем-то поговорили... (Из разг. речи).

В качестве главного члена предложения в построениях с *что* в рассматриваемом значении может выступать не только имя, но и наречие или предложно-именное сочетание.

— Трудная ваша служба была... — Трудная! *Теперь что!* Теперь городовые ходят, да от скуки в свисточки посвистывают... (Горбунов, Милая девушка); — *Это что — во сне.* Сон, он как дым — покружится и растает (Д. Остров, Тетя Оля, 3). Ср.: *Что — во сне!* или: *Во сне — что!*

Особые структуры образуют предложения с частицей *что* а) с дательным косвенного объекта при имени или при инфинитиве и б) только с дательным в роли главного члена предложения.

а) [Шмага] *Что нам природа*: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные (Остр., Без вины виноватые, 4, 2); — Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. *Им что, поднять руку!* (Макаренко, Марш 30 года, Совет командиров) [66].

б) — ...Начал было он меня бить, *да мне уж что!..* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Посещение первое); Терпел он, терпел, да и говорит: — Пойду, нето, я к дедку Ефиму жить. *А мачехе что?* (Бажов, Огневушка-Поскакушка).

Наконец *что* может сочетаться союзной связью с целым предложением; значение всего построения — то же, что в конструкциях, описанных выше.

— Я предчувствую, — начала она, что мне здесь придется задохнуться. *Что́, что я богата*, дочь генерала, что у меня одних бриллиантов на сто тысяч — что из всего этого! (Писемск., Тысяча душ, 2, I).

---

[66] В собственно инфинитивных построениях *что* выступает как наречие цели: *Что до́ма-то сидеть! Что валяться без дела!*

2) Другой круг построений с *что* объединяется акцентированием собственно вопросительного значения [67]. Шахматов считал *что* в таких построениях «вопросительным наречием» и «обстоятельством сопутствующим» [68]. *Что* здесь всегда находится в начале предложения; но в смысле интонационного строения вопросительные предложения с *что* неоднородны.

а) С одной стороны, выделяются предложения, в которых *что* интонационно отделяется от всего остального состава предложения; здесь вслед за *что* идет любое слово, но обычно это не личное или указательное местоимение.

[Анна Андреевна] ... Расскажите, каков он собою? *Что, стар или молод?* (Гоголь, Ревизор, 3, II); — *Что, устали,* Николай Федорыч? (Л. Толст., Рубка леса, XI); [Петр] *Что, за Марфой ходила девка-то?* (Л .Толст., Власть тьмы, 2, IX).

А что, ну что, что ж.

[Ихарев] *А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты?* (Гоголь, Игроки, VIII); — *Ну что, братец, все знобит?* (Станюк., Между своими, I); [Федор Иваныч] *Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?* (Л. Толст., Плоды просвещ., II, 1).

Широко распространены вопросительные предложения, в которых с начинающим *что* (*да что, что ж*) координирует *что ли* (*что ль*), находящееся либо в конце всего предложения, либо при сказуемом или главном члене предложения.

— *Так что ж, матушка, по рукам что ли?* — говорил Чичиков (Гоголь, М. д., 1, III); [Муров] *Да что, в самом деле, умирать, что ли, я сбираюсь?* (Остр., Без вины виноватые, 1, 2) [69]; — *Что ж, поужинаем, что ль?* (Л. Толст., Холстомер, XI).

б) В предложениях, в которых за *что* непосредственно следует личное или указательное местоимение (возможно также и существительное), в живой речи имеет место интонационное слияние *что* со следующим за ним словом; после местоимения (подлежащего или дополнения) в этом случае может проходить интонационное членение: *Что я — враг себе, что ли? Что ему — не говорили разве?* Это интересное явление устной речи отметил А. А. Шахматов. В разделе «Двусоставные согласованные

[67] См. об этом в кн.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 200.

[68] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 487, стр. 417.

[69] Построения с координирующими *что (что ж) — что ли* см. также ниже, среди примеров на предложения, в которых *что* интонационно сливается со следующим за ним местоимением.

односказуемые субстантивные предложения» (§ 210[2]) он писал: «Сказуемое может быть отделено паузой: *Что* мы звери для нее? Мещане, III». Этот пример сопровождается примечанием редакции: «‹Данный пример взят из приписки над § 204, повторяющей указание § 210[2]:› Между подлежащим и сказуемым пауза. ‹В примере же § 210[2] сказуемое не субстантивное:› *Что ж, обед — будет?* Холост., III [70]». Паузы после местоимения может и не быть.

Что, что ж.

[Подколесин] *Что ж он, шьет фрак?* [Степан] Шьет. (Гоголь, Женитьба, 1, II); — *Что ж ты, нагрубил ему?* (Станюк., Побег, IV); — Тоже вот коза... для каких статей? ...*Что я, на молоко не заработаю?* (Г. Радов, Петр Егорыч, 3); — В честь чего это мне особая пища? *Что я, больной?* (Соболев, Зеленый луч, 5).

Что — что ли, что ж — что ли. Эти предложения обычно имеют оттенок недовольства, насмешки, неодобрения, фамильярности.

— *Да что же я, дурак, что ли?* (Гоголь, М. д., 1, IV); [Коринкина] *Что его сглазили, что ли?* (Остр., Без вины виноватые, 3, 3); [Матрена Панкратьевна] *Что у нас богадельня, что-ль?* (Горбунов, Самодур, 1, V); — *Что вы, — в баню что ли пришли?* (Горбунов, Отрывки из воспом., I); — *Да что ты шутишь, что ли?* (С.-Щ., Губ. оч., Старец); — *Что ж тебя запирали, что ль?* Ну, кто ж ему мешал в дом ездить? (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XVIII); — *Что ж ты должок-то, забываешь, что-ль?* (Гаршин, Денщик и офицер); [Шабельский] *Что же мне целоваться с мошенниками и подлецами, что ли?* (Чехов, Иванов, 2, IV); — Руками-то зачем? — *Что ж я, ковыряю что ли пальцем?* (Из разг. речи). — *Что я, алкоголик, что ли?* (Из разг. речи).

В описываемых конструкциях местоимение (обычно подлежащее) может быть вынесено в начало предложения — перед *что*.

— *Да ты что же, немая что ли?* (Станюк., Матроска, I); — *Вы что — не занимаетесь?* (Л. Пантелеев, Индиан Чубатый); — *Он что, выпивает?* (Панова, Спутники, 1, 1).

2. Сочетание *что же* не всегда бывает свободным и разложимым, как это имеет место в предложениях, рассмотренных в предыдущей группе. *Что же* существует в языке и как цельное неразложимое сочетание, которое занимает промежуточное место между частицей и модальным словом. С этим сочетанием оформ-

[70] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 210[2], стр. 188.

ляются предложения со значением положительного отношения, принятия, согласия, решения[71]. *Что ж* может находиться в начале предложения или в конце его.

— Домой не прикажете завернуть бутылочку? — *Что ж, давай* (Горбунов, Из деревни, IV); — Мосев! Я домой схожу, — сказал Лукашка... — *Иди, что ж!* (Л. Толст., Казаки, IX); — Знаю, какая-такая невеста, — уже спокойно ответил Галактион, поднимая глаза на отца. — *Что же, девушка хорошая* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, VI); — Я съезжу, знаете. Это не отразится, нет? — Не отразится, — сказал Данилов. — *Поезжайте, что ж* (Панова, Спутники, 3, 10).

Как и по отношению к другим частицам, возможно осложнение *что ж* усиливающим элементом: *ну что ж*. В этом случае частица находится в начале предложения.

— Аль покурим опять? — спросил Авдеев. — *Ну что ж, налаживай* (Л. Толст., Хаджи Мурат, II); — Дождь не страшно, — говорили на собрании, — *ну, что ж, помокнем немного* (Макаренко, ФД-1, 15); — Споем и мы, Ваня? Как думаешь? — *Ну что ж, споем!* (Пауст., Во глубине России).

3. Сложная частица *что это* участвует в формировании предложений со значениями 1) акцентированного вопроса и 2) осуждения, недовольства (ср. для этих последних построения с наречной частицей *чтой-то*, стр. 143—144). В обоих случаях частица начинает собою предложение.

1) [Косых]Доктор, *что это вы сегодня такой бледный*? На вас лица нет (Чехов, Иванов, 4, III).

С *что это — что ли*.

— *Что это у вас, милый человек, лихорадка, что ли?* (Горбунов, Отрывки из воспом., VII).

2) Поди сюда, мать моя, *что это посидеть не можешь* (Тург., Дворянское гнездо, XLII)[72]; [Змеюкина] Эпаминонд Максимыч, *что это вы в меланхолии*? Разве жениху можно так? (Чехов, Свадьба).

4. Частица *это* участвует в образовании предложений со значением общего акцентирования. Построения с *это* носят сугубо разговорный и чаще даже просторечный характер. К. Аксаков писал: «Мы знаем, как теперь у нас в народном языке при-

[71] По Шахматову, *что ж* — «вопросительное наречие» и «обстоятельство сопутствующее»; его пример: «Петр Кириллович, что ж, пойдем покурить» Л. Толст., Война и мир, III, 1, XX («Синтаксис...», § 487, стр. 417).

[72] Пример заимствован из кн.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 412.

дается *это* как присловье, напр.: *прихожу это я к нему поутру... Отдохни это здесь...* Примеров этой особенности можно много найти у наших писателей, описывающих купцов, крестьян и гоняющихся за частными особенностями простонародной речи»[73]. Частица *это* «относится» ко всему предложению, подчеркивая все сообщение в целом. В смысле местоположения она почти свободна. Однако выявляются некоторые наиболее обычные случаи расположения частицы в составе предложения; это внешнее тяготение а) к сказуемому или к главному члену предложения или б) к члену предложения, выраженному относительным местоимением или наречием *как, когда, где, куда, откуда, что*. Интересно, что построения первой группы гораздо более просторечны, чем построения, включающие в свой состав местоименные слова.

а) [Катерина] *Что она это делает-то?* Что она только придумывает? (Остр., Гроза, 2, X); *Спешу это, спешу*, чтоб до пришпекта скорее, а из-за угла извозчик... (Лесков, Воительница, 5); — Начали выходить, *гляжу это с паперти*, подают ему дрожки (Гл. Усп., Идиллия); — ... Подведут лошадей к задним воротам, красавица *это выйдет*, а такой вот Петя, который втрескался, в охапку ее и удирать (Макаренко, Флаги на башнях, 3, 14).

б) — *Где это* вы были? — начал он дружелюбным тоном. (Писемск., Тысяча душ, 2, VIII); «*Куда это* собрались?» подумал Ростов (Л. Толст., Война и мир, II, 2, XVI); — Ты *о чем это* плачешь, Сима? (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, III); — И *как это* я напился, не понимаю! (Чехов, Беда).

В частице *это* на основе ее исходного — указательного значения может развиваться оттенок временно́го значения («сейчас, теперь» или «тогда»). Этот оттенок может быть очень слабым, почти незаметным, например: — С кем вы *это* стояли? — спросила она его, — когда г-н Ситников подвел вас ко мне? (Тург., Отцы и дети, XIV). Усиление временного значения в *это* связано с изменением его звучания: частица звучит как *этта* и, по существу, переходит в разряд наречий. Это интересное явление отмечено Шахматовым, который относил *этта* к наречиям времени и «обстоятельствам дополняющим»; его пример: «В клубе этта у нас разговор был» (Горбунов, Самодур, II)[74].

---

[73] К. С. Аксаков. Соч. филологические, т. I, стр. 509—510. См. там же, стр. 585.

[74] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 483, стр. 409; § 485, стр. 413.

— ...По ночам бегают ...трубку курят... *этта* одна пьяная пришла... Содом и Гоморр! (Писемск., Тысяча душ, 1, VIII); — ...В первый раз, как был я еще неопытен, они меня лихо надули. Пришел я к ним *этта* с обыском... (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, II); — ...Еду *этто* к вашим воротам, а сам думаю: неужто не пустит меня ночевать? (Короленко, Соколинец, I).

5. Значение построений с частицей *без того* (*и без того*) совпадает со значением построений с частицей *и так* (см. стр. 128—129) и *и то* (см. стр. 212—213); признак характеризуется как такой, который выявляется независимо от каких-либо сопутствующих обстоятельств, решений, советов, указаний и т. п. С участием частицы *без того* (*и без того*), сохраняющей живую смысловую связь с соответствующим местоимением с предлогом, может строиться как сказуемое, так и целое предложение.

В сказуемом и в составе группы членов, связанных со сказуемым.

— ...Выносишь страшную пытку, чтобы не выдать своих страданий Саше... Бедная *без того скружилась со мной* (Мамин-Сиб., Сестры, V); — *Человек* он *и без того молчаливый*, а тут и вовсе замкнулся (Б. Полевой, Любовь).

В составе предложения частица может находиться в начале предложения, в конце его или при знаменательном слове, формирующем главный член предложения (либо при предикативной основе предложения).

— К чему все эти мелодраматические сцены?.. Ей-богу, *тяжело и без того*! (Писемск., Тысяча душ, 2, VIII); Прошу не становиться мне беспрерывно поперек дороги. Мне *и без того трудно пробираться* хоть сколько-нибудь вперед (Писемск., Тысяча душ, 2, III); — Некогда — говорит, — мне разговаривать. *Без того проспали*, а траву смотреть пошли (Бажов, Медной горы Хозяйка).

6. Среди местоименных частиц особняком стоит частица *себе*: она больше, чем все другие новейшие частицы местоименного происхождения, оторвалась от системы форм соответствующего изменяемого слова, почти полностью утратив функциональные и смысловые связи с дательным падежом местоимения *себя*. Построения с *себе* имеют значение независимого, свободного, ни с чем не связанного признака[75]; отмечаемое в совре-

[75] «При всех залогах в дательном падеже ставится местоимение возвратное, когда нужно обозначить исключительное занятие подлежащего тою деятельностью, которая выражена глаголом: это dativus ethicus:

менных словарях для частицы *себе* значение «в свое удовольствие, в своих интересах», является частным, производным от этого общего значения. С частицей *себе* может строиться как глагольное сказуемое, так и целое предложение.

В составе сказуемого частица *себе* может находиться а) после глагола (обычно), б) перед глаголом, в) при удвоении — между входящими в сказуемое глаголами и реже — в начале всего сочетания или в конце его.

а) Иванов пьян — *храпит себе*, горюшка мало... (Короленко, Чудна́я, II); — Как даст он мне... Терпенье наше проклятое! Тут бы его надо... а я *стою себе*, будто так оно и следует (Гаршин, Сигнал); — ...На его глазах обливают грязью человека, а он, вместо того, чтобы встать и стукнуть кулаком по столу, *сидит себе* и рисует что-то на бумажке (В. Некр., В родн. городе, 3, 6).

б) — Ей-богу, дал десять тысяч, — сказал Ноздрев. — Ты *себе можешь божиться*, сколько хочешь, — отвечал зять (Гоголь, М. д., 1, IV); — Э, нет, значит, он *себе бери и продавай*, а потом опять будут говорить, что Рыжиков взял... (Макаренко, Флаги на башнях, 3, 11).

в) А «Забияка» *идет да идет себе* с благодатным пассатом... (Станюк., Максимка, VII); — Шторм не шторм, а она *идет себе и идет* (Д. Холендро, Друг рыбака).

Компоненты сказуемого могут быть разделены подлежащим или подлежащим вместе с каким-либо другим членом предложения.

— Что это ты мне тут про свое сердце сказываешь? Мне это ни к чему. *Иди ты себе*... (Лесков, Леди Макбет Мценского уезда, 3); [Лоскутков] ...Уж что *себе жиденький тот художничек ни толкуй*, я картины ему не отдам... (Некр., Петерб. ростовщик, XI); — *Пойдешь ты завтра себе* потихонечку в госпиталь. Месяца два-три поваляешься на чистых простынках... (В. Некр., В родн. городе, 1, 3).

Обычны случаи, когда частица *себе* оформляет группу членов предложения, относящихся к сказуемому.

Две бочки ехали: одна с вином, Другая пустая. Вот первая *себе без шуму и шажком плетется*, Другая вскачь несется... (Крылов, Две бочки).

В строе предложения — всегда односоставного, глагольного или именного (в последнем случае в состав главного члена входит слово *один*) входящая в состав главного члена частица

„А ты *себе* своей дорогою ступай". Крыл.» (И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, § 417, стр. 317).

себе может находиться а) после знаменательного слова (обычно), б) перед знаменательным словом, в) при удвоении — между знаменательными словами или в конце всего сочетания.

а) — Нет, уж ты лучше оставь меня, *поезжай себе один*... (Гонч., Обл., 2, III); [Борис] Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! *Мечтает себе* и счастлив (Остр., Гроза, 1, IV); — Заберемся, бывало, в баню, — *одни себе* (Гл. Усп., Михалыч); — Хорошо им — *едут себе*, и никаких (Фад., Разгром, 2, IV).

б) [Фамусов] Забавно. Дался им голос мой, *и как себе исправно Всем слышится* и всех сзывает до зари! (Гриб., Горе от ума, 1, 4); — ... Придумали: *как себе хочешь*, а иди в ваш сборный цех (Макаренко, Флаги на башнях, 1, 23).

в) — ... А как посадят — конец ответственности, отдохнуть можно. *Сиди себе да покуривай* (Л. Толст., Воскресение, 3, XVIII); — Ну, куда в такую погоду ехать! *Спали бы себе, да спали* на доброе здоровье (Чехов, Ведьма).

В широко употребительных предложениях с главным членом, включающим в свой состав глагол в сложной форме повелительного наклонения, *себе* находится непосредственно после частицы *пусть, пускай* или следует за всей сложной формой.

— Барыня страсть не любит простого табаку... — *А пусть себе не любит!* (Станюк., Нянька, VIII); — Что же тут неприличного? — сказал я. — *И пусть катаются себе* на здоровье (Чехов, Человек в футляре).

В построениях фразеологического характера типа *пускай его сидит* частица *себе* находится непосредственно перед глаголом или после него.

Ужли от червяка в саду мне будет тесно? *Пускай его себе живет* (Крылов, Мальчик и Червяк). Ср.: — Нездешний, так и не замайте! — говорили старики... — *Пусть его себе*! (Гонч., Обл., 1, IX).

В строе предложения *пусть* (*пускай*) *себе* может функционировать и вне обязательной связи с собственно глаголом.

— Новые начальники, они всегда хорошие... Я-то при чем? *Пускай себе новый, пускай себе старый* (Макаренко, Премия, 1).

Среди построений с частицей *себе* по своему значению в особую группу выделяются такие, в которых частица соединяется с глаголом мысли: *думать, подумать, задумать, смекать* и под. В этих сочетаниях ослаблено значение свободного, независимого и ничем не ограничиваемого признака; в них подчеркивается внутренний, «для себя» процесс мысли. Однако *себе*

здесь, конечно, употребляется не «в значении отношения к лицу» (как в сочетании *взял себе*, т. е. «для себя») [76].

— Хорошее или нехорошее ты *себе думаешь*, а только *знай ты себе*, что ты мне надоел... (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9); — ... Все особнячком пробирался, как оно и следует нашему брату, который *все смекает себе, смекает*, а под конец смотришь, — ни аза не смекнул (Тург., Гамлет Щигровского уезда).

— Наверно, думаю, это кто-нибудь с воли через забор кинул, да не попал куда надо, а к нам с старушкой вбросил. И *думаю себе*: развернуть или нет эту бумажку? (Лесков, Тупейный художник, 16).

Итак, построения с местоименными частицами распадаются на две различные группы: построения с частицами, функционирующими только в составе предложения (*что, что же, что это, это*), и с частицами, функционирующими как в составе предложения, так и в составе сказуемого (*без того, себе*). Правила употребления этих частиц, конструкции, в образовании которых они принимают участие, существенно различаются.

ПОСТРОЕНИЯ С СОЮЗНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

Построения с союзными частицами занимают особое место среди построений с частицами вообще. Связи союзных частиц с собственно союзами являются очень живыми, функция соединения для них настолько же характерна, насколько функция выражения модальных и модально-экспрессивных значений. Это органическое сочетание функций отмечалось рядом исследователей [77]. В последнее время об этом писал С. Карцевский: „Voici un petit dialogue. А. Я пойду прогуляюсь. В. *И* я с тобой. С. *А* я останусь. Д. *Но* к нам будут гости. А. *Да* я ненадолго. Д. *Ну*, ступай. Ces *и, а, но, да* et *ну* signalent l'attitude psychologique de la personne parlante et marquent sa position vis-à-vis de l'interlocuteur. Placés au début de la phrase — seul *и* peut se placer ailleurs, mais toujours devant le mot portant l'accent de la phrase — ils annoncent la «tonalitè», dirait-on, comme le fait la clef dans la musique" [78]. И дальше: «Et voici devant nous un *monologue*: Встретились

[76] См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, [I], § 244, стр. 257.

[77] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 667—668; его же. О категории модальности..., стр. 76.

[78] S. Karcevski. Deux propositions dans une seule phrase. Cahiers Ferdinand de Saussure, 14. Genève, 1956, стр. 40.

двое. *Ну*, разговорились. *А* оба, надо сказать, большие спорщики. *И* вот затеяли они разговор о политике. *Да* один другому и скажи что-то... etc. Le caractère affectif de ce récit est évident, et il est dû en grande partie à l'emploi de *ну, а, и, да*» [79]. Карцевский считает, что роль этих частиц в монологе — это роль союзов; но в то же время по своим функциям они близки к междометиям. В качестве доказательства в статье приводятся отрывки из писем матери Тургенева к сыну. Для нее союз *но* — знак угрозы, и она его сопровождает восклицательным знаком. «Ты можешь пропускать почту, — но! — ты должен сказать Порфирию...» или: «Я иногда боюсь, чтобы тебя не слишком ожесточить своими упреками и наставлениями. — Но, ты должен принять мое оправдание» [80]. И далее Карцевский пишет: „Il est intéressant de constater que le parler populaire substitue volontier *но* à *ну*, estimant probablement le premier plus expressif. Ainsi p. ex., «Ато ты небось писмо получил будеш ожидать *ну* (pour *но*) его не приняли нет разрешения папаня ходил два дня» ou bien «Ягор посылал (c'est-á-dire смог отправить посылку) *ну* (pour *но*) ему товарищ здавал», etc. (lettres trouvées sur des soldats russes en Finlande). La concurrence entre *но* et *ну* est d'ailleurs très ancienne et remonte au slave commun" [81].

К союзным частицам в современном русском литературном языке относятся частицы *и, ну и, оно и, так* (всегда безударная), *тоже, всё* (*всё же*), *всё-таки, или, разве, однако* (*однакож*), *но, будто, как будто, как бы, словно, ровно, точно, добро бы, диви бы, благо, даром что*. Из этих частиц одни употребляются в составе только предикативно значимых построений, другие — в составе как предикативно значимых, так и не предикативно значимых построений.

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц

В образовании только предикативно значимых единиц — сказуемых и предложений — участвуют частицы *ну и, оно и, так* (всегда безударная) (*так и, так вот и, ну так*), *да, тоже* (*тоже*

[79] S. Karcevski. Deux propositions dans une seule phrase, стр. 41.
[80] Там же.
[81] Там же. Ср.: Народу все-таки охота добраться до тех золотых комышков, которые Ерофей нашел. *Ну* никак не выходило (Бажов, Золотые дайки); — Мать и говорит, чтобы Тонька ее проводила: одной не дойти, Тонька спорила, спорила, *ну* все-таки пошли (В. Лукашевич, Прошлым летом, Жаркий день).

и), *всё* (*все же*), *все-таки* (*все ж таки*), *или, однако* (*однакож*), *но, добро бы, диви бы, благо, даром что, чтоб.*

1. В сложной частице *ну и*[82] (так же, как и в *оно и*) ни один из ее элементов не является подчиненным; частица неразложима. С ее участием формируются предложения со значениями 1) следствия (основная группа) и 2) акцентированного утверждения.

1) Предложения со значением причинно-следственной обусловленности выступают или как вторая часть сложной конструкции, или как опирающаяся на предыдущую реплика диалога, или в качестве относительно самостоятельного предложения. Значение следственной связи в предложениях с *ну и* может быть поддержано словом *значит*, например: [Дикой] А кто ж мне запретит! [Кабанова] Кто запретит! Кому нужно! [Дикой] *Ну, и, значит, нечего разговаривать* (Остр., Гроза, 3, 1, II); ср. в записях разговорной речи, сделанных А. М. Пешковским: «Подпор-то очень сильный, *ну и, значит*, вода идет по скату»[83]. Это значение может выступать в «чистом» виде, не будучи осложнено никаким конкретным сообщением, например.: — Вы поехали. *Ну, и что же?* — сказал он. (Л. Толст., Воскресение, 1, XI).

Предложения с *ну и* могут быть как односоставными, так и двусоставными; частица всегда начинает собою предложение.

[Ахов] Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, *ну, и благодетель*, и отец родной, *ну, и кланяйся тому в ноги* (Остр., Не все коту масл., 2, 6); — ... А нам под выгон отвели гарь — словно твоя плешь голо, *ну и ходит скотинка не емши* (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Неумелые); — ... Излишне говорить, что я был очень тщеславен; если не быть тщеславным в обычной нашей жизни, то ведь нечем жить. *Ну, и в воскресенье я со вкусом занялся устройством обеда и вечера с музыкой* (Л. Толст., Крейц. соната, XXIII); — Хочется выпить, *ну и пей*, а нечего там философствовать... (Чехов., Счастливчик); — Дежурила я в ту ночь. *Ну и промокла до ниточки*, а заря-то была холодная (Д. Остров, Тетя Оля, 4).

Элементы частицы могут быть разделены; при этом *ну* всегда находится в начале предложения, а *и* может быть отделено подлежащим, подлежащим вместе с каким-либо второсте-

---

[82] Омоним с составной, междометного происхождения частицей *ну и* в построениях типа: *Ну и чудак!* (см. стр. 191—193), где частица не соотносительна с каким-либо другим классом слов.

[83] А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков. В кн.: А. М. Пешковский. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925, стр. 187.

пенным членом предложения или второстепенным членом (одним или несколькими); элемент частицы *и* при этом обязательно находится непосредственно при сказуемом или при главном члене предложения.

[Кудряш] Стало быть, я ему нужен. *Ну, значит, я его и не боюсь*, а пущай же он меня боится (Остр., Гроза, 1, I); — Гляжу по кустам-то и вижу, важная растет хворостина, с комельком, знаешь, — *ну я ее и срезал* (Лесков, Разбойник); — Сперва, действительно, дело было выгодное, *ну, все и накинулись*... (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, I); В откачке-то, видишь, большая остановка случилась, *ну, вода и взяла волю* (Бажов, Тяжелая витушка); — Плохо поработали? *Ну, плохо и получайте по трудодням* (В. Овечкин, Районные будни).

В состав частицы *ну и* может быть введен свободный и легко вычленяемый элемент *вот*, подчеркивающий значение причинно-следственной обусловленности; *вот* находится или после *ну*, или после *и*: *ну вот и, ну и вот*.

[Елохов] Ты посылал за мной, *ну, вот я и пришел* (Остр., Не от мира сего, 1, 3); Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. *Ну и вот освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения*... (Л. Толст., Крейц. соната, XIV).

2) Другим значением предложений со сложной частицей *ну и* является значение акцентированного утверждения — с оттенком некоторого недовольства, отрицательного отношения. Частица находится в начале предложения, ее элементы не могут быть разделены.

— А можно бы в две недели дойти. — *Ну и врешь*! (Решетн., Подлиповцы, 2, VIII); — Что ж, давай рублевку. Свезу. — *Ну и семь гривен довольно* (Л. Толст., Корней Васильев, I); — Из-за тебя, что ли, машины стоять будут? — *Ну и постоят* (В. Некр., В окопах Сталинграда, 1, 7).

2. Предложения, строящиеся с участием сложной неразложимой частицы *оно и*, также имеют два разных значения: 1) значение следствия и 2) значение акцентированного утверждения.

1) Предложения со значением следствия входят в состав сложной конструкции или являются присоединенными; они всегда односоставны; обычно это предложения безличные, реже — обобщенно-личные. Частица находится в начале предложения.

— И зипун в мешочке на спину приладил. *Оно и плыть ему легче от нее*, — сказал кто-то (Л. Толст., Казаки,

IX); — ... Забыл!.. Мало ли делов-то! То то, то другое, все по хозяйству — *оно и забудешь*! (Гл. Усп., Крестьянин и крест. труд, I); — Ах, дурачки, дурачки!.. Поймали птицу, а как зовут — и не знаете. *Оно и выходит*, что птица не к рукам... (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, I). По-видимому, сюда же: [Фамусов] Дай волю вам, *оно бы и засело*... (Гриб., Горе от ума, I, 4).

Элементы частицы, так же, как и у *ну и*, могут быть разделены: *оно* начинает собою предложение, *и*, отделенное другими членами, находится непосредственно при главном члене предложения.

— Тоже назябнутся, да наголодаются, да натерпятся всякой муки-мученицкой, *оно живого человека и тянет к теплу*... (Мамин-Сиб., Летные, IV).

2) В предложениях со значением акцентирования частица *оно и* начинает собою предложение, которое может быть как односоставным, так и двусоставным.

— Ведь в те поры, хошь *оно и строгий закон был*, а золотом торговали, как все равно крупой (Мамин-Сиб., Золотуха, VI); — Да кто он тебе? — *Оно хоть и верно*: никто (Г. Радов, Петр Егорыч, 7); — *Оно и лучше*, чтоб он вас поправлял, а не подсказывал (Соболев, Зеленый луч, 6).

Как уже отмечено выше, к сложным союзным частицам *ну и*, *оно и* близка в одной из своих функций частица *вот и* (см. стр. 121—123); однако специфика функционирования этой частицы в составе всего круга связанных с ней построений убеждает, что *вот и* относится к числу наречных частиц.

3. С частицей *так* (всегда безударной) и ее осложненными разновидностями *так и*, *так вот и*, *ну так* образуются предложения со следующими значениями: 1) следствия (*так*, *так и*, *так вот и*, *ну так*), 2) заключающего уяснения (*так*, *ну так*), 3) противопоставления (собственно противопоставления и противопоставляющего акцентирования) (*так*, *так и*) [84].

1) Предложения со значением следствия, всегда выступающие как вторая часть сложной конструкции, могут быть как односоставными (обычно), так и двусоставными (реже); частица всегда находится в начале предложения.

[Константин] Надоело им без проказ пьянствовать, *так теперь придумывают*, что чудней: антиков разных разыски-

---

[84] В предложениях с собственно условным и условно-временны́м значением *так* (*так и*) выступает как союз: *Если бы ты знал, так не говорил бы; Время будет, так зайду; Посмотреть, так хват; Из дома выходит, так кричит на всю улицу.*

вают, да и тешатся. У кого сила, *так бороться заставляют*; у кого голос велик, *так многолетие им кричи*; кто пьет много, *так поят на пари* (Остр., Сердце не камень, 1, 6).

— ...Солнце идет навстречу месяцу и не видит его, *так и хмурится*... (Гонч., Обл., 1, IX); — В город по господским делам ехали, да про вашу милость услыхали, *так вот и завернули по пути*... (Тург., Отцы и дети, XVII); — Нужно, *так и организуй*, чтобы все работали (Макаренко, Пед. поэма, 2, 4).

При возможном разделении компонентов частицы элемент *так* (и *так вот*) остается в начале предложения, а *и* смыкается со сказуемым или главным членом предложения, либо с группой слов, объединяющихся вокруг сказуемого или главного члена.

...Верхнюю он, верно, реже застегивал, *так она и плотно сидела*, а средняя совсем оттянулась и висела... (Л. Толст., Поликушка, I); — Да мамынька за косы потаскала утром, *так вот ей и невесело* (Мамин-Сиб., Сестры, I).

Оттенком собственно следственного значения в предложениях с *так* (*так и*), *ну так* (*ну так и*) является значение условно-следственное («раз...то»). В обмене реплик: — *Ах, оставь меня!* — *Так я пойду* во второй реплике выявляется значение: «раз нужно оставить, то я пойду».

[Окоемов] Вам не угодно, чтоб я убил вас? *Так уходите!* (Остр., Красавец-мужчина, 3, 2, 6); — А ружье заряжено? — Заряжено. — *Ну, так поедем* (Л. Толст., Кавказск. пленник, I); — А разве ты затем в работы ходил, чтоб меня забыть? — Да... — *Ну, так и забывай же*... (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Посещение первое); [Саша] Ты на меня сердит, я сделала глупость, что решилась приехать сюда. *Ну, так возмутись, закричи на меня, затопай ногами* (Чехов, Иванов, 3, VII); — Ее надо раздеть, — сказал я. — *Так раздевай*, — отозвался мальчик (Горький, «Страсти-мордасти»).

2) Другим значением построений с *так* (без осложняющих элементов) является значение уясняющего заключения («значит»): предложения с *так* обозначают уяснение на основе известного или узнанного, а также заключающее возвращение к предмету речи. Частица всегда находится в начале предложения.

[Олешунин] А! *Так вы трус?* (Остр., Красавец-мужчина, 3, 2, 6); — ...Сложила вот этак ручки, а слезы в три ручья так и текут. «*Так все кончено?*» (Л. Толст., Детство, XXV); Вынув из кармана примятую папиросу, он закурил. — *Так вам адрес?* (П. Шебунин, Неинтересный человек).

3) Предложения с *так*, имеющие значение противопоставления, распадаются на две группы. В первую группу входят, во-первых, построения, в которых *так* оформляет вторую часть сложного предложения и выступает как союз[85].

Во-вторых, сюда входят относительно самостоятельные предложения и реплики диалога с общим значением противопоставленности; *так* (*так ведь*) всегда начинает собою все построение.

[Окоемов] Что ж мне святым, что ли прикидываться? *Так ведь не поверите* (Остр., Красавец-мужчина, 4, 4); — Папа, мы пойдем в кино с Надей. — Ну, идите. — *Так деньги!* (Макаренко, Кн. для родителей, 4); — Я там дочку схоронила... — А отец? — *Так он же женатый был...* (Г. Радов, День из жизни Прасковьи Лихачевой, 1).

Другую группу внутри построений со значением противопоставленности составляют весьма распространенные в разговорной речи конструкции со значением акцентирующего противопоставления. Все предложение в целом противопоставляется предыдущему высказыванию, но грамматически не обязательно зависит от него. Частица находится в середине предложения — между подлежащим и сказуемым, между сказуемым (или главным членом) и дополнением или обстоятельством, акцентируя и противопоставляя их тому, что известно или о чем шла речь ранее. В предложении *А я так не согла́сен* выявляется значение: «Кто-то другой согласен, а я нет»; частица, акцентируя предикативную основу предложения, целиком противопоставляет ее чему-то другому — известному или высказанному. В описываемых предложениях выделяются: а) двусоставные предложения с противопоставляющим акцентированием предикативной основы и б) односоставные предложения с противопоставляющим акцентированием главного члена и относящегося к нему дополнения или обстоятельства.

а) — Эге! видно, правда-то кусается! *А вот я так люблю правду!* (С.-Щ., Господа Головлевы, Племяннушка); — ...А если взять Зосю, — *вот эта, по-моему, так действительно невеста:* всем взяла... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 1, XI).

б) [Чацкий] Я глупостей не чтец, А пуще образцовых. [Молчалин] Нет, *мне так довелось с приятностью прочесть...* (Гриб., Горе от ума, 3, 3); — Кто умирает, *а вот у Хлопо-*

[85] Ср.: — Я отдал бы, *так* отец у меня взял (Макаренко, Кн. для родителей, 6) — Спецовку обещали, *так* не дали ничего (Б. Зубавин, Начало).

вых так не поспевают крестить... (Гонч., Обл., 1, IX); — Небось, как себе, так шьешь новое платье! Шьешь. *Себе так все можно, а мне так нельзя?* (Макаренко, Кн. для родителей, 8).

4. Частица *да* (всегда безударная) участвует в формировании предложений со значениями акцентированного противопоставления и собственно акцентирования.

1) В предложениях со значением акцентированного противопоставления *да* находится между противопоставляемыми компонентами, которыми могут быть любые члены предложения, но при обязательном условии вхождения в эту группу сказуемого, главного члена предложения или целиком его предикативной основы: *Ты да не поймешь? К другу да не зайти! Начальника да как отчитал! С его способностями да не учиться! У себя в доме да не сумеет он спрятать?* и т. п. Задача такого противопоставления — подчеркнуть несоответствие предикативного признака и его носителя, или признака и объекта либо обстоятельств его выявления.

— *В своих-то местах, да дороги ты не знаешь!..* (Горбунов, В дороге); — *Маменьку да как отчекрыжил!..* (Станюк., Нянька, XVII); — *С ним, — да не сговориться?* (Тург., Стучит!); — Если *из-за каждой холопки да в солдаты* — что ж это будет! (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII); — *За свои деньги да ходишь?* (Гл. Усп., Разоренье, X, 1); — Да ты работать, поди, не умеешь! — *Сапер, да не умеет!* (Ю. Нагибин, Пути-дороги).

При произнесении подобных предложений обычно имеет место пауза между сопоставляемыми словами; эта пауза усиливается и подчеркивается тогда, когда за *да* следует *чтоб*, расчленяющее всю структуру на две части (ср.: *С его умом да не понять?* и *С его умом да чтоб не понять?*).

— *У лесника, да чтоб денег не было!* (Чехов, Беспокойный гость); — *С моей силой да чтобы умирать смиренным ягненком?* (Нов.-Прибой, В бухте «Отрада»).

В то же время с участием *чтоб* может образоваться такое соединение компонентов, которое не укладывается в рамки простой конструкции.

— *Такой разумный человек, как вы, да чтобы не достукаться до чинов?* (Нов.-Прибой, Порченый, VI).

Внутри предложений со значением акцентированного противопоставления выделяются такие, в которых признак сопоставляется — в плане уступительного ограничения — с неизвестным его субъектом, объектом или обстоятельством; соответственно в состав группы обязательно входит неопределенное наречие

или местоимение: *что-нибудь, кто-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, почему-нибудь* и т. п. Значение акцентирования признака здесь всегда сочетается со значением уверенности в его наличии: *Кто-нибудь да придет* значит: «хоть кто-нибудь, но обязательно придет»; *Куда-нибудь да поеду* значит: «хоть куда-нибудь, но обязательно поеду».

...В механике и я *чего-нибудь да стою* (Крылов, Ларчик); И всегда *что-нибудь да прилипало* к его вицмундиру... (Гоголь, Шинель); — Нет, — начал он снова: — тут *что-нибудь да есть такое; какая-нибудь да вкралась тут опечатка,* что нет вот да и нет тебе места на свете! (С.-Щ., Губ. оч., Лузгин); — ...*Кому-нибудь да убитым или раненым быть* — уж это верно (Л. Толст., Набег, II); Уж *с чего-нибудь да пьет* он? Уж *что-нибудь да*... (Гл. Усп., Разоренье, II, 2).

2) В предложениях со значением собственно акцентирования частица находится: непосредственно перед главным членом или в начале группы слов, к нему относящихся; перед предикативной основой двусоставного предложения или перед сказуемым, либо в начале группы слов, к нему относящихся. Такие предложения часто выступают как придаточные условные или по форме совпадающие с придаточными условными самостоятельные конструкции.

— ...Кажется, *если бы да на хорошую дорогу его поставить,* озолотил бы, не расстался бы с ним (С.-Щ., Губ. оч., Старец); Пила боится: *как да все без него помрут?* (Решетн., Подлиповцы, 1, II); ...Каждая новая партия заставляет переживать скверное чувство: *А как она да наше место и захватит?* (Мамин-Сиб., Золотая ночь, VI); — Как можно с вечера давать наряд? *А вдруг да умрет кто за ночь* — допустим, тетка какая... (Троепольск., Прохор семнадцатый..., 3).

Внутри предложений со значением собственно акцентирования в особую группу выделяются такие, в которых Шахматов видел значение «аффектированного изъявления»[86]. Это почти всегда — реплики диалога, в которых сообщение (не всегда обязательно ответ) акцентируется с оттенком эмоционального отношения: раздражения, недоумения, оценки, уверенности и т. п. Частица всегда начинает собою реплику; она может быть усилена частицей же, следующей за логически выделенным словом.

— Наташа, ты в середину ляг, — сказала Соня. — Я тут, проговорила Наташа. — *Да ложитесь же,* — прибавила она

---

[86] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 551, стр. 482.

с досадой (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XXXI); [Василий Леонидыч] Я тебе говорил, — те ботинки. Не могу я эти носить! [Григорий] *Да и те там же стоят.* [Василий Леонидыч] ...Да где же там? [Григорий] *Да там же.* [Василий Леонидыч] Врешь! [Григорий] *Да вот увидите* (Л. Толст., Плоды просвещ., I, 19).

5. Построения с союзной частицей *тоже* объединяются общим значением отрицательного отношения. Интересные и глубокие замечания о конструкциях с *тоже* находим у Добиаша в связи с анализом греческой частицы *ναί*. «В чешском языке употребляется в подобных случаях слово *taky*. Чешское *taky* я иначе не чувствую, как в смысле слова *тоже*. Так, говорят: *to je taky odpověď!* И в *русском* языке слышится фраза: *вот тоже ответ?!*» Отмечая далее, что такая форма должна выражать удивление, «некое *недоумение*», Добиаш пишет: «Вообще в выражениях удивления есть основание считаться с жизненным опытом...» В русском *вот тоже ответ!* он видит «присоединение нового к чему-то прежнему» [87].

Более частные значения построений с *тоже* различаются в зависимости от характера конструкции. Основное различие выявляется между предложениями именными и глагольными.

В именных построениях основную группу составляют нераспространенные предложения со значением отрицания у предмета (обычно — лица) того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием. Эти предложения всегда ярко окрашены выражением отрицательного отношения, насмешки, иронии. Частица может находиться перед именем или после него. В состав предложения может входить форма *мне, вам*, теряющая личное значение и обособливающаяся от системы форм соответствующего местоимения; форма *мне, вам* следует непосредственно за частицей: *Тоже мне (вам) барыня! Барыня тоже мне!*

— Какая вы земская полиция! Что уж тут говорить!.. Только звание на себе носите: *полиция тоже!* (Писемск., Тысяча душ., 2, V); [Боркин] *Помещики тоже,* чорт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли — и ни гроша в кармане... (Чехов, Иванов, 1, I); — Побирается за счет музыки. *Тоже служитель искусства!* (Пауст., Беглые встречи); ...Его вся деревня осмеет, если увидят, что он несет кровать вместе с Марийкой: *тоже мужчина* — не может сам перенести такую пустяковину... (Панова, Кружилиха, 3).

---

[87] А. В. Добиаш. Опыт симасиологии частей речи..., стр. 506.

К этим именным построениям примыкают определенно-личные глагольно-именные предложения с глаголом называния или выявления, обнаружения; глагол здесь следует за именем.

— Полторы нормы дал, а предплужник потерял! *Тоже — передовик называется!* (Троепольск., Прицепщик Терентий Петрович); — Учить их некому, что ли? *Тоже учитель сыскался!* (В. Лукашевич, Хозяйка, 3); — Думаешь, я не знаю, что у него там с физиком было? *Тоже герой нашелся.* Защитник угнетенных (В. Некр., В родн. городе, 3, 6).

Оттенком описываемого значения именных построений является выражение несоответствия предмета (обычно лица) и выявляющихся в нем свойств, качеств, признаков: эти признаки оказываются противоречащими обычному представлению о свойствах данного предмета. В таких построениях (при акцентировании отрицательного отношения) частица *тоже* может сочетаться с частицей *еще*.

— Он, братец ты мой, отыскал корму и сзывает товарищей... *Тоже — воробей*, а, небось понимает, что одному есть харч не годится... (Станюк., Нянька, VI); — Страшно ему... Ну, а ежели б резали бабу? Чье дело вступиться за нее? *А еще тоже старый человек, крещеный...* (Чехов, Беспокойный гость).

В глагольных построениях выявляется иное значение: называемый глагольный признак оценивается иронически, осуждается, определяется как неполноценный, не дающий ожидаемого результата. Наиболее типичные конструкции здесь — это глагольные односоставные определенно-личные предложения; частица по отношению к глаголу может находиться в препозиции или в постпозиции.

[Паратов] А еще разговаривает, гусь лапчатый. [Вожеватов] Разве было что? [Паратов] Был разговор небольшой. *Топорщился тоже*, как и человек, *петушиться тоже вздумал* (Остр., Бесприданница, 2, XI); — ...Червяк полураздавленный, а еще топорщится. *И ведь тоже думал*: обломаю дел много, не умру, куда! (Тург., Отцы и дети, XXVII); *Тоже воображает о себе*, рыжий дьявол! Проходу на кухне не дает... (Станюк., Нянька, III); — «Выходи в лес», говорит. *Тоже нашел дуру* (Мамин-Сиб., Золото, 5, III); — Своих детей не имела, да чтоб теперь с чужими няньчиться? *Тоже выдумали!* (Шолохов, Подн. целина, 1, 26); — ...А подъезды не для спанья понаделаны. *Расселся тут тоже...* (Соболев, Капит. ремонт, 9).

Сюда же примыкают двусоставные глагольные предложения.

— ...Заверни в лавочку и купи фунт колбасы. Это уж

было совсем смешно, и Окся расхохоталась. Какая такая колбаса? *Тоже выдумает тятенька* (Мамин-Сиб., Золото, 2, II).

В составе глагольных конструкций препозитивная частица может осложняться элементом *и* (*тоже и*); такие построения лексически ограничены: здесь употребляются глаголы речи и мысли (*сказать, рассказать, выдумать, придумать* и под.).

— Поела, согрелась и ступай. — Вот еще выдумал! Куды я пойду-то? *Тоже и сказал...* (Мамин-Сиб., Золото, 3, IV).

О построениях с *тоже* в диалогической речи см. стр. 328.

6. С участием частицы *или* строятся 1) предложения со значением утверждения обратного тому, что только что сказано самим говорящим, и 2) предложения со значением предположения, неуверенности. И в тех и в других частица всегда начинает собою предложение, формально не зависящее от предшествующего.

1) Предложения со значением утверждения обратного тому, что только что сказано самим говорящим, как бы «перерешения», ограничены со стороны возможностей своего словесного наполнения: это, во-первых, предложения, строящиеся со словами *нет* или *да*; во-вторых, такие, главным членом которых является слово, взятое из предыдущего предложения, или близкое к нему по значению. Самим значением таких построений с *или* определяется их обязательное употребление непосредственно после другого предложения в речи того же говорящего.

[Городничий] Ступай сейчас за частным приставом, *или нет*, ты мне нужен (Гоголь, Ревизор, 1, III); — Нет, лучше не рассказывать... *или расскажу* (Л. Толст., Два гусара, XV).

2) Предложения со значением предположения, неуверенности обычно (но не обязательно) бывают вопросительными; они оформляются с частицей *или* и ее вариантом *иль*, в просторечии — с частицами *али* (*аль*) и *ай*.

[Вера Филипповна] Точно я из моря черпаю, ничего не убывает: тысячу-две истратишь, а три прибудет. *Или уж это бог посылает за добрые дела* (Остр., Сердце не камень, 4, 2); — Пейте же чай. *Или слишком крепок?* (Л. Толст., Крейц. соната, II); — Ешь! *Или нешто дать тебе водочки выпить?* (Чехов, Агафья); — А ты чего так рано? Поезд-то будет через час... *Иль с женой поругался?* (В. Лукашевич, Хозяйка, 4).

В вопросительных предложениях с *или* часто присутствует местоименная частица *что* (*что ж*), предшествующая *или*.

— *Что ж*, говорит, *или не признаешь меня, Александра Петрович?* (С.-Щ., Губ. оч., Старец); — *Что тебе, или хуже?* (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, V).

Построения с *али* (*аль*), *что* (*что ж*), *аль*, *ай*.

— *Да что ты, Семен Ильич, аль не узнал?* (Горбунов, Из деревни, II); — *Аль ты меня не признал?* (Л. Толст., Тихон и Маланья); — *А что ж, аль зазяб?* (Л. Толст., Хозяин и работник, IX); — *Ай болит что?* — спросил солдатик (Л. Толст., Война и мир, I, 2, XXI); — *Али беда какая?* (Нов.-Прибой, Лишний, II).

При полной утрате вопросительности в построениях с *или*, *али* значение предположения может перерастать в значение абсолютной уверенности в обратном, например: — *Да али мы нехристи.* Ведь это хорошо господам, а мы хрестьяне. Побожьему надо (Л. Толст., Фальшивый купон, 1, XVIII).

7. Союзная частица *но* всегда начинает собою предложение, грамматически не зависящее от предыдущего. Значение таких предложений — резкое акцентирование всего высказывания, подчеркнутое выделение его из всех других; такое акцентирование может быть связано с возвращением к мысли, с желанием сосредоточить на ней внимание [88].

— Как же это ты приехала? — заговорил он, наконец, беря ее за руку. — А ты, друг мой, рад мне — да? *Но какой же ты худой!* (Писемск., Тысяча душ, 3, VII); — Брось ты об этом думать. — *Но Витька-то!* Хорош гусь! (Из разг. речи).

8. Значение построений с частицей *однако* (*однакоже*, *однакож*) совпадает со значением построений с *но*. Частица может находиться: в начале предложения, в конце его или непосредственно при главном члене предложения либо при его предикативной основе.

[Подколесин] (...соскакивает на улицу; за сценой кряхтит и охает). Ох! *Однако ж высоко!* Эй, извозчик! (Гоголь, Женитьба, 2, XXI); [Сосипатра] *Какой вы плут, однако!* (Остр., Красавец-мужчина, 4, 4); — А знаешь что, Разуми-

[88] Ср. такое значение у построений со словом *нет:* [Сахатов] Ах!... (хватает нитку и обрывает ее). [Профессор] Я бы просил присутствующих не делать неопределенных или шутливых вопросов. Ему неприятно. [Сахатов] *Нет, позвольте, у меня в руке нитка.* [Леонид Федорович] Нитка? Держите ее. Это часто бывает; не только нитка, но шелковые снурки, самые древние. [Сахатов] *Нет, однако откуда же нитка?* (Л. Толст., Плоды просвещ., III, 19); — Жарко! — сказал Данилов. — Не говорите, — сказал доктор. — Знаете, сквозь подошву чувствуется, какой горячий гравий. Данилов внимательно посмотрел себе под ноги... — *Нет, куда это нас поставили?* — продолжал доктор (Панова. Спутники, 1, 3).

хин? Посмотрю я на тебя: *какой ты, однако же, хлопотун* (Дост., Прест. и наказание, 2, IV); — Пойдем. *Как, однако, ты устал, бедненький!* (Писемск., Тысяча душ, 3, XI); — *Однако хижина у тебя, Кудряшов!* Это не хижина, а так сказать, палаццо (Гаршин, Встреча); ... Ее начало помучивать беспокойство. «*Как долго он ходит однако!*» — думала она (Чехов, В потемках).

9. *Добро бы* и *диви бы* — союзные частицы, оформляющие предложения со значением мысленного допущения чего-то, чем могло бы быть оправдано, объяснено сделанное, осуществившееся или предполагаемое. Эти предложения могут быть как самостоятельными, так и входящими в состав сложного. Частица всегда находится в начале предложения.

[Осип] *Добро бы было в самом деле что-нибудь путное*, а то ведь елистратишка простой (Гоголь, Ревизор, 2, I); [Вожеватов] *Уж диви бы охотник*, а то и ружья-то никогда в руки не брал (Остр., Бесприданница, 1, II); — *И диви бы законов не знали или там форм каких*; все, батюшка, у него в памяти... (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Неумелые); — *Добро бы, красивый был*, а то — тьфу! — сатана! (Чехов, Ведьма).

10. Частица *благо*[89] участвует в формировании предложений со значением одобрения, положительного отношения к сообщаемому. Как и *добро бы*, *диви бы*, частица *благо* может участвовать в формировании а) самостоятельных предложений и б) зависимых в составе сложного. В первом случае *благо* находится либо в начале предложения, либо при его главном члене или предикативной основе; во втором случае — всегда в начале зависимого предложения.

а) *Да он, благо, скоро умер*, — меня в деревню и вернули (Тург., Льгов); [Шабельский] Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. *Благо муж не ревнив* (Чехов, Иванов, 2, IV).

б) [Муров] Занимайтесь своим делом артистическим, *благо оно идет у вас так успешно* (Остр., Без вины виноватые, 4, 4); Службу бросил, *благо явилось какое-то наследство*, дающее ему возможность существовать без труда (Гаршин, Художники, IV).

Ср. также в построениях с *благо... а то.*

— Значит, пропахал задаром всю смену? — нерешительно спросил Леня. — *Благо*, ты первый сезон работаешь,

[89] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 361, стр. 271. В. В. Виноградов относит *благо* к «союзам-наречиям» (см.: «О категории модальности...», стр. 78).

а то бы припечатал я тебе расход (Троепольск., Один день) [90].

11. Частица *всё* (*всё же*) и образовавшаяся на ее основе *всё-таки* (*всё ж таки*) [91], в отличие от других союзных частиц, формирующих только предикативно значимые построения, участвует в образовании не только предложения, но и сказуемого. Значение таких построений — выявление предикативного признака несмотря на условия, ему не благоприятствующие.

В составе сказуемого частица, как правило, находится перед знаменательным словом.

...Они чувствовали, что он *все-таки свой брат, не барин* (Тург., Отцы и дети, X); — ...Хоть брат Павел и виноват передо мной, а я его *все-таки люблю!* (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному).

Частица может оформлять группу членов предложения, относящихся к сказуемому.

[Анна Андреевна] ...Машет руками? пусть машет, а ты *все бы таки его расспросила* (Гоголь, Ревизор, 1, VI); — Если б и дедушки не было, я *все с тобой не расстанусь* (Дост., Униженные и окорбл., Эпилог).

В составе предложения — односоставного и двусоставного — частица может находиться: а) непосредственно перед знаменательным словом, образующим главный член односоставного предложения, или перед предикативной основой двусоставного предложения; б) после знаменательного слова, образующего главный член предложения; в) в начале предложения или перед группой слов, связанных с главным членом.

а) ...Измокши весь, пришел домой С пустой сумой; *А все-таки пенял не на себя, — на счастье* (Крылов, Охотник); — ...Рана ваша — не опасная, *а все лучше остановить кровь* (Тург., Отцы и дети, XXIV); — Я все-таки рад тебя видеть. Что там ни толкуй, *а все не чужие* (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 1, XXV).

б) — ...Который нумер? Позвольте. Белошвейка рыдала в платок, *но квитанцию дала все-таки* (Гл. Усп., Квитанция, 2); Год живут, два живут, три живут. *Ну, забеднели все-таки* (Бажов, Малахит. шкатулка).

---

[90] На пути перехода в частицу аналогичного значения находится *хорошо* в построениях типа: [София] Да, *хорошо сгорите*, если ж нет? (Гриб., Горе от ума, I, 7).

[91] По Шахматову, *все-таки* — уступительный союз; в § 210 «Синтаксиса...» (стр. 188) читаем: «Сказуемое может быть отделено от подлежащего уступительными союзами. Ты, брат, что ни говори, *все-таки* помещик. Нахлебн., I».

в) — Я помню все, *но все-таки я не признаю за тобою права злиться* (Тург., Отцы и дети, XXI); — А сказать совестно: *все ж таки гостья я...* (Павленко, Хлеб жизни).

12. Слово *чтобы* иногда может выступать в функции частицы, участвующей в формировании предикативных единиц со значением желаемого, но неосуществившегося предикативного признака в плане прошлого. Союзного и целевого значения у *чтобы* здесь нет. По отношению к другому слову, входящему в состав сказуемого или основы предложения, *чтобы* всегда препозитивно.

Оне *чтоб наутек*, Да уж никто распутаться не мог... (Крылов, Обезьяны); — А она мне говорит: «Я смерть твоя». *Мне чтобы испугаться*, а я напротив — рада-радехонька, крещусь! (Тург., Живые мощи).

По происхождению эти построения, по-видимому, связаны с близкими к ним по значению фразеологизированными предложениями с *что бы* (*Что бы тебе подождать то!* См. стр. 271).

Таков круг конструкций, образующихся с союзными частицами, которые участвуют в формировании только предикативно значимых построений.

Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц

Союзные частицы *и* (*и... же, и... уж, да и, а и, и... то*), *будто* (*будто и, будто бы, будто как*), *как будто, ровно* (*ровно бы, ровно как, как ровно*), *точно* (*точно как*), *словно* (*словно бы, словно как, как бы словно*), *как бы, разве* (*разве что, разве если*) участвуют в образовании и предикативно значимых и не предикативно значимых единиц; однако соотношение их неравное: основную массу составляют предикативно значимые построения.

1. Наиболее многообразным и разветвленным является круг построений с частицей *и*[92]; союзное ее значение — там, где оно сохраняется, — по-разному выявляется в разных типах конструкций[93].

---

[92] Анализу значений слова *и* и как союза, и как частицы, а также разнообразных сочетаний с *и* посвящена в «Словаре русского языка» (т. 9, вып. I) статья Л. В. Щербы.

[93] Предлагаемый обзор наиболее распространенных в разговорной речи предикативно значимых построений с частицей *и* не является полным:

Союзная частица *и* участвует в образовании построений со следующими значениями: 1) следственной обусловленности, 2) соответствия или своевременности («именно», «как раз»), 3) акцентирования (с разными оттенками), 4) усиления и 5) уступительного противопоставления. Все эти значения выявляются как в предложении, так и в сказуемом.

1) Построения со значением следственной обусловленности входят составной частью в сложные конструкции или выступают в качестве относительно самостоятельных предложений, тесно связанных по смыслу и форме с предшествующим контекстом.

В составе сказуемого со значением следственной обусловленности *и*[94] всегда находится непосредственно перед знаменательным словом.

— ...Взял только в руки эту штучку, а она *и развалилась* (Гонч., Обл., 1, VII); — Говорят: вот что говори, — *я и говорю* (Тург., Льгов); — Бодрости себе надо поддать — все *и пройдет* (Лесков, Фигура, 7); — Угостил меня человек, *я и выпил* (А. Рыбаков, Водители, 3, 29).

Частица может оформлять группу членов, относящихся к сказуемому.

— ...Пару лошадочек запрягут — *я и плетусь трюх-трюх до Москвы*! (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейный суд); — Не трогаю я вас, вы *и оставьте меня* (Л. Толст., Воскресение, 1, XXIX).

Предложения со значением следственной обусловленности, строящиеся с участием частицы *и*, могут быть односоставные и двусоставные. В односоставных предложениях частица всегда находится непосредственно перед знаменательным словом, формирующим главный член предложения; в предложениях двусоставных частица начинает собою предложение.

[Софья] Они считают нас хитрыми — *и надо быть хитрыми*. Они считают нас лживыми — *и надо лгать* (Остр., Невольницы, 1, 6); — Право, много ли нужно человеку: вот этакий день — *и счастлив*, как птица (Мамин-Сиб., Сестры, V).

[Миша] Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать — *и я еду, не показывая даже и вида*, что

исследование конструкций с этой частицей должно быть предметом специальной большой работы.

[94] По терминологии Л. В. Щербы — *и* результативное, которое, «находясь внутри фразы перед сказуемым, подчеркивает внутреннюю связь с предшествующим» и «в зависимости от контекста приближается по смыслу к словам „тогда", „вот", „теперь", „наконец", „поэтому", „таким образом", „так что" и под.» (Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стлб. 9).

мне тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то — *и я трусь в передней такого-то*, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцевать на балах — *и я танцую*, хоть все надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу — *и я переменяю службу*, в тридцать лет иду в юнкера... [Гоголь, Отрывок (Сцены из светской жизни), I]; — Семечко, допустим, живое, а не всхожее. А погрей его — *и оно взойдет* (Троепольск., Тугодум).

Если в сказуемом двусоставного предложения обозначается возможность, необходимость или бытие, обнаружение, состояние, то частица *и* может находиться перед подлежащим.

— Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, *возможен и брак* (Л. Толст., Крейц. соната, II).

2) Значение соответствия или временно́го совпадения, своевременности («именно»[95], «как раз») выявляется как в сказуемом, так и в целом предложении.

В составе сказуемого частица всегда стоит непосредственно перед знаменательным словом[96].

— ...Так... читала и как-то про вас вспомнила, а вы *и пришли* (Лесков, Островитяне, 5); — ...Я его дождусь, — с сердцем проговорил Павел и ударил рукой по столу. — А, да вот он *и жалует*... (Тург., Контора); — ...Почему ты не сказал об этом мне? — Я *и хотел сказать*, а потом раздумал... (Короленко, В дурном обществе, VI); — У вас беспризорные унесли, а я детдомовский. — Вот детдомовские-то *и разбойники* (Каверин, Два капитана, 2, 3)[97].

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— Она выйдет со своею крепостною, а ты *и сидишь на рубежечке, поджидаешь* (Лесков, Обман, 3); ...Тропа, наконец, вывела на деревенскую дорогу, по которой мы *и въехали в Сосунки*... (Мамин-Сиб., Золотая ночь, III).

Предложения с описываемым значением могут быть односоставными (частица находится перед знаменательным словом,

---

[95] См.: Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стлб. 10.

[96] Нельзя согласиться с А. А. Шахматовым («Синтаксис...», § 288, стр. 281), что такое *и* является союзом; ср. его примеры: «Да, встретившись с Петром Ивановичем, *и* говорю ему» (Гоголь, Ревизор, 1, 3); «Подозвавши Власа, Петр Иваныч *и* спроси его потихоньку» (Гоголь, Ревизор, 1, 3).

[97] Справедливую критику мнения Д. Н. Овсянико-Куликовского («Синтаксис русского языка». Изд. 2, СПб., 1912, стр. 273—274) о происхождении конструкции типа *Втроем и покатим!* из *сядем и покатим* см. в кн.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 239—240.

формирующим главный член предложения) и двусоставными (частица находится в начале предложения или перед его предикативной основой).

— Так садись, пиши просьбу, завтра *и подашь*... (Гонч., Обл., 2, III); Послушала она, поняла, — караулят кого-то. А ее *и караулили* (Бажов, Кошачьи уши).

Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них *и свет идет* (Бажов, Каменный цветок).

3) Внутри общего значения акцентирования в построениях с *и* выделяются две группы: построения со значением собственно акцентирования, выделения[98] и построения, в которых признак акцентируется как не совсем обычный, противоположный ожидаемому, тому, что могло бы или должно было бы иметь место (значение, близкое к значению построений с частицей *даже*).

а) Простое акцентирование.

В составе сказуемого частица *и* всегда непосредственно предшествует знаменательному слову.

[Осип] ...Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; *я и постою* (Гоголь, Ревизор, 2, II); — Ты это напрасно. Пшеничкин — бригадир очень хороший. — А *я и не сказал*, что он плохой (Троепольск., Игнат с балалайкой).

Сказуемое со значением акцентирования может включать в свой состав частицу *то* (после знаменательного слова).

[Ахов] А для чего ж я его с собой *и взял-то*? Без дураков ведь скучно (Остр., Не все коту масл., 4. 3).

Частица *и* (*и*...*то*) может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

[Кабанова] Ведь от любви родители *и строги-то к вам бывают*, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить (Остр., Гроза, 1, V).

В составе предложения частица *и* функционирует по-разному. Прежде всего здесь выделяется большая группа построений, в которых частица начинает собою предложение.

[Ласуков] *И не стыдно тебе?* [Анисья] А ничаво не стыдно! (Некр., Осенняя скука); — *И надо было ему нарочно теперь*, когда мы здесь, *приехать в Петербург. И надо было нам встретиться на этом бале*. Все это судьба (Л. Толст., Война и мир, II, 3, XXII).

---

[98] Это значение не совпадает со значением усиления и не может быть с ним объединено. Ср.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 557, стр. 486.

В таких случаях частица *и* может быть поддержана частицей *же*, следующей за вынесенным в начало предложения главным членом или сказуемым.

[Гнусова] Шутка сказать, скоро одиннадцатый час, а он еще дрыхнет! *И не убьет же бог громом этакого аспида!* (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, I); — *И надо же расти такой похожей!* И глаза и волосы... (Г. Радов, День из жизни Прасковьи Лихачевой, 1).

Конструктивной чертой предложений с *и* со значением акцентирования может являться следование за начинающей предложение частицей относительного местоимения или местоименного наречия: *кто, что, как, зачем, почему, куда, где* и т. д. Такие предложения обычно являются восклицательными.

[Незнамов] Ведь, по крайней мере, с моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. *И зачем я рассказал!* (Остр., Без вины виноватые, 3, 8); ...Казначей, увидав такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул: — *И откуда вы, шельмы, берете!!* (С.-Щ., Дикий помещик); *«И чему она радуется!»* подумал Николай, глядя на сестру. *«И как ей не скучно и не совестно!»* (Л. Толст., Война и мир, II, 1, XV); — *И чего я только полюбил тебя, подлеца?* (В. Некр., В родн. городе, 1, 18).

В двусоставных предложениях со значением акцентирования (возможно — с оттенком значения, близким к построениям с *даже*) частица *и* может находиться непосредственно перед предикативной основой; такие построения имеют сугубо разговорный характер.

[Мирон] Ох! Догулялся! Вот так раз! *Все и похмелье соскочило* (Остр., Невольницы, 3, 5); Что со мною будет? *У меня весь и хмель пропал* (Лесков, Чертогон, 4); — И помирились бы в лучшем виде, ежели бы не ваша вера, Степан Романыч... *Все и горе в этом* (Мамин-Сиб., Золото, 1, VII).

Значение акцентирования может осложняться оттенком значения допущения возможного; частица находится непосредственно перед главным членом односоставного предложения.

— Потонуть кораблю здесь трудно. Разве вовсе плохое судно. — Нет, видно, столкнулся с каким другим ночью... — А то *и сгорел* (Станюк., Максимка, III); — ... Может, фрицы эти были, провокаторы, а? — Может, *и фрицы* (В. Некр., В окопах Сталинграда, 2, 19).

К предложениям со значением выделения, акцентирования относятся ставшие устойчивыми построения: *того (только) и жди, того и гляди, чтобы.*

— Но что за радость, рассуди, Коль сидя у тебя *того лишь и гляди, Чтобы* твой друг кого, подползши, не ужалил? (Крылов, Крестьянин и Змея); — Теперь *того и жду, что* случится что-нибудь худое... — С кем? — Да со мной... *Того и жду, что* в тоске какой-нибудь сделаю вред (Гл. Усп., Власть земли, IX).

б) Акцентирование утверждаемого как не совсем обычного, противоречащего тому, что могло бы или должно было бы иметь место.

В составе сказуемого частица всегда находится непосредственно перед знаменательным словом. В таких построениях преобладают (но не являются единственно возможными) глаголы со значением восприятия, мысли, внутреннего состояния: *знать, думать, заметить, понять, уметь, вспомнить, забыть, мечтать, слушать, (не) слыхать, (не) видать* и под.

[Гурмыжская] Ты меня извини, я про тебя *и забыла* (Остр., Лес, 3, 8); [Телятев] Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами *и не слыхали* (Остр., Бешеные деньги, 5, 3); На меня она *и не взглянула*, точно была в забытьи (Дост., Униженные и оскорбл., 2, VIII); — У ракушки не душа, а пар; ее ешь, а она *и не понимает* (С.-Щ., Карась-идеалист); — Я *и не знал*, что тут канавка (Л. Толст., Воскресение, 1, XII); ... Мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более, что Маруся этого *и не заметит* (Короленко, В дурном обществе, IX); — Укажи мне тут настоящую пчелу. Здешняя *и ужалить-то не умеет*, а у нас... (Павленко, Идут дожди).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

[Анучкин] Мой отец был мерзавец, скотина. Он *и не думал меня выучить французскому языку* (Гоголь, Женитьба, 1, XX); ... Старик *и умер не так*, как умирают другие люди (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 1, IX); Дубов *и не подозревал о сложных Морозкиных переживаниях* (Фад., Разгром, 2, II).

Предложения с описываемым значением односоставны; частица находится перед формирующим главный член знаменательным словом.

[Надежда Антоновна] ... Знает то, о чем другим девицам *и не грезилось* (Остр., Бешеные деньги, 2, 4); — Ты, я думаю, голоден, как волк. Кузьма тебе все приготовил. — Нет, мне *и есть не хочется*. Я там поел (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, VI); Его замкнутый, неприязненный вид сам по себе говорил: «*И не просите*, денег нет» (А. Рыбаков, Води-

тели, 1, 1); — Заработаешь ведь. Я не обижу. — *И не заикайся!* Обсыпь золотом — не соглашусь (И. Арамилев, На охоте).

В сложноподчиненном предложении частица может находиться в составе главного члена придаточного, хотя акцентирующее значение сосредоточивается в главном предложении.

[Федор Федорыч] Михайло Семеныч! Себя не помню, не знаю, что *и сказать* об игре вашей... (Гоголь, Развязка «Ревизора»); — Не знаю, где *и спать-то его положить* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XI); ...Поднял взгляд к вершинам деревьев. — А ведь какие маленькие были, ну, прямо, проволочки! — А я не помню, как их *и сажали*, — сказал Петя (Троепольск., Гришка Хват).

4) Значение усиления в построениях с *и*[99] выявляется обычно в структуре предложения; в сказуемом оно обнаруживается сравнительно редко — в случаях типа *он и плясать, и плясать*, в которых Шахматов видел формы «усилительного подвида»[100]. Значение усиления возможно только в построениях, в которых сказуемое, главный член или (при определенных условиях) обстоятельственное слово лексически указывает на признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (особняком стоят односоставные именные предложения); с наличием частицы связано в таких предложениях значение силы, напряженности, полноты выявления предикативного признака.

Предложения со значением усиления могут быть как двусоставными, так и односоставными; частица всегда начинает собою все построение. В таких конструкциях *и* легко обрастает усиливающими элементами: *и... же, и... уж, да и, да ну и, да и... же, да уж и... же, а и, а и... же.*

В двусоставных предложениях со значением усиления в начало предложения, непосредственно вслед за частицей выносится сказуемое.

— *И чудной ты!* — проговорил вдруг Егоркин. — Чем чудной? — А всем! (Станюк., За «Щупленького», II); — *И мудреный он мужик!* Подивился я на него, Михаил Семеныч (Л. Толст., Свечка); — Ну, сосед, *и горяч ты*, я тебе скажу (Гаршин, Сигнал).

---

[99] «*И* усилительное» (Словарь русского языка, т. 9, вып. 1, стлб. 14).

[100] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 544, стр. 475. Ср., впрочем, там же, § 590, стр. 507, где Шахматов пишет, что препозитивное *и* в таких конструкциях вносит «темпоральное значение... прошедшего совершенного».

С усиливающими элементами.

[Маланья] *А и аспид же он у вас.* [Феона] Аспид, как есть аспид (Остр., Не все коту масл., 2, 1); — *И зол же человек на деньги!* Ох, зол! (Станюк., Человек за бортом, IV); — *И мастерица уж она мыть!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, X); — *Да и худая же у тебя, брат, кошка!* (Чехов, Беспокойный гость); — *И веселый же ты, дьявол* (Фад., Разгром, 3, I).

В начало предложения, непосредственно после частицы, помимо сказуемого может быть вынесено обстоятельственное слово с качественно-характеризующим значением: *хорошо, плохо, ловко* и т. п. В односоставных предложениях в начало предложения выносится соответствующий главный член предложения.

— *И хо-ро-шо, братцы!* Ах, как хорошо! (Станюк., За «Щупленького», I); — Эко, господи, каких лошадей, подумаешь, добудут... *И ловко барышня ездит.* Смела, нечего говорить (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 4, XII).

С усиливающими элементами.

— *И накурено же* у него табачищем в каморке — не продохнешь! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XI); [Игнат] (к Михайле) *И ловок же,* сукин сын. Молодчина (Л. Толст., От ней все качества, 1, 2); — Вся округа его знает. У, *да и проклятый же старик!* (Чехов, Счастье).

В именных односоставных предложениях со значением усиления главный член (имя существительное) называет конкретный предмет как носитель тех или иных непосредственно выявляющихся признаков.

— Ну, порядки. *Да и жара же,* — сказал брандмайор... (Л. Толст., Воскресение, 2, XXXVII); — *Да и грязь же какая!* (Л. Толст., Три смерти, I); — *Да и шапка же у тебя,* братец! Хуже во всем Петербурге не найти... (Чехов, Тоска); *И птица же!* Кроха, а не птица (Троепольск., Прицепщик Терентий Петрович).

То же в двусоставных предложениях со сказуемым — глаголом бытия.

— *Да и конь же был!* Огонь, как есть огонь... (Тург., Конец Чертопханова, V); — Да, я тебе скажу, *и погодка ж была!* (Л. Толст., Бедные люди); — *А и завод же у вас будет,* ай и завод... (Макаренко, ФД-1, 21).

Сюда же примыкают генитивные конструкции, в которых с наличием частицы связано усиление количественного значения.

— *И хлопот же с ним!* (Троепольск., Игнат с балалайкой).

5) Построения с частицей *и*, имеющие значение уступительного противопоставления, существуют только в составе сложной конструкции.

В сказуемом, как всегда, частица находится непосредственно перед знаменательным словом.

— Вот он *и честный*, да что в нем! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXI); — Вот я *и стар*, а компании не порчу... (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IV); Другая *и венчанная жена*, а даже назвать ее не знаешь как... (Мамин-Сиб., Золотая ночь, VII).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— Взял бы пример со своих сменщиков. Они *и помоложе тебя*, и заработок у них пониже, а курят «Беломор» (Д. Остров, Тетя Оля, 2).

В составе предложения — односоставного и двусоставного — частица выносится в начало всего построения или — реже — находится непосредственно перед главным членом односоставного предложения.

И убьешь-то его, так проку от него нет (С.-Щ., Бедный волк); [Василиса] Другая приглянулась? [Пепел] Не твое дело... *И приглянулась* — в свахи тебя не позову (Горький, На дне, II); *И крупный человек Костя*, а стушевался (Троепольск., Прицепщик Терентий Петрович).

Частица *и* может участвовать в построении и не предикативно значимых членов предложения со значением акцентирования и уступительного противопоставления [101].

2. Построения с частицами *будто* (*будто и, будто бы, будто как*), *как будто*, *ровно* (*ровно бы, ровно как, как ровно*), *точно* (*точно как*), *словно* (*словно бы, словно как, как бы словно*), *как бы* [102] обозначают неуверенное предположение, сомнение. Это их основное значение; кроме того, у построений с частицами *будто* (*будто уж, будто и*) и *как будто* выявляется еще значение уверенности в обратном, скрытой под видом неуверенности, внешнего сомнения.

1) Значение неуверенного предположения выявляется как в сказуемом, так и в целом предложении. В составе сказуемого

---

[101] См. богатые материалы, собранные в статье «И» в «Словаре русского языка», т. 9, вып. 1.

[102] В. В. Виноградов считает эти частицы омонимами по отношению к соответствующим сравнительным союзам. См.: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 71. См. также: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 220, стр. 194.

частица находится непосредственно при знаменательном слове — обычно перед ним (но может находиться и после него).

Будто, будто как.

... Услышал, что кто-то *будто плачет* (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — Да моя, — говорит, — Даша честная девушка; ее общество вас оскорблять не может, — а сама *будто*, показалось мне, *как улыбается* (Лесков, Воительница, 3); — Ты б, чудак, сказал ей, может — пожалеет, она *будто добрая* (Горький, Дело Артамоновых, I).

Как будто.

Она видела, что дело, точно, *как будто выгодно*, да только уж слишком новое и небывалое... (Гоголь, М. д., 1, III); Голубые, ясные глаза ее *стали как будто больше, чем прежде*, волосы *как будто гуще*, — все это так казалось от худобы и болезни (Дост., Униженные и оскорбл., 1, XV); Позднее всех явился Ильин. Он был печален, угрюм, и *как будто болен* (Чехов, Несчастье).

Словно, словно бы, словно и, словно будто.

...Он словно потерялся немного, *словно робел* (Тург., Отцы и дети, II); — Ну, он по началу было и вразумился, *словно и посмирнел*... (С.-Щ., Губ. оч., Госпожа Музовкина); — Пристяжная *словно бы худеть стала*. Ты смотри... (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIII); — А ты *словно похудел будто*... (Чехов, На мельнице).

Ровно, ровно как.

— Ну, я на него смотрю, что он *ровно как обеспамятел*... (С.-Щ., Губ. оч., Хрептюгин и его семейство); — А ведь ты, такая-сякая, *помолодела ровно*... Вон какая гладкая стала (Мамин-Сиб., Сестры, IV).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

[Федя] Она *как будто любила меня*. [Петушков] Отчего вы говорите: *как будто?* (Л. Толст., Живой труп, V, 1, I); — Ты *словно как будто и меня боишься*... (Чехов, Беспокойный гость).

В строе предложения — односоставного и двусоставного — частица может находиться непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложения, или при предикативной основе, а также в начале предложения.

[Миловидов] (Подойдя к двери, которая в избу). *Точно как здесь?* Да, здесь и есть (Остр., На бойком месте, III, 5); — Он и подошел к нам. Посидел, посидел. *Словно бы*, говорит, *мне скучно* (Горбунов, Громом убило); [Лукич] Спросить — *словно бы как совестно*, а самим им не в догад

(Горбунов, Утро холостого человека, IV); ...Он начинал читать молитвы, какие знал: «Богородицу», «Вотче», и сначала *как будто помогало* (Л. Толст., Фальшивый купон, 2, II); *Точно как будто на улице шум?* (Мамин-Сиб., Хлеб, Эпилог, III); ...И чудится ему, что-то еще слышно: *будто где-то железо о железо позвякивает* (Гаршин, Сигнал); — Смородину собирала, к матери зашла. — Ну, что же она? — *Ничего будто...* (Горький, Дело Артамоновых, I); — Да, с чего они живут? Пенсия? Хата своя. *Сад, как будто.* (Макаренко, Кн. для родителей, 5); — ...Шибко мол, раненый парень был, а теперь *будто и ничего...* (Фад., Разгром, 2, IV); — Ты чья же, девушка, будешь? *Ровно не из нашего конца* (Бажов, Кошачьи уши).

2) Построения с частицами *будто* (*будто уж, будто и*) и *как будто* могут обозначать уверенность в обратном, скрытую под видом неуверенности, внешнего сомнения. Это значение выявляется как в сказуемом, так и в предложении. О нем писал К. С. Аксаков: «Значение *будто*, значение сомнения, виднее в вопросительном предложении; „*Будто* это он?“ „*Будто* вы примете сторону этого господина?“ — или в вопросительно-восклицательном, где является не только сомнение, но и отрицание того, что выражается при слове *будто*. Напр., „*Будто* я соглашусь на это!“ „*Будто* мы тебя оставим!“»[103]. Отметим, что для современного языка вопросительность здесь не является обязательной.

— А ты почему это знаешь, что я плакала? — Да я ж *будто не слышал?* (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9); — Она красавица, — уверяла Прасковья Ивановна. — Говорят. — А вы *будто уж и не замечали ничего?* (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, X).

[Первый комический актер] ...Дайте же, наконец, уж и мне сказать слово. Что ж в самом деле, *как будто я живу только для скоморошничества?* (Гоголь, Развязка «Ревизора»); — ...Я надеюсь, что ты не думаешь расстаться со мной... — *Будто это так огорчит тебя?* (Тург., Отцы и дети, XXV); — Тебя Александра Васильевна научила? — *Будто я уж сам и не могу додуматься до такой простой вещи* (Мамин-Сиб., Сестры, V).

Эти построения восходят к риторическим вопросам, «возбуждающим только слушателя подумать о содержании его и решенным самим говорящим в отрицательном смысле»[104].

---

[103] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 630.
[104] А. В. Добиаш. Опыт симасиологии частей речи..., стр. 462.

Части́цы *будто, как будто, словно, ровно, как бы, точно* могут участвовать в формировании и не предикативно значимых единиц, например: — Послушай-ка! Не пахнет ли здесь *как будто дымом*? (Гонч., Иван Савич Поджабрин); Лица некоторых из них выражали *как бы* удивление (Горбунов, Из деревни, V).

3. С частицей *разве*[105] (*разве что, разве уж, разве если*) формируются построения со значением предположения или допущения.

В составе сказуемого частица находится непосредственно перед знаменательным словом.

[Доброзраков] ...Ведь вы тогда только-только *разве не в мужиках были!* (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, VII).

Частица может оформлять группу членов, относящихся к сказуемому.

— После шести и семи часов департаментских сидений, возвратившись домой, вы *разве годны будете только на то*, чтоб отправиться в театр... (Писемк., Тысяча душ, 2, VI).

В двусоставном предложении частица *разве* (*разве уж, разве что*) стоит в его начале.

— Рассказать-то мудрено, поворотов много; *разве я тебе дам девчонку*, чтобы проводила (Гоголь, М. д., 1, III); [Подколесин] ...А надворный советник тот же полковник, *только разве что мундир без эполет* (Гоголь, Женитьба, 1, III); [Купавина] Чудо, как ты мила. *Уж разве он каменный*, а то как бы, кажется... (Остр., Волки и овцы, 2, 10); [Лоскутков] ...И уж из благородных людей к нашему брату — почти никого... *разве отставная кухарка к тебе с Песков какая-нибудь забежит*... (Некр., Петерб. ростовщик, II); — От старинки-то как есть ничего не осталось. Да и люди совсем другие пошли. *Разе где старички еще держатся* (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, I).

В односоставном предложении частица может находиться в начале предложения, в конце его или непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложения.

— Он не придет сегодня: *разве к ночи* (Гонч., Слуги старого века, III); [Мальчик] ...Ключ от шкапа куда-то затерялся. *Сходить разве:* не у Татьяны ли? (Некр., Осенняя скука); — Нет, Капитон Тимофеич, не останусь... а лекарствицо *разве пропишите* (Тург., Смерть); — ...Да

---

[105] Эта частица может звучать, как *раз'е;* ср. в записях сказок: Говорит баба: «*Разе сходишь, со стариком в карты поиграшь?*» (Онч., 63).

обвинить-то его за этот дурной поступок пожалуй нельзя будет, а *разве что пожалеть* (Дост., Униженные и оскорбл., 1, VIII); — И в комнате, наверно, на аршин грязи. *Уж пожалеть разве тебя*, помыть полы? (А. Рыбаков, Водители, 1, 4); — Пойдем, Никита, по колхозу, и я тебе не сто, а двести гектаров такой земли найду! — *Ну, разве что пустыри...* (В. Овечкин, День тракториста) [106].

Частица *разве* может оформлять и не предикативно значимые члены предложения, например: [Стыров] Как хотите, а к такому средству можно прибегать *разве уж в последней крайности*. (Остр., Невольницы, 1, 2); Этот человек не представлял ничего особенного, *кроме разве какой-то добродушной болтливости*. (Гаршин, Происшествие, 1).

ПОСТРОЕНИЯ С ЧАСТИЦАМИ, НЕ СООТНОСИТЕЛЬНЫМИ С ДРУГИМИ КЛАССАМИ СЛОВ

Широк круг построений, в образовании которых участвуют частицы, не соотносительные с другими классами слов или утратившие такую соотносительность. Таковы частицы *больше, ведь, вроде, даже, еще, же, ин, и то, ка, как есть, лишь, лишь только, на что, не то что* (*не то чтоб*), *ну, ну уж, оно, сем, таки, то, то-то* (*вот то-то*), *только* (*только что*), *только* (*не*), *только и, уж, хоть, что ль, что ни на есть* (*что ни есть*). Почти все эти частицы, как и частицы других групп, легко сочетаются с усиливающими элементами, в результате чего формируются легко расчленяющиеся составные частицы (например, *ну и, ну да и, ну уж и, вроде и, вроде бы, вроде как бы* и т. п.). Как видно уже из простого перечня, частицы эти неоднородны: в одних без специального этимологического анализа не может быть установлено никаких связей с другими классами слов, в других эти связи легко восстанавливаются; но общим для всех перечисленных частиц является то, что, функционируя в предложении, они не обнаруживают живых функционально-смысловых связей с другими классами слов.

Некоторые из перечисленных частиц участвуют в формировании только сказуемого или предложения в целом, другие формируют как предикативно значимые, так и не предикативно значимые единицы.

---

[106] Примеры см. также в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 742.

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц

В построении только предикативно значимых единиц — сказуемых и целых предложений — участвуют частицы *ну* (с усиливающими элементами — *ну... же, ну и, ну и... же, ну да и, ну да и... же, ну уж, ну уж и, ну уж и... же* и, с другой стороны, *а ну, ну-ка, а ну-ка, ну да, ну-ка да*), *ну уж, уж* (*а уж, да уж, ну уж, ну да уж, уж и, да уж и, уж... же, уж и... же, уж... то*), *еще, то-то, (вот то-то, то-то и, вот то-то и), ведь (ведь... же), оно, только и, на что (на что уж, уж на что), ин, сем (сем-ка), ка, больше, что ли (что ль).*

1. Предложения, строящиеся с частицей *ну*, несут в себе два различных круга значений: 1) значение оценки и 2) значение опасения, неуверенного предположения нежелательного.

1) В предложениях типа *Ну люди! Ну хозяйство! Ну и злюка! Ну и наломала гроза веток! Ну и парень же ты! Ну уж и жизнь... Ну народец! Ну уж мошенник! Ну уж и напугал ты меня! Ну и горе мне с ним! Ну уж и стужа же на дворе!* частица *ну* (одна или с усиливающим элементом) выступает как строго закрепленный конструктивный элемент всего построения: она всегда начинает собою предложение и интонационно не отделяется от последующего слова. Это чаще предложения односоставные именные, реже — односоставные глагольные или двусоставные. Во всех них выявляется общее и недифференцированное значение удивления и оценки; но значение это варьируется в зависимости от лексического состава предложения. Здесь выделяются две основные группы построений.

а) Предложения, в которых значение оценки не поддержано соответствующим лексическим значением конструирующих предложение слов. Здесь самим предложением показано лишь удивление, а оценка, то или иное отношение выясняется из всей обстановки речи или из широкого контекста.

Односоставные именные и глагольные предложения[107].

[Графиня-внучка] *Ну, бал! Ну, Фамусов!* Умел гостей назвать! (Гриб., Горе от ума, 4, 1); — Вот я смолоду одного архиерейского певчего знал — так он эту же самую песню пел... *Ну, пел!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIII); — *Ну, сено!* Чай настоящий! (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, XI); [Авдотья Назаровна] Шутка ли, с пяти часов сижу,

[107] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 38 и 50, стр. 54 и 63

а она хоть бы ржавою селедкой попотчевала... *Ну, дом!.. Ну, хозяйство!..* (Чехов, Иванов, 2, IX).

В двусоставных предложениях непосредственно за частицей следует сказуемое [108].

— *Ну и сказал ты словечко,* мил-человек... (Мамин-Сиб., Озорник, V); — *Ну и наломала гроза хворосту!* — подумал он... (Пауст., Повесть о лесах, Овраги).

Широко распространены предложения, в которых частица *ну* осложнена усиливающими элементами: *ну и* [109], *ну и... же, ну да и, ну да и... же, ну уж, ну уж и.*

— *Ну, и получили же от вас бумагу!* Ах ты, господи! Есть же ведь люди — как пишут! (Гонч., Иван Савич Поджабрин); [Глеб] *Ну, уж дом!* Попал я на местечко! (Остр., Правда хорошо..., 3, 6); — *Ну, и видала же она виды* (Тург., Отцы и дети, XVI); — *Ну, да и ба-а-ба же,* я тебе доложу! — Получил векселя? Крюков махнул рукой и опять захохотал. — *Ну, да и баба!* — продолжал он. — Мерси, братец, за знакомство! Это чёрт в юбке (Чехов, Тина, II); — *Ну ж и одежи на вас,* барчук... (Станюк., Нянька, V); [Алеша] (натягивая на круглую голову Володи парик) *Ну, и башка у тебя!* (Макаренко, Командировка, 26); — *Ну и была ж свинья* — прямо лев! (Пауст., Последний чёрт); — *Ну и память же у тебя!..* (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, X); — *Ну и Евсеич!* Уморил, ей-богу, уморил! (Троепольск., Никишка Болтушок); — *Ну и сложение у тебя,* брат! (А. Рыбаков, Водители, 2, 20).

б) Предложения, в которых значение оценки поддержано лексическим значением конструирующих предложение слов. В отличие от предложений предшествующей группы, отрицательная или положительная оценка выявляется здесь непосредственно в самом предложении, модальное значение которого можно определить как акцентированную оценку в сочетании с удивлением, вызываемым тем или иным качеством или характером проявления признака. В таких предложениях в качестве главного члена (в односоставных предложениях), сказуемого или элемента предикативной основы (в предложениях двусоставных) выступают качественные прилагательные (*Ну и сердитый! Ну и народ же суматошный!*), существительные с качественно-характеризующим значением (сюда же могут быть

[108] Этому правилу не подчиняются предложения с глаголом бытия: здесь за частицей может следовать подлежащее: Ваня отдыхал, опершись на ель. *Ну и дерево это было!* (Л. Славин, Морозный день, 4).

[109] Здесь употребительны предложения с главным членом — именем собственным.

отнесены существительные с соответствующими словообразовательными показателями: *народец, погодка, денек* и т. п.) (*Ну чудак! Ну и денек же нынче выдался! Ну уж и лентяй*), глаголы или краткие прилагательные, называющие действие или признак, способные проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (*Ну и напугал! Ну и костил же он тебя вчера на собрании! Ну уж и рады же мы!*). Кроме того, здесь выделяются предложения, в которых усиление падает на обстоятельственное слово с качественно-характеризующим значением (*Ну и здорово работают!*).

С частицей *ну* без усиливающих элементов.

— Красавица, краля-то моя, — сказала из-за двери вошедшая няня. — А Сонюшка-то, *ну, красавицы!* .. (Л. Толст., Война и мир, II, 3, XIV); Он жадно выпил несколько больших глотков из моей кубышки. — Благодарю. Легче стало. *Ну, денек!* (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова, III); — Меня-то как? А за что? *Ну, сердитые!* (Г. Радов, Петр Егорыч, 5).

С усиливающими элементами.

[Скалозуб] Поводья затянул, *ну жалкий же ездок* (Гриб., Горе от ума, 2, 7); — *Ну, уж и рада же я*, что увидала вас! (Тург., Живые мощи); — ... *Ну, да и молодец же ты!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII); — *Ну, уж ночка!* Страх! (Л. Толст., Бедные люди); [Михайла] *Ну и чудак же*, посмотрю на тебя (Л. Толст., От ней все качества, 1, 2); — *Ну уж и времечко!* (Решетн., Подлиповцы, 2, I); [Барон] *Ну и глупа же эта девица*... добрая, но... глупа — нестерпимо! (Горький, На дне, III); — А хлопцы тут есть ничего. *Только воспитателей своих, ну, и не любят же!* (Макаренко, Пед. поэма, 3, 2); [Шибаев] Упустили, *ну и раззява я!* .. (Вс. Вишневск., Незабываемый 1919-й, 3, 8); — *Ну, и насмешил, хозяин*... (Фад., Разгром, 3, I); — *Ну и дала бы ты звону парням в обновках-то!* (Б. Зубавин, Начало); — *Ну и ловкач! Ну и мошенник!* За этим смотри да смотри! (Троепольск., Прохор семнадцатый... 3); — *Ну и зверь же ты на работу, Иван!* (Панова, Спутники, 2, 8).

2) В предложениях типа *Ну услышит кто-нибудь? А ну опоздаем? Ну-ка да я не справлюсь... А ну как дождь?*, образованных с участием частицы *ну* — одной или в сочетании с усиливающими элементами (*а ну, ну-ка, а ну-ка, ну да, ну-ка да, ну как, а ну как*), — выражается значение опасения, неуверенного предположения нежелательного. Это обычно предложения глагольные односоставные или двусоставные, реже — именные

односоставные. Частица всегда начинает собою предложение и интонационно не отделяется от следующего за ней слова.

[Хлестова] *Ну, как с безумных глаз затеет драться он, потребует к разделке!* (Гриб., Горе от ума, 3, 22); [Антрыгина] (сопротивляясь) Что вы! Что вы! *Ну войдет кто-нибудь.* Какой неосторожный! (Остр., Свои собаки грызутся... 2, 7); [Мирон] Как же я тут стану убирать? *А ну, сдвинешь, переложишь али пошевелишь что!* (Остр., Невольницы, 3, 2); — ...И стало мне страшно: *ну-ко да выгонят отсюда,* — что тогда? (Гл. Усп., Разоренье, I, 2); *А ну-ка да скажет высшее начальство*: «разложение» или что-нибудь вроде того? (Троепольск., Прохор семнадцатый...); *Ну́ как ливень застанет их в поле, в этих проклятых Адамовских оврагах?* (Пауст., Повесть о лесах, Старая яблоня).

2. Сложная частица *ну уж* участвует в образовании предложений со значением неодобрения или недовольства. Эта частица всегда начинает собою предложение; компоненты ее произносятся слитно, ударным является первый из них; вся частица целиком обычно не отделяется в произношении от следующего за ней слова. Здесь наблюдается следующая закономерность: слитное произнесение является почти обязательным, если следующее за частицей слово — либо а) личное местоимение, выступающее как главный член предложения (*Ну уж ты, забияка!*), либо б) глагол, в данном контексте выражающий сомнение, недоверие, возражение.

а) [Городничий] *Ну, уж вы, женщины.* Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтюрлютки! (Гоголь, Ревизор, 3, IX); — *Ну, уж ты,* я тебя знаю, ты шпилька! (Гоголь, Нос, 3).

б) [Копров] ... Я люблю ее больше, чем вы. [Евгения] *Ну, уж сомневаюсь* (Остр., Трудовой хлеб, 3, 7); [Иван Петрович] Аристократы! Я аристократ духа. А это выше. [Молодой адвокат] *Ну уж извините* (Л. Толст., Живой труп, VI, 2, IV); — А ты — какой человек? — Так себе. Никакой. — *Ну, уж врешь!* Всякий человек — какой-нибудь, я ведь знаю (Горький, «Страсти-мордасти»).

Там, где отмеченных лексических факторов нет, возможно интонационное отделение частицы от последующей части предложения; однако и здесь такого отделения обычно не бывает.

— *Ну, уж как папа́ хочет,* — пробормотал я сам себе, садясь в дрожки: — а моя нога больше не будет здесь никогда... (Л. Толст., Юность, XX); — Замучили меня эти визиты, — сказала она. — *Ну, уж ее последнюю приму.*

Чопорна очень. Проси, — сказала она лакею грустным голосом, как будто говорила: «*Ну, уж добивайте!*» (Л. Толст., Война и мир, I, 1, X); — Там ведь, в вашем-то Петербурге или в Москве, все бедовый народ живет. — *Ну уж, пошел...*, — с неудовольствием заметила матушка (Мамин-Сиб., В худых душах, III).

3. Частица *уж* участвует в образовании как сказуемых, так и предложений. Построения с *уж* имеют следующие значения: 1) акцентирования, 2) усиления признака, 3) оценки и 4) опасения.

1) Значение акцентирования выявляется как в сказуемом, так и в целом предложении. В составе сказуемого частица обычно стоит перед знаменательным словом — глаголом.

— Чертопхановы чего захотят — *уж добьются!* (Тург., Конец Чертопханова, X); — Ты *уж потрудись*, пособи мне (Л. Толст., Фальшивый купон, 2, VIII).

Оформляя целое односоставное предложение, частица чаще всего находится в его начале.

[Фекла] *Уж лучше нельзя выбрать никого. Уж тот, неча сказать, барин так барин...* (Гоголь, Женитьба, 1, XIII); — Пять суток просижу, а *уж дождусь!* (Гл. Усп., Разоренье, X, 1); — Дубова взвод пойдет с обозом... *Уж больно прыткий...* (Фад., Разгром, 1, IX).

Частица может находиться не только в начале, но и внутри односоставного предложения — непосредственно при знаменательном слове, формирующем главный член предложения.

[Абрам Васильич] С малых лет в вашем доме... *старался уж* кажется... душу свою положил (Горбунов, Самодур, 1, VI); — Только плакать-то *уж незачем.* Настоящая девочка! (Л. Толст., Детство, XXIV).

Здесь особенно употребительны односоставные нераспространенные предложения со словами *нет, да.*

— *Нет уж*, товарищ лейтенант, как хотите, а к Петляеву я на поклон не пойду (Соболев, Зеленый луч, 8); — Хорошие участки разобрали, а тебе вон за сельсоветом сулят нарéзать. — *Да уж*, место! — задумчиво протянул дед (Серг. Антонов, Дедушка).

В двусоставных предложениях частица находится в начале предложения или непосредственно при его предикативной основе.

— Новую шинель *уж я вам сошью на славу*, уж на этом постоим (Гоголь, Шинель); — ... Я виновата... *уж вы меня простите*, мой голубчик... (Л. Толст., Детство, XIII); — Ты — добрый. — Может быть. — *Уж я вижу!* Ты — робкий

тоже. — Почему робкий? — *Уж я знаю!* (Горький, «Страстимордасти»).

Частица *уж* в построениях со значением акцентирования легко сочетается с усиливающими элементами: *да уж, уж и, да уж и* (последние часто — в сочетании с личными формами глаголов мысли, речи, восприятия).

[Лукич] Будить надо, а как будить?.. Я *уж и не знаю* (Горбунов, Утро холостого человека, IV); — Она и в школе была болтушкой... Учителя *уж и не знали*, с кем ее сажать (В. Лукашевич, Хозяйка, 2).

— Пустите, пожалуйста, я ничего! — умолял слабый мужской голос. — *Да уж не пущу без позволения мадамы*, — говорила женщина... (Л. Толст., Альберт, I); — Где же это, Сенечка? — *Да уж я знаю*... Извозчик! — закричал он (Гаршин, Надежда Николаевна, IV).

На все наши уговоры бабка упрямо отвечала: — *Да уж и не знаю*, как быть... (Пауст., Кордон «273»); — Ладно, ладно, не буду. Он опять рассмеялся. — *Нельзя уж и подразнить* (В. Некр., В родн. городе, 2, 12).

2) Значение усиления в построениях с частицей *уж* выявляется там, где в состав предикативной единицы входит слово с качественно-характеризующим значением, глагол или имя, обозначающие признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности, наречие со значением меры, степени или местоименное слово *такой, какой, так, как*. Частица находится: а) в начале предложения или б) непосредственно при слове, относящемся к одному из перечисленных разрядов.

а) [Зыбкина] А мы вот бьемся, так бьемся деньгами-то... *Уж как нужны, как нужны!* (Остр., Правда хорошо..., 2, 4); [Коко Клинген] Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. *Уж так глуп*, вот уж истинно шалопай! (Л. Толст., Плоды просвещ., IV, 5).

б) [Фекла]... Каменный дом в Московской части, о двух елтажах, *уж такой прибыточный*, что истинно удовольствие (Гоголь, Женитьба, 1, VIII); *И как уж я ее тут-то ругала!* Как страшно я ее с сердцов ругала, что ты не поверишь (Лесков, Воительница, 3); — ... И чтоб иметь только понятие о зодчестве, надобно ехать в Петербург — это невозможно!.. *Страна чересчур уж малообильная изящными искусствами* ... *Слишком уж!* (Писемск., Тысяча душ, 3, VIII); — *Очень уж ты спокоен*. Флегматик ты! (В. Овечкин, На переднем крае, 2).

С усиливающими элементами: *уж... же, а уж, уж и, уж и... же, да уж и, уж... то.*

[Кочкарев] А Подколесина нет как нет. Экий мерзавец! *Уж я ж вымещу на нем* (Гоголь, Женитьба, 2, IX); [Пролетов] А я бы тебя погладил, мазнул бы тебя по губам. *Да уж и губы зато какие!* Как у вола, у канальи (Гоголь, Тяжба, II); [Буден] (взглянув в окно). *Уж и туча же, братцы, какая лютая заходит!* Беспременно гроза будет (Горбунов, Постоялый двор, III); — Что же, ты рад? — Как не рад! *Уж так-то рад,* матушка! (Л. Толст., Поликушка, XIII); — *А уж сражались* — будто нас и убить невозможно (Павленко, Неопубликованный рассказ).

3) В предложениях типа: *Уж и конь! Уж и придумал! Уж ты и скажешь!* выражается значение оценки. Это чаще всего предложения односоставные именные, реже — глагольные или двусоставные. Частица начинает собою предложение; обычно она выступает в сочетании с усиливающими элементами: *уж ...то, уж и, уж и... же, уж ...же.*

— *Уж и медведище же был!* ... (Горбунов, Из деревни, II); — *Уж и трава нынче уродилась* — из годов вон! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVIII); — *Уж и конь!* Кабардинский лов-тавро (Л. Толст., Казаки, XXVII); — *Уж и нашел себе поверенного,* нечего сказать!.. (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 2, VIII); — Глазом не моргнешь, как все кончится. *А уж бабка-то я, повитуха-то!* (Федин, Анна Тимофевна, 2).

Среди односоставных именных предложений с *уж* и *уж и* со значением оценки выделяются два вида построений, в которых частица и имя синтаксически нерасчленимы. Это, во-первых, всегда нераспространенные предложения с личным местоимением, имеющие значение упрека, порицания, неодобрения.

[Городничий] *Уж и вы!* Не нашли другого места упасть! (Гоголь, Ревизор, 2, X).

Во-вторых, это предложения, обязательным компонентом которых является согласующееся с именем местоимение *этот* [110]; такие предложения обозначают отрицательную оценку, неодобрительное отношение.

---

[110] Специального исследования заслуживает вопрос об участии местоимения *этот* в формировании построений со значением неодобрения, отрицательной оценки. Ср. построения с междометиями (*Ох эти барыни!* и под.). Ср. еще: — Не люблю я почему-то Харькова, — сказала она, рассеянно смотря на подходящий к перрону поезд. — Неуютный он какой-то, скучный. *И площадь эта с Госпромом.* Пустырь, а не площадь (В. Некр., В родн. городе, 2, 17).

[Корпелов] *Уж этот херес!* Враг он мне... (Остр., Трудовой хлеб, 3, 4); [Петр] *Уж эти работники!* Был бы здоров, ни в жисть бы не стал держать (Л. Толст., Власть тьмы, 1, I).

Конструктивным элементом таких предложений может быть форма дательного падежа *мне*.

— ...И как-то даже тошно делается, когда с неделю приходится проболтаться в городе. *Уж этот мне ваш город* (Мамин-Сиб., Золотая ночь, I); — *Уж этот мне старичонка!* — рычал писарь, вспоминая нанесенный бродягой конфуз (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IX).

4) Опасение, предположение неприятного, нежелательного обозначают вопросительные предложения с частицей *уж*, начинающей собою предложение, с обязательным отрицанием в составе предложения и с частицей *ли* (*Уж не гроза ли? Уж не инкогнито-ли он?*).

Двусоставные предложения.

— *Уж не сочиняешь ли ты?* (Гонч., Слуги старого века, I); [Домна Пантелевна] Князь уехал? *Уж не рассердился ли он?* (Остр., Таланты и покл., 1, VI); — *Уж не подыскал ли ты себе сам невесты?* (Станюк., Матроска, IV).

Односоставные предложения.

[Кочкарев] Это что значит? *Уж не женихи ли?* (Гоголь, Женитьба, 1, XVII); — *Уж не пожар ли?* (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — *Уж не несчастье ли какое у нас дома?* (Тург., Отцы и дети, XXV).

Редко, но возможно словоразмещение, при котором на первом месте стоит отрицание, а *уж* заключает собою все построение.

— Разносчик, что ли? Ах! *Не нищий ли уж?* (Гонч., Иван Савич Поджабрин); [Аполлинария Панфиловна] Он хотел нынче к вам заехать... *Не за этим ли делом уж?* (Остр., Сердце не камень, 4, 2).

4. Многозначны построения с частицей *еще*[111]. Здесь вы-

[111] Есть исследования, специально посвященные функционированию этой частицы; таковы статьи: Н. М. Мешковская. Усилительная частица *еще*. «Русский язык в школе», 1951, № 5; А. А. Остроумов. Наречие *еще* и его безударный двойник. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. VI. М., 1954. Автор первой статьи рассматривает частицу *еще* с точки зрения того, при каком слове она непосредственно находится: соответственно отыскиваются те или иные значения в самой частице; такой метод исследования вряд ли может быть признан удачным. Кроме того, в статье нет необходимого разграничения *еще* — частицы и *еще* — наречия. В то же время наблюдения над отдельными случаями употребления частицы представляют в статье Н. М. Мешковской

являются конструкции со следующими значениями: 1) припоминания, отнесения к известному, 2) опасения, 3) несоответствия, 4) осуждения, недовольства, сомнения, 5) допущения, 6) акцентирования и 7) усиления.

1) В предложениях со значением припоминания, отнесения к известному частица обычно находится в начале предложения; в составе сказуемого она стоит непосредственно при знаменательном слове. Построения с этим значением — обычно глагольные; глагол, как правило, стоит в форме прошедшего времени.

— А мы уж тебя утонувшим записали... Много тут спрашивали... Я *ищо пожалел*, потому как в цвете лет и, можно сказать, без покаяния... (Мамин-Сиб., Башка, V).

[Галчиха] Гриша! Да, да, помню... [Кручинина] *Еще он тогда захворал;* захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер (Остр., Без вины виноватые, 2, 6); — А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь? Она сюда вниз ходила. *Еще тебе рубаху чинила* (Дост., Прест. и наказание, 2, IV); — Дашутка-то его признала. Бывший великановский Сережка-фалетур... помните, *еще старосту ихнего убить грозился* (С.-Щ., Пошехонск. старина, IV).

Для предложения положение частицы в начале всей конструкции не является строго обязательным; частица может находиться в середине предложения, тяготея, однако, к предикативной основе предложения или к его главному члену.

[Марья Александровна] ... Не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны. [Собачкин] Боже мой! *Он еще жил недалеко от Куропаткина* [Гоголь, Отрывок (Сцены из светской жизни), II]; — Сейчас, как выедешь, кустики, *насупротив кустиков еще вешка большая, дубовая, кудрявая стоит,* — тут и есть (Л. Толст., Хозяин и работник, III); — Скажите, у вас работает такой Устинов, Егор Устинов? *Вот его фотография еще недавно в «Огоньке» была* (Б. Полевой, Любовь).

2) Те же правила местоположения частицы выявляются и в глагольных построениях с общим значением опасения. Глагол здесь всегда имеет форму будущего времени.

В составе сказуемого частица находится непосредственно при знаменательном слове.

...Приедет он, да, пожалуй, *еще нагрубит* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); — Они же, охламоны, *подговорят*

определенный интерес. В работе А. А. Остроумова ценна попытка установить конкретные условия употребления частицы *еще*, ее типические лексико-грамматические связи. Но несомненно ошибочно стремление каждый раз отыскивать в самой частице особое лексическое значение.

еще какого мальчонку: иди мол, обгони дядьку Орлова (Павленко, Идут дожди).

В односоставных предложениях частица может находиться в начале предложения, в середине — при его главном члене или в конце предложения.

[Лотохин] Выскочит замуж вот за этакого проходимца, — разоренье-то разореньем, *да кого еще в родню-то введет!* (Остр., Красавец-мужчина, 1, 2); — Беги бегом, дура, согреешься на ходу! .. *А то как раз замерзнешь еще...* (Мамин-Сиб., Золото, 3, IV); Чорт знает! *Еще подумает*, что я подсматривал... *еще взбредет ей*, что я интересуюсь... (Шолохов, Подн. целина, 1, 13); Сначала Валентин боялся брать дочку на руки: *еще повредишь чего-нибудь!* (В. Лукашевич, Хозяйка, 1).

В двусоставных предложениях частица обычно находится в начале предложения, но может находиться и в середине предложения, непосредственно при его предикативной основе.

[Ихарев] *Еще выйдет история*, если этот чорт вздумает застрелиться (Гоголь, Игроки, XVII); Впечатление, произведенное этим известием, было различно, но вообще не совсем приятно. «*Еще на смех подымет этот мальчишка*», — было мнение старух и мужчин (Л. Толст., Два гусара, IV); — Позвони к себе домой из конторы, что задержимся тут. *А то еще жена подумает*, что метелью нас где-то занесло (В. Овечкин, На переднем крае, 2).

Для частицы *еще* в предложениях со значением опасения характерно сочетание (не обязательно непосредственное) со словами *пожалуй, чего доброго, смотри* (в предположительном значении).

— ... В этом разбойничьем доме я и дня не проживу... *Еще убьют, чего доброго!* (Гонч., Слуги старого века, I); — Беда, *еще убьют, пожалуй!* — думает лоцман. (Решетн., Подлиповцы, 2, IX).

3) В ряде построений — предложений и сказуемых с частицей *еще* — выявляется значение несоответствия признака обнаруживаемого и такого, какой должен быть характерен для называемого. Это в основном предложения односоставные именные, реже — глагольные.

В именных предложениях — как правило нераспространенных — частица может находиться в начале предложения и в конце его (реже). В первом случае частице обычно предшествует союз *а*: несоответствие утверждается путем противопоставления.

— Я тебя лошадкой, живой тварью, ссужал, а ты на-ка! веревки жадничаешь. Не удавлюсь на твоем мочале, дурак — *сусед еще!* (Писемск., Тысяча душ, 3, I); [Барон] Проиграл два двугривенных, а шум делаешь на трешницу... *еще князь!* (Горький, На дне, II); — Разве так можно обращаться с девушкой? *А еще рабочий класс!* Просите прощения (Макаренко, Кн. для родителей, 8); — Который год служишь, а гардемарина от матроса отличить не можешь? Шляпа! *А еще боцман!* (Соболев, Капит. ремонт, 3).

В начале предложения частица может выступать в осложненном виде: *еще и*.

[Арина Пантелеймоновна] Я мужичка, да не сделаю этого. *А еще и дворянин!* (Гоголь, Женитьба, 2, XXV); [Городничий] Эк куда хватил! *Еще и умный человек*. В уездном городе измена! (Гоголь, Ревизор, 1, I).

В предложениях, главный член которых выражен сочетанием глагола и имени, выявляется лексическое ограничение со стороны глагола: он обозначает называние в широком смысле этого термина (*называться, зваться, считаться* и под.).

— Неужели вы ничего не слыхали? .. *А еще считаетесь образцовым чиновником* (С.-Щ., Губ. оч., Дорога); — Тоже! — думал он. — *Еще учительница называется*... За четыре километра по грязи притащилась — ябедничать! (Л. Пантелеев, Индиан Чубатый).

В собственно глагольных предложениях частица находится в начале предложения или в конце его; те же правила расположения частицы действуют при построении глагольного сказуемого.

— Знать ты к Дюссо-то и показаться не смеешь; *а еще приглашает!* (Дост., Униженные и оскорбл., 2, VII); — Нахалы... — подумал он. — Оскорбили, оплевали *и еще лезут!* И это люди! (Чехов, Первый дебют); — Что это ты так поздно? — набросился Бакланов. — *А говоришь еще:* «Мы-ы... шах-те-еры...» (Фад., Разгром, 1, IX).

[Аксюша] Отчего же мне расчувствоваться? [Гурмыжская] Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она *еще спрашивает!* (Остр., Лес, 1, 7); — Славно, славно! — говорил Петр Михайлыч. — И вы, Яков Васильич, *еще жаловались* на вашу судьбу! (Писемск., Тысяча душ, 1, IX).

4) В построениях с частицей *еще* могут выражаться разнообразные оттенки недовольства, осуждения, недоверия, сомнения (ср. построения с *вот еще*, стр. 120).

[Иван Прохоров] Вся ваша воля хозяйская, только жениться по нынешним временам... [Данила Григорьич] Ну да, вот ты *еще разговаривать будешь!* (Горбунов, Самодур.

3, VI); — Страшные деньги, сколько зла они делают! — сказала она. — Это Дутлов, сударыня. Прикажете ему идти или изволите выйти к нему? *Целы ли еще деньги-то?* — спросила Дуняша (Л. Толст., Поликушка, XIII).

Глагольные односоставные предложения с частицей, начинающей собою все построение или находящейся внутри предложения при знаменательном слове, формирующем главный член предложения, так же, как и глагольные сказуемые, имеют значение осуждаемого признака.

[Паратов] Кому он может нравиться! *А еще разговаривает*, гусь лапчатый (Остр., Бесприданница, 2, XI); — Какой мудрец-философ выискался, дурак набитый! *Смеет еще рассуждать*, — говорит исправница (Писемск., Тысяча душ, 1, II); Лакей ушел, ворча что-то себе под нос. — Вот скотина, *еще разговаривает!* (Гаршин, Встреча).

В предложениях, главный член которых выражен глаголом в форме повелительного наклонения, частица следует за глаголом; обычно это глагол речи. Значение таких построений — недовольство и угроза.

— *Покричи еще у меня;* удавлю каналью! (Писемск., Тысяча душ, 2, VIII); — *Разговаривай еще!* — прикрикнула на него Нюра (А. Рыбаков, Водители, 3, 27).

Значения угозы здесь может и не быть: такие предложения могут обозначать вообще несогласие, неодобрение, недовольство, недоверие.

[Капитолина] Да с чего ты взял? Сестра здорова. [Барбарисов] *Поспорь еще!* Я у докторов-то спрашивал (Остр., Не от мира сего, 2, 2); — Будь здоров. Мать не пугай. — *Учи меня еще* (Макаренко, Честь, 1, 25).

В вопросительных предложениях с частицей *еще*, включающих в свой состав местоимения *кто, какой*, наречия *зачем, куда* и под., выражается недовольство и раздражение, досада. Частица обычно тяготеет к местоименному слову.

— Иволгин приехал... — *Какой еще тут Иволгин?* (Писемск., Тысяча душ, 3, V); — ... Я решил жениться на вас... — *Это еще зачем понадобилось?* (Л. Толст., Воскресение, 1, XLVIII); В дверь постучался кто-то. «*Кой чёрт еще там*», — подумал он и крикнул: — *Кто там еще?* (Л. Толст., Фальшивый купон, 1, I).

5) Только в составе предложения выявляется значение согласия, допущения чего-либо по отношению к называемому; частица обычно находится в начале предложения.

[Агафья Тихоновна] Право, такое затруднение — выбор! *Если бы еще один, два человека*, а то четыре... (Гоголь,

Женитьба, 2, I); — Я понимаю, *еще дворянчики*, или там кадровые, тем, конечно, иначе и не приходится, но какого чорта прапорщики эти лезут (Макаренко, Честь, 1, 22).

6) Широко распространены построения с частицей *еще* с общим значением акцентирования, подчеркнутого выделения. В составе сказуемого частица здесь всегда находится непосредственно при знаменательном слове; чаще она оформляет группу членов, связанных со сказуемым.

— Я, кажется, человек и честный и не то чтобы совсем глупый — напротив, добрые люди *еще «головой» зовут*, — а ни за что-таки приняться не могу (С.-Щ., Губ. оч., Лузгин).

В акцентированных предложениях частица чаще начинает собою все построение, но такое словорасположение не является строго обязательным.

[Городничий] Сейчас! (Вынимает из бумажника). *Еще как нарочно самыми новенькими бумажками* (Гоголь, Ревизор, 4, XVI); — А дома у вас разве нет елки? — Какая елка! У нас и хлеба, поди, нет... *Чем еще разговеемся завтра!* (С.-Щ., Губ. оч., Елка).

7) Значение усиления в предложениях с *еще* выступает тогда, когда частица смыкается с местоименным словом *как, какой*.

Ведь вот человек удумал штуку. *И как еще ловко подвел* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, II); — Разве мальчик — музыкант? — Ого! *Еще какой!*.. (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, VI).

Таким образом, построения с *еще* образуют едва ли не самый разнообразный и многозначный круг конструкций с частицами, не обнаруживающими функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов.

5. Определяя значение частицы *то-то*, К. С. Аксаков писал: «*То-то* имеет разные оттенки в употреблении. Показывая утверждение само по себе, *то-то*, возникшее из повторения слова *то*, значит прежде всего: *оно самое и есть* (и, если угодно, в этом смысле: *да, действительно*). — Потом в разговоре, когда например один соглашается с другим, то этот другой, говоря: *то-то*, высказывает этим: *ну вот — сам видишь*, как бы торжествуя, что истина взяла свое: Напр.: „Да, я вижу теперь, что грамотность необходима". „*То-то*". — Иногда в подобном же случае, когда например один высказывает мнение, согласное с другим, в особенности когда обвиняет сам себя в чем-нибудь и раскаивается — тогда этот другой, если хочет выразить опасение, то говорит, как бы остерегая: *то-то*, высказывая здесь:

смотри же, или: *ну хорошо теперь, а то у меня смотри*. (Напр. „Да! Ты прав, я никогда не позволю себе так резко выражаться. — „*То-то*“)» [112].

Этот тонкий анализ относится к *то-то*, употребленному как относительно самостоятельное высказывание. В составе же целого предложения у частицы *то-то* нет своего особого значения; здесь можно говорить лишь о модально-экспрессивном значении всего построения в целом.

Предложения, строящиеся с участием частицы *то-то* (*вот то-то, то-то что*) объединяются тремя видами значений: 1) причинно-следственных отношений, 2) усиления и 3) поясняющего раскрытия мысли, разъяснения.

1) Предложения со значением причинно-следственной зависимости, естественно, всегда являются компонентом более широкого контекста, выступают в смысловой связи с предшествующим предложением или требуют поясняющей ситуации. Это могут быть предложения любой структуры; частица всегда находится в начале предложения.

[Мишка] Что же это больше или меньше настоящего генерала? [Осип] Больше. [Мишка] Вишь ты как! *То-то у нас сумятицу подняли* (Гоголь, Ревизор, 3, IV); — Ты недавно с ним познакомился? — Недавно. — *То-то прошлою зимой я его не видал* (Тург., Отцы и дети, III); — Отрезало нас. Водой. *То-то я смотрю*, что в лугах пусто (Пауст., Ночь в октябре).

Частица может выступать в сочетании с усиливающим элементом *и* (*то-то... и*), непосредственно примыкающим к сказуемому или к главному члену предложения.

[Пионова] Оно и видно, что вам делать нечего; *то-то вы по всей Москве и ходите...* (Остр., Свои собаки грызутся..., 2, 5); — Верно, он в первый раз идет в дело? — сказал я. — *То-то и радешенек!* — отвечал капитан, глубокомысленно покачивая головой. — Молодость! (Л. Толст., Набег, II).

2) Предложения со значением усиления распадаются на две группы: в одних общее значение усиления опирается на лексическое значение того или иного слова; в других такого соотношения нет. Естественно, что в первом случае значение усиления является как бы конкретизированным, во втором — более общим и недифференцированным.

Усиление, соотнесенное с лексическим значением сказуемого или главного члена предложения, имеет место в следующих случаях: а) в односоставных именных предложениях, главный член

[112] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 587.

которых формируется с участием слова, имеющего качественно-оценочное значение; б) в односоставных глагольных и именных предложениях, в которых формирующее главный член слово обозначает признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (обычно — внутреннее состояние или его обнаружение); в) в предложениях, в составе главного члена которых находится безлично-предикативное слово; г) в двусоставных предложениях со сказуемым — словом с качественно-оценочным значением или с глаголом либо именем, обозначающим внутреннее состояние или обнаружение этого состояния.

а) — С женою-то его рядом поставьте: *то-то шут гороховый!* (Л. Толст., Война и мир, II, 3, XV); Вся улица хохотала над Авдотьей: вот так нашла добряка. *То-то глупая баба!* (Мамин-Сиб., Говорок, I).

б) — Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, *то-то бы рассердился!* (Короленко, В дурном обществе, VI); — Вот дура-то! *То-то*, воображаю, *будет нервничать и турнюром своим дрыгать*, когда меня не найдет в беседке! .. (Чехов, На даче).

в) Даже щуки, под конец, и те стали его хвалить: вот, кабы все так жили — *то-то бы в реке тихо было!* (С.-Щ., Премудрый пескарь); — *То-то ему, небось, жалко!* (Шолохов, Подн. целина, т, 11).

г) Он сидел у стола и молча, с удивлением, смотрел на Елену... *То-то*, думал я, *она должна ему показаться странною* (Дост., Униженные и оскорбл., 2, X); — *То-то, поди, Костя соскучился по тебе*, ждет не дождется... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 2, VIII).

Возможно осложнение частицы элементом *-то*, присоединяющимся постпозитивно к сказуемому или к главному члену предложения.

[Таня] Семен! *То-то хорошо-то!* (Л. Толст., Плоды просвещ., IV, 25); — Ах, дураки, дураки! .. — заливался Ястребов, качая головой. — *То-то дураки-то*... (Мамин-Сиб., Золото, 2, V).

В построениях со значением усиления, соотнесенным с лексическим значением сказуемого или главного члена, частица *то-то* может выступать в своем произносительном варианте *от-то*.

— Я говорю только факты. — Только факты! — повторил, глядя ему в лицо, магистр. — *О-то шемякин суд!* — произнес он почти вслух... (Писемск., Тысяча душ, 4, XIII); — Для пары нарочно выписываем из Сибири одного

шляхтича: *от-то танцует!* (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 3, XV).

Там, где главный член предложения выражен словом, не несущим в своем лексическом значении указания на качество, интенсивность и т. п., значение усиления в предложениях с *то-то* выступает в более общем и недифференцированном виде и может приобретать ярко выраженный оттенок оценки. Именно о таких построениях К. Аксаков, соглашаясь с Буслаевым, писал: «На той же (197) стр. автор говорит: „Удвоенная форма *то-то* употребляется для усиления речи, напр.: „*то-то* человек!", (т. е. очень хороший); „*то-то повеселились*" (т. е. очень много и хорошо)... Конечно, здесь удвоение утверждает и, пожалуй, усиливает речь... *То-то* согласно с своим значением и образованием значит: настоящим образом: напр. «*то-то* повеселились», т. е. вот что называется повеселились»[113]. *То-то* здесь всегда начинает собою предложение, которое может быть как односоставным, так и двусоставным.

[Юлия]... Ты у меня будешь хозяйством заниматься. *То-то всякой птицы разведешь* (Остр., Последняя жертва, 4, I); — *То-то бы тебя, Зикин, на коня посадить;* ловок бы ты был, — шутил ефрейтор... (Л. Толст., Война и мир, I, 2, VII).

Особенно здесь характерны генитивные предложения с собственно усилительным значением.

То-то смеху было (Л. Толст., Записки маркера).

3) В предложениях с частицей *то-то* может быть заключено значение разъясняющего сообщения, пояснения. Частица начинает собою предложение.

— Эх вы, ученые люди, — сказал третий мужественный голос, перебивая обоих. — *То-то вы, артиллеристы, и учены очень оттого, что все с собой свезти можно,* и водочки и закусочки (Л. Толст., Война и мир, I, 2, XVI).

Значение пояснения («в том-то и дело») выступает особенно ярко в построениях с *вот то-то* (*вот то-то и*).

— Да ведь ты слышал, она при тебе даже сказала, что она будет сидеть нынче у окна, на пруд смотреть. — Да это она так сказала. — *Вот то-то я и не знаю,* нечаянно или нет она это сказала (Л. Толст., Два гусара, XV).

6. Предложения, строящиеся с участием частицы *ведь*[114],

---

[113] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 586.

[114] По Шахматову, *ведь* — союз, «обнаруживающий волю, настроение говорящего в пределах предложения» («Синтаксис...», § 589, стр. 506; см. также § 205, стр. 187); впрочем, в § 354 (стр. 266) *ведь* отнесено

объединяются общим значением акцентирования, подчеркивания высказываемого. Отмечаемый словарями и грамматиками в предложениях с *ведь* оттенок противопоставления в них далеко не обязателен. Частица *ведь* — одна из самых свободных частиц, легко перемещающихся в предложении. Однако и по отношению к этой частице выявляются определенные правила словорасположения.

Чаще всего частица начинает собою предложение.

[Хлестаков] Конечно не так многолюдно — ну, что ж? *Ведь это не столица.* Не правда ли, *ведь это не столица*? [Почтмейстер] Совершенная правда. [Хлестаков] *Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей* (Гоголь, Ревизор, 4, IV); — Ненилушка! *Ведь я не вижу.* — Что ты? — Господи, господи! Что ж это такое? *Ведь ослеп!* (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, V, 2); *Ведь он знает,* что значит для меня этот проигрыш. Не может же он желать моей погибели? *Ведь он друг был мне. Ведь я его любил...* (Л. Толст., Война и мир, II, 1, XIV).

Частица может заключать собой предложение, которое в этом случае является нераспространенным или малораспространенным.

[Глафира Фирсовна] Что ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину разоряться! *Не старуха ведь* (Остр., Последняя жертва, 1, II); — Хорошее дитя у меня? — Да. Очень! — Не налюбуюсь. *Умница ведь?* — Мудрец (Горький, «Страсти-мордасти»).

Находясь в середине предложения, частица *ведь* располагается при слове, формирующем главный член односоставного предложения, при сказуемом либо при логически выделяемом слове или сочетании.

— Хоть бы попугать этих монашенок. Итальянки, говорят, есть молоденькие. Право, пять лет жизни отдал бы! — *Им ведь и скучно,* — смеясь сказал офицер... (Л. Толст., Война и мир, I, 2, VI).

[Жевакин] *Суконце-то ведь аглицкое!* (Гоголь, Женитьба, 1, XVI); — *Я ведь не украл...* Соня сама дала мне на время... (Короленко, В дурном обществе, IX).

Одно — стоит на своем. *До слез ведь довел нас с женою* (Нов.-Прибой, В бухте «Отрада»); — Ну, мы ему и доверили

к вводным словам. В. В. Виноградов отмечает для *ведь* (так же, как для *и, даже, а, да, же)* сочетание усилительных функций с союзным значением и частые превращения союза в частицу. См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 667.

честь начать бетонные работы — *первые кубометры бетона в основание плотины он ведь клал...* (Б. Полевой, Любовь).

Частица *ведь* часто выступает в сочетании с усиливающей частицей *же*. Эти две взаимодействующие частицы обычно располагаются при знаменательном слове (*ведь... же*), входящем в состав сказуемого или формирующем главный член предложения.

[Хлестова] Да как черна! да как страшна! *Ведь создал же* господь такое племя! (Гриб., Горе от ума, 3, 10); — *Ведь достанется* же такое блаженство — поди кому! (С.-Щ., Губ. оч., Порфирий Петрович); — Этого не полагается, — сказал старик, — за этим смотреть надо. — А как случится, тогда как? *Ведь бывает же* (Л. Толст., Крейц. соната, I); — Руки-то хоть пустите. *Ведь не убегу же я...* (Нов.-Прибой, Пошутили).

7. Собственно акцентирующее значение имеют предложения с частицей *оно*. Основную массу их составляют безличные предложения, в которых частица или начинает собою предложение (обычно) или заключает его (редко).

[Городничий] В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик: *оно теперь холодновато* (Гоголь, Ревизор, 3, X); — Поселились мы в четвертом этаже, на дворе... Конечно, и *высоко оно*... Ну, и запах, знаете... (С.-Щ., Губ. оч., Горехвастов); — Ну, пока мы к заводам обязанные были, *так оно некуда было деться*, а теперь совсем другое (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, V); — *Оно и за хлеб нам обидно* — под открытым небом лежит... (Е. Дорош, Дождевик).

Реже с частицей *оно* строятся предложения двусоставные.

— То ли бы дело выпили, разговорились, — *оно все само бы и наладилось* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IV); — Десять выгоднее убирать, чем тридцать. Интересно... А пять еще выгоднее? — Как сказать... *Оно-то разный минимум установлен*. И по два и по три килограмма на трудодень дают (В. Овечкин, На переднем крае, 1).

Наиболее распространенный тип построений с частицей *оно* — предложения со значением противопоставления, в которых за частицей следует модальное слово *конечно, правда, точно, разумеется, кажется* и под. Значение акцентирования при этом сосредоточивается на модальном слове.

[Городничий] *Оно конечно*, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? (Гоголь, Ревизор, 1, I); — *Оно разумеется*, князь Андрей не дитя, и без него обойдется; да против воли в семью входить нехорошо (Л. Толст., Война и мир, II, 5, VI); *Оно, кажется*, страшно жить в та-

ких условиях, а им было ничего: жить можно было (Л. Толст., Поликушка, II).

Ср. при союзном сочетании:

— Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, — сказал Владимир. — *Оно, правда, что неловко* (Тург., Льгов).

Частица *оно* закреплена в ряде фразеологических сочетаний: *вот оно что, вот оно как, вот оно в чем дело* и др.

8. Специфичны построения со сложной частицей *только и*. Эта частица всегда входит в состав главного члена предложения или в состав сказуемого; однако создающееся таким соединением значение единственности и исключительности выявляется при этом не в сказуемом или главном члене, но или а) в зависящем от него слове с объектным, обстоятельственным или субъектным значением (характерны случаи союзного присоединения такого слова), или б) в союзно присоединенном зависимом предложении.

а) [Лидия] Я уж сколько времени *только и слышу* о богатстве... (Остр., Бешеные деньги, 5, 2); [Мерчуткина] Я женщина бедная, *только и кормлюсь* жильцами... (Чехов, Юбилей); — ...*Только и знал* одну дорогу — к Соне... (Н. Грибачев, Рассказ о первой любви).

[Репейкин] Знаете, брак по расчетам нынче *только и видишь* в свете... (Писарев, Хлопотун, XXIV); [Подзатыльников] С чортом *бы* тебе *только и знаться!* (Некр., Петерб. ростовщик, XII); — *Ведь только и храбриться* ему одному, пока его никто не видит (Л. Толст., Холстомер, I).

Как уже отмечено, специфичны для построений с частицей *только и* случаи союзного (с *что*) присоединения слова, сосредоточивающего в себе значение выделительного ограничения.

— ...Скажите, пожалуйста, отчего нищие *только и поют, что* про антихриста да про муки разные? (С.-Щ., Губ. оч., Богомольцы, странники и проезжие, Общая картина).

[Яичница] Теперь, пожалуй, обещают и домы, и экипажи, а как женишься — *только и найдешь, что* пуховики да перины (Гоголь, Женитьба, 1, XIV); — ...А земли самая малость, *только и есть, что* господский лес (Тург., Малиновая вода) [115].

б) — Отец думал, где бы взять подряд; сын *только и ждал, чтобы* их не было... (Гл. Усп., На старом пепелище, 5); А мужику куда с кольцом? *Только и поносил* Пан-

[115] О построениях с двумя союзно соединенными глагольными формами (*только и делает, что бранится*) см. стр. 91.

телей, *пока* свадебные дни не прошли (Бажов, Змеиный след).

— *Только и думаю, как* уйти... (Л. Толст., Воскресение, 1, XLVII); — *Только и отдыхаешь, когда* взглянешь на лицо какой-нибудь пожилой дамы (Чехов, В пансионе).

Возможны и бессоюзные построения, типа *Только и жду, поскорей бы ночь пришла.*

Среди предложений с частицей *только и* выделяются конструкции, компоненты которых синтаксически неразложимы. Это — генитивные предложения, которые Шахматов характеризовал как «односоставные подлежащные предложения», представляющие собой «сочетание количественного наречия с родительным падежом в главном члене»: *Толькя и родни*, што лапти адни (Обоянск. Машк. 38) [116].

— ...Муж да муж — *только и слов* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Посещение первое); *Только и приправы* к еде, что рыба (Л. Толст., Бедные люди); — *Только* твоей *и работы:* ключик от сундука подглядеть (Мамин-Сиб., Золото, 4, VI).

В состав таких генитивных конструкций может входить глагол бытия.

[Закатищев] *Только и речей будет* по городу, что про лошаденку Закатищева (Гоголь, Владимир третьей степени, 2); Весь вечер в «башне» *только и разговору было, что* о бюро (В. Некр., В родн. городе, 3, 6).

Ср. конструкции с объектным родительным, возможным лишь в сочетании с *только и* (или *всего и*); — Даже обидно: семилетка — в колхозе, а по сельскому хозяйству не учат. *Только и знаний* дают, как фасоль прорастает (Троепольск., Один день).

Рядом с *только и* в аналогичных построениях функционирует сочетание *всего и, всего лишь и.*

Осталось, как она говорит, только рухлядишка кое-какая, да две курицы. *Всего и имущества* (Л. Толст., Три дня в деревне, Второй день).

В непринужденном повествовании сочетание *только и* может функционировать как присоединяющий союз; в построениях с этим союзом выявляется значение неподготовленности, неожиданности.

---

[116] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 45, стр. 60. В другом месте (§ 123 [2], стр. 131) Шахматов относит предложения этого типа к «неполным двучленным безличным предложениям» с пропущенным *есть* («Ведь у меня только и отрады в жизни мое писанье». Е. Карпов, Заревo).

— Жила у нас на деревне солдатка, Паранькой звали. Бабенка она была молодая, из себя пригожая, белая, крепонькая. *Только и полюбись она мне* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Посещение первое). Ср. пример Шахматова («Синтаксис», стр. 203): Долго ли, коротко ли, *только и захворай же у этого диакона жена* (Слепцов, На железной дороге).

9. Построения с частицей *на что* имеют два разных значения: 1) полноты выявления, исчерпанности, интенсивности признака и 2) уступительного ограничения; оба значения обычно обнаруживаются в построениях со значением противопоставления, причем оттенок уступительности может быть свойственен и построениям первой группы.

1) В сказуемых и предложениях со значением полноты и интенсивности признака частица начинает собою конструкцию.

— Уж, кажется, я *на что вас любила*, все, кажется, для вас... (Тург., Свидание); — ... Вот родитель *уж на что был большого разума старик*, а и тот не отступился от своей старины... (С.-Щ., Губ. оч., Старец); — Знаменитые писатели *на что*, кажется, *умны*, но и то без иллюзий не могут (Чехов, Скука жизни) [117].

[Трагик] Скверно. [Нароков] *На что хуже* (Остр., Таланты и покл., 2, I); — Никак гарью пахнет? Так и есть! Уж эти мне новые оси... А кажется, *на что мазал*... (Тург., Касьян с Красивой Мечи); — ... А Фидия и Гомера всегда будут помнить... *На что плох Тредьяковский*, и того помнят... (Чехов, Открытие).

Усиливающим элементом частицы в таких построениях является *уж* (*уж... на что*).

— Мы *уж нашто перебиваемся*, а и нам шесть рублей в пять месяцев, что у нас прожила, задолжала (Дост., Униженные и оскорбл., 2, IV).

[Городничий] *Уж на что*, осмелюсь доложить вам, *головоломная обязанность градоначальника*! (Гоголь, Ревизор, 3, V); — ... Других таких лугов по всей Расеи нету... *Уж на что красиво!* (Тург., Стучит!); — Вы говорите, ваши знакомые слишком красны для моего дома. *Уж на что красней Неустроев*. А уживался ж я (Л. Толст., Нет в мире виноватых, 1-я ред., 2); *На что уж черное лицо было у Павла*, но и оно теперь покраснело (Макаренко, Честь, 1, 11).

Особую конструкцию с частицей *на что* (*уж на что*) образуют предложения, в начало которых вынесено имя (одно или

[117] По Шахматову, *на что* здесь — наречие, определяющее прилагательное (см.: «Синтаксис...», § 408, стр. 405.

с определяющими словами, часто в сочетании с *даже*), а за ним, отделенное паузой, следует предицирующее сочетание с *на что*; далее может идти противопоставляемая часть, вводимая противительным союзом или сочетанием *и то*, *и тот* (*Дети — на что глупые, а и те сразу поняли, в чем дело*).

Даже наш уезд, на что был ленив, и тот почти поголовно поднялся... (С.-Щ., Пошехонская старина, XXVII); *А «ситчик» по 10 коп. аршин! — уж на что, кажется, дрянь* и притом самая линючая, *а* от появления его баба разогнула спину... (Гл. Усп., Крестьянин и крест. труд, V).

Ср. при полном синтаксическом обособлении: ...Сам исправник Живоглот — *на что уж бестия*! — ни под каким видом их нигде не отыскал бы... (С.-Щ., Губ. оч., Приятное семейство).

2) В построениях со значением уступительного ограничения место частицы менее определенно: она может находиться как в начале предложения, так и в середине его, тяготея к предикативной основе предложения.

— ...*Уж на что баба* — и та от него всю жизнь худого слова не слыхала... (Горбунов, Из деревни, II); — *У мужиков на что*, и то эта самая мода завелась (Л. Толст., Крейц. соната, I).

10. Предложения и сказуемые, строящиеся с участием частицы *и то*,[118] имеют следующие значения: 1) признака, выявляющегося независимо от каких-либо способствующих ему условий, «предвосхитившего» их (ср. построения с наречной частицей *и так*, стр. 128—129 и с местоименной частицей *без того*, *и без того*, стр. 160); 2) акцентирования (с разными оттенками); 3) утверждения, подтверждения.

1) В предложениях со значением признака, выявляющегося независимо от благоприятствующих ему условий или указаний, советов и т. п., частица находится в начале предложения или при слове, формирующем главный член предложения, либо при предикативной основе.

— Но жену повидай непременно. Мне *и то досталось* за то, что я тот раз не привел тебя (Л. Толст., Воскресение, 1, LVII); — Будет вам шутки-то шутить над нами... *И то осрамили тогда на всю округу* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IX).

В сказуемом частица, как правило, находится перед знаменательным словом.

---

[118] По Шахматову, *и то* — «утвердительное наречие», выступающее в роли «сопутствующего обстоятельства» («Синтаксис»..., § 487, стр. 418).

— А другого нашла, чорт с ней: девок мало ли? Она мне *и то постыла* (Л. Толст., Казаки, VII); — Садись, так гость будешь. — Я *и то в гости пришел...*, — засмеялся гость... (Мамин-Сиб., Летные, II).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

[Агния] Не попрекайте, не попрекайте, я *уж и то себя проклинаю* (Остр., Не все коту масл., 1, 8).

Значение признака, выявляющегося независимо от каких-то способствующих ему условий, «предвосхитившего» их, может быть ослаблено; нередко оно переходит в более общее значение акцентирования.

— Знают, вишь, что вам к утру деньги нужны, вот и караулят. *И то поехал вас упредить* (Бажов, Змеиный след).

2) Другим значением построений с *и то* является значение ограничительного выделения. Обычно оно выявляется в присоединенных предложениях, заключающих в себе пояснение и противопоставление (= «но причем», «но и при этом»).

— Раз в жизни представился случай, — волновался он, — *и то помешали*! (Чехов, На даче); Словом, в конце полугодия мы с Катей только раз собрались на каток — *и то не катались* (Каверин, Два капитана, 3, 8).

Характерно ограничительное выделение при помощи частицы *и то* отдельных слов и сочетаний, выступающих как присоединяемые продолжения, но по своей форме подчиняющихся тому или другому члену предложения присоединяющего.

[Наденька]... Видели три года назад *и то вскользь* (Писарев, Хлопотун, II); ...Он редко обращался к ней, *и то с коротеньким вопросом* (Тург., Отцы и дети, XXI); Он не пил, лишь изредка «праздновал», как говорят в деревнях, *да и то немного* (В. Лукашевич, Хозяйка, 2).

Значение ограничительного выделения выявляется также в сказуемом и в группе членов, связанных со сказуемым. Частица начинает собою построение.

— Вы хоть слушаете, *я и то благодарен* (Л. Толст., Крейц. соната, XV); — Мы с ребятами *и то смеялись*: кто кого везет — вы машину или она вас? (Соболев, Перстни).

[Окоемов] Кажется, посади передо мной куклу да скажи, что это Оболдуева, *я и то бы стал ручки целовать* (Остр., Красавец-мужчина, 4, 8).

Оттенком общего значения ограничительного выделения является значение, совпадающее со значением построений с частицей *даже*. Выделяемый член предложения или группа чле-

нов при этом всегда выносится в начало предложения, а частица следует за выделяемым компонентом.

[Кухарка] *В постели лежа, — и то едят* (Л. Толст., Плоды просвещ., II, 5); — Не выйти на двух веслах: *на шести — и то куда снесло* (Соболев, Зеленый луч, 10).

То же при сочетании двух предложений.

— *На лодке по шампанскому вези — и то не поеду!* (Мамин-Сиб., Золотуха, V); — *Паршивую справку получить, и то до хрипоты кричать надо* (В. Некр., В родн. городе, 1, 15) [119].

3) Преимущественно в диалоге — но не только в нем — в предложениях, начинающихся с *и то*, выявляется значение утверждения, подтверждения или согласия (возможны осложнения частицы: *ведь и то, да и то*).

[Домна Пантелевна] Никак князь подъехал? *И то он* (Остр., Таланты и покл., 1, II); — Лёгко, ваше сиятельство. «Что он говорит?» — подумал князь Андрей. «Да, о весне, верно», — подумал он, оглядываясь по сторонам. «*И то зелено все уже*... как скоро!..» (Л. Толст., Война и мир, II, 3, I).

11. Просторечны предложения с частицей *ин*,[120] выражающие согласие, решение, совпадающее с чьим-нибудь желанием, волей, советом и т. п.[121] Анализируя значения «местоимений» *ино, ин*, Потебня писал: «*Ино, ин, иносьс* — да, хорошо, ладно. *Ино* в этом смысле ближайшим образом предполагает значение иное, не то, так что первоначально выражает согласие как противоположение и замену предшествовавшего несогласия, как нечто другое сравнительно с этим несогласием; „ин возьми“ (а не то возьми, или возьми, пожалуй, возьми) предполагает, что перед этим думалось или сказалось: „не бери“; „ин так и быть“. Затем оттенок противоположения исчезает; «Пойдем ли? Инóсь (курское пожалуй)» [122].

---

[119] Ср. равнозначные построения с *и тот* (*и та, и те* и т. д.); — Даже мужики — *и те* в ученые норовят (С.-Щ., Господа Головлевы, По-родственному); — Струнников — *и тот* над тобой смеется! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVIII); Самые завидущие бабешки *и те* любовались (Бажов, Малахит. шкатулка); — Жаль, сладкого ничего нет, — говорит она. — Халву *и ту* съели (В. Некр. В родн. городе, 3, 2).

[120] По Шахматову, *ин* — «заключительное наречие» и, соответственно, «обстоятельство сопутствующее» («Синтаксис...», § 487, стр. 418).

[121] Л. А. Булаховский отмечает, что *ин* «встречается только в стилизациях народной речи» («Русский литературный язык первой половины XIX в.» Изд. 2, М., 1954, стр. 388).

[122] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV. М.—Л., 1941, стр. 224.

Построения с *ин* — это чаще всего предложения инфинитивные или с главным членом — глаголом в форме повелительного наклонения, реже — безличные или определенно-личные. Частица начинает собою предложение.

— Ах ты, господи! Вот уж шестую неделю так-то с ним маемся! *Ин искать уж другого*! — повторяла она про себя... (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, II); — ...Каждый год все ждем: авось будет лучше... доколе же? *Ин и в самом деле правды на свете нет!*.. (С.-Щ., Путем-дорогою); Старый Буран бегал уже с Сахалина, и потому первый выбор пал на него. Старик долго не раздумывал... — *Ну, ин сбивай артель* (Короленко, Соколинец, III); — Али я опять не так сказала? *Ну, ин, буду молчать* (Горький, Мещане, I) [123].

Реже частица находится не в начале предложения, а в середине его, при главном члене или сказуемом.

— А... так ты вот как? Ну ладно, *пусть будет ин по-твоему!* (Мамин-Сиб., Летные, VIII).

12. Значение решения имеют просторечные построения с частицей *сем, сем-ка, сем-ну* [124]. Это всегда предложения, сообщающие о действии 1-го лица; частица начинает собою предложение.

— *Сем-ка я*, — подумал про себя Чичиков, — *сыграю с ним в шашки*! (Гоголь, М. д., IV); — Что это я, в самом деле, раззевалась? — подумала Катерина Львовна: — *Сем-ну я хоть встану по двору погуляю или в сад пройдусь* (Лесков, Леди Макбет Мценского уезда, 2); — Как же это так? Жила, жила, кроме удовольствия и спокойствия ничего не видала — и вдруг: стосковалась! *Сём-мол, брошу я его!* (Тург., Конец Чертопханова, I); — ...Слышу — гомонят где-то на проулке. *Семка, думаю, выйду, гляну*, неровен час, кто услышит (Шолохов, Подн. целина, 1, 16).

---

[123] Пример заимствован из кн.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 418.

[124] Эту частицу (*сѣмъ*) Н. Шляков возводит к форме желательного наклонения о.-и.-е. глагола со значением движения. Его примеры из народной речи: *сем побратуемся с тобой* (Кирша Данилов, 185), *сем пойду к куме, сем-ка подумаем* (Даль) (см.: Н. Шляков. Частицы *ста, ста-ни, сте, сѣ, сѣм, су* и *съ*. — РФВ, 1898, т. XL, № 3 и 4, стр. 169—175). К. Аксаков о *сем* писал: «Укажем еще на одно присловье *сём* или *сем*, которое означает совет с кем-нибудь и составляет некоторый оттенок к *-ко*; но, кажется, употребляется только с первым лицом: *Сем пойдем к нему; сем скажу ему*» (К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 510). Шахматов видел в *сем* наречие, выражающее побуждение к совершению того или иного действия (*Сем-ка я побегу за ним, батя*. Е. Карпов, Зарево) (см.: «Синтаксис...», § 487, стр. 415).

13. Значение решения имеют также построения с частицей *ка* (диалектное и просторечное *тка, тко, ткась, ткось, кась, кось*) [125], которая может находиться только при глаголе 1-го лица [126]: «человек обращается к самому себе и как бы совещается с собою: пойду-ка я к нему» [127]. Шахматов видел здесь «усилительный подвид несовершенного и совершенного вида»: *Ну-ка скажу* [128].

[Хлестаков] А *попрошу-ка* я у этого почтмейстера взаймы (Гоголь, Ревизор, 4, IV); — Барин! *съезжу-ка*, что ли, я в Москву? (С.-Щ., Господа Головлевы, Выморочный); — Стал я думать так: *стану-ка* я один работать? На себя... (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, I).

— *Пойду-ка*, — думаю, — к Евсеичу, да ахнем завтра на охоту по зайцам! (Троепольск., Гришка Хват).

Ср. в песне:

Положу-ткось я камилавку свою,
Положу камилавку под конец стола,
Вкруг камилавочки похаживаю,
На камилавочку поглядываю,
Подыму-ткось я камилавочку,
Подарю-тко ее другу милому
(Рыбн., 3, 162)

14. Построения с частицами *больше, более* при обязательном отрицании в составе главного члена или сказуемого обозначают признак, сопоставляемый с аналогичным предшествующим как отсутствующее с наличествовавшим (*больше не работает*, т. е. «прежде работал, теперь не работает»). Наиболее обычны здесь формы сказуемого.

— Я со всеми разбранился и *не езжу больше* на собрания... (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 1, V); — А уж я думал, ты *не придешь более* (Короленко, В дурном обществе, VII); — Ты это про Басова? Так он мне *не муж больше* (Крымов, Танкер «Дербент», Ключ).

[125] О частице *ка* в современном языке см.: Н. Колесников. Значение и употребление частицы *ка* в русском языке (на материале произведений Маяковского). В кн.: «Шестая научная конференция аспирантов 10—12 июня 1952 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1952, стр. 60—61.

[126] Участие частицы *ка* в формировании повелительного наклонения не относится к теме настоящей работы («...Частица *-ка* — сама по себе весьма неопределенная — сообщает повелительному понудительное и увещательное значения». А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 194).

[127] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 508—509.

[128] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 544, стр. 475.

15. Только предложения строятся с участием частицы *что ли* (*что ль*). Значения их таковы: 1) вопрос с оттенком неуверенности; 2) сомнение, неуверенность; 3) вызывающее отрицание, скрытое под формой вопроса или сомнения; 4) акцентированное поощрение, побуждение.

1) В вопросе, имеющем оттенок неуверенности[129], частица заключает собою предложение.

[Анисья] *Есть хочешь, что ли?* (Л. Толст., Власть тьмы, 3, VI); — *Пожар, что ли?* Да нет, не видать дыму! (Чехов, Брожение умов); ... И, указав пальцем на Метелицу, спросил: — *Этот, что ли?* (Фад., Разгром, 3, II).

Ср. диалектное: — *Мазали чтолича?* — Смазано... Извольте садиться, ваше благородие! (Горбунов, На почт. станции).

Реже частица находится в начале или в середине предложения.

— *Любите, что ли, вы ее очень?* Это, что ли? (Писемск., Тысяча душ, 3, XI); Теперь она все болтает, удивляясь, что я не отвечаю, занятый письмом: папа, *что ли ты глухой?* (Корол., письмо П. С. Ивановской 30 ноября 1889 г.); —...Сколько ты всего притащил! *Ты что ли богатый?* (Горький, «Страсти-мордасти»).

2) В предложениях со значением сомнения, неуверенности частица находится в конце предложения (обычно), либо при логически акцентируемом слове или в начале предложения (в непринужденной речи).

[Зинаида Савишна] Принес бы какого-нибудь варенья. *Кружовенного что-ли...* (Чехов, Иванов, 2, I); — *Заедем, что ли, к Ермилычу на мельницу?* (Мамин-Сиб., Хлеб, Эпилог, III); — Кто такой? — Не знаю. *Инженер какой, что ли...* Из Москвы (В. Лукашевич, Хозяйка, 2); —... Он раз на Иордани в прорубь оступился, так и не мог оправиться. *Чахотку, что ли, нажил,* — каждой весной помирать собирался (Соболев, Зеленый луч, 4); — Почем они? — *По 52 копейки. что ли* (Из разг. речи); — *Что ли мне чайку попить...* (Из разг. речи).

3) В предложениях, выражающих отрицание и вызов, скрытые под формой вопроса или сомнения, частица обычно стоит при логически акцентируемом слове.

[Варвара] Хоть умирай с тоски, *пожалеют, что ль,* тебя! Как же, дожидайся (Остр., Гроза, 1, VII); — Если подойдет мать ее — не забудь поздороваться. — *А я голос что ль знаю?* (Из разг. речи).

---

[129] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 487, стр. 417.

4) В предложениях со значением акцентированного побуждения частица заключает собою предложение (обычно), либо находится при глаголе или при логически акцентируемом слове.

— *Заедем, что ль, погреемся*, Микит (Л. Толст., Хозяин и работник, III); — *Давай я, что ли, почищу*, а ты пока угощайся чаем! (Станюк., Нянька, XII); — *Помоги, что ль!* — крикнул ему ямщик, подымая с пола тюк (Чехов, Ведьма); — Ты бы как-нибудь посодействовала, *сходила бы туда, что ли* (Д. Остров, Тетя Оля, 3).

Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц

В образовании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц участвуют не соотносительные или утратившие соотносительность с другими классами слов частицы *только* (*только что, только... и, только не*), *лишь* (*лишь только*), *даже* (*даже и*), *же, то, таки, хоть* (*хоть и*), *вроде* (*вроде и, вроде как, вроде бы, вроде как бы, как есть, что ни есть* (*что ни на есть*), *не то что* (*не то чтоб*), *и то*. Особое место здесь занимают построения с отрицательной частицей *не*.

1. Для большинства построений с частицей *только* можно говорить лишь о преобладающих тенденциях месторасположения частицы; строгих правил в этом отношении нет. Значения построений с частицей *только* следующие: 1) ограничительное выделение, 2) акцентирование 3) противопоставленность (при союзной функции *только*).

1) Наиболее распространены и широко употребительны построения с частицей *только*, имеющие значение ограничительного выделения. В сказуемом частица находится непосредственно при знаменательном слове.

[Хлестаков] Вы, может быть, думаете, что *я только переписываю*. Нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге (Гоголь, Ревизор, 3, VI); — Кричала целый день... — А вы с женой *только смотрели и ахали?* (Гл. Усп., Из деревенского дневника, I, 5).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— Вскоре его узнали все нищие в городе и *только кланялись с добродушной улыбкой*, а денег не просили (Короленко, Не страшное, II).

Предложения со значением ограничительного выделения, строящиеся с участием *только*, могут быть как односоставными, так и двусоставными. В односоставном предложении частица находится при слове, формирующем главный член предложения, или (реже) в конце либо в начале предложения.

[Хлестаков] Бездельники! *Дерут только с проезжающих* (Гоголь, Ревизор, 2, VI); — ...*Взял только в руки эту штучку*, а она и развалилась (Гонч., Обл., 1, VII); — Вы вчера поздно воротились? — Нет, *прокатился только* (Писемск., Виновата ли она?, III); — Слава богу, что вы приехали! *Только об вас и об вас*, — сказала она (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 4, XVII); — Морячок хороший. *Тихоня только* (Соболев, Зеленый луч, 7).

В двусоставных предложениях частица обычно находится в начале всего построения.

— Я не устал, дедушка, — говорит Вася, — *только руки немножко ноют*... (В. Лукашевич, Прошлым летом, Жаркий день).

Есть особый тип предложений, в которых частица и знаменательное слово синтаксически неразложимы; это — генитивные предложения типа: [Федор Иваныч] У нас *только заботы* теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать (Л. Толст., Плоды просвещ., IV, 10). Ср. построения с формой *всего*: *Всего-то дела* свозить к Кунару, там один старичок юродивый всякую болезнь заговаривает (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, X) (Ср. построения со сложной частицей *только и*, стр. 209—210).

Просторечным осложнением частицы является сочетание ее с *что*: *только что*.

Но наш певец не пел, а *только что пищал* (Крылов, Кошка и Соловей); — ...Поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся. Но суп *был только что теплый* (Дост., Прест. и наказание, 2, III).

Я сам знаю, что из палки *не только что убить птицу*, да и выстрелить нельзя (Л. Толст., Детство, VIII); А чем она лучше? Завитушки на уме, оперетка и флирт. *Только что ласкаться мастерица* (Панова, Спутники, 1, 4).

Другой формой осложнения *только* (и *только что*) в предложениях со значением ограничительного выделения является сочетание *только* с *вот* (*только вот*, *вот только*, *вот только что*).

[Марья Александровна] Прекрасная девушка, *вот только что памяти нет*... [Гоголь, Отрывок (Сцены из светской жизни), I]; — *Только вот проклятого попа извести*, и конец

всему делу (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, VII); [Лопахин] *Только что вот богатый*, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик-мужиком... (Чехов, Вишневый сад, 1).

В функции частицы *только* в построениях со значением ограничительного выделения могут употребляться формы *один* (*одна, одно, одни*), *всего, всего-навсего*.

— ...В экую стужу какая охота — *одни слезы* (Горбунов, Медведь, II); [Старый матрос] Какой же из меня командир? *И всего-то-навсего я кочегар* (Вс. Вишневск., Оптимистическая трагедия, 3); Он было решил — пропал, но глядит — *немец-то всего один* (Соболев, Зеленый луч, 9).

Не предикативно значимые члены предложения со значением ограничительного выделения также могут оформляться с участием частицы *только* (*только что*), например: — Что ж, ты меня укоряешь *только за среду*, которую я выбрал и которую ты почему-то не любишь, — *за это только?* (Писемск., Тысяча душ, 3, III). Ср.: ...У Головиных осталось общество *одно самое лучшее* (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, III). Ср. также с частицей *единственно*: — ...Я пришел *единственно насчет дыму*... (Гонч., Иван Савич Поджабрин).

Для выражения значения ограничительного выделения в не предикативно значимом члене предложения широко употребляется соединение *только* с *и*, причем здесь имеет место разделение этих элементов (ср. построения со сложной частицей *только и*, стр. 209—210): *и* находится непосредственно при главном члене или при сказуемом, *только* — в начале предложения или при логически выделяемом слове.

[Аннушка] Нынче народ-то какой? *Только денег и ищут*... (Остр., Без вины виноватые, 1, 1); — Последние годы, — вмешался Петр Михайлыч, — *только журналы и читаем*... (Писемск., Тысяча душ, 1, V); — Что от них проку! *Только напоказ и водят!* (Л. Толст., Война и мир, I, 2, VII); [Светловидов] Ничего не слышно... *Только эхо и отвечает*... (Чехов, Лебединая песня, I); — ...*Только из-за Петляева у меня катер и ходит без отказа*, все знают! (Соболев, Зеленый луч, 8).

Обособляется от *только* сочетание этой частицы с обязательным отрицанием при знаменательном слове: *только*... (*не*) [130], с участием которого строятся сказуемые и предложения со значением полного приближения к признаку.

---

[130] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 672.

Актер, игравший роль глупого сына управителя, *только что не кувыркался*, стараясь смешить публику... (Писемск., Тысяча душ, 4, X).

— И верно: на пасеке у меня — *только што не рай*... (Фад., Разгром, 1, II).

В составе группы членов, связанных со сказуемым.

— ...Мы с ним вместе делали кампанию двадцать восьмого года, и *только что не спали под одной шинелью* (Писемск., Тысяча душ, 2, V).

Общее значение ограничительного выделения характеризует и построения с частицей *лишь* (*лишь только*).

2) Предложения со значением акцентирования, строящиеся с участием частицы *только*, распадаются на две группы. К первой группе относятся односоставные и двусоставные предложения без каких-либо лексико-грамматических ограничений; частица обычно находится при слове, формирующем главный член предложения, или при предикативной основе.

— Чего ржешь-то, дьявол? — спрашивал Иван. — *Ох, и потеха только была*. Ведь я сюда прибег с веревочки, ей-богу! (Мамин-Сиб., Летные, XI); При моем появлении парни почтительно сторонились. Я слышал, как они говорили: «*Подумать только!* А будто бы совсем простой!» (В. Лукашевич, Прошлым летом, Анюта).

Другую группу составляют предложения, в состав которых входит местоименное слово *какой, чей, кто, что, как, куда, зачем, почему* и т. п.; частица тяготеет к местоименному слову, но может быть и отделена от него (чаще всего — местоимением-подлежащим).

— ...А вот меня из-за вас, сударь, обругали тут! *Зачем только вас носит сюда*! (С.-Щ., Губ. оч., Неприятное посещение); Три недели ежедневного шатанья! *Как я только выношу это*! (Гаршин, Происшествие, III); — О господи... *За чьи только грехи я мучусь с вами*?! (Мамин-Сиб., Золотая ночь, IV); *Откуда только они все вызнали*? (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, II).

В таких предложениях обычно соединение *только* с начинающим собою всю конструкцию *и*.

[Лотохин] И вдруг, откуда ни возьмись, красавец тут как тут. *И где только они их откапывают*? (Остр., Красавец-мужчина, 1, 2); *И почему только люди смеются*? Не понять (Троепольск., Один день).

3) Предложения, в которых *только* выступает в полусоюзной функции, имеют значение противопоставленности.

— Душевно рад знакомству, — проговорил Василий Иванович, — *только уж вы не взыщите*: у меня здесь все по простоте... (Тург., Отцы и дети, XX). Ср. с *только что*: — Пожалуйста, минуточку! — утомленно пролепетала Софья Васильевна. — Да по мне, я говорю, — все одно. *Только что нехорошо*. Посидели — и довольно. (Гл. Усп., Разоренье, VIII, 1).

В начало придаточного предложения, перед *только*, может быть вынесено логически акцентируемое слово.

— Состояние есть; ему после брата много досталось, *безалаберно только живет очень* (Писемск., Виновата ли она?, IV); — Тут и винограда лоз с десяток имеется, *выродился только он*, не плодоносит... (Павленко, Чья-то жизнь).

В этой функции *только* сочетается с противительными союзами: *но только, да только, а только*.

— Что же прикажете делать? *Но только что и много они врут*. Послушать их — все невинны... (Л. Толст., Воскресение, 1, LIII).

Только выступает и как союз присоединяющий.

Много ли, мало ли времени прошло, *только видит помещик*, что в саду у него дорожки репейником поросли... (С.-Щ., Дикий помещик).

2. С частицей *даже* строятся как сказуемые, так и предложения. Значение таких построений — акцентированный признак, но в этом общем значении выявляются различные оттенки.

1) Основную группу построений составляют такие, в которых признак выделяется и акцентируется как неожиданный, несколько необычный, вызывающий удивление, не такой, которого ожидают или которого следовало бы ожидать; однако этот оттенок очень часто бывает ослаблен и улавливается с трудом.

В сказуемом и в составе группы членов, связанных со сказуемым.

— И что за гребешок? Не только не теребит, Нигде он *даже не зацепит*... (Крылов, Гребень); [Епиходов] У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так высказаться, только улыбаюсь, *даже смеюсь* (Чехов, Вишневый сад, 3).

[Ирина] А деньги он за ничто считает, он *даже презирает их* (Остр., Последняя жертва, 2, II); ...Он поссорился с женой и *даже затопал на нее ногами* (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, VII).

В предложении — односоставном и двусоставном — частица обычно находится в начале или в конце предложения.

...Но потом как-то привыклось и пошло на лад; *даже он совершенно приучился голодать по вечерам...* (Гоголь, Шинель); [Константин] Наследник у вас один я, а вы какую-то моду выдумали — завещание писать. *Смешно даже!* (Остр., Сердце не камень, 1, 3); — ...Лес очень выгодно продан, так что я боюсь, *как бы тот не отказался даже* (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 2, XVI); [Иванов] Эка, как я уходил себя! *Даже шатаюсь...* (Чехов, Иванов, 4, X); — Это поэма, — объяснил Ленька. — Ах, вот как? *Даже поэма?* (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, XII).

Усилением частицы является ее сочетание с *и* (*даже и*).

— Утешил! Так утешил, что я *даже и не ожидал* (Дост., Униженные и оскорбл., 1, VI); — ...Ступеньки под ним *так даже и стонут...* (Тург., Бежин луг); — Я нисколько не презираю, — робко сказал Константин Левин. — *Я даже и не спорю* (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 1, XXV);

[Домна] (в сторону) Ну, я этакого смельчака не видывала: *даже и квартального не боится*! (Каратыгин, Дом на Петербургской стороне, X); — ...Свернул в первый попавшийся переулок, *даже и не попрощался* (Б. Полевой, Любовь).

Частица *даже* может оформлять и не предикативно значимые члены предложения, например: — Напротив, многим, — перебил князь, — и *даже очень многим* разрешаю это удовольствие (Писемск., Тысяча душ, 2, VI). При оформлении не предикативно значимого члена предложения — подлежащего или дополнения — обычно соотнесение *даже* с сочетанием *и тот*, причем *даже* находится при выделяемом слове, а *и тот* — при сказуемом или при главном члене предложения, например: ...*Даже* подорожник, *и тот* пахнет по-своему (Троепольск., Тугодум). Ср.: *Даже* пообедать, *и то* не всегда успеваешь (В. Некр., В родн. городе, 3, 3). Ср. равнозначные построения с *и тот* без *даже*: — В этом остроге живучи, чорта с рогами, *и того* поцелуешь (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9).

2) Значение собственно акцентирования, без каких-либо дополнительных оттенков, выявляется как в сказуемом, так и в предложении.

— К отцу она тоже не пойдет. — Вот это *даже совсем напрасно* (Мамин-Сиб., Хлеб., 3, IX).

— А вас религия, Петр Алексеич, интересует? — *И очень даже!* (Горбунов, Отрывки из воспом.); — Вот это одобряю. *Очень даже одобряю* (Нов.-Прибой, Порченый, V).

3. Три круга значений выявляются в построениях с частицей *же* (*ж*): 1) акцентирование, 2) усиление и 3) удивление.

соединенное с тем или иным отношением к тому, о чем сообщается.

1) Предложения и сказуемые с общим значением акцентирования наиболее обычны среди построений с частицей *же* [131]. Такое акцентирование имеет место при более или менее явном противопоставлении.

В составе сказуемого и в односоставном предложении частица, как правило, находится после знаменательного слова.

— Кто ж управляет всем этим: и делами и имением вашим? — Судьба. — А матушка ваша *предпринимает же* что-нибудь? (Писемск., Виновата ли она?, III); — Князь ничего про это не пишет, — тихо сказал он. — А разве не пишет? Ну, я сам не *выдумал же* (Л. Толст., Война и мир. III, 2, II).

— Денег, — говорю, — нет — перед деньгами. А *жильцы ж* твои? — спрашиваю (Лесков, Воительница, 3); — Они прибьют тебя. — *Нет же*, они ничего, они так (Л. Толст., Сила детства).

В случае выделения выдвинутого вперед зависимого члена частица находится после этого слова, перед знаменательным словом, формирующим главный член предложения.

— Хлестни лошадь, говорят тебе! — повторил он еще раз... — *Да плети ж нету!* — вскричал в свою очередь инвалид (Писемск., Тысяча душ, 2, II); Но Ванька старший вдруг вскочил из-за примостка и вскрикнул панически: — *Селедку ж забыли!* (Макаренко, Кн. для родителей, 3).

В двусоставных предложениях со значением акцентирования частица обычно находится между подлежащим и сказуемым.

— Отчего ж не поболтать? *Я же в ударе*, а это со мною редко случается (Тург., Гамлет Щигровского уезда); — Гриша, *ты же не уходи*, нас подожди (Чехов, Припадок, IV); — *Ты же, Клавка, самолюбивая* (В. Лукашевич, Хозяйка, 1); — Ну, Юра, Юра... *Ты же матрос*... (Соболев, Зеленый луч, 9).

2) Значение усиления обнаруживается в предикативных единицах, главный член или сказуемое которых оформляется словом с качественно-оценочным значением или глаголом, обозначающим действие, способное проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности.

---

[131] «*Же* усиливает утверждение или требование при формах сказуемого» (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 590, стр. 506). Ср. в другом месте: *же*, означающее противоположение, — это «союз», «обнаруживающий волю, настроение говорящего в пределах предложения» (там же, § 589, стр. 506).

[Константин] *Ну, плох же* ты, брат! (Остр., Сердце не камень, 1, 6); — *Глуп же* он! — Нет, он умней нас с тобой (Писемск., Тысяча душ, 4, XI); — *Чудак же* ты! (Макаренко, Марш 30 года, Первый отряд).

[Анисья] *Смелая же какая*, подлюга! (Л. Толст., Власть тьмы, 1, X).

3) Значение удивления, соединенного с тем или иным отношением к тому, о чем сообщается, выражается как сказуемым, так и предложением. Сказуемое с таким значением всегда начинает собою предложение.

— *Наградит же ведь* господь бог такими глазенапами... (Нов.-Прибой, Шалый, II); Глафира затуманилась, позавидовала: — *Бывают же* мужики! (Бажов, Золотые дайки); — Вот *создаст же* такое природа! (Павленко, Чья-то жизнь).

В односоставном глагольном предложении в его начало выносится глагол. Здесь намечается лексическое ограничение: глагол обозначает бытие, выявление, обнаружение, мысль или речь.

— *Нашел же* природу... слышите ли, где? На ярмонке! (С.-Щ., Губ. оч., Горехвастов); — И с чего это ты, Клавка, тогда выдумала про меня, что я гуляю в городе? *Взбредет же в голову!* (В. Лукашевич, Хозяйка, 6).

Именным односоставным предложениям с частицей *же* присуще собственно оценочное значение или — в зависимости от лексического значения главного члена — значение оценочно-усилительное.

— Беда! Совсем не думали орудия увезти. *Грязь же была* (Л. Толст., Рубка леса, XIII); — *Сено же будет!* — сказал старик, присевший подле Левина. — Чай, не сено! (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, XI).

Частица *же* участвует в формировании и не предикативно значимых членов предложения, — главным образом, выраженных местоименными наречиями и относительными местоимениями. — *Когда же* вы, однако, думаете выехать? — Я просил бы *сегодня же*. — *Зачем же* сегодня? — возразил князь... (Писемск., Тысяча душ, 2, VII).

4. Предложения и сказуемые, строящиеся с частицей *то*, имеют значения: 1) акцентирования, 2) удивления и оценки и 3) усиления.

1) В общем значении акцентирования построений с частицей *то* некоторые исследователи находят более тонкие оттенки, связанные с противительным значением всей конструкции. Так, К. С. Аксаков писал: «...*То* заставляет обратить внимание на

слово, к которому придается, и заключает в себе смысл целого предложения, которое оно как в зерне высказывает (здесь сокращений и опущений конечно никаких быть не может). *То* имеет часто смысл выражения: *что касается до*. Напр.: „*Отец-то* меня любит... да *мачеха-то* зла" или: „*работать-то* я люблю... да времени нет"». И дальше: «Также и с вопросом: „*отец-то?*"... „*работать-то?*" — Иногда одним словом с *то* высказывается целое недоговоренное указательное (и, так сказать, сообщительное) предложение, без всякого вопроса, напр., „*отец-то*...", т. е. в том смысле: посмотри-ка на отца, что он делает. Или в предложении более обстоятельном: „*отец-то* как рад; т. е. посмотри-ка на отца, как он рад. Иногда *то*, удерживая основной свой смысл (*что касается до*), присоединяется к словам, высказывая этот смысл не так ярко, но налегая на слово, при котором находится, и определяя его в том же духе, напр.: „я бы стал работать, да *здоровье-то мое плохое*"; или: „*брата-то* побереги»" [132]. Ср. также у Потебни: «Член первой половины уступит. сочет. (*хотя я написал, но...*) может быть оттенен и без *хотя* и т. п. одною силою речи и инверсией или вместе с тем постпозитивною частицею *то*, сродною с членом: „он-то человек хороший, но его жена...", „ест-то он хорошо, да работает плохо" и проч.» [133].

Однако очевидно, что противительное значение создается не частицей *то*, а всей конструкцией, частица же участвует в создании собственно акцентирующего значения.

В составе сказуемого частица всегда следует за знаменательным словом.

— Посмотрите-ка, как я *измучился-то*, покуда узнал! (Гл. Усп., На старом пепелище, 1).

Специфической чертой данных построений является то, что значение акцентирования часто сосредоточивается не на сказуемом, образованном с участием частицы *то*, а на зависящем от сказуемого слове или на подлежащем.

[Миловзоров] Жаль, что она *едет-то* скоро, а то бы он показал ей себя (Остр., Без вины виноватые, 3, 1); — Достает билеты, смотрит: две черты стоят на триста восемнадцатом. *Выиграла-то* Елена... (Короленко, Не страшное, IV).

Здесь включенность частицы в состав сказуемого является по отношению к нему чисто внешней.

Оформляя предложение с общим значением акцентирования, частица *то* заключает собою все построение.

---

[132] К. С. Аксаков. Соч. филологические, ч. I, стр. 585.
[133] А. А Потебня. Из записок по русской грамматике, II, стр. 403.

[Огуревна] Никак кто-то идет? *Не заперла я дверь-то* (Остр., Сердце не камень, 4, 1); [Бабушка] *Били его больно махонького-то.* Столько этот парень побой принял, — *как еще он жив-то!* (Горбунов, Самодур, 1, IX); — *Присматривайте за этим молодцом-то!* (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, III); — ...*Да ты куда пришел-то?* Ведь я тебе родной тесть прихожусь?.. *Есть на тебе крест-то?* (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, XI).

Значение выделительного акцентирования может быть свойственно и не предикативно значимым членам предложения; они свободно оформляются с участием частицы *то:* — Нет, *Лазареву-то* какое счастье! (Л. Толст., Война и мир, II, 2, XXI); Думал — *никогда-то* мне не выучиться всей судовой мудрости (Нов.-Прибой, Рассказ боцманмата); — ...Как он катер найдет? *Ночь-то* темная, а *море-то* Черное (Соболев, Зеленый луч, 9).

Выше отмечалось, что участие *то* в конструировании сказуемого может быть внешним: акцентирующее значение сосредоточивается не в сказуемом, а в зависящем от него слове. Аналогичное явление отмечается и в оформлении не предикативно значимых членов предложения: построенные с участием частицы *то,* они могут не нести на себе значения акцентирования, которое сосредоточивается в таком случае на другом слове, нередко — на сказуемом или на главном члене предложения, например: ...На волка только слава, а ест *овец-то* — Савва (Крылов, Пастух); ...Поежился маленько — вишь, холодно в *избе-то* было по осеннему времени... (Бажов, Каменный цветок).

2) Значение удивления — часто в сочетании с оценкой — выступает в специфически интонируемых именных и глагольных нераспространенных предложениях с заключающим *то.*

[Мирон] (Смотрит в каминное зеркало) Ого, *физиономия-то!* (Остр., Невольницы, 3, 1); — *Ходит-то,* сукин сын! Будто всей земле хозяин! (Шолохов, Подн. целина, 1, 14).

Наиболее обычный тип таких предложений — именные предложения, строящиеся в форме повтора.

[Кочкарев] *Сваха-то! Сваха-то!* Мастерица женить, знает, как повести дело! (Гоголь, Женитьба, 2, VII); — Хорош? *Рожа-то, рожа-то!* (С.-Щ., Губ. оч., Обманутый подпоручик); — Экой молодчина улан!.. — говорил он. — *Усищи-то, усищи-то!* (Л. Толст., Два гусара, II).

3) Усилительное значение выявляется в именных генитивных предложениях. Шахматов писал о них так: «Главный член выражен формой р о д и т. п а д е ж а. Родит. падеж единств. и множ. числа, означающий количество, быть может, объясняется

влиянием предложений количественно-именного типа, причем в соответствии с количественным наречием и как бы вместо него является повторение родит. падежа. Стратилат (*берет со стола и развертывает книгу*); *Эка, подумаешь, слов-то, слов-то!* (в смысле букв). Холост. I; *Ишь, книг-то, книг-то!* — сказал другой мужик, выносивший библиотечные шкапы князя Андрея. В. и. м., III, 2, XIV; *Ребят, ребят!* все мал-мала меньше остались. Вят. (Васн.); *Гастей-то гастей* са всех валастей. Обоян. (Машк. 15); *Яблок-то, яблок! Блох-то, блох!* Итак, это всё предложения восклицательные»[134]. Значение множественности заложено здесь в самой форме генитивного предложения; сочетанием родительного с частицей *то* это значение усиливается. Такие предложения могут состоять из одного родительного, но чаще — из двух, с частицей при обеих формах.

[Мирон] *Пыли-то, пыли-то!* Уж не трогать, а то хуже (Остр., Невольницы, 3, 1); — *Сирот-то, сирот-то* теперича... (Горбунов, Из моск. захолустья, II); — Тц... тц..., — сказал маленький человек. — *Греха-то, греха-то...*, — быстро прибавил он... (Л. Толст., Война и мир, IV, 1, XII).

5. Предложения и сказуемые, строящиеся с участием частицы *таки*, имеют два разные значения: 1) значение признака, выявляющегося несмотря на что-то, ему неблагоприятствующее, и 2) значение акцентирования.

1) В сказуемом со значением предикативного признака, выявляющегося несмотря на что-то, ему неблагоприятствующее, частица *таки* может находиться после знаменательного слова или перед ним[135].

Но хоть и велик был соблазн, *я-таки успел побороть себя*... (Дост., Униженные и оскорбл., Эпилог); — ... А главное, все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... — Петя остановился, покраснел до поту и *проговорил-таки:* — Когда отечество в опасности (Л. Толст., Война и мир, III, 1, XX).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым. В этом случае частица находится непосредственно после организующего сказуемое знаменательного слова или перед этим словом и тем самым — в начале всей группы.

---

[134] «‹В вставке:› Сюда ли: *Здесь-то рыбы! — заговорил Алексей Федорович: — здесь-то рыбы!* Якушк. Путев. п. 166». (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 47, стр. 60—61). В другом месте Шахматов относит такие предложения к двучленным безличным (§ 109, стр. 120).

[135] «Частица *таки* обыкновенно стоит после тех слов, с которыми поставлена, но допускается и впереди» (В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1911, стр. 205.

— ... Значит, она своего упорства не оставляет, — она *таки хочет женить брата на Машеньке*... (Лесков, Жемчужное ожерелье, 3); ... Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и *таки выбирался на более мелкое место*... (Тург., Льгов); — Истрясли мы в ту пору рублей больше тысячи на тогдашние еще деньги, и *схоронили-таки родителя по своему обычаю* (С.-Щ., Губ. оч., Старец); А те трое-то, которые убежали, *вышли-таки к своим* (Бажов, Дорогое имячко).

В односоставном предложении частица обычно находится непосредственно после знаменательного слова, организующего главный член предложения, но может и предшествовать ему.

[Счастливцев] Деньги есть; слава богу, *занял-таки*, удалось, наконец (Остр., Лес, 4, 6); — ... Вот, в тридцать втором году был тут тоже неслужащий какой-то, из испанцев, кажется. Два похода с нами ходил, в синем плаще в каком-то... *Таки ухлопали* молодца (Л. Толст., Набег, I); Как он ни маялся, как ни убеждал, что к языкам туп, ... — ничего у него не получилось, *пришлось-таки сесть за учебник* (В. Некр., В родн. городе, 1, 12).

2) В сказуемом со значением акцентирования[136] частица может находиться после знаменательного слова или перед ним.

— Да, брат, *тяпнул-таки* я на своем веку горя, — рассказывает он (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейный суд); — Семью на ноги поднимал, а меня господь-*таки благословил:* целый огород девок (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IV).

Входя в группу членов, относящихся к сказуемому, частица находится в начале этой группы.

[Александр Иванович] Да, нашел кого просить, голубчик! Я *таки тебе удружу порядочно*, и ты *таки ордена не получишь!* (Гоголь, Утро делового человека, V).

В односоставном предложении частица находится в начале предложения или непосредственно перед словом, организующим главный член предложения, либо после этого слова.

[Саша] Господин Радимов отказал Лионскому от дома. [Репейкин] Как? *Таки совсем отказал*? (Писарев, Хлопотун, XII); [Лоскутков]... Ведь, я думаю, в дороге деньгами-то поиздержался? [Подзатыльников] Да, *таки нечего таить*, есть тот грешок! (Некр., Петерб. росговщик, XII); — А твоей Вареньке-*таки достается*, — прибавил он (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 2, XXXIV).

---

[136] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 485, стр. 412—413.

[Борис] А вы умеете стихами? [Кулигин] По-старинному, сударь. *Поначитался-таки* Ломоносова, Державина... (Остр., Гроза, 1, III); — А ведь тебе далеконько идти, — говорю я. — *Ничего-таки*, будет! (С.-Щ., Губ. оч., Елка).

В двусоставном предложении частица находится перед предикативной основой.

[Мирон] Как же это я? Проглядел ведь!... И *таки всурьез дело*, али может так, только время продолжают? (Остр., Невольницы, 3, 9); — Тяжеленько с дочерями, Михей Зотыч, а с зятьями-то вдвое... Меня-*таки прямо наказал господь* (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IV).

Частица *таки* может участвовать в формировании и не предикативно значимых акцентируемых членов предложения. Однако здесь существуют следующие тенденции лексико-грамматического ограничения. Во-первых, частица оформляет член предложения, выраженный наречием со значением меры, степени, количества или качественно-характеризующим: *изрядно, довольно, порядочно, решительно, сильно, достаточно, порядком, давненько, частенько, крутенько*[137] и под.

[Степанида Трофимовна] Мы с покойником жили не вам чета: *гораздо-таки* полюбовнее... (Остр., Семейная картина); [Евлалия] Ведь он мне ни слова, *решительно-таки* ни слова... (Остр., Невольницы, 2, 4); — А ведь крепок «Красавец»! Били его *сильно-таки*... (Станюк., На каменьях, IV); Не спится и Петеньке, хотя дорога *порядком-таки* изломала его (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейные итоги).

Во-вторых, частица оформляет член предложения, выраженный наречием *опять*.

...А теперь ухаживал за ней, как за ребенком, то есть ухаживал-*таки опять* по-своему, по-бурсацки (Мамин-Сиб., Башка, V).

В-третьих, частица оформляет член предложения, выраженный отрицательным наречием (*ничего, никак*).

— Только чтой-то он уж ноне больно сердит стал: *ничего-таки* не дал... [С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, (Введение)]; ...И языком щелкнет, и даже руками кругом пошарит, — *никак-таки* нащупать сената не может (С.-Щ., Недреманное око).

6. Построения с частицей *хоть* (всегда безударной) обозначают: 1) отношение к утверждаемому как к такому, которое

[137] См. у Шахматова: „Обстоятельство дополняющее. Наречия указательные и утвердительные, зависят от наречия: «А я его *таки* давненько не видал. Нахлебн. I; А умер он *таки* давненько. Холост., I» («Синтаксис...», § 485, стр. 413).

удовлетворяет лишь частично, допускается не совсем охотно, по необходимости, за неимением лучшего; 2) допущение, принятие, близкую возможность утверждаемого; 3) называние того, о чем пойдет речь, на чем следует сосредоточить внимание.

1) В предложениях с первым значением частица *хоть* (*хоть бы, хотя бы*) находится в начале предложения либо при его главном члене или предикативной основе.

[Голос городничего] Так по крайней мере чем-нибудь застлать; *хотя бы ковриком* (Гоголь, Ревизор, 4, XVI); — Право, совсем и не погуляли в городе-то... — Нагуляюсь потом... Слава богу, *хоть отделался!* (Гл. Усп., Книжка чеков, I); — Все знаем! Слышали ваш разговор. — Чистая беда с вами, ребята! *Не сболтните хоть!* (Бажов, Зеленая кобылка, Выследили до конца).

Ср. не предикативно значимые члены предложения с аналогичным значением: — Мне и без того трудно пробираться *хоть сколько-нибудь* вперед (Писемск., Тысяча душ, 2, III); — Да как же одной идти теперь ночью? — подтвердила княгиня. — Я пошлю *хоть Парашу* (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 2, XXXII); — Ну, Игорь, говори *хоть ты* (Каверин, Два капитана, 1, 18).

2) Другой круг предложений с частицей *хоть* объединяется значением допущения, принятия, легкой осуществимости; частица стоит в начале предложения или при его главном члене либо предикативной основе.

— Ну, так когда же? — *Да хоть завтра* (Л. Толст., Дьявол, III); — Нет у меня ничего, — уверял старик. — *Вот хоть сейчас образ со стены сниму* (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, X); — Да кто он тебе? — *Оно хоть и верно*: никто (Г. Радов, Петр Егорыч, 7).

3) С частицей *хоть* (*вот или вон хоть*) формируются односоставные именные (реже — глагольные) предложения, называющие то, о чем идет речь, как предмет характеристический, несущий в себе те признаки, на которых говорящий хочет сосредоточить внимание. *Вот хоть* или *хоть* начинает собою все построение и обычно выступает в сочетании с *бы*.

— Кто гладок, так похудает; а худому смерть. *Вот хоть бы я*. Мочи моей нет... (Л. Толст., Война и мир, IV, 4, VIII; Ср. с *Вон*: [Матрена] Тоже, подумаешь, как другой раз просят детей! Ан, глядь, бог не дает, все мертвеньких рожают. *Вон хоть бы попадья* (Л. Толст., Власть тьмы, 4, XIV).

7. В построениях с частицей *вроде* (*вроде как, вроде бы, вроде и, вроде как бы*) выявляются два значения (помимо зна-

чения сравнения, изучение которого не входит в задачу настоящей работы): 1) значение неуверенности, неопределенности и 2) значение кажущегося признака [138].

1) В сказуемых со значением неполной уверенности, сомнения частица находится непосредственно при знаменательном слове — перед ним или после него. Участвуя в образовании предложения с тем же значением, частица может находиться: в начале предложения, при его предикативной основе (или главном члене) и в конце предложения.

— ... Зять приметил меня, *вроде смутился*, но подходит смело (Т. Тэсс, Дальняя дорога); — Да ты его знаешь, комбат, — тот самый, из-за которого мы с тобой *поругались вроде* (В. Некр., В окопах Сталинграда, 2, 14).

[Алексей] Слух есть, *вроде чего затевается?* (Вс. Вишневск., Оптимистическая трагедия, 3); — А какой из себя этот чёрт? Дед заскреб затылок. — Ну, *вроде птица*, — сказал он нерешительно (Пауст., Последний чёрт); Кондрат знал все эти слова и правила, только ему *вроде стыдно показалось* этим заниматься... (Бажов, Орлиное перо).

Обычно осложнение частицы усиливающими элементами: *вроде как, вроде бы, вроде как бы.*

Женщина *вроде как осердилась:* — Как ты смел тогда ко мне являться! (Бажов, Травяная западенка); По этому поводу они с Николаем *даже вроде как поссорились*... (В. Некр., В родн. городе, 3, 5).

— Домой? — *Вроде как домой*, — отвечал Лукашин, — а что? (Панова, Кружилиха, 7); — И, если не ошибаюсь, вы сейчас уже не военнослужащий? — Да, *вроде как уже не военнослужащий* (В. Некр., В родн. городе, 1, 16); — *Вроде и море не так страшно*, когда все вместе (Д. Холендро, Друг рыбака); — Очень верующий: молится. Но в последние годы с богом *вроде бы на равную ногу становится* (Троепольск., Один день); — Идут часы? — *Вроде как бы идут* (Из разг. речи).

Частица может оформлять группу членов, связанных со сказуемым.

— Пьяный человек *вроде как и на барина похож*, потому что кричит, и *вроде как на лакея*, потому что все кланяется (Макаренко, Честь, 1, 18); Как ни странно, но в начале похода Решетников *вроде бы не воспринимал всерьез того*, что происходит (Соболев, Зеленый луч, 9).

---

[138] Оба значения — новые; они засвидетельствованы в литературе XX в.

— Ну как моя прическа? — *Ничего вроде* (Из разг. речи).

Ср. при оформлении не предикативно значимых членов предложения: — Что ж, Фомич, слов нет, ты живешь *вроде честно*. Ты и чуть больше минимума выработал, но... (Троепольск., Тугодум).

2) Построения с *вроде* могут иметь значение кажущегося признака (= «будто бы»).

— Сказали мы так и *вроде пошли на подсолнух*, а сами сели в кустах (Троепольск., Тугодум).

Вроде и просто, а как подумаешь — большая это редкость... (Бажов, Золотые дайки); Он этого вовсе не хотел, сказал просто так, к слову, а получилось *вроде напрашивается* (В. Некр., В родн. городе, 1, 17).

8. Построения с частицей *как есть*[139] имеют значения: 1) полноты, исчерпанности и несомненности признака и 2) согласия, уверенного подтверждения.

1) В построениях со значением полноты, несомненности признака (= «полностью, совсем, совершенно») основную группу составляют конструкции именные.

В составе именного сказуемого частица находится непосредственно при знаменательном слове — перед ним или после него.

— ...А платьице темное ситцевенькое, *как есть все в клочочках*... (Лесков, Очарованный странник, 17); ... А рука, слышь-ко, горячая, *как есть живая*, и трясется маленько (Бажов, Медной горы Хозяйка).

В строе предложения это прежде всего односоставные именные нераспространенные предложения с частицей, предшествующей имени или следующей за ним.

— Ну, разве не дурак ты, Матросик?! *Как есть дурак!* (Станюк., Матросик, II); — На отделку замучили лошаденку. *Азиаты как есть!* (Л. Толст., Хозяин и работник, III); — ...Ведь мы-то с тобой еще в свойстве состоим по бабушкам. — *Как есть родня*: троюродное наплевать (Мамин-Сиб., Золото, 2, II); — Загорела, молодец! *Как есть командир землекопов* (Крымов, Инженер, V, 4)[140].

Разновидностью именных односоставных предложений со значением полноты признака являются предложения со значе-

---

[139] Об этой частице см.: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 71.

[140] Ср. приводимый Шахматовым пример равнозначного построения с сочетанием *что есть*: «Вот извольте видеть, перчатки полтора целковых дал... белые, белые, *что есть белые*». Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского, III, 2 («Синтаксис...», стр. 543).

нием уподобления, полноты сходства, совпадения признаков; частица начинает собою предложение.

[Акимыч] Одних шляпок, никак, дюжина. *Как есть целый магазин* (Остр., Красавец-мужчина, 3, 1, 1); — ... Первое дело, самородок-то на свинью походил: и как будто рыло, и как будто ноги — *как есть свинья* (Мамин-Сиб., Золото, 2, II). Ср.: Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они в столовую: медведь! *Совершенный медведь!* (Гоголь, М. д., 1, V).

Для таких построений характерно повторение имени с частицей при второй форме.

[Домна Пантелевна] (Надевает платок) Да я его и не сниму теперь. (Смотрит в зеркало). *Барыня, ну, как есть барыня!* (Остр., Таланты и покл., 3, II); Да и конь же был! *Огонь, как есть огонь*, просто порох... (Тург., Конец Чертопханова, V). Ср.: — Навезли собак, егерей, ну, *войско наехало, как есть войско!* (Тург., Однодворец Овсяников).

Предложения со значением полноты признака могут быть также односоставными глагольными и двусоставными. Однако все эти типы отличаются, по сравнению с именными, гораздо меньшей степенью употребительности.

[Матрена] ... А народу, поди, много? [Домна Пантелевна] *Полнехонек театр, как есть*... (Остр., Таланты и покл., 3, I); — Понюхай! — Вот и нюхаю. — Ну и что? — *Как есть гусем пахнет*... чудесно!.. (Горбунов, Канун рождества, I); — ... А тут еще захлестнули сукины дети постромку, *как есть соскочила*, — так на вожже всю дорогу левая бежала (Л. Толст., Тихон и Маланья); — Ослеп? — спросила она. — Ослеп! *Как есть ослеп!* (Гл. Усп., Нравы Растеряевой улицы, V, 2).

Частица *как есть* может участвовать в образовании и не предикативно значимых членов предложения со значением полноты, исчерпанности выявления признака (= «полностью, совершенно, целиком, точно»). Но здесь выявляется четкое лексико-грамматическое ограничение: частица вступает в сочетание или со словами *весь, один* (в значении местоимения и в значении «только»), или с именами, определяемыми этими словами, а также с некоторыми наречиями и сочетаниями наречного характера со значением меры, количества, качественной характеристики: [Другой из возвратившихся] Только на виске маленькая ранка, и одна только, *как есть одна*, капелька крови (Остр., Гроза, 5, VI); — Бывало, *всю ночь, как есть*, до утра хором поют... (Тург., Однодворец Овсяников); — *Все как есть* ты правильно сказал (Бажов, Живой огонек).

2) Другим значением построений с *как есть* (только предложений) является значение уверенного утверждения или подтверждения, присоединения к чьему-либо мнению, словам, мыслям. Частица обычно заключает собою предложение.

Подумали хозяева, со сродственниками посоветовались. Один сродственник и говорит: «Товар, сами видите, не первосортный, за стекло не выставишь. *Отдавайте как есть*» (Горбунов, В деньгах счастье); — ... *Его грех, как есть*... (Дост., Прест. и наказание, 2, IV); — Ничего ты от меня, миленький, не получишь... *Ни одного грошика, как есть* (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, III).

Чаще всего это — подтверждающие реплики диалога, носящие характер устойчивых выражений: *это как есть, это так как есть, уж это как есть.*

[Иногородний] Все это вы верно говорите, *вот как есть* (Остр., Последняя жертва, 3, VIII); — ... Лошади-то молодые, пужливые, — дернули, а он вскричал — они пуще... вот и беда. — *Это так как есть!* (Дост., Прест. и наказание, 2, VII); — Подпишись, он тебя живого проглотит. — *Это как есть* (Л. Толст., Воскресение, 2, VII).

9. Построения со сложной, фразеологического характера частицей *что ни (на) есть* имеют значение высшей степени проявления признака. Частица эта сочетается с именем прилагательным в форме превосходной степени.

В сказуемом и в составе главного члена именного предложения частица всегда находится перед знаменательным словом; если форма превосходной степени является сложной, то частица может разделять собою элементы этой формы (*самый что ни на есть лучший*).

[Фекла] Да какой же тебе еще? Уж это *что ни есть лучшая* (Гоголь, Женитьба, 1, VIII); ...Качка там *самая что ни на есть нудная* (Станюк., Гибель «Ястреба», I); — Эта *что ни на есть самая любимая песня* дяденьки Жданова, — сказал мне шопотом Чикин ... (Л. Толст., Рубка леса, XIII).

Собрались на том пиру министры да генералы, князья да графья, сенаторы да митрополиты. *Самое что ни на есть высшее начальство* (Бажов, Про «водолазов») [141].

---

[141] Ср. другое, не свойственное современному языку употребление сочетания *что ни на есть*, которое в данном случае фигурирует как синтаксически расчленимое: — ... Пищи никакой не принимают, *что́ ни на есть чашка чаю*, так и той в день не выкушают... (Писемск., Старая барыня). Ср. еще: — Уж куда как они все не любят, как им *в чем ни есть* перечить станешь (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Неумелые).

Частица *что ни* (*на*) *есть* может участвовать в фомировании и не предикативно значимых членов предложения: — Повадился к нему медведь на пчельник ходить и *самые что ни на есть лучшие* ульи таскать (Нов.-Прибой, На медведя); Насте дали багор и отвели на сетке рейда дворик, чтобы она загоняла в него дрова — *самый что ни на есть последний* сорт бревен... (Б. Зубавин, Начало).

10. Сложная, фразеологического характера частица *не то что* (*не то чтоб*) участвует в образовании предикативных единиц со значениями: 1) признака отрицаемого, но близкого к тому, который здесь же утверждается, сходного с ним; 2) ослабленного отрицания.

1) Значение признака отрицаемого, но сходного с утверждаемым, иногда почти совпадающего с ним, т. е. признака, от которого говорящий как бы «отталкивается» в поисках более точного обозначения, возникает при противопоставлении.

В сказуемом частица всегда находится перед знаменательным словом; в односоставном предложении действуют те же правила расположения частицы по отношению к знаменательному слову, формирующему главный член предложения; в двусоставном предложении частица находится в его начале.

— Надобно вам сказать, что этот профессор *был не то что глуп*, а словно ушиблен... (Тург., Гамлет Щигровского уезда); Тот отшатнулся, и *не то чтоб обиделся*, а уж очень удивился (Дост., Прест. и наказание, 2, VI); Ловец *был малый не то, чтоб совсем бесстыжий*, но стеснять себя не любил и запускал лапу довольно свободно. Вид у него *был не то, чтоб наглый*, а устремительный. Руки *были не то, чтоб слишком озорные*, но охотно зацепляли все, что попадалось по дороге (С.-Щ., Пропала совесть); — Но он становится стар, и он *не то что жесток*, но он слишком деятельного характера (Л. Толст., Война и мир, II, 2, XI).

— Никогда она так привлекательна не казалась ему. *Да и не то что привлекательна;* никогда она так вполне не владела им (Л. Толст., Дьявол, XV); Я смотрел на его лицо и не узнавал его; *не то чтобы его черты слишком переменились* — нет; но я увидел его в совершенно новом для меня свете (Гаршин, Трус); ... Но Сережке Вахрушкину, десятилетнему мальчугану, *не то чтобы не хотелось оставаться в селе ночевать*, а почему-то захотелось во что бы то ни стало перейти еще раз речку (Троепольск., Игнат с балалайкой).

Частица *не то что* (*не то чтоб*) может участвовать в формировании и не предикативно значимых членов предложения:

... Меня вдруг охватило какое-то щемящее чувство, *не то чтобы грусть*, а как бы оторопь (С.-Щ., Игрушечного дела людишки).

2) При отсутствии противопоставления сходных признаков построения с *не то что* (*не то чтоб*) обозначают ослабленное отрицание [142].

И не то чтоб стар был — всего лет не больше тридцати — и из себя недурен, и тенор такой сладкий имел, да вот поди ты с ним! (С.-Щ., Губ. оч., Порфирий Петрович); ... Был подмастерье при прокатном стане, прозваньем Гриньша Рыбка. Парень *не то чтоб сильно могутный* (Бажов, Круговой фонарь).

*

В современном русском языке есть несколько глаголов, для которых сочетание с отрицательной частицей *не* в строе предложения (собственно в предложении или в составе сказуемого) ведет к созданию особого значения: такое соединение обозначает высокую степень длительно проявляющегося признака, называемого непроизводной основой данного глагола. Это глаголы с приставкой *на-* со значением восприятия или отношения. Сочетания типа *не налюбуется* значат: «непрестанно, неустанно любуется» [143]. Таковы сочетания: *не нарадуется* (*не нарадуюсь* и т. д.), *не налюбуется*, *не наглядится*, *не насмотрится*, *не надышится* и *не надышит* (на кого-н.), *не надивится*, *не надивуется*. Эти сочетания формально ограничены: форма на *-л* здесь почти не употребляется [144].

— Княгиня без ума от нее, *не надышит*. (Дост., Униженные и оскорбл., 2, I); — ... Так ее любит, *не налюбуется* на нее (Гонч., Обл., 3, V); — А старик дома сидеть будет, *не надышится* на тебя (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIV).

... Спросил у сопутствующего ему смотрителя, как себя ведет этот арестант? — *Не надивлюсь* на него, — отвечал смотритель... (Л. Толст., Фальшивый купон, 2, I); — А потом опять к окну сядет, и опять на ветру вся, — после

---

[142] Ср. при сохранении значений элементов сочетания: — ... На предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы *не то что раздевали*, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя (Л. Толст., После бала).

[143] См.: В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке. Л., 1927, стр. 20.

[144] Ср., впрочем: И старая и малая *не надышались* друг на друга, так что бабушка, по делам оставшегося от покойного зятя имения, даже советовалась с внучкой... (С.-Щ., Пошехонск. старина, X).

тюрьмы-то, видно, *не наглядится* (Короленко, Чудная, II); — То не везло с бригадирами... А теперь *прямо не нарадуются!* (А. Вальцева, Дуся).

Материалы настоящего раздела позволяют сделать ряд общих выводов.

1. Частица является элементом формы предложения. Эта формальная значимость частиц двойственна. Основную массу построений с частицами составляют такие, в которых изъятие частицы не меняет общего грамматического типа конструкции. Так, если мы сопоставим предложения *Зачем я это сделал!* и *И зачем я это сделал!*, то увидим, что общий тип этих предложений — один: это двусоставные предложения. С участием частицы — позиционно строго закрепленной — создается как бы разновидность, более частная форма предложения; частица и следующая за ней остальная часть построения синтаксически расчленимы. Ср. еще: *Пишет* и *Пишет себе*, *Кто там?* и *Кто еще там?*, *Я знаю* и *Уж я знаю* и т. п. С другой стороны, существует ряд построений, в которых частица обязательно участвует в образовании конструкции данного общего типа: с изъятием частицы ломается все построение. Таковы, например, синтаксически нерасчленимые предложения типа *Вот так дом! Уж и вы!* и мн. др. Остающееся здесь после изъятия частицы имя, конечно, может стать основой собственно именного построения. Однако очевидно, что предложения типа *Дом! Вы!* и т. п. представляют собой совсем иные образования, чем построения типа *Вот так дом! Уж и вы!* и т. п. Это — разные синтаксические типы предложений.

В современной русской разговорной речи выявляются следующие виды построений, в которых частица выполняет структурную роль, т. е. участвует в формировании конструкции особого синтаксического типа.

1) Предложения с частицей *вот*. а) Предложения с оценивающим или усилительным значением, представляющие собой сочетание всегда препозитивного *вот* с именем, глаголом или с предикативным наречием: *Вот стрелок! Вот танцует!* б) Предложения со значением умозаключения как раскрытия внутренней несостоятельности называемого, иронической его оценки, представляющие собой сочетание всегда препозитивного *вот* со следующим далее местоимением *он* (*она*, *оно*, *они*) и именем: *Вот они работнички! Вот она гордость-то! Вот она семейная жизнь*. в) Предложения со значением насмешливого осуждения, строящиеся с участием сочетания *вот еще* (при возможном

разделении компонентов, но с всегда препозитивным *вот*) и имени или глагола: *Вот воин еще! Вот еще выдумал.*

2) Предложения с частицей *вот так*, со значением оценки, строящиеся с всегда препозитивной частицей и следующим далее именем или глаголом: *Вот так распоряжения! Вот так погостили!*

3) Предложения с частицей *вот тебе и* (*вот те и, вот вам и*), со значением отрицания в называемом свойств, качеств, естественно в нем ожидаемых, формирующиеся путем сочетания частицы со следующим за ней именем: *Вот тебе и праздник! Вот вам и правый суд! Вот те и зять!*

4) Предложения с частицей *ну* (*ну и*), со значением удивления и оценки, формирующиеся путем сочетания всегда препозитивной частицы с именем или глаголом: *Ну дом, ну хозяйство! Ну и пьют! Ну и жизнь! Ну и Игнат! Ну и одежек на тебе!*

5) Предложения с частицей *уж* (*уж и*), со значением оценки, строящиеся путем сочетания всегда препозитивной частицы а) с личным местоимением (*Уж и вы! Уж и он!*); б) с именем, определяемым местоимением *этот* (*Уж этот Ваня! Уж эти мне ребята!*); в) с именем или глаголом (*Уж и конь! Уж и придумал!*).

6) Предложения с частицей *еще*, со значением несоответствия признака обнаруживаемого и такого, какой должен был бы быть характерен для называемого, строящиеся путем сочетания частицы с именем: *А еще князь! Еще и умный человек! Веревку пожалел, дурак, сосед еще!*

7) Предложения с частицами *только*, *только и*, со значением исключительности и единственности признака, строящиеся путем сочетания родительного падежа имени и всегда препозитивной по отношению к нему частицы: *У нас только заботы теперь, что мыть да чистить; Только и приправы к еде, что рыба; Муж да муж — только и слов.*

8) Предложения с частицей *тоже*, со значением отрицания у предмета (обычно — лица) того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием, строящиеся путем сочетания частицы с именем: *Тоже — служитель искусства! Тоже мне штурман! Солдат тоже... Истерики закатывает.*

9) Предложения с частицей *туда же*, со значением насмешливого неодобрения, иронии, утверждения несоответствия признака внутренним возможностям, качествам его носителя, строящиеся путем сочетания всегда препозитивной частицы со следующим далее именем или глаголом: *Туда же расхрабрился! Туда же чиновница!*

10) Предложения с частицами *где, куда*. а) Предложения со значением уверенного отрицания возможности совершения действия, формирующиеся путем сочетания частицы со следующим за ней инфинитивом: *Куда меня лечить! Куда уж тебе дрова рубить! Где ж женить! Где мне об ученье думать.* б) Предложения с тем же значением, формирующиеся путем сочетания частицы с дательным объекта: *Куда ему! Куда уж мне! Где нам!*

11) Предложения с частицей *что*, со значением оценки чего-либо как несущественного, такого, которое может быть легко отстранено, преодолено, формирующиеся путем соединения частицы и имени или глагола: *Выговор что! Что премия! Во сне что! — вот наяву попробуй-ка; Что ему пробежать две версты? Мальчишка голодный, а мачехе что?*

12) Предложения с частицей *и есть*, со значением уверенного утверждения признака, предицирующие по отношению к не названному, но известному субъекту и строящиеся как двукратное повторение имени, с частицей, заключающей собою все построение: *Балда — балда и есть, не даст тебе бог счастья; Уж не вьюном Гриньшу зовут, а Рыбкой навеличивают да нахваливают. Рыбка — рыбка и есть. И охота вам расписывать! Звери — звери и есть.*

13) Предложения с частицей *всё*, со значением называния чего-либо как единственного и исключительного источника подразумеваемого действия, состояния и т. п., строящиеся путем сочетания частицы с именем: *А всё ты! Всё ее глупость одна; Это старик всё.*

2. В ряде предложений, строящихся с участием частиц, действуют четко выявляющиеся грамматические ограничения: частица сочетается только со словом той или иной категории, только с той или иной формой слова. Основные случаи грамматической ограниченности в синтаксическом функционировании частиц таковы.

1) В глагольных построениях со значением внутреннего, для себя решения, формирующихся с участием частиц *дай* и *давай*, обязательно присутствует — в составе сказуемого или главного члена предложения — глагол в форме 1-го лица будущего простого; в строе односоставного предложения главным членом может быть любое слово, выступающее как носитель значения признака, выявляющегося в результате внутреннего решения: *Дай пойду; Вот и присел он под дерево: давай, мол, дождусь я утра; Напиться хотел — ковша нет; дай, думаю, из пригоршни; Надо бы зайти, да нынче у них гостей полно — дай лучше завтра.*

2) В построениях со значением побуждения, формирующихся в участием частицы *давай(те)*, в составе главного члена или сказуемого обязателен или глагол в форме, обозначающей побуждение, или — в строе предложения — форма, несущая значение побуждения: *Давайте посидим; Давай пошли; Давай за этим столиком?*

3) Частицы *смотри* и *гляди* участвуют в формировании построений, в которых: а) сказуемое или главный член выражен формой глагола, способной обозначать побуждение, либо б) главный член несет в себе значение побуждения: *Ты смотри не упади! Гляди не влюбись! Без шуму смотри у меня!*

4) Употребляясь в составе глагольного предложения, главного члена глагольного предложения, а также в составе глагольного сказуемого, частица *было* обязательно требует глагола в форме прошедшего времени; кроме того, эта частица может участвовать в формировании именных и наречных сказуемых со значением признака, не до конца выявившегося, прерванного или не приведшего к желаемому результату: *Пошел было; Я было отвернулся; Мы было к тебе; Я было насчет нашего-то дела.*

5) В предложениях, строящихся с наречной частицей *вот* и и имеющих значение иронической оценки, отрицания, внутренней несостоятельности того, о чем сообщается, действуют следующие грамматические ограничения. а) В предложениях, представляющих собою умозаключение или вывод из предшествующего рассуждения, сообщения и т. п. и содержащих мысль о выявившейся невозможности, нецелесообразности какого-либо действия, обязательно присутствие глагола в форме повелительного наклонения с обобщенно-личным значением: *Каков негодяй? Вот и верь после этого добрым соседям! Опять не так? Вот и угоди вам.* б) Предложения со значением иронической оценки действия как неосуществившегося, неудавшегося или давшего результаты, противоположные ожидавшимся, обязательно являются глагольными, с главным членом, выраженным формой на *-л: Незачем мне было в атаку ходить. Комбат должен управлять, а не ходить в атаку. Вот и науправлял.* в) Предложения, обозначающие отрицание в называемом тех качеств, свойств, которые в нем предполагаются, естественно ожидаются, являются всегда односоставными именными; частица осложнена элементом *те, тебе, вам: Скоро, пожалуй, встретит и не узнает. Вот те и дружба! Он любит только играть в чувства. Вот тебе и гуманность вся его.*

6) Предложения с наречной частицей *та́к* (*вот*) *и*, обозначающие уверенное и насмешливое отрицание, утверждение

обратного, — глагольные, причем главный член (в односоставном предложении) или сказуемое (в предложении двусоставном) обычно бывает выражен глаголом в форме прошедшего или будущего времени: *Так тебя и побоялись! Так вот ему братец и уступит!*

7) Предикативные единицы — сказуемые и предложения — строящиеся с наречной частицей *как* и обозначающие внезапное, интенсивно проявляющееся и напряженное недлительное действие, обязательно имеют в своем составе глагол совершенного вида в форме будущего или прошедшего времени: *Я как вскрикну! Как запричитала, как заголосила!*

8) В глагольных построениях с наречной частицей *чуть было (не)*, обозначающих близкий к выявлению, но не выявившийся признак, возможен глагол только совершенного вида в форме прошедшего времени: *Чуть было не забыл; Она меня чуть было не уморила.* Кроме того, эта частица участвует в формировании построений, в которых главный член или сказуемое строится с участием наречия или косвенного падежа имени: *Она чуть было не бегом! Отец на меня чуть было не с кулаками.*

9) Построения с частицей *еще*, имеющие значение припоминания, отнесения к известному, — преимущественно глагольные; форма прошедшего времени здесь преобладает: *Семиквасова помните? Еще гурты в степи гонял; Как выедешь — кустики, напротив кустиков еще вешка дубовая стоит.*

10) В глагольных построениях с частицей *еще*, обозначающих опасение, глагол может быть употреблен только в форме будущего времени: *Не ходи, еще заблудишься! Еще насмех подымет этот мальчишка.*

11) В глагольных предложениях с частицей *еще*, выражающих недовольство и угрозу, глагол имеет форму повелительного наклонения: *Покричите еще у меня! Поспорь еще!*

12) Предложения с частицей *сем*, обозначающие решение, всегда имеют в своем составе глагол в форме 1-го лица или такие выступающие в роли главного члена предложения формы, которые сообщают о действии 1-го лица: *Сём-ка я сыграю с ним в шашки; Сём и я с тобой.*

13) В построениях с частицей *ка*, обозначающих решение, частица всегда сочетается с глаголом в форме 1-го лица: *Пойду-ка и я; Попросим-ка у него взаймы.*

14) Частица *что ни (на) есть* участвует в формировании сказуемых и предложений со значением высшей степени проявления предикативного признака; в состав сказуемого или главного члена здесь обязательно входит имя прилагательное в форме превосходной степени: *Уж это самое что ни на есть*

высшее начальство; Вон цветок... Самый что ни на есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется.

15) В построениях с отрицательной частицей *не*, при строгом лексическом ограничении, действует также и грамматическое ограничение: в составе сочетания функционирует форма будущего простого (*не налюбуется, не нарадуюсь*); употребление формы на *-л* отмечается как редкое исключение.

3. Наряду с собственно структурными и грамматическими ограничениями во многих конструкциях, формирующихся с участием частиц, действуют ограничения лексические: в рамках той или иной конструкции частица сочетается не с любым словом данной категории, а с более или менее узким кругом слов определенной семантики. Именно в построениях с частицами ярко проявляется характерная черта строя русской разговорной речи — лексические ограничения, действующие при формировании того или иного типа конструкций, теснейшая связь грамматики с лексикой. Напомним здесь основные случаи такого ограничения.

1) Лексические ограничения со стороны глаголов выявляются в построениях с частицами *было, как, тоже, тоже и, еще, ну уж, не.*

В построениях со значением действия прерванного, не доведенного до конца или не приведшего к желаемому результату лексически ограничена сочетаемость частицы *было* с глаголами несовершенного вида: такие сочетания образуются с глаголами волеизъявления и мысли (*хотеть, думать, подумывать, собираться, намереваться, пробовать, пытаться, просить, требовать, протестовать, понуждать, соглашаться, отказываться, посылать, ладить* в значении «собираться» и некот. др.), речи (*говорить, спрашивать, уговаривать, успокаивать* и некот. др.), движения (*идти, бежать, ехать*), с глаголами со значением начинания или продолжения (*приниматься, начинать, продолжать*), а также с некоторыми отдельными глаголами (*готовить, показывать, беречься* и некот. др.).

Наречная частица *как* в построениях со значением внезапного, интенсивно проявляющегося и напряженного недлительного действия сочетается только с глаголами, обозначающими резкое движение (*вскочить, бросить, прыгнуть, дернуть, стукнуть, хлопнуть* и т. п.), звуковые явления (*крикнуть, закричать, захохотать, загудеть, застучать, заорать, рявкнуть, ухнуть* и т. п.), проявление чувства или восприятие (*вспылить, покраснеть, вскинуться, вспыхнуть, взглянуть* и некот. др.), а также с глаголами, обозначающими начало действия (*начать, приняться, пуститься* и т. п.).

Лексически ограничены со стороны глагола определенно-личные глагольно-именные предложения, строящиеся с участием союзной частицы *тоже* и обозначающие отрицание у предмета (обычно — лица) того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием: здесь обязателен глагол называния или выявления, обнаружения: *Тоже мужик называется! Тоже учитель выискался! Тоже герой нашелся!*

Глагольные конструкции со сложной частицей *тоже и*, обозначающие ироническое отношение, насмешливое неодобрение, ограничены глаголами речи и мысли: *Тоже и сказал! Тоже и выдумает тятенька! Тоже и придумают!*

В построениях с частицей *еще* обнаруживаются следующие лексические ограничения со стороны глагола. а) В обозначающих несоответствие признаков обнаруживаемого и приписываемого определенно-личных предложениях, главный член которых выражен сочетанием глагола и имени, глагол обязательно обозначает называние (в широком смысле этого термина): *Еще приятельницей называется! А еще считается образцовым работником!* б) В обозначающих недовольство и угрозу односоставных предложениях, главный член которых выражен глаголом в форме повелительного наклонения, глагол обозначает говорение, словесное воздействие: *Разговаривай еще! Поспорь еще у меня! Учи меня еще!*

В предложениях со сложной частицей *ну уж*, обозначающих неодобрение и недовольство, частица в произношении обязательно сливается со следующим за ней словом, если это слово — глагол, в данном контексте выражающий сомнение, недоверие, возражение: *Ну уж сомневаюсь! Ну уж врешь! Ну уж извините!*

Наконец, построения с отрицательной частицей *не* ограничены узким кругом глаголов совершенного вида с приставкой *на-* со значением восприятия: *налюбоваться, нарадоваться, наглядеться, насмотреться, надышаться, надивиться.*

2) Лексические ограничения со стороны местоимений и наречий выявляются в построениях с частицами *еще, ну уж, как есть, даже.*

В состав вопросительных предложений с частицей *еще*, обозначающих недовольство, раздражение и досаду, как правило, входят местоименные наречия *зачем, куда* и т. п. или местоимения *кто, какой, что* и под.: *Кого еще там чорт принес? Это зачем еще понадобилось? Кто там еще? — Я пойду. — Куда еще?*

Значение усиления в предложениях с той же частицей выступает тогда, когда частица смыкается с местоименным словом

как, какой: *Ведь вот человек удумал штуку. И как еще ловко подвел; Да, мошенник был.* — *Еще какой мошенник-то.*

В предложениях со сложной частицей *ну уж*, обозначающих неодобрение, частица в произношении обязательно сливается со следующим за ней словом, если это слово — личное местоимение, выступающее как главный член предложения: *Ну уж ты, забияка! Ну уж вы, знаю я вас.*

В строящихся с частицей *даже* предложениях со значением общего акцентирования частица сочетается с наречием *очень*: *Вот это одобряю. Очень даже одобряю;* — *Вы с ним знакомы?* — *Даже очень.*

Наконец следует отметить лексическое ограничение со стороны местоимения, действующее при формировании не предикативно значимых членов предложения: при оформлении таких членов предложения с участием частицы *как есть* частица сочетается со словами *весь, всякий, один* (в значении местоимения и в значении «только») или с существительными, определяемыми этими словами: *Все как есть любовались; Всю ночь, как есть, проплакала; Все как есть по вашему научению устрою.*

3) Особый характер обнаруживают лексические ограничения со стороны разных категорий слов, объединяемых общим типом лексического значения: в составе построений с частицами *и, же, ну* (*ну и*), обозначающих усиление или оценку, функционируют только слова, называющие признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности, либо слова с качественно-характеризующим значением. Так, в предложениях с частицей *ну* (*ну и*), имеющих значение оценки, это общее значение конкретизируется и уточняется тогда, когда в составе сказуемого или главного члена либо в составе предикативной основы предложения выступает качественное прилагательное (*Ну сердитый!*), существительное с качественно-характеризующим значением (*Ну и денек нынче выдался! Ну уж и лентяй!*), глагол или имя, называющие признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (*Ну напугал! Ну и рады же мы были!*). В предложениях и сказуемых, строящихся с частицей *же* и имеющих значение усиления, обязательно присутствие (в составе главного члена или сказуемого) имени с качественно-характеризующим значением, либо слова (глагола, прилагательного), обозначающего признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (*Плох же ты, брат! Перепугал же ты меня! Рад же он будет! Смелая же какая, подлюга!*). В построениях с частицей *и* (одной или с усиливающими элементами) общее значение усиления связано либо с присутствием в составе глав-

ного члена или сказуемого такого слова, которое обозначает признак, способный проявляться с большей или меньшей степенью интенсивности (*И горяч же ты! И умен же! И накурено у него табачищем!*), либо с употреблением в роли главного члена имени существительного в функции называния конкретного предмета как носителя каких-либо наглядно выявляющихся качеств (*И шапка же у тебя!*).

Помимо перечисленных случаев лексического ограничения, составляющих определенные правила в функционировании разных построений с частицами, в системе этих построений выявляются разнообразные живые тенденции к лексическим ограничениям. Так, в сказуемых, строящихся с частицей *и* и акцентирующих утверждаемое как не совсем обычное, противоречащее тому, что могло бы или должно было бы иметь место, преобладают глаголы со значением мысли, внутреннего состояния, восприятия: *знать, думать, заметить, понять, уметь, вспомнить, забыть, мечтать, слушать,* (*не*) *слыхать,* (*не*) *видать* и под.: *Я и не знал, что он приехал*; *Мы о таком и не слыхали*; *Маруся этого и не заметит.* В глагольных построениях с частицей *же*, обозначающих удивление в сочетании с тем или иным отношением к тому, о чем сообщается, глагол обычно обозначает бытие, выявление, обнаружение, мысль или речь: *Родятся же на свет такие люди! Выдумает же! Бывают же сыновья!* [в значении «бывают же хорошие (или плохие) сыновья]; *Взбредет же в голову! Расскажет же!*

В предложениях с частицей *вот* и обязательно следующим далее местоимением *он* (*она, оно, они*) и именем, выражающих умозаключение о неудовлетворительности или внутренней несостоятельности называемого, обнаруживается тенденция к ограничению имен кругом слов, обозначающих отвлеченные понятия: *Вот она дружба! Вот она гордость-то! Вот они мечты! Вот оно торжество добродетели и правды!*

В ряде построений активно действуют тенденции к преимущественному сочетанию частицы с местоимением или местоименным наречием. Так, в строящихся с частицей *только* предложениях, обозначающих общее акцентирование, выявляется тенденция к сочетанию частицы с местоименными словами *какой, чей, кто, что, как, куда, зачем, почему* и т. п.: *Кто только все это придумывает? На что я только иду! Как она только все это выносит! За чьи только грехи я мучусь с тобой? Откуда они только все вызнали?* Та же тенденция обнаруживается в построениях с местоименной частицей *это* в предложениях со значением общего акцентирования (*Где это ты был? Куда это собрались? Ты о чем это плачешь? Как это тебя угораздило?*),

а также в предложениях со значением акцентирования, начинающихся частицей *и* (*И зачем я рассказал! И в кого она такая уродилась? И как вам не совестно?*).

Наречная частица *там* в построениях со значением «отстранения» чего-либо как маловажного, непервостепенного (иногда с оттенком скрытого пренебрежения) проявляет тенденцию сочетаться с местоименными словами *как, какой, сколько, что, всякий*: *Чего ж там бояться! Какие там у вас неприятности! Тоже богач нашелся: сколько он там получает!*

Тенденции к лексическим ограничениям действуют и при формировании не предикативно значимых членов предложения. Например, при образовании с частицей *таки* членов предложения, обозначающих акцентирование, действуют следующие тенденции к лексико- грамматическим ограничениям. а) Частица сочетается с наречием меры, степени, количества или качественно-характеризующим: *Изрядно-таки вымок*; *Не видались таки давненько*; *Довольно-таки погуляли*; *Крупненько-таки поговорили; Дальняя дорога порядком-таки изломала его.* б) Частица сочетается с наречием *опять: Опять-таки повторяю, что...* в) Частица сочетается с отрицательным наречием *ничего, никак: Ничего-таки ты не понимаешь. Никак-таки его не убедишь.*

Итак, условия синтаксического функционирования ряда частиц, многие типы соответствующих построений ограничены со стороны собственно структурной, а также со стороны грамматической и лексической. Такие ограничения характерны не для всех описанных конструкций. Но определенные правила словорасположения, связанность частицы с предложением или сказуемым той или иной общей формы выявляются во всех конструкциях, в качестве элемента формы которых выступает частица.

Правила расположения разных частиц в составе тех или иных построений разнообразны; они описаны в соответствующих частях данного раздела работы. Здесь отметим только, что выявляются определенные закономерности по отношению к частицам, всегда начинающим собою то или иное построение. Так, по отношению к знаменательному слову, формирующему сказуемое или главный член предложения, всегда препозитивны следующие частицы: *и* и все сложные частицы, имеющие *и* своим последним компонентом (*глядь и, хвать и, вот и, так и, нет-нет да и, оно и, ну и, будто и, уж и, только и, тоже и*); союзные частицы *но, или, добро бы, диви бы*; частицы, функционирующие в сочетании с отрицанием: *как* (*не*), *чуть* (*не*), *чуть-чуть* (*не*), *едва* (*не*), *едва ли* (*не*), *чуть ли* (*не*), *чуть было* (*не*);

сложные частицы *не то что*, *не то чтоб*, *что ни на есть*, *вóт так*; частицы *ну*, *ну уж*, *то-то*, *как*, *так* (безударная); все частицы в соединении с начинающими элементами *а*, *да* (*а уж*, *а еще*, *да уж* и т. п.).

Особые правила действуют при расположении компонентов сложных частиц и частиц, обычно координирующих друг с другом в строе предложения (*и... же*, *да... же*, *что — что ли*, *что ж — что ли* и др.).

ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ СОЕДИНЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО СЛОВА С МЕЖДОМЕТИЕМ

В современной русской разговорной речи существуют такие типы предложений и сказуемых, в которых обязательным структурным элементом является непроизводное междометие или неразложимое сочетание такого междометия с частицей или местоименным словом. Изъятие междометия ведет здесь не к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, а к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа синтаксического построения. Некоторые из этих конструкций отмечаются исследователями, но собственно строительная, грамматическая роль междометия обычно упускается из виду, и конструкции эти рассматриваются наряду с такими, в которых междометия стоят «вне предложения»[1], «синтаксически полностью обособлены»[2], «присоединяются со стороны»[3]. Здесь в разных формулировках повторяется традиционное и считающееся бесспорным положение о том, что «вступать в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут»[4], что, «входя в состав предложения, междометие не связывается синтаксически с другими словами в предложении и не является членом предложения»[5].

Однако нельзя согласиться с тем, что, например, в предложениях типа *Ах она змея! Ах ты мошенник!*[6] значение презре-

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2, СПб., 1912, стр. 34.

[2] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Сб. «Русская речь», II. Л., 1928, стр. 9.

[3] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 291.

[4] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6, М., 1938, стр. 372.

[5] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 674.

[6] Обычно ставящаяся после междометия запятая здесь, как и в других случаях, которые будут рассмотрены ниже, противоречит интонации: междометие произносится слитно с непосредственно следующим за ним словом.

ния, упрека или порицания выражается междометием *ах*[7]: эмоционально-оценочное значение выражается здесь формой конструкции в целом. Несмотря на то, что местоимение здесь обозначает того, кому приписывается признак, называемый именем, это местоимение не может рассматриваться как грамматическое подлежащее: данная конструкция не может быть традиционно расчленена на отдельные члены предложения. Ср. у Шахматова: «По-моему, односоставны и предложения типа: *Ах, вы золотой человек! — со вздохом промолвила Марья Николаевна.* Вешн. воды, XXXV (не то, чтобы она утверждала, что Санин золотой человек; *вы* не подлежащее; *вы золотой человек* нераздельное сочетание!)»[8]. Точность требует добавить, что само это нераздельное сочетание существует только в составе более сложного и тоже нераздельного сочетания — особого типа предложения с непроизводным междометием *ах* в качестве обязательного конструктивного элемента.

В предложениях типа *Ах я дурак! Ай да молодец наш Гриша! Ах Митя, Митя! Эх молодость, молодость! Ох и ругался же он!* и других приравнивать междометия к тем или иным членам предложения, видеть в них «эквиваленты» определений или обстоятельств — невозможно. Вряд ли закономерно здесь рассматривать междометия и как «экспрессивные синонимы» каких-либо знаменательных частей речи[9]. Междометие выступает здесь в функции структурного элемента предикативной единицы определенного типа; неизученность этих

---

[7] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 751.

[8] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 511. — Высказанное здесь понимание этих предложений как односоставных противоречит помещению их в разделе двусоставных согласованных односказуемых субстантивных предложений (§ 206[2]); впрочем, и здесь Шахматов пишет, что «сказуемое в некоторых восклицательных предложениях представляет особую природу. *Ах, она старая чертовка!* Холост. (здесь нет утверждения)» (там же, стр. 187).

[9] Ср. замечание В. В. Виноградова о том, что первичные междометия «нередко... выступают как экспрессивные синонимы или смысловые эквиваленты слов из категории состояния, существительных, количественно-усилительных наречий и даже целых предложений. Например: „Скучно так, что ой-ой-ой!“ (Рылеев); „В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!“ (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки. Первый рассказ подьячего); „В каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка!“ (Гоголь, Мертвые души)» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 750; см. там же, стр. 759). Верную мысль об экспрессивности междометий некоторые авторы пытаются подменить тезисом о богатстве лексических значений междометий. Так, например, в статье «Смысл междометий» («Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», т. XI, 1954) Н. В. Касаткин занимается анализом «значений» непроизводных междометий в неопределенно широких контекстах.

конструкций не может служить основанием для того, чтобы отрицать в них собственно строевую роль междометий [10].

В книге «Русский язык» В. В. Виноградов отмечает, что «способы разнообразного функционально-синтаксического использования междометий у нас совершенно не изучены» [11]; он называет исследование синтаксических функций междометий одной из «задач будущего» [12]. Действительно, литература о синтаксической роли междометий в строе предложения русской разговорной речи почти полностью отсутствует. Этому вопросу специально посвящена лишь статья А. И. Германовича о «синтаксисе междометий» [13]. Здесь междометия изучаются с точки зрения того, в функции каких членов предложения они выступают. Так, рассматривая предложения: *Ай да молодец! Ох, несчастье! Ай, беда! Ну, публика! Изволь вот ей угодить; Ох и красота!*, А. И. Германович полагает, что междометия выступают здесь в роли определения [14]. Правильно отмечая, что «знаки препинания на письме не передают интонационных связей междометия» [15], автор статьи в то же время не обращает достаточного внимания на интонацию предложения и на конструктивную роль междометий. Поэтому оказываются объединенными в одном ряду предложения, в которых роль междометий очень различна. Если в предложениях типа *Ох и красота!* или *Ай да молодец!* междометие интонационно неотделимо от имени и вместе с ним образует особого вида синтаксическую конструкцию, то в предложениях типа *Ох, несчастье!* обязательно хотя бы незначительное интонационное членение; междометие здесь не является необходимым конструктивным элементом предложения, которое сохранит свою форму и значение и в слу-

---

[10] Верно замечание о том, что «чувство и волю человека нельзя механически противопоставить мысли. Изучение междометий в синтаксисе дает возможность установить, что они являются средством эмоционально-экспрессивного выражения наших мыслей — чувств». (А. И. Германович. Междометие как часть речи. «Русский язык в школе», 1941, № 2, стр. 31). Ср. у Вандриеса: «Грамматический, организованный, логический язык действительно никогда не бывает независимым от языка аффективного. Всегда налицо воздействие одного языка на другой» (Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 145).

[11] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 759.

[12] Там же, стр. 760.

[13] А. И. Германович. Синтаксис междометий и их стилистическое значение. «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XIV. Кафедра русского языка. Симферополь, 1949. Некоторые из доказываемых в этой работе положений первоначально были кратко сформулированы автором в упоминавшейся выше статье «Междометие как часть речи».

[14] А. И. Германович. Синтаксис междометий..., стр. 11, 14.

[15] Там же, стр. 17.

чае изъятия междометия, чего не случится в случае изъятия междометий из предложений первой группы. Конечно, ни в том, ни в другом случае видеть в междометии определение не представляется возможным: стремление подогнать предложения особой, специфической структуры под традиционную схему нисколько не помогает уяснению их природы и, в частности, той функции, которую выполняют здесь междометия.

Итак, междометие может быть одним из элементов формы синтаксического построения того или иного типа. Это построение обычно является предикативно значимым; однако возможно — хотя со значительными ограничениями — участие междометий в образовании и таких синтаксических форм, которые не представляют собою «сообщающих» единиц языка (см. ниже).

ПОСТРОЕНИЯ С НЕПРОИЗВОДНЫМИ МЕЖДОМЕТИЯМИ

Существуют три основных вида построений, формирующихся с участием непроизводных междометий: построения, образующиеся 1) с участием одиночного междометия; 2) с участием сочетания междометия и частицы и 3) с участием сочетания междометия с местоименным словом.

Построения, формирующиеся с участием одиночного непроизводного междометия

1. Непроизводные междометия *ох, ах, эх, ух, ой, ай* могут выступать в качестве обязательных строительных элементов при образовании односоставных безличных предложений [16], имеющих значение интенсивности, высокой степени проявления признака. Междометие находится в абсолютном начале предложения или непосредственно перед знаменательным словом, формирующим главный член предложения, несет на себе ударение и интонационно не отделяется от следующего за ним слова; интонационная слитность с последующим словом и подчеркнутая ударенность междометия отличают описываемые предложения от таких, в которых междометие не является конструирующим, собственно синтаксическим элементом в предложении. Ср.: *Трудно мне с ним работать, óх ↑трудно!* и *Ох,*

[16] Интересно замечание С. Карцевского о том, что междометия *эх, ах, ох, ух, эй, ай, ой* и некоторые другие обычно служат для введения фразы («...ne servent normalement qu'à introduire la phrase». S. Karcevski. Introduction à l'étude de l'interjection. Cahier Ferdinand de Saussure, 1, 1941, стр. 73).

тру́дно! Предложения данной формы характеризуются тем, что они обычно строятся на основе повторения знаменательного слова в составе сложной бессоюзной конструкции: *Трудно, о́хТтрудно! Достанется тебе от матери, у́хТдостанется!*

— *Много* в те поры пушек было... *Ай, много!..* (Горбунов, Из деревни, III); *Много* придется вам казенных пайков проглотить. *Ох, много* (Нов.-Прибой, Рассказ боцмана-та); — *Хорошо* у них, — думал Лукашин... — *Ах, хорошо!* (Панова, Кружилиха, 3).

Личные бесподлежащные предложения также могут оформляться с участием междометия; такие предложения обычно являются нераспространенными или малораспространенными.

— Стало быть, была очень бедная, коли в углу в подвале жила? — *Ух бедная!* Все сердце на нее изныло (Дост., Униженные и оскорбл., 2, IV); — Вот теперь *закурю*, Варюша, *ох, закурю!* (Панова, Спутники, 3, 12).

Возможно участие первичного непроизводного междометия и в образовании предложений инфинитивных; однако такие построения относительно редки.

Бурлаки работают: то и дело нагибая спины, наклоняются, поднимаются, шлепают тяжелыми, усталыми ногами, думают что-то, вероятно, об том: *ах бы лечь и отдохнуть...* (Решетн., Подлиповцы, 2, VI).

Образования собственно именных предложений с участием непроизводного междометия в литературной речи отметить не удалось. Ср. в пословице: «*Ах мак*, да зелен; хорош малый, да молод» [17].

Рассматривая построения с междометиями, «примыкающими» к следующему слову, А. И. Германович объединяет в одном ряду такие построения: *У х, ж а р к о! До полдня грибы собирали...* (Некр.) и *Ух, я не выношу клевет*! (Лерм.) [18]. Между тем, в первом случае междометие, ударяемое и интонационно сливающееся с безлично-предикативным словом (*У́хТжарко*) [19], является строительным элементом предложения определенной структуры; во втором предложении междометие такой грамматической функции не выполняет и синтаксически не связано с предикативной основой предложения.

---

[17] В. И. Д а л ь. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 353. В книге после *ах* — противоречащая интонации запятая; *Ах, мак...*

[18] А. И. Г е р м а н о в и ч. Синтаксис междометий..., стр. 13.

[19] Интонационное слияние в *У́хТжарко* подсказывается ритмом стиха; акцентирование междометия здесь связано с его положением в абсолютном начале строки.

Ту же строительную роль играет непроизводное междометие и в составе сказуемого с аналогичным значением; так же, как и в строе односоставного предложения, междометие здесь несет на себе ударение и интонационно сливается с непосредственно следующим за ним глаголом или именем.

— Яков Петрович, учитель наш, человек — *эх башка!*.. (Нов.-Прибой, Порченый, V); — Вернуться на производство при твоей амбиции тебе будет, *ой, нелегко!*.. (Панова, Кружилиха, 1); Этот технорук только с виду вежливый, а сам, *ух, вредный*! (А. Рыбаков, Водители, 2, 19).

Как и в аналогичных типах предложения, такое сказуемое часто строится на основе повторения знаменательного слова.

— *Вернется* это к тебе с возрастом — *ох, вернется*! — да поздно будет (Соболев, Зеленый луч, 3).

Сочетание знаменательного слова с междометием не является средством оформления только предикативных единиц языка: таким сочетанием может оформляться и логически акцентируемое обстоятельство или определение: Тут-то много — *ух! много* горя приняли мужички! (Л. Толст., Утро помещика, V); Книжка попалась *ух интересная!*

2. Особый тип предложения образуется сочетанием непроизводного междометия *эх, ах, ох* с дважды повторяемым именем существительным. Междометие безударно или слабоударяемо, стоит в абсолютном начале предложения и интонационно не отделяется от следующего за ним слова; все предложение произносится слитно, без паузного членения, с резким выделением первого имени и интонационным спадом в конце. Такое предложение имеет значение сожаления или осуждения, насмешки.

[Лоскутков] *Ох, деньги! деньги!* Что это нынче за свет! Кого ни спроси — всякий говорит, нужно денег... (Некр., Петерб. ростовщик, VI); — Рассорились, видно. *Эх, молодость, молодость!* (Писемск., Тысяча душ, 1, VII).

Разновидность таких конструкций — предложения с местоимением 2-го лица после междометия; значение предложения остается тем же; местоимение не является ни подлежащим, ни обращением: роль его — полуслужебная и приближается к функции усилительной частицы.

[Григорий] *Эх, ты, житье, житье!* Вставши да за вытье. (Гоголь, Лакейская, VII).

При наличии местоимения существительное может не повторяться дважды.

[Ераст] *Эх, ты жизнь!* Как подумаешь, так мурашки у тебя по спине-то заползают (Остр., Сердце не камень, 3, I).

3. Предложения типа *Ах она старая чертовка!* Шахматов справедливо считал односоставными, видя в соединении местоимения с существительным «нераздельное сочетание» (см. стр. 250). Нераздельной здесь является, однако, вся структура предложения: междометие (*ах, эх*) конструктивно значимо, с его изъятием нарушается данный особый тип синтаксического построения. Интонационное членение в предложениях этой формы отсутствует, имя (существительное или прилагательное) несет на себе ударение, междометие слабоударяемо, местоимение безударно. Предложение имеет ярко выраженное эмоционально-оценочное значение; входящее в его состав имя обозначает лицо по отрицательному или (реже) положительному признаку.

[Пролетов] *Ах, он мошенник этакий!* Прошу покорно! (Гоголь, Тяжба, III); «*Ах, я дурак!* — твердил он бессознательно. — Я ее испугал. Надо было тише, словами разбудить. *Ах, я скотина неловкая!*» (Л. Толст., Два гусара, XV); Иван Алексеевич бледнеет, хватает себя за голову и начинает быстро шагать по вагону. — *Ах, я идиотина!* — негодует он. — *Ах, я подлец*, чтобы меня черти съели. Ну, что я теперь буду делать? Ведь в том поезде жена! Она там одна, ждет, томится! *Ах, я шут гороховый!* (Чехов, Счастливчик); — *Ах ты умница моя!* (Из разг. речи).

4. Предложения типа *Эти мне кумушки!* (или: *Уж эти мне кумушки! Уж эти кумушки! Эти кумушки!*) имеют значение неодобрения, осуждения, отрицательной оценки[20]. Рядом существует сходная и равнозначная конструкция с непроизводным междометием *ах, ох, эх* в абсолютном начале предложения. Разновидности ее таковы.

1) *Ох эти кумушки!* Междометие всегда находится в абсолютном начале предложения, ударяемо и интонационно не отделяется от следующего за ним местоимения.

— *Ах, эта Белкина!* Пристает, приезжай к ней по середам (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIV); — А твоей Вареньке таки достается, — прибавил он. — *Ох, эти больные барыни!* (Л .Толст., Анна Каренина, 1, 2, XXXIV); — И потом там грязно, *эх, эти строители...* (Макаренко, ФД-1, 22).

Местоимение может следовать за именем; в этом случае имеет место незначительное интонационное разделение междометия и следующего за ним имени.

---

[20] По-видимому, калька с немецкого. Ср. способность указательного местоимения в немецком языке выражать разные оттенки эмоционального отношения к лицу.

[Анисья] Сейчас караул закричу. [Никита] Да будет! *Эх, народ этот.* (Л. Толст., Власть тьмы, 4, XII).

2) *Ох уж эти кумушки!* Междометие несет на себе ударение, интонационно сливается с *уж*.

Она очень озябла. *Ох, уж эта весенняя сырость!* (Пауст., Повесть о лесах, Ожидание); — *Ох, уж эта Загряжская автобаза!* (А. Рыбаков, Водители, 3, 39).

3) *Ох уж эти мне кумушки!* Здесь наиболее сильно акцентируемое слово — указательное местоимение.

— И кто его в нашу сторону занес? *Ох, уж эти мне заезжие!* (Тург., Однодворец Овсяников); — *Ох, уж эти мне нервные люди!* (Тург., Отцы и дети, XXIV); — Терпеть не могу краснобаев! — говаривал он. — *Ох, уж эти мне златоусты!* (Пауст., Повесть о лесах, Гонкое дерево).

С перестановкой компонентов.

[Мурзавецкий] *Ох, уж эта охота мне!* Устал, братец (Остр., Волки и овцы, 1, 5); [Репейкин] Да зачем проклятый Радимов тут мешается? *Ох мне уж этот Радимов!* (Писарев, Хлопотун, XII), Ср.: — В книгах так наврано, а ты их начитался... *ой мне эти писатели!..* (Основьяненко, Скупец).

4) *Ох, кумушки!* После междометия проходит интонационное членение; акцентируется имя.

Солдат с распухшей щекой сердито глядел на песенников-кавалеристов. — *Ох, щеголъки!* — проговорил он укоризненно (Л. Толст., Война и мир, III, 2, XX); [Кучер] Красавчика испортил ни за что. А лошадь была... *Эх, житье!* (Л. Толст., Плоды просвещ., II, 3).

5. Предложения типа *Ай да мед!* [21] имеют значение экспрессивной оценки, обычно — положительной, реже — отрицательной, часто с оттенком удивления; интонационное членение отсутствует. Преобладающим типом являются здесь построения с именем существительным конкретного значения, часто — с именем собственным.

[Антип Антипыч] *Ай да жена!* Вот люблю! *Ай да Матрена Савишна!* (Остр., Семейная картина); [Цыгане] *Ай да Михаил Андреевич,* настоящий цыган! (Л. Толст., Живой труп, I, 2, I); — *Ай да тетка!* — восторгается кто-то (Нов.-Прибой, Подарок); — Молодец! Ловко! *Ай да питерский!..* (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, VIII).

[21] Сочетание *ай да* в современном языке неразложимо: это — цельное междометное слово, специфика которого в том, что оно функционирует только в составе описываемой конструкции и вне ее, как отдельное слово, не употребляется.

Возможны и глагольные конструкции этого типа.

— *Ай да валяет...* музыкантша... Битховен!.. (Л. Толст., Юность, XXIX).

По тому же типу образуется сказуемое, чаще именное; такое сказуемое обычно предшествует подлежащему, начиная собою предложение.

Ай да молодец мичман! (Станюк., Нянька, XVII); — *Ай да молодец Петька Бурков!* (С.-Щ., Губ. оч., Горехвастов).

6. Междометие *ай* участвует вместе с именем в образовании предложений со значением удивления: *Ай Моська!* Интонационное членение отсутствует, междометие безударно, всегда начинает собою предложение.

[Городничий] *Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий!* Вона, как дело-то пошло! (Гоголь, Ревизор, 4, XV).

В предложениях всех описанных типов непроизводное междометие не просто «прибавляется» для выражения того или иного чувства, эмоции; оно является конструирующим элементом данного типа предложения, выполняя в нем собственно строительную роль.

Построения, формирующиеся с участием сочетания непроизводного междометия и частицы

Строительную роль в предложении может выполнять непроизводное междометие в сочетании с частицей *и*; такое сочетание носит устойчивый характер и в данном типе построений неразложимо. Предложения и сказуемые, формируемые с участием сочетаний *ох и, ах и, эх и, ух и, ой и,* имеют значение экспрессивной оценки, часто — с оттенком удивления или высокой степени проявления признака. Предложения, строящиеся с участием данного сочетания, односоставны (за исключением построений с *был, будет*); междометное сочетание всегда начинает собою всю конструкцию. Междометие несет на себе ударение: *Эх и пёсня!*; однако ударение на междометии может быть ослаблено и сосредоточено на знаменательном слове: *Эх и пёсня!*[22] В обоих случаях междометное сочетание интонационно не отделяется от следующего за ним слова.

[22] Неточно, поэтому, утверждение, что интонационно междометие «всегда центральное слово, принимающее на себя наибольшую силу экспрессии, выражающейся в подчеркнутом произношении его, в силе или повышении тона» (А. И. Германович. Синтаксис междометий..., стр. 15, см. там же, стр. 17).

В современной русской разговорной речи существуют следующие виды предложений, строящихся с участием сочетания междометия с частицей *и*.

1. Односоставные определенно-личные предложения, обычно нераспространенные.

— А только как увидел, что тут прибыли не в жмурки играть, — *эх, и стрекача задал назад!* (Нов.-Прибой, В бухте «Отрада»); — *Ой, и вредные пацаны*, дали им волю... (Макаренко, ФД-1,11); — Да Ефимку можно приспособить, — уцепился Морозка. — *Ох, и ездок*, скажу я тебе, — в старой армии призы брал! (Фад., Разгром, 1, IX); От разговора с зоотехником Валентин даже вспотел. — *Ух, и ученый!* — сказал он с уважением (В. Лукашевич, Хозяйка, 3).

2. Односоставные неличные предложения — безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные.

— *Ах, и нехорошо*, Андрон Евстратыч! (Мамин-Сиб., Золото, 2, V); — *Эх, и саданули*, — рассказывает рябой минный машинист Тюркин... (Нов.-Прибой, Подводники); — *Ох, и лютуют!* (Фад., Разгром, 3, I); — *Ох, и вкусно!* — поддразниваю я (В. Лукашевич, Прошлым летом, Мы даем прозвище); *Ох и дрожишь, бывало!* (Из разг. речи).

3. Двусоставные предложения со сказуемым — глаголом бытия.

— *Ох, и потеха только была* (Мамин-Сиб., Летные, XI); — ... Но тут ... *ох, и хай будет!* (Соболев, Экзамен); *Эх и крик стоял!* (Из разг. речи).

Во всех описанных конструкциях значение их может усиливаться и подчеркиваться введением частицы *же*, находящейся после знаменательного слова. Усиливая общее значение предложения, частица не является, однако, его обязательным структурным элементом. Основной акцент в таких построениях падает на знаменательное слово: *Эх и пе́сня же!*

Эх, и достанется же от родителя... (Мамин-Сиб., Золото, 1, IV); — *Эх, и танец же!* (Макаренко, Командировка, 64); — Делать нечего, смотреть нечего, гулять надоело, *ой, и надоело же*, если бы вы знали... (Макаренко, ФД-1, 21); — *Эх, и народ же кислый!* (Соболев, Капит. ремонт, 5); — *Ох, и печет же сегодня!* (Троепольск., Игнат с балалайкой).

С участием междометного сочетания *ох и* (*ах и, эх и* и т. п.) может строиться именное и глагольное сказуемое двусоставного предложения. Характерной чертой таких построений является то, что такое сказуемое обязательно начинает собою предложе-

ние; поэтому его значение как бы распространяется на все предложение в целом.

[Лука] (Вздохнув) *Ах, и неласкова* ты, мать... (Горький, На дне, I); — *Эх, и рассердился* на меня Сонькин! (Нов.-Прибой, Подводники); — *Ох, и гуляет* ваш один с хлопцами с нашими... (Фад., Разгром, 3, II); — *Ох, и распетушился* ты, дед! (Пауст., Повесть о лесах, Ровные стружки); — *Ох, и упорный* ты парнишка! Ох, и упорный! (Бажов, Огневушка-Поскакушка); *Ух, и бесстыжие* глазищи! (А. Рыбаков, Водители, 2, 15).

Так же, как и в целом предложении, в состав сказуемого, строящегося с участием междометного сочетания, может входить усилительная частица *же*, не являющаяся и здесь обязательным конструктивным элементом предикативной единицы данного типа.

Но больше всего меня занимало море. *Эх, и размахнулось же* оно! (Нов.-Прибой, Подводники); *Ох, и хороша же была* эта Надежда Васильевна... (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 5, XI); — *Ох, и хлебнет же* она горя в жизни! Подумать страшно. Ох, и хлебнет! (Пауст., Повесть о лесах, Мечтательница).

Междометные сочетания *ох и* (*же*), *ах и* (*же*) и другие могут оформлять не только предложение и сказуемое, но и не предикативно значимые члены предложения, логически и экспрессивно акцентируемые; однако показательно, что такой член обычно выносится в начало предложения и значение интенсивности таким образом как бы распространяется на все построение в целом: — Воротиловка? — быстро спросил Пивоваров. — Всю ночь горела! *Ой, и здорово ж горела!* (Макаренко, Гришка, 3). См. также иллюстрации в статье А. И. Германовича «Синтаксис междометий...» стр. 13 и 14.

Построения, формирующиеся с участием сочетания непроизводного междометия с местоименным словом

Разные виды глагольных, чаще всего односоставных предложений, а также глагольные сказуемые, обозначающие высокую степень проявления предикативного признака, могут формироваться с участием нераздельного сочетания междометия и местоименного наречия *как* в качестве конструктивного элемента всего построения: *Ох как горько! Устал я, ах как устал. Сердце ой-ой как колотится!* В слове *как* здесь ослабляется наречное значение, и это слово в данных построениях

не может рассматриваться как обстоятельство; тем более нельзя здесь видеть обстоятельственное слово в междометии [23]; все сочетание в целом имеет усилительное значение и является одним из элементов формы предложения или сказуемого. Неразложимость этого сочетания подтверждается построениями, в которых междометное сочетание стоит после знаменательного слова, например: — Вот цепочкой *обжег ой-ой как!* (Нов.-Прибой, Пошутили); Савушкин потрогал лягушку, та не шевельнулась. — Притворяется, — засмеялся Савушкин. — Будто мертвая. А дай солнышку пригреть, *заскачет ой-ой как!* (Ю. Нагибин, Зимний дуб). Однако наречная природа *как* сказывается в том, что именные предикативные единицы с таким сочетанием строиться не могут. Междометие в таких построениях обязательно несет на себе ударение, *как* — безударно; вся конструкция интонационно не членится: *о́х как устал, а́х как надоело, у́х как ругался, и-и́ как холодно, ой-о́й как всплакнуть придется.*

— Деньги, деньги, где их достать? — говорил полный отчаяния иззябший человек в рваной жакетке. — А требуются? — иронически спрашивает его лихач-извозчик. — *Ах как надо, ах как надо:* два дня не ел... (Горбунов, Канун рождества: I); ... Они едва брели, ничего не отвечая на наши расспросы: много ли турок, силен ли огонь. Только некоторые тихо говорили: «Дай вам господи! *И-и-и, как жарит!*» (Гаршин, Аясларское дело, IV); — Только и отпетый, скажу я вам, народ, и дело свое *ух как знают*... (Мамин-Сиб., Золотая ночь, III); — Я над теми парусами чуть не ослеп. — *Ай, как старался!* — сказал насмешливый толстый пассажир (Пауст., Парусный мастер).

Характерной чертой функционирования описываемых предложений является их употребление в составе бессоюзного построения, непосредственно после предложения близкой формы (но без междометного сочетания) и с элементами того же лексического состава, с незначительной паузой. Это — употребление, типичное вообще для построений с междометиями (ср. конструкции с непроизводными междометиями).

[Юлия] Тяжело будет и *стыдно, ох, как стыдно* (Остр., Последняя жертва, 1, VIII); Да, *всплакнешь, ой-ой-ой, как всплакнешь*, коли голова с утра до ночи только такими мыслями и полна! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); Ее лицо задрожало. — *Бьют* нас, *ах, как бьют*, Николай (Панова, Спутники, 1, 3).

---

[23] См.: А. И. Германович. Синтаксис междометий..., стр. 11.

Такое повторение может осуществляться и после значительной паузы. В этом случае нельзя говорить о бессоюзной конструкции, однако тесная лексико-синтаксическая связь между двумя предложениями остается.

— ...А шансов *много* потеряно... *Ох, как много!* (Писемск., Тысяча душ, 3, X); — Да и *все равно* мне. *Ох, как все равно!* (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, V); — Вообще, батенька, *круто* приходится! *Ух, как круто!* (Чехов, Пустой случай); Но... *ошибся. Ой, как ошибся!* (Троепольск., Прохор семнадцатый...).

Не менее обычны в разговорной речи и сказуемые, строящиеся с участием сочетания междометия с наречным словом *как*.

— Собственность, значит, признает; а это, по нынешнему времени, *ах как приятно!* (С.-Щ., Верный Трезор); — Это, брат, *ух как горько* и *ух как подло!* (Гл. Усп., Разоренье, X, 2); — Они вам еще *ой-ой как пригодятся!*.. (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, VI); — Самонадеянности море *ох, как не любит!* (Соболев, Зеленый луч, 6).

И здесь, так же как в строе целого предложения, обычны конструктивные лексико-синтаксические повторения.

— *Отстал* я от хороших людей, *ах как отстал!* (Чехов, Дом с мезонином, I); — А Сережа-то *прост, ох, как прост*, Данилушка (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 3, IV); — *Ублажил* ты меня, Петр, *ах, как ублажил!* (Нов.-Прибой, Порченый, III).

При значительном паузном членении сказуемое типа *ах как состарелся*, строящееся на основе повторения простого глагольного сказуемого, выступает как относительно самостоятельное предложение. Такие построения Шахматов относил к «дефектным предложениям» [24].

— ...Нам честь полка *дорога*, и Богданыч это знает. *Ох, как дорога*, батюшка! (Л. Толст., Война и мир, I, 2, V); [Иванов] А жизнь, которую я пережил, — как она *утомительна! Ах, как утомительна!* (Чехов, Иванов, 1, V) [25].

Ср.: Нет, *невеселое* мое дело! *Ох, до чего невеселое!* (Л. Пантелеев, Пакет).

---

[24] Его пример: «Но вообще я *буду осторожен*... *У, как* (я буду) *осторожен!*.. Тут политика нужна». Холост. III. (А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 246).

[25] Ср. в этом примере резкое различие в значениях *как*, в первом случае полнозначного, во втором — почти полностью лексически опустошенного.

Именное односоставное определенно-личное предложение и именное сказуемое также могут оформляться с участием непроизводного междометия и местоименного слова; но в состав главного члена или сказуемого в этом случае входит не наречное слово *как*, а местоименное прилагательное *какой*, также не являющееся здесь самостоятельным членом предложения и утрачивающее свою лексическую полнозначность. Междометие несет на себе ударение; все сочетание интонационно не членимо.

Сначала он *был дураком — ах, каким дураком...* (Панова, Спутники, 2, 8); *Тяжелые* дни войны. *Тяжелые, ох, какие тяжелые...* (В. Некр., В родн. городе, 2, 5).

— Наш батарейный командир тоже *ух какой баловник был!..* (Горбунов, Петр Петрович); — ... Ну, а люди стали нынче тоже, *ох, какие не дураки...* (Писемск., Тысяча душ, 3, IV); — ... Атаман Ермак, — силища у него *у! какая была!* (Решетн., Подлиповцы, 1, X).

Сюда же: Убытки тут *не ахти какие большие;* Дело-то *не ахти как важно.*

С участием сочетания *ох* (*ах* и т. п.) *как* и *ох* (*ах* и т .п.) *какой* могут оформляться и не предикативно значимые члены предложения: Рассуждает-то он *ах как ловко;* Давно, *ох как давно* это было; Здесь *ох какой капитальный ремонт* нужен; Нам еще с этим парнем *ой-ой какая возня* предстоит.

Выше рассмотрены основные типы предикативных единиц — сказуемых и предложений, строящихся с участием первичных непроизводных междометий — одиночных или в сочетании с частицей или местоименным словом. Факторы собственно конструктивные, а также интонационные и акцентологические подтверждают, что во всех этих случаях междометия и междометные сочетания не просто «прибавляются» к предложению или его члену, а выступают в качестве одного из строительных элементов синтаксической конструкции определенного типа.

ПОСТРОЕНИЯ С ПРОИЗВОДНЫМИ МЕЖДОМЕТИЯМИ

Особое место среди построений с междометиями занимают конструкции, строящиеся с участием междометия *эк* и его варианта *эка*.

Междометие *эк* (*эка*) участвует в формировании предложений разной структуры с общим значением оценивающего акцентирования или — чаще — высокой степени проявления признака. Междометие всегда находится в абсолютном начале пред-

ложения и несет на себе ударение, которое иногда может быть ослаблено. Местоименно-наречное происхождение этого междометия накладывает определенный отпечаток на его функционирование в составе предложения. Существуют следующие виды построений с междометием *эк* в качестве одного из конструирующих элементов.

1) Двусоставные личные предложения, в которых междометие, акцентируя все предложение в целом, в то же время, в силу своего бывшего наречного значения, по смыслу тяготеет к глагольному сказуемому.

— *Эк ты храпишь;* За две комнаты слышно (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — *Эк ты на себя вельможества-то напустил!* (С.-Щ., Губ. оч., Хрептюгич и его семейство); — *Эк ты напугал меня,* — рассердился Родион Потапыч (Мамин-Сиб., Золото, 5, VI); — *Эк, у тебя кобыла опаршивела,* — говорил Бакланов (Фад., Разгром, 2, II).

2) Односоставные личные нераспространенные глагольные и именные предложения.

[Кочкарев] *Эк мерзавец,* ведь мне ничего об этом (Гоголь, Женитьба, 1, IX); [Ласуков] *Эк улепетывает!* (Некр., Осенняя скука); — Вот важно-то! *Эк поскакали!* (Л. Толст. Рубка леса, V).

3) Односоставные безличные и неопределенно-личные предложения; междометие, акцентируя все предложение в целом, по смыслу тяготеет к главному члену.

— *Эк его разобрало!* (Гоголь, М. д., 1, IV); — Цыц, проклятые! *Эк на вас погибели нет* (Тург., Ермолай и мельничиха); — *Эк тебя избили.* (Решетн., Подлиповцы, 1, XII); — *Эк тебя разнесло, а?* (Мамин-Сиб., Говорок, I).

4) В предложениях разной структуры, включающих в себя местоименные слова *как, куда, когда, какой,* бывшее местоименно-наречное значение междометия *эк,* «поглощаясь» местоименным значением этих слов, совсем утрачивается и междометие почти превращается в частицу. Как и в других случаях, оно всегда начинает собою предложение.

[Городничий] ...*Эк* шпага *как* исцарапалась! (Гоголь, Ревизор, 1, IV); [Городничий] (в сторону) *Эк куда метнул!* (Гоголь, Ревизор, 2, VIII); — *Эк* цену *какую* завернули! (Гоголь, Портрет, I); [Прасковья] *Эк* вы *когда* хватились насчет науки (Горбунов, Визит, I).

Междометие *эк* может сочетаться с частицей *ведь;* этим акцентируется общее модальное значение всей конструкции.

— *Эк ведь комиссия!* Ну, уж комиссия же с вами! (Дост., Прест. и наказание, 4, V).

Вариант междометия *эк — эка* выступает в той же функции и в тех же типах конструкций, что и *эк*, находится всегда в начале предложения и несет на себе ударение (в ряде случаев ударение может быть ослаблено, так же, как и на *эк*).

[Артемий Филиппович] (в сторону) *Эка, бездельник, как расписывает*! (Гоголь, Ревизор, 3, 5); [Митрич] *Эка винищем от тебя разит как* (Л. Толст., Власть тьмы, 4, VI); — ...*Эка раненых-то валится, господи!* (Гаршин, Трус).

Во всех описанных построениях междометие *эк* (*эка*), являясь элементом формы определенного частного вида построения, не является обязательным компонентом предложения данной структуры: междометие здесь синтаксически отчленимо. Но существует один тип предложения, в котором междометие *эк* и остальной состав предложения синтаксически нерасчленимы: междометие участвует в формировании определенного структурного типа конструкции. Это предложения типа: *Эк его заливается!* Грамматический остов конструкции здесь очень четок, словопорядок строго закреплен: междометие, местоимение 3-го лица в форме родительного-винительного падежа [26] и глагол в личной форме, называющий действие лица, обозначенного местоимением.

[Фекла] *Эк его заливается!* Знать, покойница свихнула с ума в тот час, как тебя рожала (Гоголь, Женитьба, 2, VII); — *Эк его благует*, словно леший... (Писемск., Старая барыня).

Глагольные междометия занимают особое место в системе слов — «знаков чувствований» [27]. Они не участвуют в формировании предикативно значимых построений в том смысле, как это имеет место по отношению к непроизводным междометиям: в современной русской речи нет таких типов предложений или таких форм сказуемых, которые строились бы с обязательным участием глагольного междометия, т. е. не существовали бы без него как данная синтаксическая структура. Но глагольные междометия могут входить в состав предложения или сказуемого не для выражения чувств, эмоций говорящего, а для выражения тех или иных модальных значений предложения в целом или сказуемого. Выполняя данную функцию,

---

[26] «Неясен винит[ельный] падеж в таких предложениях, как: *Эк его заливается*. Женитьба, II, 7; может быть, под влиянием *пусть его заливается*» (А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 428, стр. 329).

[27] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 372.

эти междометия не свободны, а помещаются в предложении или в сказуемом по легко выявляемым правилам словорасположения и подчинены определенным закономерностям интонирования и акцентуации.

Глагольные междометия *хлоп, бац, трах, хвать* и некоторые другие отличаются от междометных глагольных форм (*шмыг, топ, бух, жик, шасть, мах* и под.) ослаблением или полной утратой лексического значения [28]. Такие междометия означают не конкретные действия, а «мгновенные, неожиданные и потому не вполне покоренные сознанию явления — проявления времени, света, звука, механического движения. Есть сходство в их значении со значением однократных глаголов, но в последних явление педставляется более сознательным и поэтому оформленным» [29]. Потебня называет такие формы «глагольными или предикативными частицами» [30], видя их отличие от междометий в том, что эти частицы сохраняют «способность требовать дополнения» [31]. Однако глагольное междометие, обозначающее мгновенное и неожиданное действие вообще, этой способностью не обладает, ср.: «Как, думаю, теперь мне с холстом домой ворочаться? А на двор, на постоялый, *хлоп*, въезжает троешник» (Лесков, Воительница, 5). Здесь *хлоп* относится к предикативной основе предложения (*въезжает троешник*), показывая неожиданность и неподготовленность действия; никакого другого значения, тем более значения лексического (ср. *хлопнуть*), у этой формы нет. Интересное замечание об этих построениях делает Р. Д. Швец: «Особую группу составляют случаи употребления глагольно-междометных форм, грамматическую природу которых — в основном предикативную — окончательно определить затрудняемся (например: «... потом — *хлоп!* — чело-

---

[28] Обзор литературы вопроса о междометных формах типа *хвать, шасть* см. в диссертации Р. Д. Швец «Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языке» (Л., 1954). Об образовании этих форм и употреблении их в роли собственно глагола см.: И. И. Срезневский. Глагольные частицы. ИОРЯС, т. II, вып. 10. СПб., 1853, Мат-лы для словаря, стр. 334—336.

[29] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV. М.—Л., 1941, стр. 189. Д. В. Бубрих, называя такие междометия «изобразительными речениями», которые обычно бывают «вплетены в синтаксическую ткань предложения», писал, что они «еще не называют, а только условно изображают явления... Они изображают звучания, звучания, связанные с движениями, движения, связанные со звучанием, просто движения, а дальше и состояния, внешний вид предметов и т. п.» (Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 196 и 197).

[30] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 189—190.

[31] Там же, стр. 188.

век умер...“ Горький, Трое. В украинском языке: „Раз Дурень здуру, — *бовть!* .. Розумного питався...“ Гул.-Артем., Твори). В таком употреблении глагольно-междометная форма является носителем эмоциональности всего высказывания, произносится повышенным тоном» [32].

А. А. Шахматов относит такие формы к «глагольным наречиям бытия, состояния» [33]. Однако в другом месте он называет их «глагольными междометиями» [34]. Дважды рассматривая предложение «Я байдюжа прибираю сабе пасуду, а Пронюшка стала станавить пираги — *хроп!* а вон видеть гастей» (Обоянск. Машк., 55), Шахматов соответственно видит в *хроп* то «придаточное сказуемое, выраженное наречием [35], то «междометно-глагольное безличное предложение» [36]. Однако представляется более правомерной та точка зрения, что *хроп* здесь — глагольное междометие, входящее в состав последней части сложного предложения (*хроп! а вон видеть гастей*), имеющего модальное значение неожиданности и неподготовленности. В этом смысле вполне обоснованно не соглашается с Шахматовым А. И. Германович [37]; однако его собственное объяснение данной конструкции вызывает существенные возражения (см. стр. 267).

Глагольные междометия входят в состав предложения в качестве его синтаксического форманта, вносящего значение быстроты, неожиданности и неподготовленности. Такое междометие может находиться а) непосредственно в начале предложения или б) перед его предикативной основой, после вынесенных вперед второстепенных членов.

а) И все будет, все будет около меня же круги давать, все суживая и суживая радиус, и — *хлоп! прямо мне в рот и влетит...* (Дост., Прест. и наказание, 4, V); ...И в ту же минуту я получаю пощечину... Что вы смотрите? Да — настоящую пощечину и *трах, — с одного плеча эполета прочь!* (Лесков, Фигура, 8).

б) — Ты стараешься не забывать того, чему тебя учили, а там — *хвать — оказывается*, что все это вздор... (Тург., Отцы и дети, VI); — ...Сидим это, братец ты мой, мы

[32] Р. Д. Швец. Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм. Л., 1954, стр. 10—11. Автореф. дисс.
[33] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 585, стр. 503; § 282, стр. 228.
[34] Там же, § 103, стр. 113.
[35] Там же, стр. 228.
[36] Там же, стр. 113.
[37] А. И. Германович. Глаголы типа «толк», «шасть». «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XIV. Кафедра русского языка. Симферополь, 1949, стр. 46.

в кабаке, например, и вдруг *трах! следователь...* (Мамин-Сиб., Золото, 2, VI); — Ты же понимаешь, я, чорт его подери, вроде безродного, ни жены, никого, факт! А тут — *хлоп! — и вот она, посылка* (Шолохов, Подн. целина, 1, 15).

Анализируя подобные построения, А. И. Германович полагает, что глагольное междометие, «приближаясь по функции к глагольной связке», входит здесь в состав «аналитической формы» [38]. Однако во всех приводимых в статье примерах автор неверно представляет интонационную сторону данных построений, полагая, что глагольное междометие в произношении сливается с личной формой глагола и не отделяется от нее паузой. Так, в приведенном выше примере из «Воительницы» Лескова А. И. Германович, стремясь изобразить сочетание *хлоп* и *въезжает* как аналитическую форму глагола, опускает имеющуюся в тексте между этими словами — и в данном случае несомненно значимую — запятую; получается *хлоп* ↑ *въезжает* (*трах* ↑ *приезжает, шасть* ↑ *является, бац* ↑ *приезжает* и т. п.) — произнесение, невозможное в живой речи, где после глагольного междометия всегда проходит четкое интонационное членение. В русском языке нет аналитических форм типа *хлоп въезжает:* междометные формы *хлоп, бац* и т. п. не имеют никакого отношения к связке, так как им чужды какие-либо ее функции. Лишенные лексических значений, глагольные междометия *хлоп, бац, трах, хвать* и некоторые другие входят в состав предложения любой структуры в качестве его синтаксического компонента, всегда обособляемого и имеющего в составе предложения свое определенное место.

Глагольные междометия могут входить и в состав глагольного сказуемого с тем же значением неожиданного и неподготовленного действия.

— Ну, после смерти отца он иногда бывал у меня, встречался на улице и в один прекрасный вечер вдруг — *бац! сделал предложение...* как снег на голову... (Чехов, Попрыгунья, I) [39].

---

[38] А. И. Германович. Глаголы типа «толк», «шасть», стр. 34, 45—46, 53. В более ранней работе тот же автор утверждает, что «такие слова как *шасть, хвать, скок, глядь*... ни по своему значению, ни по синтаксической функции, ни по своей форме не подходят к междометиям. Они являются названиями определенных действий, имеют номинативное значение, чего нельзя сказать о междометиях вообще. В предложении они выступают только в роли сказуемого» (А. И. Германович. Междометие как часть речи, стр. 28).

[39] От описанных построений следует отличать сказуемые, конструируемые с участием сложных частиц *хвать и, глядь и,* интонационно всегда сливающихся с глаголом (см. стр. 109).

Однако наиболее обычное место таких междометий — перед группой членов предложения, объединяющихся вокруг сказуемого; в этом случае междометие не является составным элементом сказуемого, а функционирует в составе предложения в качестве слова, сообщающего определенное модальное значение целому отрезку предложения [40].

Итак:

1) Непроизводные междометия, одиночные и в сочетании с другими словами, лишенными лексических значений, могут входить в состав предложения или сказуемого в качестве их синтаксического компонента; такое междометие участвует в формировании предложения или сказуемого определенного типа.

2) В построениях определенных типов грамматический характер функционирования междометий и междометных сочетаний связан со строго определенными условиями словорасположения, интонирования и акцентуации.

3) Входя в состав предложения или сказуемого в качестве его конструктивного элемента, непроизводное междометие или междометное сочетание вносит в соответствующее построение то или иное модальное значение; в этом — отличие грамматически значимого междометия от междометия, свободно присоединяющегося к предложению: такое «свободное» междометие, выражая в предложении те или иные чувства, эмоции, не определяет собою его общего модального значения.

4) Производные глагольные междометия, в отличие от непроизводных междометий и междометных сочетаний, не участвуют в формировании предложений и сказуемых определенных грамматических типов; но эти междометия, внося в предложение определенные модальные значения, тоже не свободны в своем употреблении: их место в составе конструкции, их интонационные связи с остальным составом предложения определяются соответствующими правилами языка.

---

[40] Ср. построения со словами *пожалуйста*, *здравствуйте*, функционирующими как междометия, например: — Да за этой рекой разве угонишься. Чуть оглянулся, а она — *пожалуйста!* — завалила уже песком весь фарватер (Пауст., Повесть о лесах, Дорожная книга); — Я тоже не спала ночи и сидела около отца, и вдруг — *здравствуйте*, победила добра молодца! (Чехов, Попрыгунья, I).

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

В современной русской разговорной речи существует большое количество таких образований, которые можно назвать фразеологизированными. Специфика их состоит в том, что они строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собою изолированные структуры — следы когда-то свободных и легко расчленяемых построений. Одним из формантов такой конструкции является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения. Так, если мы сравним предложения *Чем открыть коробку?* и *Чем не жених?*, то увидим, что первое предложение, построенное по активно действующей отвлеченной схеме, допускает — в пределах формирующих его категорий — любое лексическое наполнение; *чем*, выступающее здесь в значении творительного орудийного, свободно заменяется. Иное дело со вторым предложением: оно построено не по свободно наполняемой схеме, а представляет собою индивидуально сформированную идиоматическую конструкцию, где *чем* по своему значению и по функциям отходит от формы творительного падежа соответствующего местоимения.

Фразеологизированные образования современной разговорной речи неоднородны. Выделяются три группы их в зависимости от характера участвующих в их формировании незаменяемых компонентов и способов сочетания этих компонентов с остальным составом предложения. Это, во-первых, образования, в которых сочетание компонентов не определяется действующими в языке синтаксическими нормами и является с точки зрения этих норм немотивированным. Таковы, например, построения типа *Чем не жених? Что за церемонии! Нет чтобы подождать* и др. Незаменяемый компонент в них (*чем, что за, нет чтобы*) лишен своих прямых категориальных значений. Это — наиболее «чистый» вид фразеологизированных конструкций, собственно фразеологизмы. Во-вторых, есть построения, формы которых легко могут быть объяснены суще-

ствовавшими, но изменившимися или устаревшими нормами. Формальные связи незаменяемого компонента с соответствующей категорией слов не утрачены. Таковы, например, предложения типа *На то (и) война*; *Что так то так* и др. В третью группу объединяются предложения и сказуемые, строящиеся по живым синтаксическим моделям, но включающие в свой состав в качестве незаменяемого компонента слово, которое, претерпевая отход от своего прямого лексического значения, в то же время не утрачивает категориальных связей с соответствующим грамматическим классом, например: *Какая его жизнь! Хорош друг! До чего весело! Одна рамка чего стоит!* и др. Внутри этой последней группы намечается дальнейшая дифференциация, поскольку в ряде случаев здесь могут быть выявлены черты синтаксической немотивированности тех или иных соединений.

Фразеологизированные образования в подавляющем большинстве случаев функционируют как предложения и реже — как предложения и сказуемые.

Основную массу собственно фразеологизированных образований, в которых сочетание компонентов не отражает существующих в современном языке типов связей и является с точки зрения действующих норм немотивированным, составляют построения с обязательным участием форм, генетически связанных с местоимением *что*, но не обнаруживающих здесь ни местоименного, ни союзного значения. Таковы построения: *Чем не жених! Чем болтать, (лучше помоги); Что бы поосторожней! Что за дом!* С другими незаменяемыми компонентами: *То ли дело мы с тобой*; *То ли не жизнь*; *Как бы не гроза! Нет чтобы подождать! Самое учить!* и некот. др.

1. Построения типа *Чем не жених* функционируют как сказуемое и как предикативная основа односоставного предложения[1]. *Чем* всегда находится в абсолютном начале конструкции; его причинное (исходно — объектное) значение для современного языкового употребления полностью утрачено[2]; соответственно ослаблено, затемнено и категориальное — собственно указательное его значение; второй компонент сочетания — имя,

[1] В примерах эти конструкции здесь и везде дальше разделяются абзацем.

[2] В «Синтаксисе» Шахматова отнесение *чем* в данных построениях к «творительному причины» не отражает его живого современного значения. Ср. примеры Шахматова: *Чем он тебе не муж? А чем я не гость? А сынок чем не мужик?* (см.: «Синтаксис русского языка». Л., 1941, § 445, стр. 342).

обязательно имеющее при себе отрицание. Вопросительная интонация для данного построения не обязательна. Связь компонентов внутри предложения с точки зрения современных синтаксических норм является совершенно немотивированной. Значение конструкции — уверенное, не допускающее сомнений утверждение признака как подлинного, «полноценного»: *чем не жених* — значит «настоящий жених».

— ...А по-моему и семейная жизнь — *чем же не жизнь?* (С.-Щ., Губ. оч., Лузгин); [Матрена] А сынок *чем не мужик?* Не хуже людей (Л. Толст., Власть тьмы, 1, X).

— Бесприданница твоя Аграфена, а то *чем не невеста* (Станюк., Матроска, IV); — Кончит рабфак, ему уже шестнадцать будет. *Чем не студент?* (Макаренко, Марш 30 года, Заключение).

Компоненты сказуемого могут быть разделены подлежащим; при этом *чем* начинает собою все предложение, а имя, несущее при себе отрицательную частицу, следует за подлежащим.

[Шмага] Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. *Чем* это *не убеждение?* (Остр., Без вины виноватые, 3, 3); На этом месте архивариус ударил сынка по плечу и воскликнул: а *чем* мы *не женихи?* (Горбунов, Из деревни, VI).

Как показывают материалы, предложения типа *Чем не жених* являются нераспространенными. Возможности их распространения чрезвычайно ограничены, например: — ...А что, боцман, если нам штуки три-четыре таких [тулупов] на катер раздобыть, а?.. *Чем вам не индивидуальная ходовая рубка?* (Соболев, Зеленый луч, 7).

2. Значение предпочитаемого, одобряемого, но неосуществившегося признака в плане прошлого имеют предикативные единицы типа *Что бы подумать!* Частица *бы* обязательна; местоименное значение *что* утрачено полностью; сочетание *что* с инфинитивом (или с другим знаменательным словом) с точки зрения современных синтаксических норм немотивированно.

[Лизанька] Ах! амур проклятый! И слышут, не хотят понять, *Ну что бы ставни им отнять?* (Гриб., Горе от ума, 1, 1).

Возможны и неглагольные — именные и наречные — построения: *Нашла когда красить! Что бы летом-то; Что бы тебе поосторожней? Ему что бы прямо к прокурору, а он здесь застрял* (Из разг. речи).

3. Фразеологизированные построения типа *Что за характер*[3], помимо собственно вопросительного значения[4], обычно обозначают также оценку называемого, отношение к нему: 1) одобрение, похвалу или 2) неодобрение, осуждение. Эти построения могут быть только именными (в диалоге возможны и глагольные образования, см. стр. 322).

1) [Аполлинария] *Ах, что это был за ребенок!* Это был воск! (Остр., Красавец-мужчина, 1, 4).

2) [Незнамов] Не хочу я ни судить, ни прощать вас; *что я за судья?* (Остр., Без вины виноватые, 3, 4); — Вот Губкин: ну, *что его за жизнь!* Утро в департаменте мечется, как угорелый... (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — Этак нельзя играть, — сказал он, — я ужасно собак не люблю. *Что же за игра,* когда целую псарню приведут! (Л. Толст., Два гусара, III); — Дай ты человеку говорить, *что у тебя за характер!* (Соболев, Зеленый луч, 4).

4. С утратой местоимением *тот* местоименного и сказуемостного значения и с максимальным отходом существительного *дело* от своего основного значения связано образование фразеологизированных конструкций типа *То ли дело ром!* Обязательный компонент — устойчивое сочетание *то ли дело;* второй компонент со стороны категориальной свободен. Значение таких построений — положительная оценка называемого как лучшего, предпочитаемого:

— Нынче коньяк какой-то выдумали, только я его не употребляю: горелым пахнет... *То ли дело ром!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XV); — Глупо распорядился Иван Ильич; *то ли дело мы с вами* (Л. Толст., Смерть Ивана Ильича, I); — *То ли дело у нас:* только поступи в училище, а там уж сам поедешь... (Гаршин, Денщик и офицер); — *То ли бы дело выпили, разговорились,* — оно все само бы и наладилось... (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, IV).

5. Утрата местоимением *то* субъектного значения, а всей конструкцией — значения вопросительности повлекли за собой образование фразеологизмов типа *То ли не жизнь!* Незаменяемый компонент — *то ли* и обязательно следующее далее отрицание; второй компонент — имя (в предложениях со значе-

---

[3] О происхождении данной конструкции и о ее параллелях в других языках см.: А. В. Попов. Оборот *что за... (was für ein)* и сродные с ним. «Филол. зап.», 1879, вып. II, стр. 1—12.

[4] А. А. Шахматов считает, что невопросительные (восклицательные) предложения с *что за* являются односоставными и *что за* в них — определение; вопросительные же предложения являются двусоставными (см.: «Синтаксис...», § 41, стр. 57; § 155, стр. 156).

нием прошедшего или будущего времени присутствует глагол бытия, наличия); лексических ограничений нет. Значение конструкции — характеристика называемого как безусловно положительного, «полноценного».

[Кухарка] — Моей старой хозяйке, — я у купцов прежде жила, — *то ли не жисть была*, а все, бывало, во сне видит, что будто ее режут, да будто ее топят... (Горбунов, Постоялый двор, II); — ... А он за эти два года в дохтурском отделении учился... *То ли не дошлый парень!* (Мамин-Сиб., В худых душах, V).

6. Рядом со свободными и не встречающими почти никаких ограничений построениями с частицей *бы*, обозначающими опасение, неуверенное предположение нежелательного (*Не услышали бы! Не худое бы что! Не опоздать бы*), в современной русской разговорной речи существуют фразеологизированные построения с тем же значением[5], с обязательным участием сочетания *как бы* (*не*) [просторечное *когда бы* (*не*)], начинающим собою всю конструкцию. Таким образом, здесь незаменяемым является сочетание *как бы* (*не*)[6]; ни союзной, ни наречной функции *как* в таких построениях не несет. Заменяемый компонент — форма на *-л*, инфинитив, имя или основа двусоставного предложения, например: *Как бы не опоздать! Как бы он не забыл! Как бы не гроза! Как бы не худое что.*

— *Как бы ветер не разыгрался!* — выражает опасение матушка (Е. Щ., Пошехонск. старина, XXXI); [Таня]... Есть за ним одно дело, а я и понять не могу... *как бы не худое что* (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 58); — *Как бы не помереть с натуги* (Л. Толст., Много ли человеку земли нужно, IX); — Пришел кто-то... — *Как бы не Ваня* (Из разг. речи); — Упала, ушиблась, кажется. — *Как бы не головкой!* (Из разг. речи)[7].

7. Значение осуждения по поводу того, что делается нечто, противоположное необходимому и естественно ожидаемому, имеют построения типа *Нет чтобы подождать!* Обязательный компонент — *нет чтобы*; второй компонент — инфинитив, реже — спрягаемая форма глагола (*Нет чтобы подождал*) или любое

---

[5] См.: Словарь русского языка, т. 4, вып. 1, стлб. 178.

[6] В. В. Виноградов относит *как бы, кабы, когда бы* к союзам «с модальной окраской гипотетичности, ирреальности» («О категории модальности и о модальных словах в русском языке». «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 77.

[7] О построениях с *как бы не...* см.: В. А. Трофимов. К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 156. Серия филол. наук, вып. 15. Л., 1952, стр. 109.

другое слово, употребленное в предикативном значении (*Нет чтобы тихонечко! Нет чтобы руками, осторожно, он полез лопатой* и т. п.).

[Ласуков] Какую шубу сгноили!.. *Нет, чтобы подумать*: где-то баринова шуба? (Некр., Осенняя скука); [Лоскутков] Знаю, знаю, уж тебя без дела не заманишь... *ведь нет чтобы когда-нибудь зашел этак посидеть, покалякать да выпить бутылочку винца* (Некр., Петерб. ростовщик, XII); — ...Экой ты! *Нет чтобы подождать:* видишь, генералу проехать (Л. Толст., Война и мир, I, 2, VII).

Эти образования восходят к построениям типа *Нет того чтобы подождать* [8], в которых формой *того* утрачивается категориальное и — соответственно — лексическое значение; для современного состояния языка сочетание *нет того чтобы* здесь выступает как нерасчленяемый формант предложения [9].

Нет того, чтоб извиниться — грубый такой! (Л. Толст., Записки маркера).

8. В статье «Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке» А. Б. Шапиро отмечает, что в народной словесности и в говорах «*самый* употреблялось почти исключительно для обозначения крайнего предела, высшей меры при названиях места, времени, предметов и явлений, имеющих различные степени интенсивности, а также при названиях качеств для обозначения высшей меры последних, т. е. в таких сочетаниях, как *до самой реки, под самым городом, к самой ночи, в самый жар, самая гуща, самый старый* и т. п.» [10]. На основе этого употребления образовался фразеологизированный тип инфинитивных предложений со значением полной своевременности и целесообразности совершения называемого действия: *Сейчас са́мое идти; Са́мое и разузнать все, пока он здесь; В этом возрасте са́мое учить.* В таких построениях, носящих сугубо разговорную окраску, имеет место контаминация отмеченного выше значения местоимения *самый* с другим его значением, выявляющимся в построениях типа: — *Вася, ты?* — *Я самый (Я самый и есть)*; — *Этот твой дом?* — *Этот самый* (т. е. «именно я», «именно этот»). Ср.: — Да кто это? Как фами-

[8] См.: В. А. Трофимов. К вопросу о выражении отрицания..., стр. 106.

[9] Ср. сохранение значения формы *того* при употреблении таких конструкций в их исходном значении констатации отсутствия чего-либо: — Экое золото у меня этот Митенька... *Нет того, чтобы нельзя.* Я же этого терпеть не могу. Все можно (Л. Толст., Война и мир, I, 1, XVIII).

[10] А. Б. Шапиро. Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 6.

лия? — *Самый наш жених бывший.* Князь Болконский (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XVII).

— Что ты скоро так? Сиди! .. — Нельзя, брат, — Метелица развел руками, — *самое разведать*, пока темно... (Фад., Разгром, 3, I); — А кроме того, такое обстоятельство: дети. А когда же их учить? *Теперь самое и учить* (Макаренко, Кн. для родителей, 4) [11].

9. Несколько особняком в описываемой группе синтаксических фразеологизмов стоят конструкции типа *Всем молодцам молодец*. Незаменяемый компонент (*всем*) в них не меняет своего лексического значения, но форма всего построения идиоматична, так как не опирается на живые синтаксические отношения. Теоретически определенно-личные бесподлежащные предложения и сказуемые типа *Всем молодцам молодец* как будто не знают лексических ограничений, но практически они образуются лишь названиями лиц или конкретных предметов. Значение таких построений — высокая оценка лица или предмета как лучшего из возможных. Порядок слов неизменен.

— Но что там хорошо, так это купец! *Всем купцам купец*. Уж коли угостит тебя, так угостит! (Чехов, Актерская гибель).

10. К фразеологизмам с немотивированными связями частей относятся также построения типа *Чай не в чай*. В такие сочетания вступают только имена существительные неодушевленные. Все построение обозначает признак, лишенный для воспринимающего основного внутреннего положительного содержания. В «Синтаксисе» Шахматова винительный падеж в таких построениях толкуется противоречиво: то как сказуемое в «двусоставном согласованном односказуемом предложении» [12], то как «релятивное дополнение» [13]. Функционируют такие сочетания как предикативные основы предложения.

[Барбарисов] *Без него и праздник не в праздник* (Остр., Не от мира сего, 2, 4).

---

[11] Ср. с отглагольным именем: — Тарантас-то на двор бы втянуть. — Чего на двор? Мы хотим ехать. — *Самая теперь езда!* (Лесков, Разбойник). Впрочем, *самый* для обозначения полного соответствия чему-либо употребляется и при неотглагольных именах: — Десять тысяч *будет*, пожалуй, *самая цена* (Пауст., Повесть о лесах, Скрипучие половицы); — О-о! Тоже невесело живешь! *Самая пара мне, горюну* (Бажов, Через межу, I). В этом смысле характерно употребление местоимения *самый* в данном значении при предложно-именном сочетании: *Самая по нему* работа (Бажов, Хрупкая веточка).

[12] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 245, стр. 207.

[13] Там же, § 461, стр. 358. См. там же примеры употребления.

*

Наряду с построениями, в которых отношения между образующими их компонентами являются с точки зрения действующих синтаксических норм немотивированными, выделяется группа таких конструкций, в которых отношения между формирующими их компонентами отражают понятные носителям современного языка, но изменившиеся или устаревшие нормы. Незаменяемый компонент здесь сохраняет живые категориальные связи с тем или иным классом слов. Таковы построения, образующиеся с участием форм слова *что*: *До чего ловко! Что так то так*, а также с другими незаменяемыми компонентами: *Мало что* (*чего*) *не бывает! Не до них! На то он и учитель* и некот. др.

1. Значение высокой степени проявления признака имеют в структуре предложения и сказуемого соединения имени, наречия или глагола с обычно препозитивным предложно-именным сочетанием *до чего*: *До чего хорош лес! До чего умен! До чего ловко! Да чего устала!* Возможен и обратный порядок компонентов: *Устала до чего! Хорош до чего лес!* и *Хорош лес до чего!* Объектное значение сочетанием *до чего* утрачено, но легко восстанавливается как лежащее в его основе.

— *До чего он их обошел!* Словно неспроста, с первого раза приняли, как родного сына (Писемск., Тысяча душ, 2, VIII); *И до чего ко всякой еде вкус имела* — прямо не верится (Федин, Блинки); — Ох, и времена, друг! *До чего времена замечательные* (Макаренко, Честь, 1, 22); Подумать только, *до чего обнаглели!* (В. Некр., В родн. городе, 2, 15).

2. В предложениях типа *Что так, то так* значение отношений субъекта и предиката внутри каждой части стерто; оно поглощается значением уверенного утверждения, выявляющегося во всем построении в целом. Построения этого типа — яркий пример тех «фраз», которые «...становятся как бы о к а м е н е л ы м и, превращаются в своего рода с л о ж н ы е с и н т а к с и ч е с к и е ш а б л о н ы; членение фразы в значительной мере с т и р а е т с я и говорящий п о ч т и н е р а з л а г а е т ее на элементы. Воспроизведение, мобилизация такой фразы есть воспроизведение привычного шаблона или «речения»...[14].

— Очень бедно в Румынии хлеборобы живут. — *Что бедно, то бедно*, знаю, сам видал... (Шолохов, Подн. целина, 1, 25); — Смотри, какой бант! — Хорошо! *Что бант то бант!* Хорош бантик! (Из разг. речи).

[14] Л. П. Якубинский. О диалогической речи. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I. Пг., 1923, стр. 175.

Характерны переходные по значению случаи: *Что правда, то правда*; *Что верно, то верно*; *Что правильно, то правильно.* Ср. глагольные построения с *что... так:*

— А уж *что*, мой друг, *свет этот подлый я знаю, так точно знаю* (Лесков, Воительница, 1).

3. В построениях типа *Мало (ли) что (чего) бывает, Мало (ли) куда пошлют, Мало кому понадобится! Мало ли где* и т. п. незаменяемым компонентом является *мало (ли)*, начинающее собою всю конструкцию; за этим сочетанием следует форма *что, чего* (обычно) либо форма другого указательного местоимения или местоименного наречия. Живые синтаксические связи внутри первой части конструкции ослаблены [15]. Предложение в целом обозначает оценку утверждаемого как несущественного, не заслуживающего серьезного отношения, внимания (ср. значение изолированно употребляемого сочетания *мало ли что*).

— *Мало что бабы болтают!* (Горбунов, На реке, VI); — *Мало ли что у матери с сыном выйдет*, а все надо почитать родительницу... (Станюк., Нянька, XVI); [Бубнов] (спокойно) Мне отворять не надо... твоя жена просит... [Клещ] (угрюмо) *Мало ли кто чего попросил бы...* (Горький, На дне, I).

Там, где *что* полностью утрачивает свое местоименное значение и поэтому не имеет мотивированных связей со следующим далее словом, имеет место полная фразеологизация. Ср. в диалоге: — *Он болен.* — *Мало (ли) что болен!* (см. стр. 339).

4. Осколком архаизировавшегося сочетания с объектным значением являются предложения типа *До того ли мне? Не до вас!* Значение их — «отстранение» предмета или лица как такого, внимание к которому несвоевременно. Незаменяемый компонент — *до* или сочетание *не до;* второй компонент — имя в форме родительного падежа; словопорядок неизменен.

— Я не уступил бы вам ее ни за какие коврижки, да вот проклятый ревизор на носу... *Не до Наськи!..* (Мамин-Сиб., Золотуха, X).

5. Предикативные основы предложений типа *На то (и) война*, образовавшиеся в результате ослабления в сочетании *на то* целевого значения [16], обозначают полное соответствие

[15] Ср. вообще тенденцию разговорной речи к использованию *мало* в построениях с индивидуально выраженными синтаксическими связями, например: — ... *Мало каких игр есть?* Разве про всякую спрашивать? (Макаренко, Кн. для родителей, 6); *Мало чего не бывает?*

[16] Ср. при сохранении данным сочетанием целевого значения: — Мало ли войсков наших идет. Так его и пустили! *На то начальство* (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XXIII).

предмета (лица) назначению, свойствам, существу называемого. Незаменяемый компонент — *на то* (*и*); второй компонент — имя; словопорядок неизменен.

Удастся набить зоб — летай на свободе сытый и веселый; не удастся — виси простреленный на огороде вместо чучела. *На то война* (С.-Щ., Ворон-челобитчик); ... А он, слесарь, по всяк день молотком играет. Хоть с локтя, хоть с плеча без промаху бьет. *На то и слесарь* (Бажов, Широкое плечо).

В предложениях другой структуры (главным образом, в двусоставных, со следующим далее *чтобы*) в сочетании *на то* сохраняется более или менее ярко выраженное значение назначения:

— *Художник на то и художник, чтобы* уметь поставить в себя вместо своего я — чужое (Гаршин, Надежда Николаевна, III); — Это, матушка моя, испокон веку так ведется, традицией освящено. *На то он и пожарный, чтобы* к кухаркам ходить (Чехов, В потемках); — Его благородие, господин доктор, лучше тебя понимает. *На то науки он проходил* (Нов.-Прибой, Пошутили).

*

В третью группу входят конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменяемого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение; такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определенного модального значения. Подобные образования лишь условно могут быть отнесены к фразеологизмам. Таковы построения типов: *Какая его жизнь! Хорош друг! Чего стоят все его обещания! Я тебе дам!* В последнем типе намечаются явления, связанные с нарушением живых норм словосочетаемости (см. стр. 279).

1. Предложения типа *Какая его жизнь!* обозначают отрицательную оценку называемого. Местоименное значение в слове *какой* ослаблено — в нем нет ни значения относительности, ни значения вопросительности.

[Вера Филипповна] Разве пойти в собор... Да нет, *какая уж молитва?* (Остр., Сердце не камень, 2, 8); — Черная, глухая, горбатая, все кашляла; себе только в тягость. *Какая уж это жизнь!* (Тург., Отцы и дети, XXIII); — Кажется, такой ночи и не запомню. *Какая там ловля!* Слава

богу, что жив домой добрался... (Л. Толст., Бедные люди). Об аналогичных конструкциях в диалоге см. стр. 346—349.

2. Построения типа *Хорош жених!* обозначают отсутствие у того, кому (чему) приписывается предикативный признак, свойств, качеств, характерных для называемого; это значение обычно сочетается с иронической оценкой. В прилагательном происходит ослабление конкретного лексического значения.

[1-я девушка] Стало-быть, вы барышень на голубей хотите променять! *Хорош кавалер!* (Горбунов, Самодур, 1, VIII); — Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? *Хороша педагогия*, нечего сказать! (Чехов, Детвора).

О построениях с *хорош* в диалоге см. стр. 349.

3. Сочетание *чего стоит* (*стоил*) употребляется только в функции сказуемого. Значение его — оценка того, что названо подлежащим. Синтаксические отношения здесь являются вполне современными, но лексические значения образующих сочетание слов ослаблены, «отодвинуты». Вопросительное значение таким сочетанием полностью утрачено.

— Или вот зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка *чего стоит* (Гоголь, Портрет, I); Одна квартира *чего стоила*, министерская обстановка... (Мамин-Сиб., Хлеб, 5, VII).

4. К описываемым типам предложений примыкают личные (с формой 1-го и 3-го и реже — с формой 2-го лица) построения с будущим временем глаголов *дать, задать, показать* со значением предупреждения и угрозы; *Я тебе дам! Я ему покажу!* Глагол здесь претерпевает семантические изменения, с которыми связан для этих конструкций отход от живых норм словосочетаемости: при глаголе оказывается возможным (и обычным) инфинитив, называющий запрещаемое действие: *Я тебе покажу шуметь! Я им дам озорничать!*

... И тут же обратился с криком к солдатам: — *Я вам дам по дворам бегать!* — крикнул он (Л. Толст., Война и мир, III, 2, IV).

Предложенный обзор фразеологизированных и примыкающих к фразеологизированным образований не может считаться полным; но и он показывает, насколько богат и своеобразен в русской разговорной речи круг конструкций, строящихся не по активно действующим грамматическим правилам, а по устойчивым и закрепившимся в языке моделям идиоматического характера, в которых живые отношения между словами так или иначе сочетаются с отношениями немотивированными, с застывшими или устаревшими формами.

СТРОЯЩИЕСЯ НА ОСНОВЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРЕНИЯ ВТОРЫЕ РЕПЛИКИ ДИАЛОГА

(реплики-повторы)

Внутри разговорной формы речи существуют две разновидности: монолог как непосредственно обращенный к собеседнику непринужденный рассказ [1] и диалог [2].

Сколько-нибудь точного определения монолога со стороны его языковой природы не существует [3]. Те признаки, которые выявляются в монологе некоторыми исследователями, во-первых, относятся к монологу как элементу литературного произведения, во-вторых, в значительной мере случайны и не могут считаться признаками языковыми. Так, Г. О. Винокур указывает на три признака монолога в отличие от диалогической реплики: 1) заметная композиционная сложность, ощутимое построение речи внутри целого; 2) направленность не столько к партнерам, сколько к самому говорящему и отсюда — необязательность словесной реакции партнеров; 3) более широкие тематические границы, чем «узкое и достаточно необходи-

---

[1] Монолог есть и в письменной речи, но там он имеет особые, отличные от разговорного монолога формы. Поэтому следует признать, что поддержанная и развиваемая Л. П. Якубинским мысль Л. В. Щербы об искусственности монолога (см.: Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, т. I, Пг., 1915. Приложение, стр. 3—4) справедлива лишь в отношении монолога «построенного», литературно обработанного и не может быть распространена на литературно не обработанный, разговорный монолог.

[2] Тезис о том, что «разговорная речь является по своей природе диалогической» (А. Б. Ш а п и р о. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 5), представляется спорным: здесь отражается только одна сторона того сложного явления, которое можно назвать разговорной речью.

[3] «Понятие это нельзя считать вполне ясным. С упрощенной точки зрения монолог — это просто более или менее пространная реплика. Но это только один и, может быть, не самый существенный признак для характеристики отдельной реплики. Сколько-нибудь содержательное определение монологической реплики, естественно, можно получить только путем сопоставления ее с репликой диалогической. Строгих и абсолютных границ между обоими видами реплик несомненно не существует» (Г. О. В и н о к у р. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи. «Уч. зап. МГУ», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1. М., 1948, стр. 51).

мое» содержание обмена репликами в диалоге[4]. Ни один из этих признаков не является собственно языковым.

Разговорный монолог есть форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям. Между монологом и диалогом[5], несомненно, существуют структурные, формально-языковые различия, и диалогическая реплика отличается от монолога не только объемом, «направленностью к партнерам» и «узостью тематических границ». Диалогическая реплика, объединенная языковыми связями с предшествующим высказыванием собеседника, есть единица синтаксическая, имеющая свои характерные признаки, присущие ей как компоненту сложного построения.

Диалог как языковая категория есть обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора. Эта взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность не только смысловая, но и языковая: интонационная (всегда) и — в определенных случаях — собственно формальная. Предметом изучения в настоящем разделе работы являются только такие высказывания диалога, которые связаны друг с другом синтаксическими связями. Простейшим сочетанием здесь является обмен двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, «порождено» им и в своей языковой форме непосредственно отражает эту зависимость. Такие два сочетавшиеся по определенным правилам высказывания мы дальше будем называть репликами, вкладывая в этот термин указанное выше содержание: второе высказывание в своей структуре зависит от первого и без него не существует. Такое сочетание реплик есть по существу единое синтаксическое целое, части которого связаны друг с другом по определенным правилам синтаксической зависимости. Это сочетание в целом является коммуникативной единицей диалога и представляет собою закономерный объект синтаксического исследования. Особая специфика этой сложной конструкции за-

---

[4] Г. О. Винокур. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, стр. 51.

[5] Русская диалогическая речь почти не подвергалась изучению. Известная статья Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I. Пг., 1923) была у нас едва ли не первой попыткой постановки вопроса о языковой специфике диалога. Однако вопрос этот не нашел здесь полного освещения: подчеркивая необходимость «чисто речевого», «именно лингвистического подхода к делу» (стр. 109), Л. П. Якубинский в то же время бо́льшую часть своей статьи посвятил проблемам неязыковым — «апперцепционному моменту в восприятии речи», «бытовому шаблону в диалоге» и «речевому автоматизму». О других опытах изучения русской диалогической речи см. ниже.

ключается в том, что определенные правила построения, линии синтаксического подчинения выявляются почти исключительно в формах второй реплики, в то время как первая реплика в своих формах относительно свободна [6].

В современном русском языке выявляются два основных вида синтаксической зависимости последующей реплики от предшествующей. Первый вид зависимости таков: состав второй реплики с точки зрения выражения всех элементов мысли «неполон» и «восполняется» [7] из первой реплики (*— Ты когда приехал? — Вчера*). Такие реплики исследователями обычно включаются в круг так называемых «неполных» предложений. Однако рассмотрение таких реплик как «восполняющих синтаксический состав предложения предыдущей реплики», как «обрубков» предложений, характерное, например, для кандидатской диссертации Т. Г. Винокур [8], не может вызвать сочувствия; кроме того, искусственное ограничение исследуемого материала (советская драматургия, главным образом пьесы К. Симонова) помешало Т. Г. Винокур увидеть многие характерные черты живого диалога. Несколько по-иному, в плане «синтаксической соотнесенности» реплик, однако тоже с точки зрения «неполноты» состава второй реплики тот же материал освещается Т. Г. Винокур в статье «О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи» [9].

Другой вид языковой зависимости второй реплики от первой обнаруживается тогда, когда вторая реплика, в своем словесном составе обязательно повторяя первую реплику или ее часть, ничего в ней не «восполняет», а выражает различные

---

[6] В настоящем разделе исследуются простейшие типы названных коммуникативных единиц диалога. Поэтому обычные в диалоге явления языковых сцеплений нескольких реплик, когда и первая реплика не свободна, а зависит от предыдущей, здесь не изучаются.

[7] Ср.: Г. О. Винокур. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, стр. 44.

[8] Т. Г. Винокур. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. М., 1953 (машинопись). Ср. аналогичную точку зрения, изложенную в кандидатской диссертации М. Л. Михлиной «Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи» (Л., 1955), где говорится о «структурной неполноте взаимосвязанных реплик диалога» (автореф., стр. 5), о «недостаточной сформированности предложений» как «одной из наиболее характерных синтаксических особенностей диалогической речи» (автореф., стр. 14).

[9] Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955. Сходные методы исследования вторых реплик, состав которых «восполняется» из первой реплики, применяются в статье Г. В. Валимовой «Об основных типах ответных предложений диалогической речи» («Уч. зап. Ростовского н/Д гос. пед. ин-та». Юбилейный сборник. Ростов н/Д, 1955).

реакции на то, что сказано. Форма повторяемого слова или сочетания слов обусловлена здесь формой первой реплики; в состав второй реплики часто входит частица, модальное слово или междометие, повторяемое слово может выступать в удвоении, но основой второй реплики обязательно является повторение — в том или ином виде — элементов словесного состава первой реплики. Так построенные вторые реплики диалогического единства в целях терминологического удобства и краткости мы будем называть повторами.

Итак, повтор — это построенная по правилам разговорной речи, входящая в сложное образование (диалогическое единство) и поэтому синтаксически несамостоятельная вторая реплика, имеющая в качестве своей основы элементы словесного состава первой реплики и подчиняющаяся ее форме.

Характернейшей чертой повторов является то, что они всегда ярко экспрессивно окрашены и со значением утверждения или отрицания совмещают выражение живой реакции на то, что сказано. Например: — Что! — говорила Марфа, глядя на него и не зная, что сказать, — почем знать, может, *обронил* что-нибудь — деньги... — *Обронил!* — ворчал дворник, освещая пол, — где тут обронить? лестница чистая, каменная, тут и иголку увидишь... *обронил!* Оно бы слышно было, кабы обронил: звякнет об камень; чай поднял бы! где тут обронить? негде! *обронил! как не обронил*: таковский, чтоб обронил! *того и гляди — обронит!* нет: этакой, небось, сам норовит, как бы в карман положить! *а то обронит!* знаем мы их, мазуриков! *вот и обронил!* где он обронил? (Гонч., Обыкн. история, 1, V).

Повтор в его разнообразных формах является чрезвычайно распространенной чертой русской диалогической речи. Исследователи отмечали это явление [10], но определяли его по-разному и не всегда точно. Так, А. А. Шахматов отмечает повтор в «Синтаксисе русского языка», в разделе «Вставленные из соседнего предложения слова». Он пишет: «В составе предложения могут оказаться слова, находящие себе место в предшествующем или

---

[10] См., например: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 194, 197—198; И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. II. М., 1953; А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. М., 1954, стр. 9. Автореф. дисс.; М. Л. Михлина. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи; П. В. Вальков. Лексические средства связи реплик в диалогической речи по пьесе М. Горького «Васса Железнова». «Уч. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та», т. 11, 1956.

в следующем предложении в качестве членов этих предложений, между тем как в данном предложении они могут оказаться излишними и не оправдываемыми смыслом предложения. Например, из предшествующего предложения вставлены в следующее: Здравствуйте, молодые люди... (гости встают и кланяются). 1-й гость (смеется) Молодые люди... а вы разве старая? Иванов, II. Чебутыкин. Не ходите, дуся моя. Маша. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая. Три сестры, I. В том и в другом случае можно допустить пропуск слов: вы сказали»[11] Но перед нами — характерные случаи повторов, и согласиться с тем, что «вставленные из соседнего предложения слова» здесь оказываются «излишними и не оправданными смыслом предложения», невозможно; никакого «пропуска слов» здесь, конечно, тоже нет. Вторые реплики здесь, построенные на основе лексико-синтаксического повтора, выражают реакцию на сказанное, отношение к нему (в первом случае — слегка насмешливое, ироническое, во-втором — раздражение и несогласие).

Подробный обзор реплик-повторов (однако без необходимого разграничения собственно повторов и реплик, «скрепленных синонимическими выражениями»)[12] дает Г. О. Винокур в уже цитировавшейся статье «„Горе от ума“ как памятник русской художественной речи». Но приводимые Г. О. Винокуром материалы убеждают, что они являются не результатом «изобретательного языкового мастерства»[13] Грибоедова, а отражением живой русской разговорной речи. И не случайно автор, задумавший свою статью как исследование языкового мастерства писателя, приходит к выводу, что «рукою Грибоедова... водил сам русский язык»[14]. Впрочем, Г. О. Винокур не отказывается принципиально от возможного заключения о принадлежности описанных им явлений к «индивидуальной художественной манере» писателя[15].

Нельзя согласиться и с Л. А. Булаховским, относящим «лексически совпадающие концы синтаксических отрезков» к индивидуально гоголевским приемам создания комического[16].

---

[11] А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 364, стр. 273.

[12] Аналогичный подход, приводящий к недифференцированному объединению разных видов собственно лексического соотнесения реплик, имеет место в упоминавшейся выше статье П. В. Валькова.

[13] Г. О. Винокур. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, стр. 35, 41.

[14] Там же, стр. 68.

[15] Там же.

[16] См.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. Изд. 2, М., 1954, стр. 459. Ср. приводимый здесь пример: «— А как, например, числом? — спросил Чичиков. — Да, сколько

Некоторые виды повторов отмечены в уже упоминавшейся работе М. Л. Михлиной. Однако ценность ряда положений (например, о функциях повторов) снижается в связи с рассмотрением повторов как «неполных» предложений, случайностью выбора и разнородностью включаемых в единую классификацию построений, невниманием к структурной роли частиц.

Повтор — общенародное явление русской диалогической речи, и нужно сказать, что непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога. Анализируя «шаблонную» форму бытового разговора, Якубинский приводит шуточный разговор: — *Здорово, кума.* — *На рынке была.* — *Аль ты глуха?* — *Купила петуха.* — *Прощай, кума.* — *Полтину дала.* По поводу этого разговора Якубинский замечает: «В сущности, глухая сделала одну первоначальную ошибку: она забыла, что при встрече здороваются; остальные же ее ответы были рассчитаны на шаблонную последовательность вопросов: „где была", „что купила", „сколько дала", и в этом отношении догадка ее очень жизненна, и „разговор" должен был бы протекать так: „здорово, кума" — „здорово, кума", „где была", „на рынке была", „что покупала", „купила петуха", „сколько дала", „полтину дала"»[17]. Следует признать, что с точки зрения языковых норм диалога так разговор протекать не мог. По нормам непринужденной и неторопливой разговорной речи он мог бы строиться примерно так: — *Где была?* — *Где была-то? На рынке* (или: — *Где? На рынке*). — *Что купила?* — *Что купила-то? Да* (*вот*) *петуха* [или: *Купила-то? Да* (*вот*) *петуха*] и т. д.

Повторение слов, характерное для диалогической речи, выступает в разных видах и имеет разные функции. Так, в утвердительном ответе на вопрос повторение слова, несущего на себе в вопросе смысловой акцент, является нормой. Но это не есть повтор в принятом нами значении слова, так как такое повторение, во-первых, «восполняется» из состава первой реплики, во-вторых, оно не является обязательно репликой экспрессивно реагирующей и эмоционально окрашенной[18], например: — Ты

числом? — подхватил Манилов. — *Да как сказать числом?* Ведь неизвестно, сколько умирало: их никто не считал».

[17] Л. П. Якубинский. О диалогической речи, стр. 166.

[18] Интересны замечания А. В. Добиаша о формах ответа в связи с разными видами вопросов: «В вопросе мы установили д в а вида: мы или спрашиваем о чем-нибудь, наперед нами не установленном, или подвергаем лишь к о л е б а н и ю „намеченное синтаксическое сказуемое". В первом случае спрашиваем и м е н а м и, а согласно с этим и о т в е ч а е м именами, прихватывая к ним иногда, в виде повторения или ради полноты

разве *одна* здесь? — спросил я девочку. — *Одна*, — произнесла она едва внятно. — Ты *лесникова* дочь? — *Лесникова*, — прошептала она (Тург., Бирюк) [19]; — А разве *и тебя* переселили? — спросил вдруг Ерофей, снимая дугу. — *И меня* (Тург., Касьян с Красивой Мечи).

*

С точки зрения того, какие слова или группы слов входят из первой реплики в состав второй реплики-повтора, выделяются три основных вида таких реплик: 1) повторяется одно слово из состава первой реплики (— Ты все это *сам* сделал? — *Какое сам!*); 2) повторяется словосочетание или предложно-именное сочетание первой реплики (— Выпей *хоть одну чашечку!* — *Разве что одну чашечку...*; — *Без пальто* идти? — *Что ты без пальто*); 3) повторяется предикативная основа первой реплики (— Помилуйте, *смею ли я*? — *Чего смею ли я!* — Как же *ты* все *это сделаешь*? — Как *я сделаю*. Я и сам не знаю). Слово или сочетание слов может повторяться или в той же форме, в которой оно употреблено в первой реплике, или изменять свою форму. Замены или сохранения форм не случайны: они подчиняются определенным правилам, которые будут изложены ниже.

Реплика-повтор в своей форме подчинена «породившей» ее первой реплике: форма словесного повтора не произвольно избирается, а подчиняется определенным правилам; состав и строение повтора как второй части сложной коммуникативной единицы диалога определены составом и строением первой реплики. Но вторая реплика представляет собой повторение именно

речи, и другие слова, встретившиеся в вопросе... На установленное же наперед „синтаксическое сказуемое" мы отвечаем прежде всего *да* или *нет*... Но мы можем отвечать и полною речью, и тогда в особой утвердительной частице крайней необходимости нет (ты это сделал? — *сделал*)» («Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка». Прага, 1897, стр. 471—472).

[19] Писатель И. А. Новиков напрасно видит в этих ответах выражение неразвитости, отсталости детской речи и своеобразие художественной манеры Тургенева (см.: И. Новиков. Тургенев художник слова, 1954, стр. 59—61); ответы эти построены по живым нормам русской разговорной речи. Вообще повторы логически акцентируемых слов — характернейшее средство соотнесения компонентов диалога, не являющихся репликами в принятом нами языковедческом понимании этого термина. Ср.: [Барабошев] У нас *серьезное* финансовое дело, никакого замедления не терпит. [Фелицата] У тебя *серьезное*, у нас еще серьезнее. Там у нее *ундер*. [Барабошев] *Ундер* чин *незначительный*. [Фелицата] *Незначительный*, а беспокоить не велели (Остр., Правда хорошо..., 4, 9). См. об этом: Г. О. Винокур. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, стр. 41—44.

данного — определенного слова или слов. Кроме того, в построении реплик-повторов, как уже отмечалось и как будет показано дальше, самую активную конструктивную роль играют разнообразные частицы и модальные слова, т. е. слова определенного лексико-грамматического класса, без которых не образуется тот или иной тип повтора с тем или иным определенным значением. Таким образом в построении реплики-повтора обязательно должны участвовать в качестве ее структурных элементов конкретные, не заменяемые другими лексические единицы.

Современная русская разговорная речь включает в число своих специфических конструкций двенадцать видов реплик-повторов [20]; внутри этих видов намечаются свои разновидности.

1. Собственно повторы, т. е. повторения [21], не осложненные никакими добавочными словесными элементами, участвующими в построении второй реплики. 1) Повторение в форме вопроса, на который обычно сам говорящий здесь же дает ответ: — *Чем-нибудь ты ведь жил же на улице.* — *Чем жил? Воровал.* При повторении местоимения возможно употребление препозитивного вопросительного местоимения в той же форме: — *Так вы отдадите ему?* — *Кому, ему? Нет, не отдам.* 2) Повторение в форме вопроса, с выделительной частицей *-то:* — *До броду далеко?* — *До броду-то? Недалеко.* При повторении местоимения возможно употребление препозитивного вопросительного местоимения в той же форме: — *Пойдешь за меня?* — *За кого, за тебя-то? Нет, не пойду.* 3) Повторение-полувопрос или восклицание; далее обычно следует разъяснение: — *Что ты с ним в сенях говорила?* — *Что говорила! Говорила, на бочку обруч набить надо.* 4) Двукратное повторение, обычно — с интонацией восклицания: — *О чем вы так долго?* — *О чем, о чем! Сама знаешь, о чем.*

2. Повторы с наречными частицами. 1) Повторения-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, составной или сложной частицей: — *Не горячись, пожалуйста.* — *Как не горячись?* — *Вы шутите.* — *Вот и (вот те и, вот вам и) шутите.* 2) Повторение, произносимое с интонацией восклицания

---

[20] В настоящем перечне не дается полная номенклатура частиц и других слов, участвующих в формировании повторов, не характеризуются особенности функционирования этих слов в составе реплики, не излагаются правила замены и сохранения форм и не описываются модальные значения реплик. Все эти вопросы будут освещены ниже, в специальных главах.

[21] Здесь и дальше под повторением имеется в виду повторение слова, сочетания слов или предикативной основы первой реплики.

или утверждения, в сочетании с простой или составной частицей: — *Дело прошлое.* — *Как же прошлое!* — *Я тебе верну.* — *Нечего верну!*

3. Повторы с местоименными частицами. 1) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Проспишь!* — *Что это еще просплю!* — *Длинно́.* — *Что за длинно́!* 2) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей и с выделительной частицей *-то*: — *Глупы вы стали.* — *Да что глупы-то?!* 3) Повторение-утверждение, в сочетании с простой или составной частицей: — *Поедем?* — *Ну что ж, поедем.*

4. Повторы с союзными частицами. 1) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Сотенную дал!* — *Будто и сотенную?* — *Выпей чашечку.* — *Разве* (*ну разве что, ну если, разве если*) *чашечку.* 2) Повторение, произносимое с интонацией утверждения или восклицания, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Я про это читал.* — *Тоже* (*тоже мне*) *читал!* — *Дворянина в рекруты сдали.* — *И* (*а и, да и, ну и*) *сдали!* 3) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (т. е. с отрицанием, если в первой реплике содержится утверждение или утверждающий вопрос, и без отрицания, если в первой реплике содержится отрицание или отрицающий вопрос), в сочетании со сложной частицей *а то*: — *Страшно?* — *А то не страшно?!* — *Не страшно?* — *А то страшно?*

5. Повторы с глагольными частицами. Повторение-утверждение, в сочетании со сложной частицей *и есть*: — *Не признал, видно?* — *Не признал и есть.*

6. Повторы с частицами, не соотносительными с другими классами слов. 1) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Это где?* — *Ну* (*да ну*) *где. Не знаешь разве?* 2) Повторение, произносимое с интонацией утверждения или восклицания, а также с интонацией вызова, насмешки, в сочетании с простой или составной частицей: — *Я не жалуюсь.* — *То-то* (*вот то-то*), *не жалуюсь!* — *Ушибся?* — *Ну* (*да ну, ну уж, ну уж и*) *ушибся!* 3) Повторение-утверждение, в сочетании с простой, составной или сложной частицей: — *Говядинки отвесить?* — *Хоть* (*ну хоть*) *говядинки.* 4) Повторение-утверждение или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики, в сочетании со сложной ча-

стицей *еще бы*: — *Бедно жили.* — *Еще бы не бедно*; — *Не бедно жили.* — *Еще бы бедно.*

7. Повторы с отрицанием как обязательным элементом структуры реплики. 1) Повторение-утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей *не*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции: — *Денег нужно.* — *Сколько?* — *Не сколько, а давайте.* 2) Повторение-утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей и выступающей в качестве усиливающего элемента наречной частицей *ничего, нисколько, нимало, ничуть, никак, вовсе, совсем*: — *Секрет?* — *Нимало не секрет.* 3) Повторение-утверждение, в сочетании со сложной отрицательной частицей *не то что, не что чтоб*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции или произносится с интонацией недоговоренности: — *Не смеешь?* — *Не то что* (*не то чтоб*) *не смею, а права не имею*; — *Любишь?* — *Не то чтобы люблю...* 4) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей и наречной частицей *как*: — *Жутко было?* — *Как* (*ну как, как же, да как же*) *не жутко!*

8. Повторы с модальными словами или модальными сочетаниями слов, а также с формами существительных и глаголов, выступающими в роли модальных слов. 1) Повторение-утверждение или восклицание, с интонацией вызова, недоверия: — *Он у нас как дома.* — *Ничего себе* (*нечего сказать, кой чёрт*) *как дома.* 2) Повторение-утверждение: — *Умный он.* — *И точно* (*известно* и т. п.) *умный.* 3) Повторение-утверждение, в сочетании с формами именительного падежа существительных: — *Немножко опоздал.* — *Пустячки немножко.* 4) Повторение, произносимое как утверждение, восклицание или с интонацией вызова, недоверия, в сочетании с формами повелительного или изъявительного наклонения глаголов: — *Пойдем!* — *Погоди пойдем!*

9. Повторы с междометиями. 1) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение: — *Он ведь устал.* — *Э* (*эва, эка, вона* и т. п.), *устал!* — *Доктор пришел.* — *Ах да, доктор.* 2) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание: — *Старуха пришла.* — *А* (*ах, о*), *пришла?* 3) Повторение, произносимое с интонацией вызова, несогласия, в сочетании с междометием *да* (возможно — с усиливающими элементами): — *Что это за игра! Не представляет никакого интереса.* — *Да* (*ну да, да уж*), *никакого интереса.*

10. Повторы с формами согласуемых слов. 1) Повторение-вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с формами

местоимения *какой*: — *Деньги получаешь?* — *Какие* (*какие там, какие еще* и т. п.) *деньги?* 2) Повторение-утверждение или восклицание, с обязательной отрицательной частицей, в сочетании с формами местоимения *никакой* в усиливающей функции: — *Ну и лентяй!* — *Никакой не лентяй.* 3) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией недоверия, насмешки, в сочетании с формами прилагательных *хорош, хороший* или *хорошенький*: — *Вы еще дети.* — *Хорошие* (*хорошенькие*) *дети!*

11. Повторы с сбязательным местоимением в форме именительного падежа в субъективном значении. 1) Повторение-восклицание или утверждение, в сочетании с частицей *что* и не отделяемым от нее личным местоимением: — *Жарко в шубе-то.* — *Что ты* (*что вы*) *жарко!* (Ср. при возражении самому себе: — *Успею еще. Хотя что я* (—) *успею!*). 2) Повторение глагола в форме 1-го лица, произносимое с интонацией угрозы, вызова, в сочетании с местоимением *я* и формой дательного падежа местоимения со значением косвенного объекта: — *Он пошутил.* — *Я ему пошучу.* 3) Повторение, произносимое с интонацией предупреждения, угрозы, в сочетании с предшествующим повторяемому слову личным предложением, в котором обязательно присутствует подлежащее — личное местоимение, дательный падеж местоимения со значением объекта и сказуемое, выраженное глаголом *дать, задать, показать* и некот. др.: — *За это в суд можно.* — *Я тебе дам в суд!* (— *Даст он вам в суд!* — *Они вам покажут в суд!* и т. п.). 4) Произносимое с интонацией угрозы повторение глагола, отливающееся в форму двусоставного предложения, в котором субъект совпадает с субъектом первой реплики: — *Он увиливает.* — *Увильнет он у меня!* или: — *Увильнет он!*

12. Повторы с удвоением. 1) Повторы, обычно являющиеся первым компонентом сложной противительной конструкции. а) Две формы, соединенные частицей *-то*: — *А тебя разве не ценят?* — *Ценят-то ценят, да...* б) Инфинитив и личная форма того же глагола, соединенные без частиц, частицей *-то* или отрицанием: — *Ты когда-нибудь летал?* — *Летать летал, да...*; — *Летать-то летал, да...*; — *Летать не летал, а...* в) Две формы, соединенные отрицанием (возможно — в сочетании с уступительным союзом *хоть*): — *Вы-таки были талант.* — *Талант* (*хоть*) *не талант, а...* г) Две формы, соединенные отрицанием и разделительным союзом: — *Довольно будет?* — *Довольно ли* (*или*) *не довольно, а...* д) Бессоюзное сочетание форм именительного и творительного падежей существительного: — *Разве вам мало было подарков?* — *Подарки подарками, а...* 2) Пов-

торы, функционирующие вне противительной конструкции. а) Повтор, образующийся сочетанием двух форм (или сочетанием слов), соединенных союзной частицей *так:* — *Приходите в среду.* — *В среду так в среду.* б) Повтор, образующийся сочетанием двух форм при помощи союза *и:* — *Глуп ты еще.* — *Глуп и глуп.*

*

При построении реплик-повторов в языке действует система правил сохранения или замены форм повторяемого слова или сочетания слов. Эти правила в основном совпадают для многих типов реплик. Однако структура повтора во многих случаях определяет замену или сохранение форм повторяемого слова, поэтому названные правила не являются универсальными и требуют дифференцированного описания [22].

I. Замены форм глагола.

1. Явления замен, характерные для всех спрягаемых форм глагола.

В некоторых видах повторов спрягаемая форма глагола может заменяться инфинитивом. Это бывает тогда, когда, отвечая, говорящий сосредоточивает свое внимание не столько на конкретном действии определенного лица, сколько на мысли о действии вообще (— *Обижаешься?* — *Вот еще обижаться!* — *Еще бы не обижаться*). Замена спрягаемой формы инфинитивом обычна в собственно повторах, в повторах с наречной частицей *как* и с отрицанием (*Как не обижаться!*), а также с частицей *где* (*Где уж обижаться!*). В повторах, формируемых наречными частицами, сохраняющими оттенок причинно-целевого значения (*чего, зачем*), спрягаемые формы глагола, заменяясь инфинитивом, образуют реплику, сочетающую со значением несогласия, отрицания, уверенности в обратном значение причинно-целевых отношений (— *Зачем обижаться!* — *Чего там обижаться!*). В повторы с инфинитивом часто включаются местоимения с субъектным значением (— *Где уж мне обижаться!*).

Там, где значение всей реплики не связано с акцентированием мысли о действии вообще, а носит непосредственно реагирующий, конкретно-оценивающий характер, замен спрягаемых форм инфинитивом не происходит (например: — *Не знал я.* — *Ничего себе не знал!*).

---

[22] Предлагаемое описание не является исчерпывающим. Индивидуальные случаи сохранения или замены тех или иных форм отмечаются ниже в главах, посвященных подробному описанию разных видов повторов.

При акцентировании в повторе мысли о действии вообще возможна (а иногда и обязательна) не только замена спрягаемой формы инфинитивом, но и замена видовой формы глагола: — *Ты сходи сам.* — *Что мне ходить!*

В некоторых видах повторов спрягаемые формы глагола могут заменяться существительными — отглагольными или по значению соотносительными с глаголом. Такие замены могут осуществляться в репликах, оформляемых формами согласуемых слов (— *Вы спите?* — *Какой там сон!*) или сложной местоименной частицей *что за* (— *Стану я грешить!* — *Что ж за грех!*). Если заменяющее имя ставится в форме множественного числа, то в реплике подчеркивается значение отрицательной оценки, вносится элемент пренебрежения: — *Я пошутил.* — *Хороши шуточки.*

Во всех случаях замен спрягаемой формы глагола инфинитивом или существительным имеет место отвлечение от личного значения.

2. Явления замен, характерные для некоторых форм глагола.

1) Формы 1-го и 2-го лица, как общее правило, в повторах заменяются в соответствии со значением лица говорящего: — *Я шучу.* — *Шутишь?!* Личная форма в этих случаях может остаться незамененной тогда, когда в повторе выражается та или иная реакция не только на содержание сказанного, но и на его форму или когда сказанное воспринимается как неожиданное, странное, такое, которое не сразу может быть понято, осмыслено: — *Мы это всё уладим.* — *Как это «уладим»?* — *Забудь!* — *Вот еще «забудь»!* В репликах, выражающих согласие, принятие, допущение, личные формы заменяются формами повелительного наклонения (— *Уйду.* — *Ну и уйди*). Соответственно имеют место обратные замены.

2) Формы 3-го лица глагола не заменяются другими личными формами, если речь идет именно о ком-то третьем, а не об одном из собеседников. Если же формой 3-го лица называется действие одного из собеседников, то замены обычны, например: — *Он уходит!* — *Как это ухожу?* (реакция собеседника на сказанное о нем как о 3-м лице). Сохранение формы 3-го лица акцентирует ее значение и общее модальное значение всей реплики (— *Как это «уходит»?*).

3) При «вы» вежливости или при соответствующем употреблении глагольной формы на *-л* в форме множественного числа правилом является замена в повторе формы множественного числа формой единственного и обратно: — *Вы ведь обещали.* — *Как это обещал?* Сохранением формы глагола в повторе достигается тот же оттенок значения, который отмечен по отношению

к сохранению личных форм (— *Вы ведь обещали.* — *Как это «обещали»?*).

II. Личные местоимения 1-го и 2-го лица, а также соответствующие притяжательные заменяются в повторах в соответствии со значением лица говорящего (— *Ты взял!* — *Прямо я!* — *Это мое.* — *Ах твое!*). Отсутствием замены выражается или неполное понимание (— *Пойдем ко мне.* — *Как так «ко мне»?*) или подчеркивается соответствующее модальное значение повтора (— *Это мы здесь все починили.* — *Так уж будто и «мы»?*). Именно в силу данного значения подобных повторов (без замены формы) они невозможы в тех случаях, когда повторяется личное местоимение, не несущее на себе смыслового акцента, по своей функции в первой реплике «морфемное» (— *Куда это ты идешь?* — *Я-то? Домой*). Местоимения 3-го лица заменяются местоимениями 1-го лица, если речь идет об одном из собеседников: — *Это опять его штучки.* — *Ничего не мои* (реакция собеседника на сказанное о нем как о 3-м лице).

III. Формы косвенных падежей существительных в повторах могут заменяться или не заменяться формой именительного падежа — в зависимости от структуры реплики.

1. Замены обязательны в репликах, строящихся при участии согласуемых слов, а также при помощи сложной частицы *что за*, т. е. там, где оформляющее реплику слово имеет форму и значение именительного падежа: — *Придираешься к ребенку.* — *Хорош ребенок!* или: — *Да какой же ребенок?* — *Что за ребенок!*

Особое место занимают возможные в повторах с согласуемыми словами случаи замены формы единственного числа формой именительного падежа множественного числа. Так же, как и в соответствующих заменах глагольных форм, в реплике здесь усиливается элемент отрицательного, пренебрежительного отношения к сказанному как к несерьезному, не заслуживающему внимания. — *У тебя в кубышке-то небось не мало.* — *Какие у меня кубышки!*

2. Замены возможны, но не обязательны: 1) В репликах, строящихся при помощи таких частиц и модальных слов местоименного происхождения, которые, оторвавшись от категории местоимений, сохраняют форму именительного падежа: — *А с матерью говорил?* — *Да что ж мать?* и — *Да что ж с матерью?* 2) В репликах, строящихся при помощи частиц, восходящих к глагольным формам: — *Все дети пьяницами повырастали.* — *Пьяницы как есть!* и — *Пьяницами как есть.* 3) В репликах, строящихся при помощи частицы *как*, — если существительное

имеет качественно-характеризующее значение: — *Туда с такими пустяками не ходят.* — *Как пустяки?!* и — *Как с пустяками?!*

3. Замен не происходит в собственно повторах (— *Сиротой прикинулся.* — *Сиротой?!*), а также в репликах, строящихся при помощи таких слов, которые своей формой не влияют на форму повторяемого слова, например, при помощи частиц *хоть, хоть бы, разве, если* и т. п. — *К брату пойдешь?* — *Разве что к брату.*

IV. Прилагательные, наречия и безлично-предикативные слова в некоторых типах реплик могут заменяться именами существительными или глаголами. Естественно, что в этих случаях осуществляется в той или иной степени смысловой отход повтора от первой реплики.

1. В повторах, оформляемых согласуемыми словами, а также частицами, сохраняющими формальную связь с именительным падежом — *не то что* (*чтобы*), *что за*, — наречия, безлично-предикативные слова и прилагательные могут заменяться формами именительного падежа соответствующего существительного: — *У него такой искренний был тон.* — *Хороша искренность!* — *Богато жили?* — *Что за богатство!* и т. п.

2. В повторах с отрицанием, оформляемых частицей *как* (*не*), возможны замены прилагательных, наречий и безлично-предикативных слов инфинитивом глагола: — *Жалко?* — *Как не жалеть!* — *Что-то он сегодня грустный.* — *Да как же не грустить?* — *Нет ли самовара?* — *Как не быть!*

V. Порядок слов в повторе может меняться, если повторяется словосочетание или предикативная основа предложения. Эти изменения не часты и связаны всегда с акцентированием того или иного слова, например: — *Ты зачем сюда пришел?* — *Пришел-то сюда зачем? Поговорить нужно.*

*

Наряду со свободными, категориально и синтаксически не ограниченными видами повторов, существуют реплики, образование которых ограничено возможностью повторения слов только некоторых категорий (имен, глаголов) или слов, выступающих в первой реплике в определенной синтаксической функции (предикативной, обстоятельственной). Эти ограничения непосредственно связаны с природой тех слов (частиц, модальных слов), которые являются структурным элементом повтора.

1. Повторы с союзными частицами *а, да*, имеющие чаще всего форму вопроса или полувопроса, строятся почти всегда как вторая реплика, вызванная вопросом. Такая вторая реп-

лика, выражающая легкое пренебрежение к предмету разговора как к не заслуживающему серьезного внимания, некоторую неохоту отвечать, повторяет или предикативную основу первой реплики в сочетании с вопросительным словом (— *А что ты здесь делал?* — *Да что делал — ждал*), или только одно вопросительное слово либо предложно-именное сочетание (— *Как же вы жили без меня?* — *Да как? Обыкновенно*). Эти формальные ограничения тесно связаны с общим модальным значением повтора — выражением непосредственной и экспрессивно окрашенной реакции на вопрос.

2. Вторые реплики со значением уверенного подтверждения [с частицами *и есть, как есть, как (не), как же, еще бы,* модальными словами *известно, именно, и то, и точно* и некот. др.] или со значением отрицания [с частицами *не то что (не то чтобы), как же* и некот. др.] строятся преимущественно на основе повторения таких слов первой реплики, которые несут в ней предикативную функцию; другие члены предложения повторяются тогда, когда в первой реплике они логически акцентируются: — *Ведь это разбой!* — *Как есть разбой!* — *Пришли-то вы рановато.* — *Рановато и есть*; — *Что ты сидишь, точно просительница какая.* — *Еще бы не просительница!*

3. Только сказуемое или главный член односоставного предложения повторяется в выражающих согласие, утверждение репликах, оформленных модальными словами *отчего (же), почему (же)*, сохраняющими тесную и живую связь с соответствующими наречиями: — *Можно с тобой пойти?* — *Отчего же, можно.*

4. Реплики со значением вызывающего согласия, строящиеся с участием союзной частицы *и (ну и, вот и, да и, а и)*, а также при помощи сложной частицы *так и (так тебе и)* ограничиваются повторением глагола-сказуемого и редко — имени (первые). Ограничения при этом распространяются и на формы повторяемых слов. Так, повторы с частицами *и, ну и, вот и* обычны (но не исключительны) с формами 1-го лица изъявительного наклонения, когда в первой реплике — повелительное наклонение (— *Иди!* — *Ну и пойду!*) или с формами повелительного наклонения, когда в первой реплике — изъявительное наклонение или инфинитив (— *Сами организуем это дело.* — *Вот и организуйте*). Именные формы здесь повторяются редко и тогда, когда в первой реплике они употреблены предикативно: — *А еще зенитчица, фронтовичка!* — *Ну и зенитчица, и фронтовичка, а грозы боюсь.*

В репликах, строящихся с участием сложной частицы *так (тебе) и*, сохраняющей элемент наречного (и обстоятельствен-

ного) значения, повторяется глагол-сказуемое в спрягаемой форме: — *Он всю деревню спалит.* — *Так (тебе) и спалит!*

5. В репликах, строящихся с участием местоименной частицы *что* и имеющих значение экспрессивно окрашенного переспроса, повторяются имена, неизменяемые слова и реже — предикативные основы первых реплик: — *Отдай скотину, не то худо будет.* — *Что худо будет?!* Глагольные формы в таких репликах повторяются сравнительно редко (— *Нет, я не могу.* — *Что не могу?*).

6. В репликах, строящихся с участием фразеологической частицы *что за* и выражающих уверенное опровержение, несогласие, отрицание, повторяются, как общее правило, существительные и прилагательные в форме именительного падежа: — *Чем потчевать прикажете?* — *Что за потчеванье!* Спрягаемые глагольные формы здесь повторяются крайне редко (— *Зачем же врешь?* — *Что за вру!*) и свидетельствует о максимальном отходе *что* от его первоначального местоименного значения. Инфинитив в формировании таких повторов не участвует.

7. Реплики, выражающие оценку чего-либо как несущественного, не заслуживающего обсуждения, внимания и строящиеся с участием частицы *что* (*что ж, да что, а что, ну что, ну что ж* и т. п.) повторяют преимущественно имена и именные сочетания: — *Ведь это он тебя с бревном тогда поймал.* — *Что же с бревном...* Спрягаемые формы здесь повторяются реже, поскольку сочетаниям типа: — *Надоел!* — *Да что ж надоел!* противоречит прежнее местоименное (в предложении — предикативное) или наречное (обстоятельственное) значение *что;* это последнее значение сказывается в том, что спрягаемые формы первой реплики здесь, как правило, заменяются инфинитивом (— *Чертей, что ли, боишься?* — *Что их бояться!*), причем совершенный вид заменяется несовершенным, выражающим значение действия вообще, вне ограничений какими-либо пределами в его протекании (— *Научи его!* — *Что ж его учить*).

8. Повторы, образуемые формами согласуемых слов (*какой, никакой, хорош*), включают в свой состав только формы именительного падежа существительных, прилагательных и местоимений: — *Всё твои штучки.* — *Какие же мои? Никакие не мои.*

Таким образом, во многих репликах, в которых частица или другое оформляющее повтор слово не совсем утратили смысловые и функциональные связи с теми классами слов, из которых они вычленились, имеют место те или другие категориальные, формальные и функциональные ограничения слов, входящих во вторую реплику в качестве повторяемого элемента.

*

Место частиц, междометий, модальных и других слов, участвующих в формировании реплик-повторов, не свободно, а определяется рядом условий. В некоторых случаях эти слова могут находиться только в начале реплики, в других — в начале или в конце ее; случаи, когда частица или другое участвующее в формировании повтора слово свободно в смысле своего местоположения, — единичны.

1. Большинство слов, участвующих в формировании повтора, начинает собою реплику. Однако самый характер закрепленности их в начале повтора различен.

С одной стороны, выделяются такие слова, которые ни при каких условиях не могут быть перемещены внутри реплики и обязательно находятся в ее начале. Такая строгая закрепленность непосредственно определяется строением этих слов и их категориальными связями. Обязательным условием синтаксического функционирования этих слов во второй реплике является их интонационная слитность с повторяемым словом, отсутствие паузы между этими двумя компонентами повтора. Это, прежде всего, частица *и* и все частицы, включающие в себя это слово: *а и, ну и, да и, вот и, вот те* (*тебе*) *и, хоть* (*бы*) *и, так* (*тебе*) *и, уж и, ну уж и, будто и, даже и* и т. п. Препозиция по отношению к повторяемому слову и интонационное слияние с ним является здесь обязательным условием построения соответствующих реплик: — *Это не причина.* — *Ну уж и не причина!* Те же ограничения действуют в отношении союзных частиц *а, да*: — *Куда ходил?* — *А куда ходил? Все туда же.* Показательно, что если частицы *а, да* присоединяются в качестве усиливающего элемента к частице, которая сама по себе может перемещаться в составе реплики, то такое присоединение делает образовавшуюся составную частицу обязательно препозитивной и интонационно неотделяемой от повторяемого слова: — *Ты бы сходил.* — *Да что ходить!* Ср.: — *Что ходить!* и — *Ходить что!*

Всегда препозитивны частицы *как* (*не*), *не то что* (*не то чтобы*), участвующие в формировании реплик, обязательным элементом которых является отрицание: — *Женихи найдутся.* — *Как* (*же*) *не найтись!* — *Отстал ты.* — *Не то что отстал, а...*

Те же правила распространяются на согласуемые слова *какой* и *хорош*, участвующие в построении повторов: — *Волк?* — *Какой* (*тебе*) *волк!* — *Сапоги-то совсем новые.* — *Хороши новые!*, а также на частицу *что за*: — *Волк?* — *Что за волк!*

Только препозитивны местоименная частица *что* в экспрессивно окрашенном переспросе (—*Это что такое?* — *Что «что*

такое»?), частица *хорошо* (— *Легонько отстранил... — Хорошо легонько!*), *никаких* (— *Мне пора ехать. — Никаких ехать!*) и сложная частица *вот те* (— *Да ну?! — Вот те ну!*).

Рассмотренные случаи характеризуются тем, что частица или согласуемое слово ни при каких условиях не могут изменить своего положения в составе реплики или интонационно обособиться от следующего за ними повторяемого слова. В отношении частиц эта строгая позиционная ограниченность естественно определяется самой их формой или первоначальным значением и происхождением (ср. союзные и местоименные частицы, частицу *вот те*); в отношении согласуемых слов строгая определенность их места в препозиции к повторяемому слову является грамматическим показателем их особой (по сравнению с другими случаями употребления этих слов) семантико-синтаксической функции в повторе.

С другой стороны, многие слова (частицы, модальные слова, междометия), всегда начинающие собою реплику-повтор и интонационно не отделяемые [23] от повторяемого слова, формально могут быть отделены от него и перемещены в конец реплики, например: — *Новые ведь еще сапоги-то.* — *Какое новые!* и — *Новые? Какое!* — *Я тебе сказал.* — *Мало ли что сказал!* и — *Сказал? Мало ли что!* — *Возьми и напиши.* — *Легко сказать напиши!* и — *Напиши! Легко сказать!* Однако уже отдельные примеры показывают, что перемещение частицы в конец реплики меняет не только оттенок значения, но и форму реплики. В случае — *Какое новые!* перед нами цельная реплика-повтор, формируемая двумя словами, которые оба вместе создают единую конструкцию с определенным значением; в случае же — *Новые? Какое!* мы видим две самостоятельные конструкции — собственно повтор и частицу как «эквивалент предложения», которые свободно разделяются и могут функционировать независимо друг от друга. Хотя в обоих случаях выражается отрицание, несогласие, но оттенки этого общего значения здесь ясно различаются: в первом случае повтор имеет единое значение уверенного и категорического несогласия, отрицания; во втором случае значение расчленено: собственно повтором говорящий, сомневаясь и не доверяя, уясняет себе сказанное, а интонационно обособленной и синтаксически самостоятельно функционирующей частицей выражает свое несогласие с утверждением собеседника.

[23] Для некоторых из приводимых ниже повторов интонационная неотделяемость частиц, модальных слов и т. п. от повторяемого слова является типическим и характерным, но допускающим отступления правилом. Эти случаи подробно будут описаны ниже.

Таким образом, перед нами не видоизмененная со стороны порядка слов и интонационного рисунка конструкция, а две разные конструкции, с разными формами и разными значениями. Поэтому, изучая реплики-повторы в том плане, как это изложено в начале настоящего раздела, мы не можем говорить о том, что такие частицы, как *чего* (*чего там*), *куда* (*куда там*), *зачем*, *нечего*, *какое*, *как* (при переспросе), *чтой-то*, *то-то*, *ну*, *еще бы*, *вот* (*ну вот*), сочетание *что ты*, модальные слова *и точно*, *мало ли что*, *кой чёрт*, формы имен и глаголов *пустяки*, *легко сказать* и др., могут находиться или в начале, или в конце повтора, отделяясь или не отделяясь паузой от повторяемого слова. Исходя из принятого в работе понимания повтора, мы должны признать, что эти слова могут находиться только в начале повтора и интонационно не отделяются от повторяемого слова.

2. Некоторые частицы, модальные слова и междометия, участвующие в формировании повтора, могут находиться как в начале, так и в конце реплики. Повторы этого типа неоднородны.

1) Здесь выделяются, во-первых, такие реплики, в которых участвующая в их построении частица или другое слово, независимо от своего положения по отношению к повторяемому слову, не отделяется от него паузой. Таковы реплики, оформляемые с частицами *что* (— *Да ведь холода стоят.* — *Холода что!* и — *Что холода!*), *ничего*, *нисколько*, *ничуть*, *вовсе* (— *Озяб?* — *Ничего не озяб!* и — *Не озяб ничего!*), *и есть* (— *Точно все сговорились.* — *И есть сговорились!* и — *Сговорились и есть!*), *разве*, *если* (— *Одну чашечку!* — *Разве чашечку* и — *Чашечку разве*), *и то* (— *Слушайся меня.* — *И то слушаюсь* и — *Слушаюсь и то*) и согласуемым словом *никакой* (— *Ну и соня ты!* — *Никакой я не соня* и — *Не соня я никакой*).

2) Существуют такие реплики, в которых участвующая в их формировании частица, модальное слово и т. п., находясь в начале реплики, не отделяется паузой, а находясь в конце реплики, может интонационно отделяться от повторяемого слова, но такое отделение не является обязательным. Таковы повторы с частицей *как есть*: — *Дети все пьяницы повырастали.* — *Как есть пьяницы.* — *Пьяницы как есть* и — *Пьяницы, как есть.*

3) Выделяются реплики, в которых участвующая в их формировании частица (междометие и т. п.), находясь в начале реплики, может или отделяться от повторяемого слова паузой или нет, а находясь в конце реплики, обязательно отделяется паузой. Это повторы с частицами *вот*, *вот еще* (— *Мой пиджак тебе не влезет.* — *Вот еще не влезет!* — *Вот еще, не влезет* и — *Не влезет, вот еще!*), *прямо* (— *Прямо не влезет!*

— *Прямо, не влезет!* и — *Не влезет, прямо!*), с модальными сочетаниями *ничего себе, нечего сказать, легко сказать* (— *Еще рано.* — *Нечего сказать рано.* — *Нечего сказать, рано* и — *Рано, нечего сказать*).

4)В некоторых случаях частица, находясь как в начале, так и в конце реплики, может или не отделяться интонационно от повторяемого слова, или отделяться от него. Таковы повторы с частицей *тоже*: — *Он много знает, читал.* — *Тоже читал!* — *Тоже, читал!* — *Читал тоже!* и — *Читал, тоже!*

5) Значительная группа модальных и других слов, частиц и междометий, оформляя повтор, может находиться как в начале, так и в конце реплики, интонационно не сливаясь с повторяемым словом, обязательно отделяясь от него небольшой паузой. Таковы реплики с модальными словами *как же* (— *Он вам родственник?* — *Как же, родственник* и — *Родственник, как же*), *отчего* (*же*), *почему* (*же*), с глагольными формами *рассказывай, дожидайся, скажите*, с частицами *ишь* (*ты*), *вишь* (*ты*), с междометиями *да, эка, господи* и мн. др.

3. Свободна в отношении своего места к повторяемому слову и, если реплика состоит из нескольких слов, свободно перемещается внутри реплики частица *где*: — *Вы бы за меня заступились?* — *Где мне за вас заступаться?* — *Мне где ж за вас заступаться?* — *Мне за вас где ж заступаться?* — *Мне за вас заступаться где ж?* Однако в живой речи частица *где* тяготеет к абсолютному началу реплики.

Предложенный здесь обзор типов реплик с точки зрения позиционных ограничений оформляющих слов и их интонационных связей с повторяемыми словами не является исчерпывающим. Подробнее о формах разных реплик будет говориться в соответствующих главах.

СОБСТВЕННО ПОВТОРЫ

Собственно повторы делятся на две большие группы: реплики, вызванные вопросом, и реплики, вызванные утверждением. Те и другие различаются по характеру и системе своих модальных значений, а в ряде случаев и по формам.

1. Реплики, вызванные вопросом, могут иметь или форму вопроса (так называемый «возвращенный вопрос») или форму «невопроса» — восклицания, полуутверждения и т. п.

1) Повторение-вопрос в ответ на вопрос («возвращенный вопрос») — типическая форма собственно повтора. За ним, как правило, следует ответ на поставленный вопрос. Наиболее обыч-

ным значением такого повтора является уяснение смысла первой реплики: прежде чем ответить, собеседник сосредоточивает свое внимание на том, о чем спрашивают, и отвечает, отталкиваясь от повторенного слова как смыслового центра вопроса. Это — уясняющий переспрос.

— Что там *произошло*, Петр Егорыч? — спросил я. — *Произошло?* — удивился Черкасов. — А ничего!.. — А с Пашуней? — А-а-а! — протянул он, словно речь шла о забытом пустяке. — Было, было. — *Что же* было? — *Что?* — сосредоточенно глядя в печку, переспросил он. — Да опять же ничего. Поговорили... — И *придумали* что-нибудь? — *Придумали?* Да как тебе сказать... Кажется, и придумали (Г. Радов, Петр Егорыч, 4).

В уясняющих переспросах чаще всего повторяются формы имен и предикативные основы первых реплик, реже — наречия.

[Платон] Да *об чем* ты? [Глеб] *Об чем?* Об яблоках (Остр., Правда хорошо... 3, 9); — А *где ж* ты взяла? — говорит она. — *Где?* Подарили (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — *Что парнишко-то* мой: как там у вас? — прибавил он, уходя за прилавок. — *Что парнишко?* Ничего, хорошо... (Писемск., Тысяча душ, 1, I); — Ты вот дай мне графинчик очищенной. — *С чем* прикажете? — *С чем?* С рюмкой (Гаршин, Происшествие, II); — А *жиличка* живет? — *Жиличка?* Живет (Панова, Кружилиха, 3).

Наиболее типичной конструкцией является такая, когда за уясняющим вопросом следует ответ, включающий то же слово, которое повторяется в вопросе. Это — своеобразный двойной повтор, характерный для непринужденного диалога.

— *Дорога* у вас тут какова? — *Дорога?* *Дорога* — ничего (Тург., Стучит!); — А *ты куда же пойдешь*, Чижик? — *Куда пойду?* А сперва в церкву *пойду*, а потом к куме-боцманше заверну... (Станюк., Нянька, IX); — Ну, как *география*? — *География?* *География* на «отлично» (Макаренко, Кн. для родителей, 7).

В ответах, следующих за уясняющим вопросом-повтором и включающих в себя повторяемое слово, возможно наличие координирующего местоимения или местоименного наречия; такие ответы обычно вводятся союзом *а*.

— *Что новенького*, дед? — обратился Нилов к Максиму. — *Что новенького?* — усмехнулся старик. — *А то новенького*, что собираюсь у вашей милости ружьеца попросить (Чехов, Волк); — ... А вы *как это* нас *разыскали?* — ... *Как разыскала?* *А так и разыскала*. Ходила, ходила, и нашла... (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, XI).

Среди уясняющих переспросов выделяются переспросы с частицей *-то*. Повторяемое в переспросе слово, выделяемое частицей, акцентируется, на нем сосредоточивается внимание. Как и в переспросах без *-то*, здесь повторяются имена и предикативные основы предложений, редко — глагольные формы.

— Ты, умница, есть у тебя *жена*? — *Жена-то*? Есть. Как не быть жене. — Ты *ее* бьешь? — *Жену-то*? Всяко случается (Тург., Отцы и дети, XIX); — А *отвечать* не боишься? — *Отвечать-то*? Да тут все в ответе — и не разберешь! (С.-Щ., Пошехонск. старина, VIII).

Здесь также за уясняющим вопросом часто следует ответ, включающий повторяемое слово.

[Василий Финогеич] Какими *товарами* торгуете? [Иван Трифоныч] (разбирая карты) *Товарами-то*?.. *товарами-то*?.. А вот какими *товарами*... червонными (Горбунов, Живем в свое удовольствие, I); [Петр] Микита-то где ж? [Акулина] Микита-то? На улице стоит. [Петр] *Чего ж он стоит*? [Акулина] *Чего стоит-то*? *Стоит* за углом, калякает (Л. Толст., Власть тьмы, 1, III).

В обмене реплик как сложной языковой единице уясняющий вопрос выполняет не только смысловую, но и синтаксическую функцию. Это — своеобразная скрепа между вопросом и ответом. Эта связующая функция повтора-вопроса, вызванного вопросом, выявляется особенно ярко в характерных для диалога повторах личных местоимений, не акцентируемых в первой реплике и часто — в случаях двусоставности — выполняющих в ней «морфемную» функцию. В этих повторах их скрепляющая роль выступает как бы в своем чистом виде[24].

— ...Если, представьте, продадут вашу Шатиловку, то что *вы* будете делать? — *Я*? Не знаю (Чехов, Пустой случай); — *Тебе* нездоровится, Глаша? — *Мне*? Нет, ничего (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, III).

То же личное местоимение может повторяться в следующем за повтором ответе.

[Леонид Федорович] *Вы* к сыну? [Петрищев] *Я*? Да, *я* на минутку к Вово (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 25); — Нет, ты скажи, куда *ты* прешь-то, кислая шерсть? — наступал хозяин. — *Я*? А *я* домой... (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, IV).

---

[24] Мнение о том, что такие переспросы «вызваны стремлением отделаться от ответа, оттянуть его, выиграть время для его обдумывания» (И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке, стр. 121), не подтверждается материалом.

Ср. с тем же значением случаи повторов указательного местоимения.

— Ты в самом деле сегодня злой. Отчего *это*? А? — *Это? Это*... от солнца (Макаренко, Честь, 1, 4).

Неакцентируемое личное местоимение может повторяться не одно, а в сочетании с другим словом.

— Сколько *вам лет?* — *Мне лет?* Двадцать три (Макаренко, Честь, 1, 21).

Постановкой перед повторяемым личным местоимением вопросительного местоимения в той же форме достигается смысловое выделение местоимения, подчеркивание его; связующая роль местоимения соответственно ослабляется.

[Радимов] Поди-ка сюда; растолкуй мне, что *ты* делаешь? [Репейкин] *Кто? Я?* Люблю твою дочь до безумия... (Писарев, Хлопотун, XXX).

Ту же функцию выделения местоимения выполняет частица *-то*: логический акцент, который в первой реплике падает на другое слово, переносится этим выделением на местоимение.

— А *тебя* как звать? — спрашивал я. — *Меня-то?*.. Да Зайцем добрые люди зовут... (Мамин-Сиб., Золотуха, II); [Львов] Хороший *он* человек? [Косых] *Он-то?* Жох-мужчина! (Чехов, Иванов, 4, III).

Местоимение может повторяться в ответе.

— Как, как это *ты* сказал? — спросил Пьер. — *Я-то?* — спросил Каратаев. — *Я* говорю: не нашим умом, а божьим судом... (Л. Толст., Война и мир, IV, 1, XII).

Наряду с функцией уяснения описываемые повторы могут иметь и другое, сопутствующее первому и часто становящееся основным значение. Это — выражение разнообразных реакций, того или иного — почти всегда отрицательного [25] — отношения к сказанному или к предмету разговора: удивления, недоумения, испуга, несогласия, возмущения, иронии, досады и т. п. Для повторов с этими значениями возможно отсутствие следующего далее ответа, так как ответ, отношение к сказанному выражается здесь самим повтором.

— Да и разве такие-то бывают мужчины? — Да, а то, невестка, *какие же?* — *Какие?*.. А я вот не посмотрю, что ты мужчина, да оплеуху тебе хорошую дам (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9); [Яков] *На много ли персон* прикажете накрывать? [Барыня] *На много-ли?*.. Федор Иваныч!

[25] Ср. приводимое в статье Р. А. Будагова «К вопросу о языковых стилях» («Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 66) интересное замечание Б. Шоу о том, что «есть пятьдесят способов сказать *да* и пятьсот способов сказать *нет*».

Принять от него серебро! Вон сейчас! (Л. Толст., Плоды просвещ., 4, 23).

Особенно ярко эти значения выявляются при повторении нескольких слов первой реплики в форме отдельных переспросов.

— А *жена твоя* где *днюет и ночует*? *У Новака*? А? Худяков пробовал сыграть на оскорблении. — *У Новака*? *Моя жена*? *Днюет и ночует*? Ты, Семен Григорьевич, это брось! (Макаренко, Кн. для родителей, 2).

Однако для вторых реплик и этого типа последующий ответ обычен.

— *Я-то* тут *что*? — *Вы что*? А вы с этой старой ведьмой, с ключицей, не ста́кнулись, небось? (Тург., Контора); — По крайней мере, имеете ли вы к кому-нибудь *рекомендацию* в Крутогорск? — *Ре-ко-мен-да-цию*? А зачем, смею вас спросить, мне рекомендация? (С.-Щ., Губ. оч., Обманутый подпоручик); — О чем ты? *Что* ты? — *Что*? — повторила она грубым и жестким голосом. — Казаков перебили, вот что (Л. Толст., Казаки, XLI).

Есть особый вид рассматриваемых реплик — повторение основы личного двусоставного предложения с акцентированием подлежащего, которого может и не быть в первой реплике. Такими повторами выражается крайнее удивление, возмущение, резкое несогласие.

— Но если *он неблагородный человек*? — *Он*! .. *неблагородный человек*? Коли бы ты знала! — говорила Наташа (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XV); [Сват] Думаем, что ж как *хворая*? [Матрена] И, и... *Она-то хворая*? Да против ней в округе нет (Л. Толст., Власть тьмы, 4, III).

Итак, наиболее характерным значением повтора-вопроса, вызванного вопросом, является значение уяснения, как бы закрепления в сознании и в речи того, о чем спрашивается, с тем, чтобы, отталкиваясь от этого, дать ответ. «Скрепляющая» функция таких повторов в своем наиболее чистом виде проявляется в случаях повторения не акцентируемого в первой реплике личного местоимения. Значение оценивающего переспроса не является для вторых реплик данного типа основным. Различие в смысловых функциях описываемого повтора проявляется в интонации и в ряде синтаксических условий функционирования этих реплик в речи.

2) Повторение-невопрос в ответ на вопрос имеет несколько иной круг и соотношение значений. Его основное значение — выражение отношения к сказанному или предмету речи: удивления, недовольства, несогласия, насмешки, возмущения, горечи, раздражения и т. п. Повторы эти произносятся как восклица-

ние, с различной интонационной окраской. Дальше обычно следует ответ, разъяснение.

— ...*Чем служишь ты?* — *Чем служишь!* Вот прекрасно! — с насмешкой отвечал Жужу... (Крылов, Две собаки); — *Почему* вы могли заключить... — *Почему!* Да по одному звуку вашего голоса... (Тург., Гамлет Щигр. уезда); — Из себя-то они *какие*? — *Какие!* Возчики как возчики, лошади как лошади! (А. Рыбаков, Водители, 2, 21).

В следующий за повтором ответ может быть включено повторяемое слово.

— И отчего, — говорю, — вы это так вдруг *осунулись*? — *Осунулась!* Что ты, господь с тобой! — Ни капли я *не осунулась* (Лесков, Воительница, 7); — Да *где* барин-то твой? — спросил подошедший в это время дворник. — *Где!* Чёрт его знает, прости господи, *где!* (Гонч., Иван Савич Поджабрин).

Повторяемое слово может входить в заключающую часть ответа, вводимую частицей *вот* (*вот и*).

— *За что ж* он *ее бьет*? — *За что бьет!* Пришла — не так, и ушла — не так! *Вот и бьет!* (С.-Щ., Губ. оч., Елка).

Особое место занимают такие повторы, которые обозначают слегка насмешливое или с некоторым оттенком досады подтверждение непонятного; они следуют всегда за вопросом, вызванным непониманием или выражающим удивление; в ответе обязательно присутствует координирующее местоимение или местоименное наречие. В фамильярной речи такие реплики могут состоять только из одного местоименного слова, а последующее разъяснение может быть или не быть.

— ...Я, брат, спартанец! Одно слово, *в шкапу* три месяца выжил! — *Как в шкапу*? — *Так*, брат, *в шкапу!* (С.-Щ., Губ. оч., Княжна Анна Львовна); — ...А за что же его из службы *выгнали*? — *Как выгнали*? — *Так выгнали* (Писемск., Виновата ли она?, IV); — Двусмысленность получается. — *Какая*? — не понял Морозов. — *Такая*. Обыкновенная (Соболев, Капит. ремонт, 10).

Раздражение, досада по поводу недоуменного вопроса собеседника выражается в двукратном повторе.

— Большевики, говорят, приезжают? — *А что ж*? — *Что ж, что ж!* Погоняй, чего плетешься? (Макаренко, Гришка, 4); — А Люся прямо спросила: — *О чем* вы так долго? — *О чем, о чем!* — рассердился Володя. — Сама знаешь, о чем (Фад., Мол. гвардия, 1, 24).

Наряду с основным значением повторов-невопросов, вызванных вопросом, — выражением того или иного отношения к ска-

занному, эти повторы могут иметь и другое значение — скрепляющих элементов между ответом и вопросом, причем с этой собственно синтаксической функцией может соединяться значение легкой досады, еле уловимого раздражения.

— Что ж ты *делал?* — спросила она. — *Делал:* во-первых, толковал с одним господином о делах... (Писемск., Тысяча душ, 3, XI); — Куда ты с *деньгами-то?* — *С деньгами...* Деньгам место найдется. (Мамин-Сиб., Сестры, IV).

Вторые реплики, повторяющие вопросительное слово или предикативную основу вопросительного предложения, могут произноситься и как утверждение (в живой речи здесь обычна интонация полувопроса).

— *Что* она теперь? — робко спросил Обломов. — *Что:* грустит, плачет неутешными слезами и проклинает тебя... (Гонч., Обл., 4, II); [Маша] Это что же? Ты им писал? *Что же писал?* [Федя] *Что писал.* (Берет письмо и хочет разорвать). Теперь уже не нужно (Л. Толст., Живой труп, IV, 1, V); Игорь ответил тихо: — Сделаю. — *Как же* ты это сделаешь? — *Как.* Я... не знаю. (Макаренко, Флаги на башнях, 2, 13); Хазов обернулся: — *Чего* ты? — *Чего...* Мина... И здоровущая, тварь! (Соболев, Зеленый луч, 10); — *За чем* пришла? — *За чем,* за ложкой! (Из разг. речи).

Таким образом, основное значение повтора-невопроса, вызванного вопросом, — это значение оценки, отношения к сказанному; оттенки этого значения присутствуют и в повторах с собственно связующей функцией.

2. Реплики, вызванные утверждением, как и реплики, вызванные вопросом, могут иметь форму вопроса и форму «невопроса». Значения этих двух видов собственно повторов различны.

1) Повторение-вопрос в ответ на утверждение в качестве своего основного значения имеет значение недоумения, удивления, часто с оттенком несогласия, неодобрения, иронии, протеста, возмущения, огорчения, размышления, раздумья и т. п.

[Мирон] *Наблюдать* я поставлен. [Марфа] *Наблюдать?* Над чем? [Мирон] *За вами.* [Марфа] *За мной?* Ну, уж это поздравляю вас соврамши! (Остр., Невольницы, 2, 3); — Сейчас получил я *отпуск.* — *Отпуск?* — повторил Петр Михайлыч. — Да, думаю съездить *в Петербург,* — продолжал, насколько мог спокойно, Калинович. — *В Петербург?* — спросила уж Настенька и побледнела. (Писемск., Тысяча душ, 2, VIII); — А теперь... теперь есть у него *дру... другая...* — *Другая?!* — ахнула старуха. — Да тебе не примерещилось? (В. Лукашевич, Хозяйка, 4).

В следующем за переспросом разъяснении часто повторяется то же слово, которое формирует повтор.

[Никита] То дело *прошло*... [Аким] (разгорячась) *Прошло?* Не, брат, это *не прошло* (Л. Толст., Власть тьмы, 3, XV); — Ну тогда иди, автора пришли. Кто же он? — *Женщина* одна, — смущенно сказал Черкасов. — *Женщина?* Ну, посылай *женщину* (Г. Радов, Петр Егорыч, 7).

Значительно ограниченнее употребление повторений-вопросов в целях уяснения сказанного, без каких-либо экспрессивно-оценочных значений.

[Семен] Нешто *поддевку* снять. Оно слободнее будет. [Леонид Федорович] *Поддевку?* Нет, нет, не надо (Л. Толст., Плоды просвещ., 3, 13); [Федотик] Однако *уже завтракают*. [Родэ] *Завтракают?* Да, *уже завтракают* (Чехов, Три сестры, 1).

Повторение-вопрос в ответ на утверждение может оформляться при помощи частицы *-то*. Круг значений таких повторов у́же, чем у соответствующих повторов без *-то*: они выражают более спокойное отношение к сказанному: недоумение, удивление, сомнение, несогласие, недоверие.

— Однако, Петр Михайлыч, я непременно желаю выпить *шампанского*, — сказал Калинович. — *Шампанского-то?* ... — проговорил старик. — Грех бы, сударь, разве для вашей радости и говенье нарушить? (Писемск., Тысяча душ, 1, IX); Скажешь им: «Товарищи, вам вреден *самогон*!» — они смеются: «*Самогон-то?* Ого! Вот посмотрите, выпьем по сто грамм — всю хворобу как рукой снимет!» (Панова, Спутники, 2, 5).

При повторенном местоимении возможно вопросительное местоимение с акцентирующей функцией.

[Мавра Тарасовна] Да, да, состарился *ты*, ах как состарился! [Грознов] *Кто? Я-то?* Нет, я еще молодец... (Остр., Правда хорошо... 4, 7).

Повторения-вопросы с частицей *-то*, как и соответствующие повторы без частицы, могут иметь значение уяснения сказанного.

[Никита] Покажь *гостинцы*. [Акулина] *Гостинцы-то?* Что их показывать (Л. Толст., Власть тьмы, 3, X).

Как видно из материалов, основное значение повторения-вопроса, вызванного утверждением — значение оценки, выражения отношения к сказанному; значение уяснения здесь является вторичным, подчиненным.

2) Повторение-невопрос в ответ на утверждение выражает, как правило, отрицательное отношение к сказанному —

к предмету речи, к форме выражения и т. п. Повторы, произносимые с восклицательной интонацией, выражают неодобрение, осуждение, несогласие, недоумение, недоверие, иронию, насмешку, обиду, испуг, возмущение, вызов, реже — радость.

[Мария Антоновна] Нет, лучше я надену *цветное*. [Анна Андреевна] *Цветное!*.. Право, говоришь лишь бы только наперекор (Гоголь, Ревизор, 3, III); — Зачем мне врать, ежели *правда*. — *Правда!* Тебе кто сказал? — Чего? — Правду-то? Откедова слышал?.. — Все говорят. К генералу *казак*... — *Казак!* Ты видел казака-то? (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова, VII); [Попова] Почему вы не хотите драться? [Смирнов] Потому что... потому что *вы*... *мне нравитесь*. [Попова] (злой смех) *Я ему нравлюсь!* Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! (Чехов, Медведь, X); — А ты — *не ругайся*, не надо! Ты еще маленький... — *«Не ругайся!»* Тебе — хорошо, ходишь куда хошь... (Горький, «Страсти-мордасти»).

При выражении сильного чувства возможно интонационно разъединенное повторение двух слов, причем одно из них может быть личным местоимением-подлежащим, не названным в первой реплике.

— Но скажите одно слово, одно, дайте *ответ!* — говорил Иван Савич, — и я готов ждать до утра... — *Я! Ответ!* Чтоб я теперь дала ответ! (Гонч., Иван Савич Поджабрин).

Насмешливое недоверие, окрашенное иронией возражение выражается повторением глагольной формы, сопровождаемой постпозитивным местоимением-подлежащим.

[Подхалюзин] Помилуйте, тятенька, *я* все это очень хорошо *чувствую-с!* [Большов] *Чувствуешь ты!* Ты бы должен все отдать... (Остр., Свои люди сочт., 4, IV); — *Заплачу*, — сказал Пила. — *Заплатишь ты!* Сколько ел, а все не платил (Решетн., Подлиповцы, 1, X).

При выражении категорического и осуждающего несогласия включаемое в повтор местоимение-подлежащее препозитивно и может выделяться частицей *-то*.

...И когда ей замечали, что Сашенька еще мала, *не смыслит*, то старушка уверенно отвечала: — *Она-то не смыслит!* Да вы ее о чем угодно спросите... (С.-Щ., Пошехонск. старина, X).

Двукратное повторение слова или сочетания выражает раздраженное несогласие с мыслью собеседника; восклицательная интонация при этом не обязательна.

— Что ты едешь, точно мертвого жениться везешь? *Гони! — Гони... гони...* — передразнил возница. — Нешто не

видишь, какая дорога? (Чехов, Первый дебют); — *Сам бы* и шел! — «*Сам бы, сам, бы*»! А ты что? (Бажов, Зеленая кобылка, Выследили до конца).

Повторы-невосклицания выражают раздумье по поводу сказанного как такого, с чем нельзя просто согласиться, что требует обсуждения, обдумывания, вызывает неизвестные собеседнику возражения, или такого, с чем связаны какие-то скрытые мысли, сомнения, воспоминания и т. п.

— В первых строках написано: договор имеет *силу закона*. — *Силу закона*... Это значит: при нарушениях по каждому пункту составлять акт — и в суд?.. (В. Овечкин, На переднем крае, 2); — *Иди учись* тогда. За чем же дело стало? — *Иди учись*... Николай перевернулся на спину, уставился в небо (В. Некр., В родн. городе, 2, 3).

С другой стороны, повторы-невосклицания могут выражать сдерживаемое несогласие, недовольство, осуждение.

[Мальчик] Я уж и сам *не знаю*, куда ключ пропал. [Ласуков] *Не знаешь*... Ну, так ищи! (Некр., Осенняя скука); [Лебедев] Все это *напускное*. [Шабельский] *Напускное*... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет (Чехов, Иванов, 2, IV) [26]; — Угли, Володенька, *сырые*, не раздуешь никак. — *Сырые*. Надо сушить... (Федин, Анна Тимофевна, 13).

Таковы основные формы и круг значений собственно повторов, вызванных вопросом или утверждением. Как видно из приведенных материалов, основные значения их группируются вокруг выражения разных оттенков отрицательного отношения к сказанному или уяснения смысла того, что содержится в первой реплике; эти оттенки определяются связью повторов с первой репликой, их формами и интонацией.

ПОВТОРЫ, СТРОЯЩИЕСЯ С УЧАСТИЕМ ЧАСТИЦ

Повторы с частицами чрезвычайно разнообразны. Частицы играют активную конструирующую роль в формировании вторых реплик диалога; реплики, построенные с участием частиц,

---

[26] Комментируя этот пример «повторения-цитирования», А. Е. Киселев пишет: «Слово *напускное* в последней реплике в лексическом отношении „опустошено“» («Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка», стр. 86). Это утверждение ошибочно: напротив, на значении повторяемого слова сосредоточивается особое внимание.

всегда экспрессивно окрашены, модальные значения их определенны. Если интонация как выразитель тех или иных модальных значений может варьироваться, специфический рисунок ее может быть отчетливее или слабее, то частицы всегда выступают как яркие и несомненные выразители соответствующих значений. Интересно замечание Добиаша, сделанное им в связи с рассуждением о необходимости вопросительной частицы и «недостаточности» интонации: «...Вопросительная „частица" была *нужна* языку для самых примитивных его потребностей (тон-тоном, но полезно и предупредить этот тон каким-нибудь средством, тем более, что во многих случаях он может установиться и обнаружиться только с *течением* речи, а никак не на самом первом слове»[27]. Характерно, что Добиаш, который дал глубокий и тонкий анализ частиц в греческом языке, подчеркивал случаи отнесения частиц не к отдельному слову, а к целому «тексту». Он писал: «Всякая отрицательная частица... может простереть свое влияние на *большой* объем текста!»[28] Очень важна также нашедшая отражение и развитие в последующих исследованиях мысль Добиаша об общем значении того или иного разряда частиц. Так, по поводу «квалитативно-утвердительных» частиц он писал следующее: «Быть может, этих „квалитативно-утвердительных" частиц у нас — много? Не знаю. Знаю только, что они *нужны*. Относясь к синтаксическому сказуемому, они тоже имеют дело с „суждением", как его имели наклонения... Такой ряд оттенков, как *вполне, непременно, точно, по крайней мере, пожалуй, вероятно...*, представляет такую же лестницу *„квалитативности"*, какую мы выставили относительно наклонений на стр. 95 и в которой, кажется, нет ничего ни лишнего, ни недостающего».[29]

Характерно, что в репликах, оформляемых при помощи частиц, чаще выражается отрицательное отношение, разные виды несогласия, недоверия, иронии и т. п.

---

[27] А. В. Добиаш. Опыт симасиологии частей речи..., стр. 465. Ср.: «Роль интонационно-мелодических средств для выражения модальных оттенков высказываний или предложений бывает неодинакова в зависимости от грамматического строя и лексического состава синтаксических единств» (В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 44—45).

[28] Там же, стр. 474.

[29] Там же, стр. 510—511. На стр. 95 Добиаш перечисляет следующие «оттенки суждения»: уверенность, простое заявление о своем мнении, о факте, сообщение о чем-нибудь как о могущем быть, верном; ирония, сомнение, колебание, желательность, повеление.

Повторы с наречными частицами

В группу наречных частиц, участвующих в конструировании повторов, входят следующие частицы: *как* (*да как, как же, да как же, как это, да как это, то есть как, как так, как это так, как такое*), *так и* (*так тебе и*), *так-таки, так уж, вот* (*вот еще, ну вот еще*), *вот и* (*а вот и*), *вот тебе и* (*вот те и*), *чего* (*да чего, чего там, чего тут, чего ж, да чего ж, чего уж, чего еще*), *нечего* (*нечего там, нечего уж*), *куда* (*куда там, да куда, куда уж, куда уж там, куда ж*), *где* (*да где, где уж, где там, где ж, да где там, да где ж*), *зачем, туда же, хорошо, прямо* (*прямо уж, прямо тебе*) [30]. Как видно, большинство наречных частиц, осложняясь усиливающими элементами, могут выступать как составные.

Все эти частицы в той или иной степени сохраняют смысловые связи с соответствующими наречиями, что естественно отражается на их функционировании в составе второй реплики и на общем модальном значении повтора. Показательно, что все повторы с наречными частицами выражают разные виды отрицательного отношения к сказанному: удивление, раздражение, протест, недоверие, иронию, категорическое отрицание и т. д.

1. Частица *как* оформляет вторую реплику-вопрос, вызванную вопросом или утверждением. Эта частица всегда начинает собою повтор и интонационно не отделяется от повторяемого слова. Повторы с частицей *как* выражают требование разъяснения, непонимание, соединенное с разными оттенками возражения, удивления, сомнения, недоумения, неодобрения, недоверия, несогласия, недовольства, раздражения, возмущения, огорчения и т. д. За переспросом может следовать ответ или утверждение, разъяснение. Значение несогласия, возражения часто становится основным, подчиняя себе значение непонимания, требования разъяснения.

— *Что прикажете-с?* — спросил он почтительно. — *Как что?* Чаю! (Гонч., Слуги старого века, II); [Окоемов] Нам нужно *разойтись*. [Зоя] *Как «разойтись?»* Что это? Я не понимаю (Остр., Красавец-мужчина, 2, 8); — Завещание *недействительно*, Харитон Артемьич. В первую минуту Малыгин хорошенько даже не понял, в чем дело... — *Как недействительно?* — вскипел он уже после драматической паузы.

[30] В настоящий перечень не включены наречные частицы, оформляющие повтор, обязательным элементом которого является отрицание (см. стр. 336—338).

— Очень просто... *Не достает* одного свидетеля. — *Как не достает?* Целых двое подписались (Мамин-Сиб., Хлеб, 4, VII); — Я просто хотела побыть с тобой. — *Почему?* — *Как почему?* Мне с тобой хотелось побыть вместе (Макаренко, Честь, 1, 6); — Почему ты *не писал?* — *Как не писал?* — сказал он. — Я писал (Панова, Спутники, 3, 11).

Формы косвенных падежей в описываемых повторах, как правило, не заменяются формой именительного падежа. Такая замена возможна лишь в том случае, если повторяемое существительное имеет оценочное, характеризующее значение.

— ...Туда с такими *пустяками* не ходят. — *Как пустяки?!* (Горбунов, Милая девушка).

При повторении сказуемого или предикативной основы предложения в повторах с частицей *как* возможны замены близкими по значению словами или конструкциями.

— *Да на что вам ледник?..* — *Да как не нужно ледника?* Случится поставить что... (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — Дядя Миша! Вы что ж на работу *не выходите*? Пора! — *Как не иду?* Иду! (В. Лукашевич, Хозяйка, 6).

Повторы с частицей *как* могут утрачивать вопросительную интонацию и произноситься с интонацией полувопроса или восклицания; в этих случаях значение переспроса в них почти полностью утрачивается и основным становится значение возражения, несогласия; такие реплики нередко выступают как первая часть сложной конструкции.

— *Четыреста* у меня уж есть... — *Как четыреста*: ведь у тебя еще до моего отъезда была уж эта сумма! (Гонч., Слуги старого века, IV); — Что разбили? — *Ничего*, сударь. — *Как ничего!* Сказывайте, кто разбил? Что? (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIV); — Да и *на что* они тебе? — *Как*, — отвечает, — *на что*, коли это бабкина памятка? (Бажов, Синюшкин колодец).

Если повтор оформляется при помощи составной частицы *как же, да как, ну как, да как же, ну как же*, то им выражается недовольное непонимание, недоумение или легкое раздражение тем, что приходится объяснять понятное, очевидное. Такие реплики могут произноситься с интонацией полувопроса или восклицания.

— Послушай, любезный! *Сколько* у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию? — *Да как сколько?* Многие умирали с тех пор, — сказал приказчик... (Гоголь, М. д., 1, II); — *На что* тебе? — Помилуйте! *Как же на что!* Своих денег прошу, не чужих! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII); — ...*Что* вы у нас увидели? — *Ну, как что!* Вам

огромная честь — первыми воду получаете (В. Фоменко, Серафима).

Значение собственно недоумения, удивленного непонимания характерно для повторов, оформляемых составными частицами *то есть как, то есть как это, как то есть, как так, как это так, как же это так, как это, как же это.*

[Барабошев] Открыли *натуральный* сахарный песок..., так мы купили. [Мавра Тарасовна] *Как так натуральный?* (Остр., Правда хорошо..., *3*, 5); — Здравствуйте и *прощайте!* — отвечал Калинович... — *Это как так прощайте?* — спросил Петр Михайлыч (Писемск., Тысяча душ, 2, IV); — Спасибо, я уже *в столовой* покушал. — *То есть как это — в столовой?* (Т. Тэсс, Дальняя дорога).

Те же повторы могут иметь оттенок значения недоверия, несогласия, готовности возражать.

[Шелавина] ...А я вот, *ни с того ни с сего*, разбогатела. [Отрадина] *Как же это ни с того, ни с сего?* [Шелавина] Да, конечно (Остр., Без вины виноватые, 1, *3*); — Куда ж теперь идешь? — *Не могу знать*, ваше благородие. — *Как так*, дурак, *не можешь знать*? (Гаршин, Сигнал); — ...Нельзя так, без соображения, говорить: «Все равно *поеду*». *Как это так «поеду»?* (Троепольск., Прицепщик Терентий Петрович).

2. Вторые реплики, оформляемые сложной, всегда препозитивной и интонационно не отделяемой от повторяемого слова частицей *так и* (*так тебе и*[31]), выражают категорическое, с оттенком вызова отрицание, несогласие. Повторяется здесь всегда глагольная форма, причем форма будущего времени, сослагательного или повелительного наклонения заменяется, в соответствии со значением лица говорящего, формой будущего времени (часто — от однокоренного глагола другого вида) или формой прошедшего времени со значением будущего: — *Иди сюда.* — *Так я и пошел!* или — *Так я и пойду!* — *Сходил бы ты.* — *Так и пойду!* или — *Так тебе и сходил!* То же правило действует в отношении замены инфинитива, употребленного в первой реплике со значением действия желаемого, требуемого и т. п.: — *Молчать!* — *Так я тебе и замолчал!* или — *Так и замолчу!* — *Помолчать бы тебе.* — *Так я и буду молчать!*

---

[31] См. об этих конструкциях в кн.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 198. Нельзя согласиться с А. Н. Гвоздевым, что дательный падеж здесь обозначает лицо, «отказ которому высказывается данной конструкцией»; *тебе* здесь теряет свое местоименное значение (см. стр. 123—124).

— А такой *добиться*, как Грунька, лестно и стоит побегать... — *Так и добьешься!* — почему-то противоречил и даже с чувством злобы приятель (Станюк., Матроска, VI); — Назар! Ты *ступай* живо на кордон, да не по берегу ходи; убьют, верно говорю. — *Так я один и пошел!* Ступай сам, — сказал сердито Назарка (Л. Толст., Казаки, VIII).

Реже реплики с частицей *так и* имеют значение сомнения, недоверия; в этом случае речь в них обычно идет о действии 2-го или 3-го лица; здесь возможна вопросительная интонация.

— ...Он теперича по злобе мой двор зажжет, да всю деревню *спалит*. Миру што? — Ну, *так, гляди, и спалит!* (Лесков, Разбойник).

3. Повторы с частицей *так-таки*, оформленные как вопрос или полувопрос, выражают сомнение, побуждение подтвердить сказанное; частица может быть как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к повторяемому слову; паузой она не отделяется.

— А там машины такие устроены, кои *сами* действуют. — Ну уж и сами? — Ей-богу. — *Так-таки сами?* (Решетн., Подлиповцы, 2, IX).

То же значение, но с явным оттенком отрицания, несогласия имеют повторы со сложной препозитивной частицей *так уж*, произносимые с интонацией вопроса, полувопроса или восклицания.

— Вы себе *весь* майский кирпич захапали. Вертилин улыбнулся: — *Так уж весь!* — Ну, половину (А. Рыбаков, Водители, 1, 8).

4. Повторы с частицей *вот* (*вот еще, ну вот еще*) выражают обиженное, недовольное несогласие, отрицание. Частица начинает собою реплику или заключает ее; в первом случае она может или отделяться или не отделяться паузой от повторяемого слова; во втором случае явное интонационное членение между повторяемым словом и частицей обязательно.

— Мой фрак тебе *не впору*... — Впору; *вот не впору!* (Гонч., Обл., 1, IV); — Что ж ты говорил? — спросил Иван Савич. — Что, мол, барин, у меня добрый и *хорошенький* такой. — *Вот, хорошенький!* Зачем же ты врешь? (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — ... Ты, пожалуйста, *не сердись*. — *Вот, сердиться!* (Л. Толст., Воскресение, 2, X).

В повторах с *вот еще* значение недовольства может подчеркиваться.

— *Ушибся*, Алеша? — *Вот еще ушибся*. Ничево (Л. Толст., Алеша Горшок).

5. Повторы, строящиеся с участием частицы *вот и*, имеют значение вызывающего противоречия.

— Валя сама в «Войне и мире» всю войну *пропускает*. — *Вот и не пропускаю*. Там, где Пьер, не пропускаю (В. Некр., В родн. городе, 1, 9).

В повторах с *а вот и* выражается поддразнивающее несогласие, обличение собеседника в непонимании, неосведомленности, ошибке и т. п.

— Да тебя маменька на порог *не пустит*. — *А вот и пустит*. И еще спасибо скажет... (Мамин-Сиб., Хлеб, 3, VII); — Филин тут — *не причина*. — *А вот и причина!* — Нет, *не причина!* — *А вот и причина!* (Бажов, Огневушка-Поскакушка); — Кто его *послушает*, Маслюкова! — *А вот и послушают!* (В. Лукашевич, Хозяйка, 3).

6. Реплики, оформляющиеся с всегда препозитивной сложной частицей *вот те и* (*вот тебе и, вот вам и, вот те*), выражают критическое, насмешливо-раздраженное, иногда — иронически-сочувствующее отношение к сложившейся ситуации (неудачной, смешной, глупой и т. п.), к событиям, о которых идет речь (реже — к словам собеседника, к сказанному).

— Что вы, Авдотья Николавна, *шутите?* — *Вот те шутите!* Велела отдать мужику... (Л. Толст., Поликушка, XIII); — *Пашка! Пашка-а*... Тихон погладил скулу. — *Вот те и Пашка!* Готовь слезы... (Горький, Дело Артамоновых, II); — Да это директор Луховицкого рейда! — *Что вы!* — *Вот тебе и что вы!* (Б. Зубавин, Начало). Ср. в монологе: — ...Доложить обещался об нем барыне, *напомнить. Вот-те и напомнил!*.. (Тург., Льгов).

7. Вторые реплики-повторы, строящиеся с участием препозитивной и интонационно не отделяемой от повторяемого слова частицы *чего* (*чего ж, а чего, да чего, чего там, да чего там, чего ж там, чего уж там, чего тут*), выражают разные оттенки отрицательного отношения к сказанному: открытое, вызывающее, насмешливое недовольство, недоверие, несогласие, готовность возражать (опровергающее разъяснение, как правило, следует). Кроме того, в ряде случаев, особенно тогда, когда повторяется инфинитив глагола, в этих репликах присутствует оттенок целевого значения (= «незачем»), определяемый соответствующим наречным значением слова *чего*. В наиболее общем виде значение отрицания, несогласия выступает в повторах с простой частицей.

— Тарантас-то *на двор* бы втянуть. — *Чего на двор?* Мы хотим ехать (Лесков, Разбойник); — *Эх, вы!* — *Чего «эх вы»!* Вот ты поди-ка сам, два дня не евши! (Гаршин,

Аясларское дело, III); — *Хоть один* был *рапорт* за квартал? — *Чего хоть один рапорт?*.. Мало было рапортов? (Макаренко, ФД-1, 13).

В повторах, строящихся с участием частицы *чего*, спрягаемые формы глаголов часто заменяются инфинитивом (возможно — с отрицанием), причем может иметь место изменение видового значения глагола: глагол совершенного вида заменяется глаголом несовершенного вида, что связано с называнием действия вообще, без ограничений со стороны его протекания. В таких репликах отчетливо выступает оттенок целевого или шире — обстоятельственного значения. В состав повтора в этом случае может входить дополнение с субъектным значением.

[Таня] *Послать* его вам? [2-й мужик] *Чего посылать-то.* Дай срок. Успеем! (Л. Толст., Плоды просвещ., 1, 17); — *Вре-ешь?!* — *Чего мне врать:* на свои глаза свидетелей не надо (Мамин-Сиб., Сестры, IV).

В повторах, строящихся с участием составных частиц *да чего, а чего, чего там, чего ж там, чего уж, чего тут, чего ж тут,* может присутствовать некоторый элемент вызывающего, пренебрежительного или снисходительного отношения либо отношения к предмету разговора как к не совсем серьезному, вызывающему недоверчивое или шутливое отношение.

— Так ведь *вас же* обкрадывают. — Ну, *чего ж там меня?* Ничего тут моего нет (Макаренко, Пед. поэма, 1, 4); — ...Который тут налим? Я его сичас... Вот он! *Пустите руки!* — *Да чего пустите руки?* Сами знаем: пустите руки! А ты вытащи! (Чехов, Налим); — *Пробовать будешь?* — спросил Потапов. — *Чего тут пробовать!* (А. Рыбаков, Водители, 1, 5).

Кроме того, с частицей *чего* могут строиться повторы, обозначающие побуждение к такому продолжению речи, которое разъяснит ее содержание, устранит непонимание.

— Ну что же, *как же* ты... — Евгений хотел спросить, как она изменяет ему. — *Чего как же?* — спросила она. Она, очевидно, была умна и догадлива (Л. Толст., Дьявол, IV).

8. Повторы с препозитивной частицей *нечего* (*нечего там, да нечего*) выражают грубоватое возражение, недовольство, несогласие, готовность спорить.

— Что вы, что вы, *ваша милость*... — *Нечего «моя милость»* (Лесков, Старинные психопаты, 14); — ...Стало быть, она не дрянь. — Да, не дрянь, я так сказал, *но все-таки*... — *Нечего «но все-таки»*, — перебила Любочка, разгорячившись... (Л. Толст., Юность, XXXV).

9. Полное и совершенное отрицание, категорическое несогласие выражается повторами, строящимися с частицей *куда*, просторечн. *куды* (*куда там, куда уж там, куда тут, куда ж тут, куда ж*); составная частица усиливает экспрессивность реплики, вносит бóльшую стилистическую сниженность. В репликах, повторяющих глагол в форме инфинитива, может присутствовать значение неосуществимости, неизбежности, независимой от чьей-либо воли.

— И портрет теперь *у* твоего *племянника*? — *Куды у племянника!* Не выдержал, — сказал весельчак... (Гоголь, Портрет, II); — Вы его *любили*, мужа? — спрашивает мать. — *Куда любила!* Говорю вам: чисто на каторге (Панова, Кружилиха, 8); — *На крыши!* Головни скидывай! Вались, вались на крышу! — *Куда к черту крыши*, снаряды рванет, не видишь? (Соболев, Перстни).

А. А. Шахматов помещает в раздел «Обстоятельства сопутствующие» следующий пример: «[Саша] *Пойдем* отсюда, Николай! Отец, *пойдем*! [Иванов] *Куда там пойдем?* Постой, я сейчас все это кончу». (Чехов, Иванов, 4, XI), считая *куда* вопросительным наречием [32]. Представляется более правильным видеть здесь в сочетании *куда там* составную частицу, образующую реплику со значением несогласия, отрицания, возражения. То же самое можно сказать и о следующих случаях употребления *куда там, куда ж*, внешне совпадающих с наречиями пространственного значения, но выступающих в функции частиц:

— Вались обратно *в кочегарку*, покуда не переписал! — *Куда ж в кочегарку*, когда сменились? (Соболев, Капит. ремонт, 4); — Да *они ж прибегут* за мной! — *Куда там они прибегут!* Они даже не знают, где я живу (Макаренко, Флаги на башнях, 3, 14).

Для реплик с частицей *куда* характерны случаи, когда повторяемое слово включается в ткань целого предложения, по смыслу близкого к первой реплике, но не повторяющего его структуры. Такие реплики, естественно, отходят от описываемых типов повторов.

— Может, с дороги *чаю покушаете*? — спросила дьячиха. — *Куда тут чаи распивать!* (Чехов, Ведьма); — *Пусть идет к доктору* или в полицию. — *Куда ей искать доктора!* Она еле дышит... (Чехов, Рассказ без конца).

10. Повторы, строящиеся с участием частицы *где* (*где уж, где там, где тут, где ж*), выражают уверенное отрицание; усили-

---

[32] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 487, стр. 417.

вающие элементы, как в повторах с *куда*, не вносят ясно выявляемых дополнительных оттенков значения. Место частицы в составе реплики свободно; однако доминируют построения с частицей, начинающей собою повтор и интонационно не отделяемой от повторяемого слова.

[Кабанов] *Жива?* [Другой] *Где уж жива!* Высоко бросилась-то (Остр., Гроза, 5, VI); [2-й мужик] Свет-то *тушить будете*? [Кухарка] *Где тушить!* Всё прибегать будут: то того, то другого... (Л. Толст., Плоды просвещ., 2, 16); — Хозяин *спит*? — *Где там спит!* На работе (А. Рыбаков, Водители, 1, 4); — Да ну тебя, подглядываешь *во все* щелки! — Во все! Одна щелка. *Где ж во все*... (Из разг. речи).

В безглагольных репликах, сообщающих о действии, повторяемое слово с субъектным значением может принимать форму дательного падежа.

[Мурзавецкая] *Сам* что ли? [Чугунов] *Где уж самому?* Руки трясутся... Племянник (Остр., Волки и овцы, 1, 9).

Спрягаемые формы в повторах с *где* очень часто заменяются инфинитивом; в этом случае в реплике может появляться оттенок значения невозможности, неизбежности, независимой от чьей-либо воли. В таких повторах часто осуществляются отмечавшиеся выше видовые замены.

[Дементий] Может, еще мы на след *попадем*... [Потап] *Где попасть, где попасть!* Не на то воруют лихие люди... (Горбунов, На большой дороге, V); [Соседка] А ведь *дознаются* сваты. [Кума] *Где ж им дознаться*. Пьяные все (Л. Толст., Власть тьмы, 4, 1).

11. Повторы, строящиеся с участием наречной частицы *зачем* (*зачем же*), выражают протест, отрицание или сомнение. Такие повторы произносятся с интонацией вопроса, полувопроса или восклицания.

— Покажи-кэ. *Краденый?* — *Зачем краденой*, свой собственный (Горбунов, Канун рождества, I); — *После* поговоришь о прогонах. — *Зачем после?* Мне сказывали, что прогоны надо требовать в суде... (Чехов, Ты и вы); — *Не отпустишь* из горы? — *Зачем не отпущу!* Дорога открыта... (Бажов, Каменный цветок).

12. Повторы со сложной частицей *туда же* выражают насмешливое отрицание, несогласие. Частица обычно препозитивна, интонационно сливается с повторяемым словом.

[Клещ] *Врешь!* Обвенчаешься с Абрамкой... [Квашня] (Клещу) Козел ты рыжий! *Туда же — врешь!* Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово? (Горький, На дне, I).

13. То же значение имеют повторы с частицей *прямо* (*прямо уж, прямо тебе*).

— *Убьет!* — *Прямо убьет!* (Из разг. речи). Ср.: — Что она, не разберет чистое с грязным, что ли? — *Может.* — *Прямо уж не разобрала!* (Из разг. речи).

14. Близки по значению к повторам с *прямо* выражающие ироническое отрицание, насмешливое недоверие реплики, оформляемые препозитивной и интонационно не отделяемой от повторяемого слова наречной частицей *хорошо*.

[Семен] ...Вот я его *отстранил* рукой... так, маленечко. [Григорий] *Хорошо отстранил,* чуть ребра не сломал (Л. Толст., Плоды просвещ., 4, 17).

Как видно из приведенных материалов, повторы с наречными частицами довольно определенны со стороны своей формы и круга значений. Почти для всех них характерна препозиция частицы и интонационная нечленимость повтора, общие для ряда построений правила замены глагольных форм и распространения реплики дополнением с определенным значением; там, где смысл высказывания, словесный состав реплики содействует активизации первоначального наречного значения частицы, это значение накладывает определенный отпечаток на модальное значение повтора в целом.

Повторы с местоименными частицами

Вторые реплики, строящиеся с местоименными частицами, так же, как реплики с наречными частицами, объединяются широким кругом разнообразных оттенков отрицательного отношения к сказанному или предмету речи. Местоименные частицы, участвующие в формировании повторов, таковы: *что* (*а что, ну что, что такое* и, с другой стороны, *что тут, что там, а что, да что, ну что, что ж, а что ж, да что ж, ну что ж*), *что это* (*чтой-то*), *что за* (*что такое за, что ж за*), *какое* (*какое там, какое тут, какое уж*), *никаких*. Многие из этих частиц сохраняют смысловые связи с местоимениями, что отражается на строении и значениях соответствующих повторов.

1. Повторы с частицей *что* имеют два круга значений.

1) Оформляющая повтор-переспрос частица *что* (*ну что, а что, что такое*) находится всегда в начале реплики и интонационно не отделяется от повторяемого слова; однако такое отделение возможно и имеет место при подчеркнуто значимом, акцентируемом переспросе. Повторы с *что* обозначают побуждение к такому продолжению речи, которое разъяснит ее содержание,

сделает ее более ясной, устранит непонимание. В этих репликах могут быть оттенки недовольства, некоторого раздражения сказанным (особенно в повторах с составными частицами), но им не свойственно выражение всех тех разнообразных оттенков отрицательного отношения, которое характеризует переспросы с частицей *как*. Наиболее обычным для этих реплик является повторение одного слова или предложно-именного сочетания; сочетания слов или неоднословные основы предложения повторяются сравнительно редко.

[Окоемов] ... Она, конечно, опечалилась, *но*... [Зоя] *Что «но»?* Договаривай! (Остр., Красавец-мужчина, 2, 8); [Каренин] Ну и я тоже *не могу*. [Анна Павловна] *Что не могу?* [Лиза] Давать деньги доктору. (Л. Толст., Живой труп, II, 1, II); — Что ж, поезжай. Нужно. — *И ты*, Кузьма Фомич! — *Что «и я»?* Разве не правда? (Гаршин, Трус); — *Бабушка!* — грозно сказала Катя. — *Что — бабушка?* — Опять? — Не буду (Каверин, Два капитана, 2, 6).

Составные частицы *ну что, а что, что такое* могут вносить в переспрос оттенок вызова, недовольства, угрозы (*что такое*).

— Это *что такое*? — спросил Дмитрий Борисыч. — *А что «что такое»?* — спросил Алексеев (С.-Щ., Губ. оч., Неприятное посещение); [Григорий] Я сам видел, как она *из-под дивана лезла*. [Барыня] *Что такое из-под дивана лезла?* [Григорий] Честное слово могу дать (Л. Толст., Плоды просвещ., 4, 17).

2) Богаты оттенками значений повторы с частицей *что* (*что ж, а что, да что, ну что, а что ж, да что ж, ну что ж, что тут, что там*), произносимые с интонацией восклицания или полувопроса, реже — вопроса. Частица обычно начинает собою реплику, но может находиться и в конце ее (*что, что ж*), и в том и другом случае не отделяясь паузой от повторяемого слова. Основное значение такого повтора — оценка сказанного или предмета речи как несерьезного, несущественного, не заслуживающего особого внимания, такого, о чем не особенно хочется говорить, с чем не следует считаться. Формой частицы, сохраняющей смысловую и функциональную связь с предикативно употребляемым местоимением, определяется основной тип данных повторов: это чаще всего повторение имени, причем косвенные падежи обычно заменяются именительным; однако такие замены не обязательны. Кроме того, повторяться может не только имя, но и глагол, а также предикативная основа первой реплики.

— Как же ты с *знатной барынсй* кончил? .. — *Что*, братец, *знатные барыни!* Это утомило меня... (Гонч., Иван Савич Поджабрин); [Аксанов] Да ведь *холода* стоят ...

[Рожков] *Да ведь холода что!* Холода ничего... (Горбунов, Утро холостого человека, V); — *Замуж пойду*, а глупости от меня никакой не дождешься, — сказала Марьяна, не отворачивая лица. — *Что замуж пойдешь?* Замуж — не наша власть (Л. Толст., Казаки, XIII).

Повторы с *что ж* имеют то же значение, но слегка смягченное, иногда окрашенное примиряющим тоном.

— Я человек *бедный*: мне не на что покупать... — *Что ж бедный!* Честь охотника для человека дороже всего (Писемск., Тысяча душ, 1, VIII); [Барыня] *Полную* дезинфекцию надо. [Доктор] Нет, *что ж полную*, это дорого слишком... (Л. Толст., Плоды просвещ., I, 44); — *А Никита?* — *Что ж Никита?* Ничего... — Нравится? — Нравится... (Н. Грибачев, Рассказ о первой любви).

В репликах, повторяющих инфинитив (возможно — другого вида) или заменяющих спрягаемые формы инфинитивом, ясно выступает оттенок целевого значения: **действие оценивается как** не имеющее основания, нецелесообразное, бессмысленное.

— Да ты бы хоть *к родным написал*, — перебил я его. — *Что к родным писать?* Помочь — они мне не помогут... (Тург., Смерть); — Так я тебе *приказываю*! — крикнул Брыкович, бледнея. — *Что ж тут приказывать*, коли не велено... (Чехов, Жилец).

Тот же оттенок целевого значения (= «зачем», «к чему») явственно выступает тогда, когда в состав реплики вводится местоимение в форме дательного падежа с косвенно-объектным значением; такое местоимение может начинать собою реплику.

— Я тебе *пряников* дам, — продолжаю я. — *Мне что пряники!* — говорит он: я, пожалуй, и вино пью (С.-Щ., Губ. оч., Елка); — ... Ты *сходи* сам. — *Что мне ходить!* Я так знаю (Л. Толст., Метель, VII).

В репликах, оформляемых составными частицами *а что, да что, ну что, а что ж, да что ж, ну что ж, что тут, а что тут, да что тут*, усиливается оттенок легкого пренебрежения, подчеркивается несущественность, неважность сказанного или предмета речи.

[Мавра Тарасовна] У нас *дворники* есть [Глеб] *Ну что дворники?* Мужики — одно слово (Остр., Правда хорошо... 1, 4); — ... А чиновник, хошь как хошь, все он тебе *чиновник*... — Чиновник! *А что мне чиновник!* Я здесь главный! (С.-Щ., Губ. об., Дорога); — А я тебе скажу, что если ты так поведешь себя, ты будешь мошенник. Я *сказал*. — *Да что же сказали*. Вы никогда не войдете в мое положение...

(Л. Толст., Фальшивый купон, 1, I); — Оль! Почему не встаешь-то ты? — Встаю! — Восьмой час. — *Да ну что ты! — Ну что что ты* (Из разг. речи).

2. При помощи препозитивной и не отделяемой паузой сложной частицы *что это* (*чтой-то*) оформляются повторы со значением осуждающего возражения, несогласия. Эти повторы могут произноситься как вопрос, полувопрос или восклицание.

— *Ого! — Что это «ого»?* Прошу вас взять назад это «ого». Я не могу допустить никаких «ого» (Горбунов, Общее собрание общества...); — ... Может быть, этим смотрителем подержат года два, да вдруг и хватят в директоры: значит, и будет чем семью *кормить. — Чтой-то кормить!*... Хоть бы и без этого, прокормиться было бы чем... (Писемск., Тысяча душ, 1, IX); — Да услышим, услышим! — — Да, услышим! *Заснем* все... — *Что это заснем!* Услышим (Из разг. речи).

3. Повторы с всегда препозитивной, не отделяемой от повторяемого слова частицей *что за* (*что такое за, что ж за*) выражают отрицание, несогласие, основанное на полной уверенности в противоположном тому, что утверждает собеседник; такое «отвергающее» несогласие может сопровождаться оттенком удивления. Вторые реплики с *что за* могут произноситься как вопрос или как восклицание.

Наиболее обычны в таких повторах имена существительные и прилагательные — всегда в форме именительного падежа, что определяется генезисом частицы.

[Городничий] Что, ведь я думаю, что *городничество* тогда к чёрту, а, Анна Андреевна? [Анна Андреевна] Натурально, *что за городничество*! (Гоголь, Ревизор, 5, I); — ... Такая *молоденькая* — и шьет рубашки? А? — *Что за молоденькая*, сударь: уж ей за пятьдесят (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — Бабки *длинны. — Что за длинны* — помилосердуйте! (Тург., Лебедянь).

Повторение спрягаемой формы глагола возможно, но относительно редко.

— ... Мол, барин у меня добрый и хорошенький такой... — Вот, хорошенький! Зачем же *врешь? — Что за вру!* Вы ведь хорошенькие... (Гонч., Иван Савич Поджабрин).

Как правило, глагольные формы первой реплики заменяются в повторе однокоренными существительными.

[Купавина] Чем *потчевать* прикажете? [Мурзавецкая] *Что за потчевание!* (Остр., Волки и овцы, 2, 3); [Евлалия] ... Вы *шутите*. [Софья] *Что за шутки!* (Остр., Невольницы,

4, 6); — *Угадайте.* — *Что я за отгадчица!* (Тург., Отцы и дети, XXIII).

Аналогичные замены могут наблюдаться в отношении безлично-предикативных слов и кратких форм прилагательных.

[Отрадина] — ... Ты не все говори, что слышишь; *стыдно.* [Аннушка] *Что ж за стыд,* коли правда! (Остр., Без вины виноватые, 1, 1).

Составная частица *что такое за* подчеркивает в повторе значение возражения, иногда недоумения.

[Дудкин] Ах, *красавица* моя! [Коринкина] *Что такое за красавица!* Что за фамильярность! (Остр., Без вины виноватые, 2, 2).

4. С репликами, оформляемыми частицей *что за*, почти совпадают по значению повторы, оформляемые частицей *какое* (*какой*) (*какое там, какое тут, да какое там*)[33]: эти реплики выражают уверенное отрицание, за которым обычно следует опровергающее разъяснение. Реплики с *какое* произносятся с интонацией вопроса, полувопроса или восклицания; частица препозитивна. Повторяется обычно одно слово или предложно-именное сочетание; замен форм не происходит.

[Агафья Тихоновна] А ведь, право, они очень... *скромные.* [Кочкарев] *Какое скромные!* Драчуны, самый буйный народ (Гоголь, Женитьба, 2, I); — Чай-то *от хозяйки,* что ль? — спросил он... — *Како от хозяйки!* (Дост., Прест. и наказание, 1, III); — А что он *лечит,* точно? — *Какое лечит!..* Ну, где ему! (Тург., Касьян с Красивой Мечи); — Не *рано* ли? Говорят, вредно для голоса учиться в эту пору. — О, нет, *какой рано!* — сказал граф. (Л. Толст., Война и мир, I, 1, XII).

Ср. диалогические формы в монологе.

— Станут потом говорить: *упал,* дескать, малый в воду... *А какое упал?..* (Тург., Бежин луг).

Повторы с *какое тут, какое там, да какое там, какое к чёрту* имеют оттенок раздраженного отрицания.

[Степка] *Понравилась!* [Васька] *Какое к чёрту понравилась!* Блажь одна! (Горбунов, На празднике, III); — Значит, *видели* его? — *Да какое там видел!* Мы встречаемся очень часто (Каверин, Два капитана, 9, VII).

---

[33] Об употреблении частицы *какое* в «аффективно-восклицательных высказываниях» см.: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 45.

5. Частица *никаких* всегда начинает собою повтор и не отделяется паузой от повторяемого слова. Такие реплики имеют значение категорического возражения, несогласия.

— Ну, Константин Николаич, мне *ехать пора...* — *Никаких «ехать»*, ночевать оставайся... (А. Рыбаков, Водители, 2, 20).

Повторы с союзными частицами

Повторы с союзными частицами богаты по формам и разнообразны по значениям. За очень небольшим исключением, все они, так же как и повторы с наречными и местоименными частицами, выражают разные оттенки отрицательного отношения к сказанному или к предмету речи. Союзные частицы, участвующие в формировании повторов: *а, да, и (а и, да и), ну и, будто (будто бы, будто и, уж будто и, будто уж, будто бы уж), разве (разве что, разве уж, ну разве), если (если уж, ну если), тоже (тоже мне), а то.* Характерной чертой многих союзных частиц является сложность их состава при равной смысловой и конструктивной значимости составляющих частицу элементов.

1. Повторы, строящиеся с участием всегда препозитивных, интонационно не отделяемых от повторяемого слова союзных частиц *да, а*, выражают некоторое недовольство, нежелание отвечать, досаду; в таких повторах заключается элемент оценки предмета разговора как неинтересного, несерьезного или само собой разумеющегося, хорошо известного, не нового. Особенно ясно этот круг значений выступает в повторах с *да*. Здесь чаще повторяется основа предложения, реже — отдельное слово. Такие реплики обычно вызываются вопросом и произносятся чаще как вопрос или полувопрос, реже — как восклицание.

[Городничий] Ну *кто* первый *выпустил*, что он ревизор? Отвечайте... [Аммос Федорович] *Да кто выпустил*, вот кто выпустил: эти молодцы! (Гоголь, Ревизор, 5, VIII); — А *что старуха?* — *Да что старуха* — скрипит. (Л. Толст., Три дня в деревне, Второй день); [Григорьев] *Как* у тебя часы *пропали*? [Белоконь] *Да как пропали?* Вытащили... (Макаренко, Мажор, 4).

В повторах с частицей *а* описанные значения могут быть ослаблены.

— Вы лучше расскажите, *как* раньше *жили*, — попросишь ее бывало... — *А как жили!* Фунт мяса-то стоил гривенник... — Ну, *как*, например, *развлекались*? — *А как развлекаться*... Дадут тебе пятиалтынный, а раньше-то это фунт орехов... (С. Никитин, Семь слонов).

Среди реплик с частицей *а* (реже — с *да*) выделяется группа конструкций, в которых вопросительному местоимению или наречию первой реплики-вопроса соответствует во второй реплике координирующее указательное местоимение в той же форме или наречие (возможно — с частицей *вот*). Наиболее «чистый» вид таких реплик — построения, состоящие только из частицы и из указательного слова или из частицы, указательного слова и повторяемого слова первой реплики. Самостоятельно, без дальнейшего разъяснения они ничего не сообщают и выражают только реакцию на первую реплику.

[Анютка] *Какой такой* детосека? [Митрич] *А вот такой самый* [Л. Толст., Власть тьмы, 4, 2, I (вариант)]; — Этого Фомку беспалого, сударь, мало повесить. — *Как так?* — *Да уж так-с...* (Мамин-Сиб., Золотуха, V).

Однако обычно за такой репликой следует разъяснение: повторение слов из предшествующей реплики того же говорящего; придаточное предложение, подчиненное указательному слову повтора; повторение слов из предыдущей реплики собеседника и придаточное, подчиненное указательному слову повтора; бессоюзно присоединенное или синтаксически самостоятельное предложение (наиболее распространенный случай).

— Да *что же* это *такое!* — вскричал я. — *А то такое, что* и не знаю, что с ней делать... (Дост., Униженные и оскорбл., 2, IX); — *Что ж* вам так слова мои *не по нраву* пришли? — проговорил он. — *А то не по нраву, что* не люблю, коли говорят неправду (Писемск., Старая барыня); [Федя] Она от меня осталась *вдовой*. [Петушков] То есть *как же*? [Федя] *А так же: вдовой*. Меня ведь нет (Л. Толст., Живой труп, V, 1, II); — А потом вообще в один прекрасный день все это взлетит на воздух... — *Почему* на воздух? — *А потому*. Здесь баллоны с ацетиленом стоят, бензобаки... (А. Рыбаков, Водители, 1, 9)[34].

Реплики с координирующим местоименным словом составляют среди повторов с частицами *а, да* особую группу, так как здесь повторяется не то же самое слово, а другое, но с той же местоименной функцией. Эта общность функции и обязательное совпадение форм повторяемого и повторяющего слова

[34] Ср. синонимичные реплики, организуемые повторением вопросительного слова первой реплики и наречием *обыкновенно, известно*: [Васенька] У Никона Никоныча страженье было, и засиделись... [Настенька] *Какое* страженье? [Васенька] *Обнаковенно какое:* в трынку играли (Горбунов, Жестокие нравы); — Я не тебе разве поручала: будешь у начальника дороги, похлопочи насчет дежурки, а ты что? — *Известно что* — забыл (Д. Остров, Тетя Оля, 2).

позволяют видеть в описанных конструкциях особую разновидность вторых реплик, конструируемых на основе лексического повторения.

2. Союзная частица *и*, участвующая в формировании повторов, всегда препозитивна и не отделяется паузой от повторяемого слова. Реплики с этой частицей имеют несколько значений, но основным является вызывающее принятие того, что собеседнику кажется в каком-либо отношении нежелательным, неприятным, трудным, заслуживающим осуждения. Повторяемое слово здесь — глагол, принимающий во второй реплике форму будущего времени или повелительного наклонения.

[Лиза] *Еще бы* вы в салоп *нарядились* да по Невскому прогулялись. [Лоскутков] *И наряжусь*, ей богу, наряжусь... (Некр., Петерб. ростовщик, IX); — А что ж? Чем так, христа ради жить, давно *бы пошел* к ней. — *И пойду!* (Чехов, Нахлебники); — Тогда, что хотите... *хоть расстреляйте*... — *И расстреляем!* — строго сказал Дубов... (Фад., Разгром, 1, VI).

То же значение вызывающего принятия характерно для реплик с составной частицей *да и*.

— Что ж, ведь я ходил, и пойду еще, коли *пошлют*, — пролепетал он. — *Да и пошлют*. — Ну и пойду. Что ж такое? (Л. Толст., Из кавказск. воспом.). Ср. с частицей *да... же*: — Доброму и хорошему наставлял и *научал* ваш барин... — *Да научил же*, на́ вот вам! (Писемск., Старая барыня).

Повторы с *и* могут также выражать недоверие, сомнение или поддразнивающее несогласие, обличение собеседника в непонимании, неосведомленности, ошибке и т. п.

— Это Варюша собирает *на курорт*, — улыбается Павлуша. — *И не на курорт*, а на другое, на другое! (Макаренко, Кн. для родителей, 4).

Другое значение реплик с частицей *и* — примирительное согласие, принятие, подтверждение, совпадение мысли, взгляда, и т. п. В таких репликах повторяются глаголы с соответствующей заменой форм.

— Ваше дело богу *молиться*. — Я *и молюсь*, да уж что-то бог моих молитв не слушает (Чехов, На мельнице); — Ты на меня *рассчитывай*, Павло, — я не подведу. — Я *и рассчитываю* (Макаренко, Честь, 1, 9) [35].

---

[35] В следующем отрывке в разных репликах ясно чередуются разные значения повторов с *и* — примирительного принятия и подчеркнутого вызова: — Прямо скажу: не им сломить Мишку Трофимова, а я их *выучу!* — *И выучи;* ништо им! — подхватил архитектор и пошел садиться на свою

В повторах, выражающих согласие, может присутствовать оттенок уступительного значения; такие реплики входят первой частью в сложные конструкции.

[Саша] А я думала, что все *знают* это средство. [Иван] *И знают*, да не все им пользуются (Писарев, Хлопотун, XIII).

3. Повторы со сложной частицей *ну и* имеют значение вызова, но по сравнению с построениями с *и* значение это здесь несколько ослаблено; в некоторых случаях оно может своеобразно сочетаться с оттенком примирительного отношения.

— ...Из-за тебя, что ли, машины *стоять будут*? — *Ну и постоят* (В. Некр., В окопах Сталинграда, 1, 7); Николай смеялся: — *Зенитчица, фронтовичка...* — *Ну и зенитчица и фронтовичка*, а грозы боюсь (В. Некр., В родн. городе, 1, 12).

Ср.: — А я вот не посмотрю, что ты мужчина, да оплеуху тебе хорошую *дам*. — *Ну и что ж такое — дам!* — И ей-богу дам! — Да сделайте одолжение (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9).

Аналогично значение диалогических форм в монологе: — Тоже разговаривает... *Лежебок! Ну и буду лежать*... Не укажешь (Мамин-Сиб., Озорник, I).

С другой стороны, частица *ну и* может участвовать в формировании повтора со значением принятия, согласия, примирительного побуждения, соответствия.

— Хвостикову надо *дать* две тысячи. — *Ну и дай*, — сказал Анатоль (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XVI); [Сатин] ...*Я был образованным человеком*... знаешь? [Бубнов] Слыхал... сто раз! *Ну и был*... эка важность! (Горький, На дне, I);

4. Повторы с частицей *будто* (*будто бы, будто бы уж, уж будто, уж будто и, будто уж, будто уж и*) выражают сомнение, недоверие, часто — с оттенком несогласия, насмешки или огорчения, досады, обиды. Эта частица может начинать или заключать собою повтор, если в нее не входит элемент *и*, и всегда начинает собою повтор, если в нее входит этот элемент. (— *Все они дрянь!* — *Будто уж и все?* — *Уж будто все?* — *Все уж будто?*). Однако в живой речи абсолютно преобладают повторы с частицей, препозитивной по отношению к повторяемому слову.

— Да ведь он туда вхож? — *В лакейской дежурит*.

— Ах, что вы! *Будто уж и в лаксйской!* (С.-Щ., Пошехонск.

пролетку. — *И выучу!* — отвечал Михайло Трофимов, приказывая рукой кучеру ехать. — *И выучи!* — ободрил его вслед архитектор. — *И выучу!* — повторил Михайло Трофимов, уезжая (Писемск., Тысяча душ, 4, VI).

старина, XIV); — Ты что же не пришла? — спросил он горячим шопотом. — *Голова* болела... — *Уж будто голова!* — засмеялся приезжий (В. Лукашевич, Хозяйка, 4).

5. Вторые реплики, оформляемые союзными частицами *разве* и *если* (*разве что, разве уж, ну разве, если уж, ну если*) выражают колебание, неуверенное и не очень охотное принятие, согласие. Частицы могут находиться как в начале, так и в конце реплики, кроме включающих элемент *ну*, которые всегда начинают собою повтор (— *Помогает от ревматизма.* — *Ну разве от ревматизма...* — *Разве что от ревматизма...* — *От ревматизма разве что...*). Реплика произносится с интонацией раздумья, реже — как восклицание.

[Домна Семеновна] (отстраняя рукой рюмку) Благодарим покорно! [Сместов] Это *легкое-с.* [Домна Семеновна] *Разве что легкое...* (Горбунов, Смотрины и сговор, I); — Мне нужно им *привет* из Москвы передать, — соврал я. Тетя Даша сомнительно покачала головой. — *Ну, разве привет...* (Каверин, Два капитана, 3, 13); — ...А мне, старику, нет слаще пшеничной. Помогает *от ревматизму.* — *Ну, если от ревматизма!* — отвечаю я (В. Лукашевич, Прошлым летом, Соседский кот Фомка).

6. Повторы, оформляемые с участием частицы *тоже* (*тоже мне*), выражают насмешливое, с вызовом, несогласие, отрицание. Такое употребление *тоже* связано с исходным значением иронического уподобления. Частица подвижна; как в начале, так и в конце повтора она может отделяться или не отделяться паузой от повторяемого слова. Препозитивное положение частицы более обычно.

— Хуш бы ты не против самой ее, так против других за нее *посовестился...* — *Тоже — совеститься!* Что мне тут еще совеститься... (Лесков, Леди Макбет Мценского уезда, 15).

7. Вызывающий, с оттенком удивления переспрос, всегда противополагающий мысли собеседника другую, противоположную и опровергающую, выражают вторые реплики, строящиеся с участием сложной союзной частицы *а то*. В соответствии со значением таких реплик в них входит отрицание, если первая реплика содержит утверждение или утверждающий вопрос; если же отрицание в том или ином виде заключено в первой реплике, то во второй реплике его нет. Частица препозитивна, но может и заключать собою реплику, что, впрочем, бывает редко (— *Страшно?* — *А то не страшно?*, но возможно и — *Не страшно а то?*). Вопросительная интонация в таких репликах может быть ослаблена, и они произносятся как полувопрос, утверждение или восклицание.

[Бальзаминова] Небось, *страшно*? [Бальзаминов] *А то не страшно?* (Остр., Свои собаки грызутся... 1, 6); — Раз на коне ночью приехал к окну, пьяный. Просился. — *Что ж, не пустила? — А то пустить!* (Л. Толст., Казаки, XXX).

Повторы с глагольными частицами

К повторам с глагольными частицами относятся реплики, строящиеся с участием сложной частицы *и есть*; они выражают уверенное подтверждение слов собеседника как истинных, несомненно правильных. Частица может начинать собою реплику или заключать ее (последнее — обычно); паузы между повторяемым словом и частицей в обоих случаях нет. В репликах, повторяющих глагольное сказуемое или предикативную основу первой реплики, значение повтора выступает в наиболее полном и чистом виде.

— Да кому вперед-то их везти? *Пятрухе*, что ли? — *Мне и есть*, — отзывается Петруха (С.-Щ., Губ. оч., Хрептюгин и его семейство); — Никак я сегодня *не причесывалась?* — спрашивает она горничную. — *Не причесывались и есть*... (С.-Щ., Пошехонск. старина, IV); — Вот погляди-ка, Комарь, оттуда уж, кажется, кто-то *бултыхнул?* — *Бултыхнул и есть*... (Лесков, Соборяне, 1, 6); — *Не признал*, видно? — *Не признал и есть* (Бажов, Зеленая кобылка, Мимо двойного караула).

В репликах, повторяющих существительные или прилагательные в форме именительного падежа или заменяющих их соответствующими местоимениями, в *и есть* ярче выступает элемент глагольного значения.

— Хозяйка, старый хрен, *господа* приехали! — крикнул я. — Ай, батюшки! *Господа и есть* (Писемск., Старая барыня); — Глянь, ребята, — *Пика!*.. — *Пика и есть*... (Фад., Разгром, 2, I).

Выше были описаны вторые реплики-повторы, в построении которых участвуют частицы, в той или иной мере сохраняющие смысловые и функциональные связи с другими классами слов — наречиями, местоимениями, союзами или глаголом. Эти смысловые и функциональные связи частиц в той или иной мере влияют на структуру и значение повторов. Как было показано, наречные частицы, сохраняя в определенных условиях живые связи с соответствующими наречиями, влияют на общее значение всего повтора. Таковы реплики с частицами *нечего*, *зачем*,

сохраняющими целевые значения; с частицей *как*, сохраняющей смысловую связь с вопросительным наречием и — соответственно — функциональные связи с ним как со словом, организующим вопросительное предложение; реплики с частицами *хорошо*, *прямо*, первоначальными значениями которых как наречий определяется общее ироническое значение соответствующих реплик. Смысловые и функциональные связи частиц с местоимениями могут определять строение и значение повтора. Таковы, например, некоторые виды реплик с частицей *что*, которые легко сопоставляются с соответствующими конструкциями с предицирующим местоимением. В повторах с союзными частицами и значение, и строение реплики часто обусловлено генетической связью частицы с союзом; ср., например, повторы с *и*, где обязательная препозиция частицы, ее интонационное слияние с повторяемым словом, а также сами значения реплик, так или иначе сопоставляющих, соединяющих противоположные или сходные мысли, сообщения и т. п., объясняются именно сохранением живых связей частицы с соответствующим союзом. Сохранение — правда, в очень различной степени — этих связей и влияние их на строение повтора — то общее, что объединяет вторые реплики, организуемые наречными, местоименными, союзными и глагольными частицами.

Повторы с частицами, не сохраняющими функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов

Наряду с частицами, сохраняющими живые связи с другими классами слов, в строении повторов участвуют частицы, не сохраняющие таких связей. Это не значит, что эти частицы не могут быть возведены к тому или другому классу слов, из которого они вычленились. Напротив, хорошо известно, что одни из них восходят к междометиям, другие — к глагольным формам, третьи — к указательным наречиям и т. д. Однако все эти частицы объединяет то, что их связи с другими классами слов являются только генетическими, а не функционально-смысловыми; эти связи не влияют на функционирование частиц в составе повтора и на его значение. Таковы частицы *то-то (то-то же, то-то вот, вот то-то, вот то-то же)*, *ну, ну уж (ну уж и)*, *уж и*, *так уж и*, *как есть*, *еще бы (еще бы те)*, *и то*, *не то что (не то чтоб)*, *даже (даже и)*, *хоть (ну хоть)*, *хоть и (хоть бы и, да хоть бы и, а хоть бы и, ну хоть бы и)*, *ишь (ишь ты)*, *вишь (вишь ты)*.

1. В повторах, строящихся с участием местоименной частицы *то-то* (*то-то же*, *то-то вот*, *вот то-то*, *вот то-то же*) [36], частица находится в препозиции по отношению к повторяемому слову; она может не отделяться от этого слова паузой или отделяться от него: в последнем случае общее значение повтора акцентируется, ему придается некоторая многозначительность. Реже частица заключает собою повтор; в этом случае она обязательно отделяется от повторяемого слова паузой. Реплики с *то-то* выражают несколько оттенков неодобрительного отношения к сказанному или к предмету речи. Наиболее общим их значением можно считать выражение иронического неодобрения, недоверия (иногда — с элементом угрозы).

— *К слову* пришлось, Николай Еремеич, извините... — *То-то же к слову* (Тург., Контора); — *Ну, ладно!* — сказал сын. — *То-то ладно*. Муку пропил, а теперь говоришь: ладно (Л. Толст., Хаджи Мурат, VIII).

Описываемые повторы часто заключают в себе намек на то, что собеседник неискренен, неоткровенен; что дело, о котором идет речь, не так просто, как его представляет собеседник, что в этом деле есть существенная сторона, неизвестная, непонятная собеседнику или намеренно им скрываемая; эти реплики могут обозначать насмешливое констатирование того, что собеседник вынужден признать очевидное, отказаться от неверного утверждения, ошибки, лжи.

[Лиза] Нет, сударь, я... лишь *невзначай*... [Фамусов] *Вот то-то невзначай*, за вами примечай... (Гриб., Горе от ума, I, 2); — ... Бедному Артемьеву не долго жить. — *Ну?* — испуганно воскликнул Рябкин. — *То-то ну!* С туберкулезом не шути, братец ты мой (Станюк., Между своими, II) [37].

2. При помощи начинающей собою повтор и интонационно не отделяемой от повторяемого слова частицы *ну* строятся вторые реплики с двумя значениями. Во-первых, это реплики, выражающие недовольство вопросом как свидетельствующим о неосведомленности собеседника, неуместным, лишним, таким, ответ на который сам собой разумеется. Вопросительная интонация может быть ослаблена. Повторяются вопросительные

---

[36] По Шахматову, *то-то* — наречие, а образуемые им предложения — наречные безличные предложения (см.: «Синтаксис...», § 105, стр. 116).

[37] Реплики, оформляемые при помощи препозитивного сочетания *то-то что*, *то-то и есть что* (*вот то-то что*, *вот то-то и есть что*), нельзя отнести к описываемому типу повторов, так как здесь значимость союза не утрачена, благодаря чему имеет место синтаксическая расчлененность названного сочетания и повторяемого слова.

слова — местоимения и наречия — или предикативная основа предложения.

— Стой! А Митька? Это он украл. — *Как украл?* — *Ну, как украл?* Спер коробку и смылся (Макаренко, Кн. для родителей, 6).

Во-вторых, вторые реплики с частицей *ну* выражают вынужденное, неохотное подтверждение мысли собеседника. Здесь, как правило, повторяется сказуемое первой реплики. Такие повторы строятся как утверждение, однако они могут произноситься и с интонацией полувопроса.

— ...У тебя *есть*, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии? — *Ну есть*; а что? (Гоголь, М. д., 1, IV); — Первое дело: *есть* у тебя машинка? — *Ну есть*, а тебе какая забота? (Мамин-Сиб., Летние, VIII).

3. Реплики с препозитивной сложной частицей *ну уж (ну уж и)* выражают презрительную оценку предмета разговора, недоверие, сомнение.

[Аннушка] И какое *бесподобное* платье вышло! [Отрадина] *Ну, уж и бесподобное!..* (Остр., Без вины виноватые, 1, 1); — А там машины такие устроены, кои *сами* действуют. — *Ну уж и сами?* (Решетн., Подлиповцы, 2, IX); [Прохожий] ...А это *болезнь* такая. [Тарас] *Ну уж и болезнь!* (Л. Толст., От ней все качества, 1, 2).

4. То же общее значение имеют построения с частицами *уж и, так уж и*. Такие реплики так же, как и реплики с частицей *будто*, выражают сомнение, недоверие, возможно — с оттенком несогласия, насмешки или огорчения, обиды. Они произносятся как вопрос, восклицание или утверждение. В наиболее общем виде значение протестующего сомнения, несогласия выражается в репликах с *уж и* (частица всегда начинает собою повтор и не отделяется паузой от повторяемого слова.

[Копров] Ну, какие деньги? Рублей сто-полтораста. [Наташа] *Гораздо* больше. [Копров] *Уж и гораздо* (Остр., Трудовой хлеб, 3, 7); — Кто это вас сейчас шампанским-то *наливал*? — А это мы... выпили... *Уж и наливал?!* (Дост., Прест. и наказание, 2, VI).

То же в репликах со сложным сочетанием *чтой-то уж и*.

— А лучше будет, ежели я *в кабак* дебоширствовать *убегу*? — *Чтой-то уж и в кабак*...спаси бог! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXX).

В повторах с *так уж* к основному значению может присоединяться побуждение повторить, подтвердить сказанное (ср. повторы с наречной частицей *так-таки*).

— И огурчики свои, такие сейчас на базаре *рубль штука* — *Так уж и рубль?* — поддразнил ее Тимошин, подмигнув Максимову (А. Рыбаков, Водители, 1, 4).

5. Сложная частица *как есть* может находиться как в начале, так и в конце повтора. В первом случае она не отделяется паузой от повторяемого слова, во втором может или отделяться, или не отделяться (— *Опоздал?* — *Как есть опоздал.* — *Опоздал как есть* и — *Опоздал, как есть*). Такие реплики выражают признание подлинности, несомненности того, что утверждается, предполагается и т. п. Они оформляются всегда как утверждение; повторяется здесь обычно одно слово, чаще — сказуемое или предикативная основа первой реплики.

— Должно *сбились*! — Уже давно по целому едем. *Сбились как есть.* (Горбунов, Медведь, III); — ... *Каторжный*, значит? — *Как есть каторжный:* ни днем, ни ночью покоя не знаю (Мамин-Сиб., Хлеб, 1, I).

6. Вторые реплики с обязательно препозитивной и слитно с повторяемым словом произносимой частицей *еще бы* (*еще бы не*) выражают уверенное утверждение чего-то как реально существующего, возможного, подлинного или уверенное отрицание, убежденность в невозможности, неосуществимости чего-либо; таким образом общее значение этих повторов — убежденное утверждение (в согласии с собеседником или в противоположность тому, что он утверждает или предполагает). В соответствии со значением реплики в ней может присутствовать отрицательная частица. Повторяется здесь сказуемое или предикативная основа первой реплики, реже — обстоятельственное слово или дополнение.

— Ну, так и сиди, тебя *не трогают.* — *Еще бы ты тронул!* Я те так трону... (Горбунов, Из моск. захолустья, II); — *Хорош* батюшка, когда веселый... — *Еще бы не хорош*, подарок обещал (Горький, Дело Артамоновых, I).

Ср. в монологе: [Ласуков] Это что такое? Это не грибы?.. (Пробует) Конечно, *грибы*, *еще бы не грибы* (Некр., Осенняя скука).

7. Повторы с частицей *и то* (*да и то, а и то*) имеют два значения. Во-первых, они выражают подтверждение, присоединение к мысли, утверждению, точке зрения собеседника, доброжелательное принятие совета, приглашения, напоминания и т. п. Частица может находиться в начале (обычно) или в конце повтора: — *Тебе бы самому сходить.* — *И то сходить.* — *Сходить и то.* Повторяется здесь чаще всего сказуемое, предикативная основа предложения, а также логически акцентируемое обстоятельственное слово или дополнение.

— ...Глянь, Василиса, никак ведь баба-то *ревет?* — *А и то,* — *говорит,* — *ревет!* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Аринушка); — Ведь у вас что ни солдат, то Иван. Твой *Иван,* что ли? — *И то, Иван* (Л. Толст., Казаки, XI).

Повторы с *и то* проявляют относительную свободу в смысле замен близких по значению слов, разных видов глаголов, а также основ предложения; здесь могут иметь место замены и близкими по значению конструкциями.

[Аким] А! умница. Все хлопочешь! *Перезябла,* я чай? [Анютка] *И то озябла* страсть! (Л. Толст., Власть тьмы, 3, VI); — *Заедем,* что ли, к Ермилычу на мельницу? Надо на него поглядеть дома-то. — *И то заверпем.* (Мамин-Сиб., Хлеб, Эпилог, III).

Итак, первым значением повторов с *и то (да и то)* является собственно подтверждение. Другое их значение — согласие и одновременно утверждение, что то, что советует, предполагает и т. п. собеседник, уже делается, имеет место независимо от этого совета, предположения, утверждения (ср. построения с частицами *и так, и без того,* стр. 128—129; 160).

[Глафира Фирсовна] Что это ты, как мещанка, платком покрываешься? Точно *сирота* какая. [Юлия] *Да и то сирота* (Остр., Последняя жертва, 1, II); — Ты к лекарю *не ходи,* Арина: хуже будет. — Я *и то не хожу* (Тург., Ермолай и мельничиха); — *Торопи, торопи,* дед! — просил Давыдов... — *И то тороплю* (Шолохов, Подн. целина, 1, 31).

Как и в репликах с первым значением, здесь возможны относительно свободные замены.

— Экой дурак! А ты *отвечай по-человечески!* — сердито заметил Иван Савич. — Я *и то по-человечески говорю:* вестимо, человек: по-барски не умею, — сострил Авдей (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — ...Вы *бы,* милый друг, вареньица *покушали...* — *И то ем.* (С.-Щ., Господа Головлевы, Семейные итоги).

8. Повторы с всегда препозитивной сложной частицей *не то что (не то чтоб)* выражают неполное, неуверенное, не до конца отрицание, сдержанное или неуверенное несогласие. Личные формы здесь обязательно заменяются. Такие повторы обычно или входят в состав сложной противительной конструкции, или за ними следует разъяснение; в других случаях они произносятся с интонацией раздумья, незаконченности.

— *Не смеешь?* — *Не то что не смею,* а права не имею (С.-Щ., Верный Трезор); — Как? *Не помнишь* Бориса? — спросила Соня с удивлением. — *Не то, что не помню,* —

я знаю, какой он, но не так помню, как Николеньку (Л. Толст., Война и мир, I, 3, VI).

Следует отметить, что со стороны формальных замен реплики описываемого типа свободнее, чем многие другие. Так, в них наблюдаются замены наречий однокоренными именами с качественно-характеризующим значением.

— Что ж — *богато* жили? — *Не то, что богачи*, а жили справно (Л. Толст., Хаджи Мурат, II).

9. В репликах, строящихся с участием частицы *даже* (*даже и*), выражается недоверие, подчеркнутое сомнение.

[Леонид Федорович] Может быть неудача, а может быть и полная *материализация*. [Сахатов] *Даже и материализация?* (Л. Толст., Плоды просвещ., III, 3).

10. Повторы с частицей *хоть* (*ну хоть*) обозначают согласие на то, что или безразлично, или не очень желательно, не совсем удовлетворяет и т. п. Частица *хоть* может находиться как перед повторяемым словом, так и после него, *ну хоть* всегда начинает собою повтор.

[Артемий Филиппович] Не прикажете ли, я все это изложу лучше *на бумаге*? [Хлестаков] Хорошо, *хоть на бумаге*. (Гоголь, Ревизор, 4, VI); [Коринкина] Теперь это будет *в шутку*, а я хочу серьезно. [Незнамов] *Ну, хоть в шутку* (Остр., Без вины виноватые, 4, 8).

11. Повторы со сложной частицей *хоть и* (*хоть бы и, а хоть бы и, да хоть бы и, ну хоть бы и*) выражают вызывающее утверждение, допущение того, что собеседнику кажется осудительным, нежелательным. Частица интонационно не отделяется от повторяемого слова, по отношению к которому она всегда препозитивна.

[Феона] Аль *сватаешь* кого? [Круглова] *А хоть бы и сватаю;* разве дурное дело? (Остр., Не все коту масл., 2, 1); Катерина Ивановна ведь вас *чуть не била*, у отца-то?.. — Била! Да, что вы это! Господи, била! *А хоть бы и била*, так что ж! (Дост., Прест. и наказание, 4, IV); ...Малыш и Бандитка никуда не годятся, *Рыжего*, что ли, отдашь? — *Да хоть бы и Рыжего*, — сказал Задоров (Макаренко, Пед. поэма, 1, 20).

12. Повторы, строящиеся с частицами *ишь* (*ишь ты*), *вишь* (*вишь ты*) выражают удивление, обычно осуждающее. Находясь как в начале, так и в конце повтора, частица обязательно отделяется от повторяемого слова паузой.

[Халымов] Взял лист, и *пиши*! [Каркунов] «*Пиши, ишь, ты!* Что я напишу, что я знаю? (Остр., Сердце не камень, 1, 3); — ...*Косушку* уж так и быть. — *Вишь, косушку!* —

кричит другой голос. — Лошадей помучить за косушку! (Л. Толст., Метель, VI); — Чего ты пристал? Чего ты пристал? Пальто *какое-то*... — *Ишь ты, какое-то*... Смотрите... Субчик... (Макаренко, ФД-1, 9).

Повторы с отрицательными частицами

Особое место в системе вторых реплик-повторов занимают такие, обязательным элементом формы которых является отрицательная частица. Это, во-первых, отрицающие повторы с отрицательной частицей — одной или в сочетании с усиливающим элементом; во-вторых, утверждающие повторы с наречной частицей *как* (и ее видоизменениями) и следующим далее *не*.

1. Отрицающие повторы с частицей *не* перед повторяемым неизменяемым словом выражают категорическое возражение, запрет спрашивать, говорить, обсуждать. Такие реплики обычно являются первой частью противительной конструкции.

— Денег надо, — говорила она. — *Сколько-с?* — *Не «сколько»*, а давайте! (С.-Щ., Чижиково горе); — *Э, полно!* Что ты говоришь! — *Не полно*, а брось, я тебе говорю (Л. Толст., Два гусара, III).

2. Значение отрицания в повторе может усиливаться сочетанием *не* с наречной отрицательной частицей или с частицей *вовсе, совсем*: *ничего не, нисколько не, нимало не, ничуть не, никак не, вовсе не, совсем не*. Такие повторы выражают уверенное отрицание, полное несогласие. Частица всегда начинает собою реплику, произносимую как утверждение. Здесь часто повторяется предикативная основа первой реплики, в других случаях могут иметь место обычные замены форм.

[Беркутов] Если *не секрет*, скажите. [Купавина] *Нимало не секрет;* (Остр., Волки и овцы, 4, 5); [Подхалюзин]... Где же мне с *суконным-то* рылом-с. [Большов] *Ничего не суконное*. Рыло, как рыло (Остр., Свои люди сочт., 2, X); — Отстань... Что еще *выдумал?* — *Вовсе не выдумал*, Аграфена Ивановна... (Станюк., Матроска, VIII); Он не заметил, что я еще не ложилась, и сказал: «*Спи, спи*». Я сказала: «*Ничего не спи*, я дам тебе ужинать» (Панова, Кружилиха, 6).

3. Повторы, образуемые с всегда препозитивной частицей *как* с обязательным отрицанием (*как не, да как не, ну как не, уж как не, как же не*), имеют значение уверенного утверждения. Строящиеся в форме вопроса (часто — полувопроса или утратившего вопросительное значение восклицания), эти реплики обозначают как бы удивление по поводу того, что можно ду-

мать, предполагать, действовать и т. п. иначе, чем это имеет место в действительности. Дальше обычно (но не всегда) следует утверждающее разъяснение.

[Ахов] Не так отдашь, в чем она есть? *Нужно* приданое? [Круглова] *Как не нужно*, конечно, нужно (Остр., Не все коту масл., 4, 3); — А *живы* они и теперь? — *Как не живы* — живут (С.-Щ., Губ. оч., Матушка Мавра Кузьмовна, V).

В соответствии с общим значением повтора с *как не* спрягаемые формы в нем, как правило, заменяются инфинитивом, слово *нет* — инфинитивом глагола *быть*, предикативные наречия или краткие прилагательные — однокоренными глаголами.

[Зыбкина] Неужли *женихов нет*? [Фелицата] *Как женихов не быть?* Четвертый год сватаются... (Остр., Правда хорошо... 1, 1); [Бубен] *Оробел!* [Роман] *Как*, батюшка, *не оробеть* — оробеешь (Горбунов, Постоялый двор, III); — Поди, чай, старого-то места *жалко?* — спрашивает ее собеседница. — *Как не жалеть?* Известно, жалко! (С.-Щ., Губ. оч., Богомольцы, странники и проезжие, Общая картина). Впрочем, такие замены не обязательны.

— Что ж, тебе *скучно* здесь? — спросил Пьер. — *Как не скучно*, соколик (Л. Толст. Война и мир, IV, 1, XII); — Что же, ты *рад?* — *Как не рад!* Уж так-то рад, матушка! (Л. Толст., Поликушка, XIII); — Дедушко, ты *слыхал* про камень-асбест? — *Как*, — отвечаю, — *не слыхал*, коли в наших местах его сперва раскопали и в дело произвели (Бажов, Шелковая горка).

Такие повторы нередко заключают собою ответ, начинающийся с утверждения, объяснения.

[Хрептюгин] Разве *говорили* что-нибудь? [Живновский] *Говорили*, благодетель, *как не говорить!* (С.-Щ., Утро у Хрептюгина, VII).

Частицы *как же, да как, да как же, уж как* — с последующим отрицанием — вносят в значение повтора оттенок подчеркнутой уверенности.

[Подрядчик] Разве *помнишь*? [Староста] *Да как не помнить?* (Остр., Волки и овцы, 1, 4); [Ласуков] *Рад?* [Мальчик] *Как же не радоваться!* (Некр., Осенняя скука).

Если в первой реплике есть отрицание *не*, то во второй реплике оно является одновременно и элементом повторяемым, и носителем отрицательного значения.

[Ксения] *Не нуждается ли* он в деньгах? [Елохов] Едва ли. А впрочем, *как*, чай, *не нуждаться!* (Остр., Не от мира сего, 1, 9); — А разве ты *не писал*? — спросил я. *Как не писать!* Два письма послал... (Л. Толст., Рубка леса, XIII).

Особо выделяются повторы с *как же (не)*, *да как же (не)*, реагирующие на высказанное в первой реплике скрытое возражение, отрицание, сомнение, недоверие. Здесь как бы обнажается не всегда досказанная мысль собеседника и выражается открытая и убежденная реакция на эту мысль — утверждение противного.

[Пионова] И ты решишься этакое варварство сделать? [Антрыгина] *Что за варварство?* [Пионова] *Да как же не варварство?* Променять такого человека на какую-нибудь дрянь (Остр., Свои собаки грызутся..., 2, 3,); — Так это-то по-вашему *мошенники*? — прибавил он, усмехаясь. — *Как же не мошенники?* (Дост., Прест. и наказание, 2, VI).

В просторечии и в говорах повторам с *как (не)* соответствуют повторы с *когда (не)*, *коли (не)*; такие конструкции находят отражение у писателей.

— А ты точно *сам* видел, как Тимофей Саввич корову-то сводил? — *Коли не сам!* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Посещение второе); — Разве *выгоднее* ездить в извоз, чем дома хлебопашеством заниматься? — *Когда не выгоднее*, ваше сиятельство... Дома-то лошадей кормить нечем (Л. Толст., Утро помещика, XVI).

ПОВТОРЫ, СТРОЯЩИЕСЯ С УЧАСТИЕМ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ И СОЧЕТАНИЙ, А ТАКЖЕ С УЧАСТИЕМ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В РОЛИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

Повторы с модальными словами и сочетаниями слов многообразны. В отличие от частиц, большинство модальных слов и сочетаний интонационно отчленяются от повторяемого слова, которое в этих случаях может функционировать как собственно повтор, а модальное слово, само выражающее то или иное отношение, может самостоятельно выступать в качестве ответа или реагирующей реплики.

Остановимся сначала на некоторых видах повторов, формируемых с такими модальными словами, которые — в определенных условиях — интонационно не отчленяются от повторяемого слова. Таковы, например, повторы с начинающими реплику модальными словами и сочетаниями *и точно, мало что (мало ли что), ничего себе, нечего сказать, кой черт.*

1. Реплики, строящиеся с участием сочетания *и точно*, выражают собственно подтверждение, полное присоединение к мысли, утверждению собеседника. Это сочетание может находиться как в начале, так и в конце повтора, отделяясь или не

отделяясь паузой от повторяемого слова (— *Умный он.* — *И точно умный.* — *И точно, умный.* — *Умный и точно.* — *Умный, и точно*).

— *Умный* он у меня, Галактион-то. Сердце радуется. — *И точно умный*, Михей Зотыч (Мамин-Сиб., Хлеб, Эпилог, VIII).

2. Сочетание *мало что* (*мало чего, мало ли что, мало ли чего*), всегда начиная собою вторую реплику и не отделяясь паузой от повторяемого слова, оформляет повторы, выражающие отношение к сказанному как к несущественному, такому, что можно не принимать во внимание, что не заслуживает серьезного отношения, о чем не стоит говорить. Здесь повторяется сказуемое, предикативная основа или логически акцентируемый член предложения.

2. Сочетание *мало что* (*мало чего, мало ли что, мало ли чего*), А когда мне? (Остр., Лес, 1, 2); — У нас *в школе* говорили... — *Мало что в школе*. Ты учись, а стариков не суди (Бажов, У старого рудника, V) [38].

3. Повторы с сочетаниями *ничего себе, нечего сказать* выражают насмешливое отрицание, иронически окрашенное несогласие. Начиная собою реплику, эти сочетания могут не отделяться от повторяемого слова паузой или отделяться от него; заключая реплику, они всегда отделяются паузой (*Он у нас как дома.* — *Ничего себе как дома!* — *Ничего себе, как дома!* — *Как дома, ничего себе*).

— ...Зайдемте... Еще *рано*, мама будет довольна... — *Нечего сказать, рано* — уже двенадцатый час! (А. Рыбаков, Водители, 3, 33); — Чувствуйте себя, пожалуйста, у нас, *как дома*. «Да! *Ничего себе — как дома*», — со вздохом подумал Ленька (Л. Пантелеев, Ленька Пантелеев, II).

4. Повторы с препозитивным и интонационно не отделяемым от повторяемого слова сочетанием *кой чёрт* (*какой чёрт*) выражают грубое и категорическое несогласие, отрицание.

[Ихарев] Ведь ты знаешь, что теперь должен весь *долг* твой заплатить мне. Они перевели. [Глов] *Какой чёрт долг!* Получишь ты долг! (Гоголь, Игроки, XXV); — Ты это

---

[38] Ср. сохранение значения у *мало* в репликах, реагирующих на вопрос и повторяющих вопросительное слово первой реплики (при обозначении множественности объектов легкого выбора, возможного применения чего-либо): — *Что же* она могла сделать со мной? — *Мало ли что:* облить кислотой, выстрелить из револьвера (Мамин-Сиб., Хлеб, Эпилог, VII); — Мы у них поучиться можем. — *Чему* это? — *Мало ли чему... Да хоть бы...* трудолюбию... (Чехов, Скука жизни).

шутишь? — спросил он. — *Кой чёрт шучу*? Какие тут шутки! (Чехов, Тина, II).

Описанные повторы включают в свой состав модальное сочетание, которое в определенных условиях составляет с повторяемым словом интонационно и синтаксически неделимое целое. С другой стороны, многочисленны и разнообразны по значениям повторы, строящиеся с такими модальными словами и сочетаниями, которые в той или иной степени сохраняют в составе реплики свою интонационную самостоятельность. Таковы повторы, оформляемые со словами и сочетаниями *отчего* (*отчего же*), *почему* (*почему же*), *как же* (*а как же*), *известно, конечно, разумеется, как бы не так, полно, подумаешь* и др. Все эти слова и сочетания относительно свободны в отношении своего места в составе повтора: они могут как начинать собой реплику, так и заключать ее; от повторяемого слова они всегда интонационно отделены.

1. Повторами с *отчего* (*же*), *почему* (*же*) выражается подтверждение, отводящее сомнение; они часто строятся в форме «возвращенного» вопроса [39].

[Утешительный] ... А *помог бы* ты мне, если бы я захотел ее увезти? [Глов] *Почему ж*? *Помог бы* (Гоголь, Игроки, XVI); — И кавалера *нет, что ли*? — *Есть, почему же*... (В. Фоменко, Серафима).

Такие реплики восходят к очень характерным для разговорной речи вторым репликам диалога, начинающимся или заключающимся вопросом с причинным значением и содержащим непосредственно связанный с этим вопросом ответ, сообщение по поводу первой реплики; ответ этот всегда выражает согласие, принятие.

— Пристал: «*Жени* меня, Домна Платоновна!» — Изволь, — говорю, — женю; *отчего*, говорю, *не женить*? — *женю* (Лесков, Воительница, 5); — Неужели ты *не заинтересован* в том, чтобы ваш колхоз собирал высокие урожаи? — *Почему не заинтересован*? *Заинтересован*... (В. Овечкин, На переднем крае, 1).

Характерно включение описанных форм в сдвоенные повторы в качестве их структурного элемента.

— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова *обождать*? — *Обождать-то, для че не обождать*, это все в наших руках... (С.-Щ., Губ. оч., Первый рассказ подьячего); — Так я бурмистра за бока! Может лысый чёрт и *подарить* барину!

[39] Сочетание *отчего же* в подобных репликах Шахматов считал «вопросительным наречием», выступающим в роли «сопутствующего обстоятельства» (см.: «Синтаксис...», § 487, стр. 417).

— *Подарить отчего не подарить!* (С.-Щ., Господа Головлевы, Семе́йный суд).

2. Повторы с сочетанием *как же* имеют два значения. Во-первых, они выражают уверенное подтверждение чего-то как само собою разумеющегося, обязательного, несомненного.

— Ты в чистом поле *бывал*? — *Бывал, как же!* (Горький, «Страсти-мордасти»); — Правда ли, что он *ездил* туда и опрашивал ненцев? — *Как же, ездил* (Каверин, Два капитана, 9, VII).

В репликах со значением подтверждения сочетание *как же* может распространяться усиливающим элементом *а* (*а как же*).

— Не достает только духового оркестра, чтобы он сыграл *туш* при моем появлении. — *Будет туш, а как же!* (Л. Славин, Морозный день, 3).

Другим значением реплик с *как же* является насмешливое, с вызовом отрицание.

— ... Наконец, *поезжай* сама в Петербург... — *Как же, поезжай!* Он не пустит меня, конечно. (Писемск., Тысяча душ, 4, VIII).

В таких репликах личные формы глагола могут заменяться формами с обобщенно-личным значением, а формы сослагательного наклонения — формами прошедшего времени со значением трудноосуществимого действия в плане будущего.

— Тот, как бишь его, лохматый, носастый, — тот, сударыня моя, из воды сухого выведет. *Кабы* его *взять*. — *Как же, взяла*, — оскалив зубы, сказала подсевшая к ним Хорошавка... (Л. Толст., Воскресение, 1, XXXI); — Золото *украли*? — *Украдешь, как же!* (Бажов, Зеленая кобылка, В лесу под выстрелами).

В репликах, выражающих отрицание, *как же* может сочетаться с интонационно обособляемым междометием *да*, начинающим собою повтор.

[Антрыгина] Во-первых, он не то, что другие, он *любит* меня. [Пионова] *Да, как же, любит!* Он тебя обманывает... (Остр., Свои собаки грызутся..., 2, 3).

3. Повторы с модальными словами и сочетаниями *как можно, как бы не так, подумаешь, полно* и другими выражают разные оттенки возражения, отрицания: возмущенное несогласие (*как можно*), уверенное и слегка насмешливое отрицание (*как бы не так*), иронию (*подумаешь*), недоверие и призыв отказаться от ложного, неверного утверждения (*полно*).

— Да ведь вы еще не видали ее; а может быть, она *и холодна*, — сказал Авдей. — Холодна! *Как можно, холодна!* — ворчал Иван Савич (Гонч., Иван Савич Поджаб-

рин); — Чересчур не надобно: хуже *заколотишь*. — *Заколотишь его, пострела, как бы не так!* — возражал купец... (Писемск., Тысяча душ, 1, I); — Другой год уж *не пью*, — отвечала Пелагея. — *Полно-ка, полно не пью*, скрытный человек! (Там же, 2, V); — Вы просто *оскорбили* женщину. — *Поду-умаешь, оскорби-ил!* (Н. Аргунова, Двери раскрыты настежь, 18).

В современном русском языке некоторые отдельные формы глаголов и имен, не теряя своих лексических значений и парадигматических связей, получили способность употребляться для выражения того или иного отношения. Поскольку эти формы не обособились от парадигм соответствующих слов и от системы их значений, постольку нет оснований относить их к классу модальных слов. Однако функции их совпадают с функциями слов этого класса; выражая отношение, такие формы способны не только выступать в качестве целого высказывания, но и оформлять повтор — так же, как модальные слова и частицы. Таковы глагольные формы: *бросьте* (*бросьте там, бросьте еще*), *рассказывай, дожидайся, погоди, постой, помилуйте*, инфинитивное сочетание *легко сказать*; именные формы: *пустяки, пустячки, вздор, глупости, новости* (*вот новости*) и некот. др. В отношении места в составе повтора и интонационных связей с повторяемым словом перечисленные формы обнаруживают закономерности употребления, общие с модальными словами и сочетаниями.

Все повторы, строящиеся с перечисленными формами, выражают разные виды и оттенки отрицательного, недоверчивого и т. п. отношения к сказанному. Так, повторы с глагольными формами выражают пренебрежительное опровержение (*бросьте, бросьте там*), явное недоверие (*рассказывай*), готовность немедленно опровергать (*погоди, постой*), насмешливую уверенность в обратном (*дожидайся*), обиженное возражение (*помилуй, помилуйте*), разные оттенки несогласия или критического отношения к сказанному (*легко сказать*).

[Хлестаков] ... Совсем *не знал, чем заплатить*. [Городничий] (в сторону) *Да, рассказывай, не знал, чем заплатить!* (Гоголь, Ревизор, 2, VIII) — Вот и вы, милостивый государь, пожаловали бы к нам в четверг,.. если вам *не скучно* будет. — *Помилуйте! Скучно!* Можно ли? За счастье почту... (Гонч., Иван Савич Поджабрин); — *Не до побасенок* твоих, Михайло Трофимыч, — заметил было инженерный штабофицер. — *Да ты погоди, постой, не до побасенок!* (Писемск., Тысяча душ, 4, XII); — Переломить себя *надо*... — вздохнула Анна Михайловна. — *Легко сказать: «надо»!* (Чехов,

Скука жизни); — В самом деле, у нас нельзя *поговорить* с девочкой, сейчас же начинают... — *Бросьте там — поговорить!* (Макаренко, Марш 30 года, Половая проблема).

Своеобразна функция в повторах форм *врет, врешь*: предшествуя повторяемому слову, эти формы не столько сообщают о действии другого лица, сколько выражают недоверие говорящего к словам собеседника.

[Анучкин] Нет, что ж... надобности никакой нет, а так зашел с *прогулки*. [Яичница] (в сторону) *Врет, врет, с прогулки?* Жениться, подлец хочет (Гоголь, Женитьба, 1, XV) [40].

Повторы, строящиеся с именными формами, выражают насмешливое несогласие (*пустяки, пустячки*), категорическое отрицание чего-либо как нелепого, ошибочного (*вздор, глупости*), явное недовольство (*новости, вот новости, какие затеи*).

[Городничий] Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли *отдохнуть*... [Хлестаков] *Вздор: отдохнуть*. Извольте, я готов отдохнуть (Гоголь, Ревизор, 3, VI) [41]; [Голос городничего] *После, после*, матушка. [Анна Андреевна] После? *Вот новости — после!* (Там же, 1, VI); — Надо еще *баб* нанять, перемыть все. — *Э! Какие затеи — баб!*.. — говорил Илья Ильич (Гонч., Обл., 1, 1); — *Сытый* пессимизм! — огрызнулся Морозов сердито. — Не лайтесь. *Пустячки — сытый*, когда помирать доводится... (Соболев, Капит. ремонт, 10).

Как видно, формы глаголов и имен, выступающие в роли модальных слов, могут в ряде случаев интонационно сливаться с повторяемым словом (таковы некоторые повторы с *бросьте, легко сказать, пустячки*). Это свидетельствует о функциональной близости этих форм к собственно модальным словам.

ПОВТОРЫ, СТРОЯЩИЕСЯ С УЧАСТИЕМ МЕЖДОМЕТИЙ

Вторые реплики-повторы, образуемые с участием междометий, выражают два основных круга значений: разные оттенки отрицательного отношения и разные оттенки уяснения, припо-

[40] Такое употребление связано с развитием у формы *врешь* (в меньшей степени у формы *врет*) недифференцированного значения отрицания, ср.: — Окружили нас кругом, так что дыхнуть нельзя; туда ступай, или *врешь не ступай*, а сиди, или *врешь не сиди*... Совсем и мы-то смешались (С.-Щ., Губ. оч., Юродивые, Неумелые); — Постою, Федор Иванович. — Садись, *врешь*, пей! (Л. Толст., Война и мир, II, 5, XVI).

[41] Ср. пример, приводимый Шахматовым: «[Дурнопеч.] Мне уже года три *запрещено*. [Солом. Плат.] Полно: *глупости, — запрещено*, ужели я хуже твоего знаю». Писемск., Ипохондрик, III («Синтаксис...», стр. 157).

минания. И в тех и в других видах повторов междометие может находиться как в начале, так и в конце реплики, но в живой речи препозиция междометий является почти правилом; интонационно междометие почти всегда отделяется от повторяемого слова.

1. Разные оттенки неодобрения, досады, насмешки, возмущения, пренебрежения, несогласия, неодобрительного удивления выражаются повторами с междометиями *э, о, фи, ха, ну, да ну, эка, эва, вона, господи, боже мой, чёрт возьми* и др.[42]

[Анна Андреевна] Тебе приличнее всего надеть твое *голубое* платье с мелкими оборками. [Марья Антоновна] *Фи*, маменька, *голубое*! (Гоголь, Ревизор, 3, III); — *О чем* я *бредил*? — *Эвося! О чем бредил?* Известно о чем бредят... (Дост., Прест. и наказание, 2, III); [3-й мужик] *Ситник-то* каждый день, я чай? [Кухарка] *О, ситник!* Не видали они твоего ситника! (Л. Толст., Плоды просвещ., 2, 5); — ...Принимай *в Красную Гвардию*... — *Ха! В Красную Гвардию!* Да что вы, девчата, белены объелись? (Макаренко, Честь, 2, 25); — *За что же* ему такое нехорошее прозвище прилепили? — *Вона! За что?* Кому следует — сразу прилепят (Троепольск., Никишка Болтушок).

Ср. диалогические формы в монологе: [Городничий] Пусть каждый возьмет в руки *по улице*, — *чёрт возьми по улице!* — по метле... (Гоголь, Ревизор, 1, IV).

2. Подчеркнутое несогласие, иногда — с оттенком вызова, насмешки выражается вторыми репликами, в образовании которых принимает участие междометие *да* и его осложненные формы: *да уж, ну да*. Эти слова всегда отделяются паузой от повторяемого слова[43].

— Отчего ему упасть? — сказал Федя. — *Он остережется.* — *Да, остережется!* Всяко бывает... (Тург., Бежин луг).

В повторах с *да́ уж, ну да́*, а также со сложным сочетанием *ну да, как же* подчеркивается значение недоверия, недовольства.

[Великатов] ...Я человек *робкий*. [Смельская] *Да, уж робкий* — похоже! (Остр., Таланты и покл., 1, VII);

---

[42] Повторы этого типа Шахматов относит к «не составляющим предложения» «отдельным выхваченным словам, находящим себе место или повторяющимся в следующем за тем предложении» («Синтаксис...», § 42 [1], стр. 58).

[43] Повторы с *да* Шахматов относит к неполным предложениям, видя здесь опущение глаголов *говорить, сказать, отвечать, рассказать, обращаться, приставать*. Ср. его пример: «*Господи! — Да: господи!* Теперь вот и господи!» Слепцов, Мертвое тело («Синтаксис...», § 313, стр. 243—244).

— Только я чуть ли скоро и сам не начну им *сдачи давать*. — *Ну, да, как же, сдачи!* (Лесков, Котин Доилец и Платонида, 9).

3. Особую группу составляют повторы с междометиями и междометными сочетаниями *ах, ах да, а, а да, а ну*, выражающие припоминание или уяснение. Междометие, как правило, начинает собою реплику, произносимую как вопрос, восклицание или утверждение.

Междометие *ах*, начинающее собою реплику со значением уяснения (часто — уясняющего переспроса), перехода от непонимания к пониманию, от неосведомленности к знанию, может отделяться паузой от повторяемого слова или не отделяться от него.

— Да, а вон подальше и *французы*, — сказал офицер. Вон они, вон видны... — *Ах, это французы!* А там?.. — Это *наши*. — *Ах, наши!* А там?.. (Л. Толст., Война и мир, III, 2, XXI).

В повторах с препозитивными междометными сочетаниями *ах да, ах вот как* пауза перед повторяемым словом обязательна. Такие повторы выражают уяснение, припоминание.

— Не правда ли, пока *не стоит*?.. — *Ах, вот как, не стоит*, — возразил я. — Очень хорошо. Тогда я сам это сделаю (Каверин, Два капитана, 3, 20).

Удовлетворенность при получении ответа, каких-либо сведений выражается репликами с препозитивными и интонационно отделяемыми междометиями *а, а ну*.

[Степан] Старуха *пришла*. [Подколесин] *А, пришла;* зови ее сюда (Гоголь, Женитьба, 1, VII); [Ростомахов] Ну, что ж, продадите? [Лоскутков] К крайнему моему сожалению, не могу-с... уж *продана*. [Ростомахов] *А ну, продана?* Нечего и толковать... (Некр., Петерб., ростовщик, X).

Реплики, начинающиеся сочетанием *а, да*, имеют значение, близкое к значению реплик с *ах да*, — они выражают удовлетворенность припоминанием, тем, что узнано.

[Хлестаков] Как ваша фамилия? Я все позабываю. [Артемий Филиппович] *Земляника*. [Хлестаков] *А, да, Земляника* (Гоголь, Ревизор, 4, VI).

ПОВТОРЫ, СТРОЯЩИЕСЯ С УЧАСТИЕМ СОГЛАСУЕМЫХ СЛОВ

Интересны со стороны своего строения, определенны и немногочисленны по видам вторые реплики-повторы, структурным элементом которых являются согласуемые слова *какой, никакой*.

хорош, хороший, хорошенький, сочетающиеся с существительными в форме именительного падежа. Специфика повторов, образуемых согласуемыми словами, заключается в том, что, оформляя вторую реплику, эти слова утрачивают или ослабляют свои категориальные и лексические значения и сближаются с частицами и модальными словами. Так, в вопросо-ответном единстве: — *Грамоте знаешь?* — *Какая грамота! какая* не имеет ни вопросительного, ни указательного значения: функция этого слова — оформление эмоционально окрашенного отрицания [44]. В обмене реплик: — *Он такой обходительный.* — *Хорош обходительный!* слово *хорош* не является ни определением, ни сказуемым; при таком употреблении в нем не удается обнаружить и какого-либо конкретного лексического значения. Слово *хорош* оформляет реплику со значением иронического отрицания, и это его конструктивное применение становится здесь его основным и единственным нерасчленяемым значением. В репликах с согласуемыми словами повторяются только имена.

1. Местоимение *какой* оформляет повтор со значением несогласия, отрицания, отвержения, утверждающий отсутствие того предмета, действия, признака и т. п., о котором говорит собеседник. Повторы с *какой* эмоционально окрашены: значение отрицания совмещается в них со значением удивления, протеста, недовольства и т. п. Местоимение начинает собою повтор, который может произноситься как вопрос или как восклицание; естественно, что в вопросе местоименное значение в *какой* сохраняется в значительно большей степени, чем в восклицании.

— Чем ты живешь теперь? *Жалованье* получаешь? — *Какое*, батюшка, *жалованье*! (Тург., Льгов); — *Неприятности* могут быть, — сказал Лукашин... — *Какие неприятности!* — в этом же нет ничего общественно вредного... (Панова, Кружилиха, 3).

Имя, употребленное в первой реплике в форме единственного числа, может повторяться в форме множественного числа. Этим выражается подчеркнутое отрицание и раздраженное, слегка пренебрежительное отношение к предмету речи, к сказанному. В таких повторах местоимение часто выступает в сочетании с усилительными элементами *там, тут* (см. стр. 347—348).

---

[44] По Шахматову, *какой* в таких повторах — определение в «бессказуемо-подлежащных» предложениях. Ср. его пример: «Могла ли я думать, что за две недели до свадьбы... Да какая свадьба! Как будто я могу верить...» Тург., Холостяк, II («Синтаксис...», § 38, стр. 53).

[Ераст] Не будет ли какого *приказания* от вас? [Вера Филипповна] *Какие приказания!* Я уеду сейчас. (Остр., Сердце не камень, 2, 8).

Характерной чертой описываемых реплик является то, что глаголы, краткие прилагательные и наречия заменяются в повторе однокоренными существительными.

[Ихарев] Говори серьезно, этим *не шутят*! [Глов] *Какие шутки!* Я сам участвовал и также обманут (Гоголь, Игроки, XXV); [Отрадина] *Богат?* [Шелавина] *Какое богатство!* Голь перекатная! (Остр., Без вины виноватые, I, 3); — А вам, братец, *весело* здесь? — *Какое веселье!* Живу — и будет с меня (С.-Щ., Пошехонск. старина, XI).

Повторы с *какой* могут включать в свой состав не только повторяемое имя, но и другие слова, присутствующие в первой реплике или вносимые в повтор независимо от их наличия в первой реплике. Возможности такого распространения повтора ограничены; в него могут быть включены: подлежащее, обычно — личное местоимение; повтор тогда принимает форму личного двусоставного предложения с именным сказуемым; подлежащее и дополнение в форме дательного падежа (обычно — местоимения) со значением косвенного объекта; определение к повторяемому имени (обычно — местоимение *твой, мой, наш, ваш, его* и т. д.); дополнение в форме косвенного падежа местоимения с предлогом: *у нас, у него, в нем, во мне* и т. п.; обстоятельство-наречие с временны́м или местным значением.

— У вас тоже, говорят, Василий Иванович, *доходы* теперь пообрезаны. — *Какие наши доходы!* — уныло отвечал Васютин (Горбунов, Милая девушка); — Ну, а Матрена — эта *бедная*? — спросил Нехлюдов... — *Какая она бедная:* она вином торгует... (Л. Толст., Воскресение, 2, V); ... Не любил, когда кто-нибудь называл его *дедушкой*. — *Какой я тебе дедушка.* Я еще молодой (Бажов, Надпись на камне); — Молодец, видать, в тебе *твердость* есть... — *Какая во мне твердость!* — горько усмехнулся Алеша (Соболев, Зеленый луч, 4); — Осенью там *разбойники* награбленное пропивают. — Это ты брось, — заметил Коля. — *Какие теперь разбойники!* (Пауст., Повесть о лесах, Овраги).

Как уже отмечалось, повторы с *какой* ярко экспрессивно окрашены. Разные оттенки недовольства, раздражения, пренебрежения, с другой стороны — уверенности, убежденности отчетливо выявляются в репликах, в которых местоимение осложнено усилительными элементами: *какой там, какой тут, какой там еще, какой тут еще, какой к чёрту, какой же, какой же тут, какой уж* (*уж какой*), *какой уж тут, какой уж там, да какой,*

да какой уж, да какой там, да какой тут, ну какой, ну какой же, ну какой уж, а какой, а какой уж, а какой там уж.

В репликах с *какой там* значение уверенного отрицания может сопровождаться легким оттенком пренебрежения.

— Вон сколько *машин* у тебя работает, управляешься! — *Какие там машины* — пара «зисов» с третьей автобазы. — Ну, — Масленников опять лукаво подмигнул ему, — это официально да *«левых»* еще десяток, а может и два... Вертилин махнул рукой: *какие там «левые»* (А. Рыбаков, Водители, 2, 21).

Тот же оттенок значения, но не столь отчетливо, выявляется в повторах с *какой тут.*

— Может быть, у него в самом деле есть *талант.* — *Какой тут талант!* Что это такое! — воскликнул уже с досадою Калинович (Писемск., Тысяча душ, 3, VIII).

Именно для повторов с *какой тут, какой там* характерны замены форм единственного числа формами множественного числа (см. стр. 292).

— Ваше превосходительство! Позвольте *атаковать*! Я их опрокину. — *Какие тут атаки,* — сказал начальник скучливым голосом... (Л. Толст., Война и мир, I, 2, VIII); — ...Им поверили, а они *честное слово* не сдержали. — *Какие там честные слова,* — возмутился Сережа, — война — и все! (Макаренко, Кн. для родителей, 6).

Подчеркнуто пренебрежительное отношение при полной уверенности в обратном выражается репликами с *какой там еще, какой тут еще,* а также с грубо-пренебрежительным *какой к чёрту.*

[Олешунин] ...Я готов дать вам *удовлетворение.* [Окоемов] *Какое тут еще удовлетворение?* Ничего этого не нужно (Остр., Красавец-мужчина, 3, 2, 6).

Ср. в монологе.

— А кто, говорит, подарил? — А вам, мол, зачем? — Дружок, верно! — говорит. Что ж! Ведь я соврала — сказала: *дружок. А какой к чёрту дружок!* (Гонч., Иван Савич Поджабрин).

В повторах с *какой же, какой же тут, какой уж* (*уж какой*), *какой уж там, какой уж тут* акцентируется значение уверенного, убежденного отрицания.

— Ну, а во время *дождя* где ты был? — *Какой же дождь?* Чуть покрапал (Л. Толст., Анна Каренина, 1, 3, VI); — А что же *отец Серафим*? Как на это взглянул? — спросил он. — Настенька тоже усмехнулась. — *Какой уж тут отец Серафим!* Смела я к нему показаться с таким намерением! (Писемск., Тысяча душ, 3, VII).

В повторах с *да какой* (*да какой уж, да какой там*), *ну какой* (*ну какой же, ну какой уж*), *а какой* подчеркивается значение уверенности в обратном.

[Окоемов] Так вы без меня поживали довольно *весело?* [Аполлинария] *Ну, какое веселье!* Не знали, куда деться от скуки (Остр., Красавец-мужчина, 2, 1); — Надо бы нарыть *червей*, — не глядя, ворчу я. — *Ну, какие ж теперь черви!* — говорит Анюта, вставая. — Червей роют утром (В. Лукашевич, Прошлым летом, Анюта).

Описанные здесь разные виды повторов с *какой* широко и свободно вводятся в экспрессивно окрашенный повествовательный монолог.

Она опять скажет, что не обойтись без *операции. А какая операция*, когда человеку перевалило за шестьдесят! (Пауст., Повесть о лесах, Старая яблоня).

2. Местоимение *никакой*, участвующее в формировании реплики со значением категорического отрицания, несогласия (наличие частицы *не* обязательно), может находиться как в начале, так и в конце повтора, не отделяясь от повторяемого слова паузой. Из всех согласуемых слов, выполняющих функцию конструктивного элемента в повторе, местоимение *никакой* в наибольшей степени сохраняет свое местоименное значение.

— Ну и *лентяй же ты!* — сказал я... — Почему — «лентяй»? — спросил он и тут же ответил: — *Никакой не лентяй.* (Троепольск., Игнат с балалайкой).

3. Повторы с *хорош, хороший* выражают насмешливое недоверие, ироническое несогласие, отрицание (ср. описанные выше реплики с наречной частицей *хорошо*). Прилагательное всегда начинает реплику и не отделяется от повторяемого слова паузой.

— Не пускают, строгое начальство. Нынче только офицер оказался *обходительный.* — Ну, *хорош обходительный!* (Л. Толст., Воскресение, 3, IX).

Глагольные формы первой реплики заменяются однокоренными именами.

[Анна Павловна] Да, кажется, теперь *успокоилась.* [Няня] *Хорошо спокойствие.* Смотреть тошно. (Л. Толст., Живой труп, I, 1, II).

То же может иметь место и по отношению к прилагательным.

[Поликсена] *Естественный?* Скажите пожалуйста! *Хороша естественность!* (Остр., Трудовой хлеб, 2, 2); — Что вы, разве это *детская* работа? — Какие мы дети! — обиделся Грунский, — *хорошие дети...* (Макаренко, ФД-1, 13).

В непринужденной речи возможны и реплики с *хорошенький: — Вы еще дети. — Хорошенькие дети!*

ПОВТОРЫ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ В ФОРМЕ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СУБЪЕКТНОМ ЗНАЧЕНИИ

Особую, очень индивидуальную по конструкции группу составляют повторы, в которых обязательным является присутствие местоимения в форме именительного падежа в значении субъекта. Местоимение представляет собой обязательный конструктивный элемент такой реплики.

В группу повторов с обязательным местоимением с субъектным значением входит несколько видов реплик, причем степень субъектной значимости местоимения в них различна. В одних случаях субъектное значение местоимения ослаблено, что объясняется слиянием этого местоимения с другим словом в связи с тенденцией образования своеобразной сложной частицы(повторы с *что ты, что вы*). В других случаях местоимение, сохраняя грамматическое значение субъекта, по смыслу не является им, так как не обозначает действующего лица (повторы типа — *Я те утону!*). Наконец, есть реплики, в которых местоимение сохраняет и грамматическое, и смысловое значение субъекта (повторы типа: — *Он опять увиливает.* — *Увильнет он у меня!* или: — *За это в суд.* — *Даст он вам в суд!*). Все эти реплики объединяются тем, что присутствие местоимения в форме именительного падежа как конструктивного элемента повтора является в них обязательным.

1. В репликах типа: — *Холодно сегодня.* — *Что ты холодно!* повтор оформляется при помощи препозитивного по отношению к повторяемому слову и нерасчленяемого сочетания *что ты* (*что вы*), в котором местоимение обозначает собеседника как утверждающего нечто, с чем нельзя согласиться. Однако никакие подстановки глагола («что ты говоришь») здесь невозможны[45]; местоимение срастается с частицей *что*, вместе с ней образуя своеобразный синтаксический фразеологизм, по своей функции в речи сближающийся со сложной частицей. Такие повторы произносятся как утверждение, часто — с восклицательной интонацией. Сочетание *что ты* (*что вы*), начинающее повтор, интонационно может не отделяться от повторяемого слова или отделяться от него.

---

[45] В то же время очевидна связь описываемых конструкций с такими построениями, в которых личное местоимение связано с глаголом-сказуемым. Ср. в записях разговорной речи: — *Кончила уроки?* — *Что ты смеешься кончила!*

— Эта *мала*, никак, сковородка. — *Что ты мала!* (Из разг. речи).

Сочетание *что* с личным местоимением может произноситься и как самостоятельное высказывание; повторяемое слово в этом случае выступает как собственно повтор.

— Я тебе их через неделю возвращу, да *беленькую* за благодарность прибавлю... пользуйся! — *Что вы! Беленькую!* Словно уж много! (С.-Щ., Пошехонск. старина, XXVII).

2. Реплики типа: *Захочу — купаться буду! — Я те (тебе) покупаюсь!* выражают угрожающее запрещение. Местоимение *я* обозначает запрещающее лицо, глагол в форме 1-го лица — запрещаемое действие, дат. пад. *тебе* (или *те*, которое уже не воспринимается как местоименная форма), *ему*, *вам* и т. п. — лицо, которому запрещается производить действие[46]. В первой реплике глагол выступает в любой форме, во второй реплике — всегда в форме 1-го лица будущего простого; соответственно имеют место видовые замены. Порядок слов во второй реплике неизменен, интонационного членения нет.

— Батюшка, только из глазка на личико его *взглянуть*, — говорила старушка. — *Я те взгляну*, куда лезешь? (Л. Толст., Отец Сергий, VII); — Ой, *помираю*! — стонут бурлаки. — *Я те помру!* Пошел, робь! (Решетн., Подлиповцы, 2, VII); — *Вот возьму да и поеду по сырой почве...* — *Я тебе поеду по сырой!* (Троепольск., Прицепщик Терентий Петрович).

Сравн.: — Ночью эдак раз десять принимался *орать*, ваше благородие, — сказал он. — *Я его поору, мерзавца!* (Эртель, Гарденины, 1, XII).

3. Значение угрозы (а при подлежащем *я* — угрожающего запрещения) имеют вторые реплики типа: — *За это в суд!* — *Я те дам в суд!* — *Он вам задаст в суд!* — *Они вам покажут в суд!* Здесь обязательно начинающее реплику личное местоимение в форме именительного падежа, обозначающее лицо, от которого исходит запрещение, угроза; дательный падеж объекта, обозначающий лицо, которому запрещают, угрожают; сказуемое в форме будущего времени глагола *дать*, *задать*, *показать*, *прописать* (— *Он вам пропишет в суд!*) и заключающее реплику повторяемое слово или сочетание. Такой порядок слов является обычным, но возможно и

---

[46] См. об этих конструкциях в кн.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 193.

вынесение в начало реплики сказуемого, особенно при подлежащем-местоимении 3-го лица (— *Покажет он вам в суд!*).

— Он при мне ревизовал нашу губернию, так та́к сердечных пробрал, что до новых веников не забудут. — Ну, уж вы, *скептик*!.. — *Даст он вам скептик!* И рожа-то у канальи, как у аспида... (Писемск., Тысяча душ, 4, I); — Тетенька, *я полегоньку*, — сказал мальчик. — *Я те дам полегоньку*. Постреленок! (Л. Толст., Война и мир, III, 3, XXII).

Такие реплики могут включать в себя усиливающий элемент *вот*.

— Сидят смирно, промежду себя *разговаривают*. — *Вот я им дам «разговаривают»!* (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIX).

4. То же значение угрозы имеют вторые реплики типа: — *Врет он*. — *Соврет он у меня!* (или: — *Он у меня соврет!*), где обязательное местоимение в форме именительного падежа обозначает лицо, которому угрожают, запрещают, глагол-сказуемое — запрещаемое действие, а сочетания *у меня, у него* и т. п. указывают на лицо запрещающее, угрожающее (этот последний компонент повтора не обязателен). Видо-временны́е соотношения глагольных форм в 1-й и 2-й репликах — те же, что в репликах, описанных в п. 2.

— А *он*, видишь, *увиливает*. — *Увильнет он у меня!* (Л. Славин, Морозный день, 3).

Повторы с обязательным местоимением в форме именительного падежа по своей структуре занимают особое место среди других видов повторов; это особенно относится к конструкциям, описанным в п. 2—4.

ПОВТОРЫ С УДВОЕНИЕМ

От всех типов повторов, описанных выше, резко отличаются вторые реплики, которые мы будет называть повторами с удвоением или сдвоенными повторами. Спецификой этих построений является, как и для всех других повторов, их формальная и смысловая несамостоятельность, их порожденность первой репликой[47]. Так же, как и все другие повторы, они представляют собой повторение слова первой реплики, однако повторение

[47] Удвоения есть и в монологической речи, но там они или являются применением диалогических форм для построения монолога, или имеют свой круг значений и специфические условия употребления (см. раздел «Построения, формирующиеся путем разного вида соединений полнозначных слов»).

двукратное, причем формы повторяемого слова в составе второй реплики могут быть в одних случаях одинаковы, в других — различны. Круг значений сдвоенных повторов ограничен и четок.

Большинство сдвоенных повторов выступает в качестве первого компонента сложной конструкции. Это накладывает яркий отпечаток на их значение и создает двустороннюю связь такого повтора, с одной стороны, с первой репликой, с другой — со второй частью того сложного построения, в состав которого этот повтор входит. Даже тогда, когда сдвоенный повтор выступает как простая конструкция, в его значении сохраняется след его обычного функционирования в составе сложного построения.

1. Одной из самых распространенных форм сдвоенного повтора является сочетание повторяемой глагольной формы (с соответствующими заменами) с предшествующим ей инфинитивом того же глагола, причем инфинитив может быть отделен от спрягаемой формы каким-либо другим словом или словами. Это реплики — ответы на вопрос или реагирующие на сообщение, требование и т. п. Как правило, они входят первым компонентом в состав сложной конструкции с уступительным значением и выражают неполное, с оговоркой, подтверждение, согласие.

— Ведь мы вместе *летали*... Туда... вверх! Я отвечаю, что я *летать летал*, но только не вверх, а вниз (Лесков, Фигура, 14); — Ты лучше скажи: *помогли* тебе наши люди? Сергеев вздохнул: — *Помочь-помогли*, но ведь за неделю много не сделаешь (А. Рыбаков, Водители, 3, 30).

Реже такой повтор выступает в качестве второго компонента противительной конструкции.

— ...Я вижу, ты спать хочешь; целуй ручку и *отправляйся*; а мы с г-м Саниным побеседуем вдвоем. — Спать я не хочу,.. а *отправиться — отправлюсь* и ручку поцелую (Тург., Вешние воды, XXXIV).

Если повтор с инфинитивом выступает вне противительной конструкции, то в нем все же присутствует значение скрытой недоговоренности, невысказанной оговорки, подтверждения неполного, иногда вынужденного.

— Неужто и на торги-то *не приедете*? Что уж очень рассердились? — спросил архитектор. Подрядчик опять нахмурился. — На торги я *прийти — приду*, этих делов без меня не бывает... (Писемск., Тысяча душ, 4, VI).

При инфинитиве часто находится частица *-то*, усиливающая противительный смысл всей конструкции.

[Мужик] Отчего же доброму человеку не *дать*? [Работник] *Дать-то — дашь*, да назад не возьмешь (Л. Толст.,

Первый винокур, 3, 5); — Если поднажмем — завтра к обеду *будем.* — *Быть-то будем,* но застанем ли мы там кого-нибудь? (В. Некр., В окопах Сталинграда, 1, 4).

Повторы с *-то*, не входящие в сложную конструкцию с противительным значением, выражают уверенное утверждение.

[Подколесин] Ты пробовал чистить ею сапоги? [Степан] Пробовал. [Подколесин] Что ж, *блестит*? [Степан] *Блестеть-то* она *блестит* хорошо (Гоголь, Женитьба, 1, IV).

Те же повторы, но с отрицанием при спрягаемой форме, в составе противительной конструкции выражают отрицание с оговоркой, в плане уступительных отношений.

— ... Прочитал он бумагу. *«Понимаешь?»* — спрашиваем мы. — *«Понимать не понимаю*, а отвечать могу» (С.-Щ., Губ. оч., Введение); — Осталось ехать только двенадцать верст, все больше лесом, и *не заблудились бы...* — *Заблудиться-то не заблудились бы*, да кони не идут, барышня! (Чехов, На пути).

Так же, как и повторы без отрицания, повторы с отрицанием, выступая вне противительной конструкции, могут не иметь уступительного значения (*Скучать не скучал* значит: «что касается того, чтобы скучать, то не скучал»).

— Неужели *уступишь* этой твари? Я отвечаю на это: — *Да уступить* я никому ни в чем *не уступлю* (Нов.-Прибой, Подводники).

Итак, повторы с препозитивным инфинитивом имеют два основных конструктивно обусловленных значения: 1) утверждения или отрицания с оттенком недоговоренности, уступки — в сложных противительных конструкциях и 2) уверенного утверждения или отрицания — вне таких конструкций. Заметим, что весь такой повтор является своеобразным синтаксическим идиоматизмом, и вряд ли можно согласиться с А. Н. Гвоздевым, видящим в сочетании типа *читать читайте* логически четко расчленяемое построение [48].

2. Другим видом сдвоенных повторов является двукратное повторение слова в той же форме, в которой оно употреблено в первой реплике (для местоимений и личных форм глагола,

[48] «Говорящий сначала вслед за собеседником воспроизводит глагол в инфинитиве, вызывая этим представление о данном действии, а затем употребляет тот же глагол в форме, нужной для выражения известного утверждения, согласия с определенным положением или фактом, высказанным собеседником, после чего (союзы *но, да*) говорящим вносится известное ограничение в это утверждение и ему противополагается собственное утверждение говорящего» (А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 195).

а также для косвенных падежей имеют место соответствующие замены), соединенное частицей *то* и, как правило, представляющее собой первую часть сложной противительной конструкции[49]. Такие повторы чаще обозначают согласие с тем, что сказано собеседником, реже — противопоставляемое утверждение; и в том и в другом случае на это значение наслаивается значение неполного признания, оговорки.

— Что ж, *прошло*? — *Прошло-то прошло*, да все хворает... (Л. Толст., Утро помещика, II); — *Разные* и купцы бывают. — *Разные-то разные*, а жадность одна (Мамин-Сиб., Хлеб, 2, VI).

Повторяемые формы могут быть разделены подлежащим-местоимением или — при повторении предикативного наречия — частицей *оно*. В первой реплике повторяемые существительные и прилагательные не обязательно выступают в роли сказуемого, но всегда являются смысловым центром высказывания.

— Извольте садиться. — Да ось *сломалась*... — *Сломалась-то она сломалась*; ну а до выселок доберемся... (Тург., Касьян с Красивой Мечи); — Самое *святое*, что есть в жизни... — *Святое-то оно святое*, а обыграть сумели (В. Некр., В родн. городе, 2, 3).

Повторяемые формы могут разделяться модальными словами и сочетаниями, выражающими уверенность, подтверждение, предположение: *точно, точно что, пожалуй, конечно*, просторечн. *знамо, знамо дело* и т. п.

[Мурзавецкая] Вот *золотой-то* человек! Я его в поминанье запишу... [Чугунов] *Золотой-то он, точно золотой*, а я вам вот что скажу... (Остр., Волки и овцы, 5, 12); — ... Ничего, *поправится*... — *Поправится-то, конечно, поправится*, да теперь ему туго приходится (Мамин-Сиб., Приваловск. миллионы, 3, X).

Если в первой реплике содержится вопрос или высказывается предположение, то вторая реплика, заключающая в себе ответ, разъяснение, может строиться с участием слова, имеющего противоположное значение.

— А на заводах разве *нельзя* было устроиться? — *Можно-то, пожалуй, можно*, только несподручное дело, барин (Мамин-Сиб., Золотуха, X).

При выражении согласия возможно повторение слова, близкого по значению.

---

[49] Упоминание об этих формах см. в кн.: А. А. Шахматов. Синтаксис..., § 206 [1], стр. 187.

— А теперь ведь *не холодно* и потише стало, — сказал я, — можно бы ехать? — *Оно тёпло-то тёпло*, да метет (Л. Толст., Метель, I).

Повторы с *-то*, выступающие вне противительной конструкции, могут выражать то же значение, что и в составе такой конструкции; в этом случае они обычно произносятся с интонацией недоговоренности.

— А у тебя-то теперь собственный *дом*! — сказала она... — *Дом-то дом*, — сказал Лукашин. — Возня с ним большая (Панова, Кружилиха, 3).

С другой стороны, такие повторы могут выражать просто уверенное подтверждение.

[Анна Павловна] Он, папенька, *стоил* этого. [Оброшенов] *Стоил-то стоил*. Его б отсюда не в дверь, а в окно надо было проводить! (Остр., Шутники, IV, 5).

3. Две одинаковые формы повторяемого слова могут сочетаться при помощи частицы *хоть*, выступающей в полусоюзной функции. Такие повторы имеют значение ослабленного отрицания (при второй форме обязательно *не*), но в них всегда присутствует оттенок значения уступительного противопоставления; они входят в сложную противительную конструкцию в качестве ее первого компонента.

— Хоть римский огурец велик, нет спору в том, Ведь с *гору* кажется, ты так сказал о нем? ... — *Гора хоть не гора*, но, право, будет с дом (Крылов, Лжец); — *Всех* дел ведь сразу не переделаешь, — скажешь ей, бывало. — Ну, *всех, хоть не всех*, — отвечает, а все же ведь ужасно это как, я тебе скажу, отяготительно... (Лесков, Воительница, 2).

4. Две одинаковые формы повторяемого слова (глагола или имени, последнего — чаще в форме именительного падежа) могут соединяться при помощи отрицательной частицы *не*. Такие повторы имеют несколько значений, выявляющихся в различных синтаксических условиях.

1) Одним из основных значений повторов с *не* является значение отрицания в плане уступительного противопоставления: отрицание не категорично, оно разъясняется, с ним сопоставляется последующее утверждение[50]. Такие повторы почти всегда входят в сложную противительную конструкцию; повторяемые формы интонационно не разделяются.

---

[50] Толкование таких конструкций как выражающих «желание, при частичном ограничении, рассеять сомнения говорящего» представляется неточным (см.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, стр. 194).

— А ты нешто хочешь *бросить* пьянство, Лучкин?.. — *Бросить не бросить*, а чтобы, значит, без пропою вещей... (Станюк., Максимка, VII); — ...И видно, что очень вы были *хороши*. — *Хороша не хороша*, — отвечает, а в дурных не ставили (Лесков, Воительница, 6); — Тебе бы все *Миколашку!*.. отошло времечко, тю-тю, не воротишь!.. — *Да уж Миколашку, не Миколашку*, а только и это не право, — не сдавался дед (Фад., Разгром, 1, VI).

Если повтор с *не* не входит в противительную конструкцию, то он произносится с интонацией недоговоренности и не утрачивает своего основного значения.

— ...Я сам сколько раз слышал, как князь говорил: *всякий* дворянин может войти в мой дом, как в свой собственный... — Ну, *всякий, не всякий*... — Конечно, не всякий — это только façon de parler... (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIV).

Редко в состав такого повтора включается частица *-то* (после первой формы).

[4-й старик] Потому во всем *моя* воля. [1-й старик] *Твоя-то не твоя*, а как постарше тебя скажут (Л. Толст., Первый винокур, 5, 3).

2) Другим значением сдвоенных повторов с отрицанием *не* является оценка того, о чем говорится, как безразличного, не влияющего на последующее, на какие-то решения, выводы и т. п.[51] В этом случае, в отличие от первого значения, возможна интонационная расчлененность повторяемых форм.

— Это *болезнь*, иначе нельзя объяснить, — сказал штабс-ротмистр. — *Уж там болезнь, не болезнь*, а не попадайся он мне на глаза — убью... (Л. Толст., Война и мир, I, 2, V); — *Помешал?* — *Помешал не помешал*, а садись, не выгонять же тебя (Шолохов, Подн. целина, 1, 32).

Инфинитивы, спрягаемые формы и предикативные наречия первых реплик в таких повторах могут заменяться формами повелительного наклонения в обобщенно-личном значении.

— Чай, *стыдно*? — *Стыдись не стыдись*, а коли назвался груздем, так полезай в кузов (С.-Щ., Пошехонск. старина, XIII); — ...Тогда *бы* и смерти из нас никто *не боялся*. Так-то, голубчик... — *Да бойся, не бойся*, все равно не минуешь (Л. Толст., Война и мир, I, 2, XVI).

Повторы с этим значением не обязательно входят в состав противительной конструкции.

[51] Отмеченное значение без достаточных оснований рассматривается как значение отрицания в статье В. А. Трофимова «К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке» (стр. 111).

— Совсем не факт, что *пойдет* за другого, — сказала Лена. — А мне безразлично, *пойдет, не пойдет*... (Панова, Спутники, 2, 6); — Проинформируешь нас о ходе жилищно-бытового строительства. — *На бюро?* — *Ну, бюро, не бюро*, не в этом же дело (Д. Осин, Хозяева).

Ср. диалогические формы в монологе.

— Она ведь тоже *трусиха*. Да и побоишься, что ж. *Трусиха не трусиха*. Страшно же (Из разг. речи).

3) Третьим значением повторов с *не* является выражение слегка пренебрежительного отношения к сказанному, оценки его как несущественного, не совсем серьезного, не заслуживающего обсуждения.

— Если вы *любите* его... — сказал он. — *Что любить, не любить?* Я уж это оставила... (Л. Толст., Воскресение, 3, XXV); — Именно случай! *Блеснуло* перед глазами. Могло и перед моими блеснуть. Жена усмехнулась. — Чего же казниться теперь? *Блеснуло, не блеснуло*... В другой раз и перед твоими блеснет (Г. Радов, Петр Егорыч, 5).

5. Сочетанием повторяемых форм при помощи союза *или, ли* (*ли — ли*), с обязательным отрицанием при второй форме, выражается оценка сказанного как безразличного, не влияющего на последующее: такие повторы почти всегда входят в состав противительной конструкции и всегда имеют оттенок значения уступительности.

— Они значит *боярского* роду? — *Боярского*, говорит, *или не боярского*, а уж порода такая... (Короленко, Чудная, IV); — Странный ты человек. Что за *пассивность*? — *Пассивность или не пассивность*, а бегать никуда не буду (В. Некр., В родн. городе, 3, 7).

6. Повторение имени существительного в именительном и следующем за ним творительном падеже в составе уступительной конструкции (— *подарки подарками, а*...) выражает согласие, принятие в плане уступительного противопоставления («подарки само собой, а...»). С точки зрения синтаксической такая конструкция нечленима (см. стр. 55—56).

[Евлалия] Да ведь ты за свою службу *жалованье* получаешь. [Марфа] *Жалованье жалованьем*, это уж положóное... (Остр., Невольницы, 3, 8).

7. Повторы, образующиеся сочетанием двух одинаковых форм повторяемого слова при помощи всегда безударной союзной частицы *так* (*так и*), образуют законченную реплику, выражающую согласие, принятие того, что говорится, предлагается, примирительное нежелание спорить; в таких повторах обычен оттенок некоторого безразличия, равнодушия.

[Частный пристав] Антон Антонович, это *коробка*, а не шляпа. [Городничий] *Коробка так коробка*. Чёрт с ней! (Гоголь, Ревизор, 1, V); — Вот сюда, к фонарю. Я тут уж *пешком*. — Как угодно, *пешком, так пешком* (Гаршин, Ночь, II); — Мы сейчас *сами* там уберем. — Ладно, ладно. *Сами так сами* (Из разг. речи).

Повторы с *так* очень часто выступают в сочетании с начинающими реплику частицами и междометиями *что ж, а что ж, ну что ж, ну, а*.

[Рисположенский] ... Отца звали Псой, — ну, стало быть, я *Псоич* и выхожу. [Устинья Наумовна] *А Псович, так Псович;* что ж, это ничего... (Остр., Свои люди сочт., 1, VIII); — ... А вы скажите лучше, что взяли да *потеряли*, а Филипп будет из своих денежек отвечать за ваше баловство... — *Ну, потерял, так потерял*... (Л. Толст., Детство, XX); — Вот мы скоро сами начнем *сторожить*. Правда, Бурун? .. — *А что ж, сторожить, так сторожить*... (Макаренко, Пед. поэма, 1, 4); — ... Давайте пойдем *пешком*... — *Что же, пешком, так пешком!* .. (Павленко, Чья-то жизнь).

8. Сдвоенный повтор, в котором повторяемые формы сочетаются при помощи союза *и*, выражает принятие, согласие с тем, что собеседник считает неприятным, оцениваемым отрицательно.

—... Но он опять: «*Глуп*, говорит, ты!..» *Ну, глуп и глуп*, не впервой мне это от него слышать... (Лесков, Соборяне, I, 2) [52].

В настоящем разделе описаны основные виды вторых реплик диалога, строящихся на основе повторения слова, сочетания слов или предикативной основы первой реплики. Это собственно повторы, повторы с различными частицами, модальными словами и сочетаниями слов, с формами имен и глаголов, выступающими в роли модальных слов, с междометиями, повторы с обязательным отрицанием, с согласуемыми словами, с обязательным местоимением в субъектном значении и сдвоенные повторы. Несмотря на значительные структурные различия разных видов повторов, все они объединяются рядом общих собственно языковых черт, позволяющих видеть в них единый объект изучения.

Таким объединяющим фактором является, с одной стороны, общая и легко выявляемая система субъективно-модальных значений: это, с одной стороны, богатые разными дополнительными

[52] А. А. Шахматов относит такие повторы к «адъективным бесподлежащным предложениям» («Синтаксис...», § 71, стр. 84).

оттенками утверждения или отрицания, с другой стороны — выражения многообразных — в большинстве случаев отрицательных — непосредственных реакций на то, что сказано, о чем сообщается в первой реплике. Общим со стороны значений для реплик-повторов является то, что они не содержат никакого нового сообщения, не являются самостоятельными единицами речи; непосредственная и всегда экспрессивно-окрашенная реакция на сказанное — таково смысловое наполнение основной массы повторов. Эти значения реплик создаются не лексическими значениями повторяемых слов, а всем строением реплики и характером ее связей с первой репликой.

С другой стороны, смысловая несамостоятельность повторов полностью соотносится с их формой: повторы не существуют в языке вне прямой зависимости от первой реплики, которой полностью подчинено и чьей формой обусловлено их строение. Эта обусловленность двойственна. С одной стороны, она носит характер лексической зависимости: словесный состав второй реплики определяется словесным составом первой реплики: повторяется данное, конкретное слово или сочетание. Но это повторение осуществляется по определенным правилам; форма повторяемого слова или сочетания не может быть избрана произвольно. И если лексическая сторона здесь каждый раз индивидуальна — сколько слов в языке, столько может быть и «лексических наполнений» второй реплики, — то структурная сторона повтора, условия его строения определяются действующими в языке правилами. Лексическое наполнение повтора свободно, конструирование его — не свободно. Принципиально такое положение ничем не отличается от условий построения большинства свободных синтаксических единиц, в которых лексическая сторона каждый раз индивидуальна, а синтаксическая — строго определенна и подчинена действующим грамматическим нормам.

Представляется несомненным, что вторые реплики-повторы должны быть объектом специального изучения, что они образуют систему своеобразных синтаксических единиц разговорной речи. Языковые факторы, подтверждающие наличие у повторов своего синтаксического «лица», изложены выше. Кратко обобщим их.

1) Повторы синтаксически несамостоятельны. Они существуют в разговорной форме речи как построения, порожденные первой репликой, и представляют собою зависимую, подчиненную часть сложного языкового единства. В этом отношении может быть — конечно, условно — проведена параллель между вторыми репликами-повторами и такими частями некоторых

типов сложного предложения, которые не существуют вне этого сложного предложения и в своем строении обусловлены другой его частью. Порождаясь первой репликой, повтор отливается в определенную синтаксическую форму, которая далеко не всегда представляет собою чистое повторение форм, заключающихся в первой реплике; иными словами, повторы имеют свои нормы построения.

2) В своем строении реплики-повторы подчиняются определенным правилам сохранения или замены форм повторяемых слов. В том или другом типе повтора для слов одних грамматических категорий обязательным является сохранение формы повторяемого слова, для других — замена ее другой, но не случайно избранной, а определенной, именно данной формой. Там, где есть возможность выбора, она определяется не желанием или вкусом говорящего, а значением или оттенком значения, связанными с употреблением именно той, а не другой формы.

3) Многие типы повторов ограничены со стороны категорий повторяемых слов: есть типы реплик, в которых повторяются только имена, только глаголы, только наречия или сочетания, выступающие в первой реплике в функции обстоятельств, и т. д. Внутри этих ограничений нередко действуют другие, более частные: имена могут повторяться только в форме того или иного падежа, глаголы — только в форме того или иного наклонения, времени, лица.

4) Вторые реплики строго ограничены со стороны возможностей распространения их другими словами, расширения их состава. В большинстве случаев возможность распространения повторов другими словами исключена. Там, где повтор может быть распространен, выявляются определенные границы такого распространения, собственно синтаксические правила введения распространяющих реплику слов: в разных типах повторов намечаются свои закономерности введения сочетаний или форм с определенными синтаксическими функциями.

5) Многие повторы строятся с участием специальных слов — частиц, междометий, модальных слов или сочетаний, а также согласуемых слов. Все эти слова не просто «прибавляются» к повторяемому слову, а играют в составе второй реплики конструктивную роль: они являются одним из таких ее компонентов, который не может быть изъят без того, чтобы эта реплика не перестала существовать как данная синтаксическая единица, несущая в себе данное модальное значение. Степень внешней спаянности частицы (междометия, модального слова и т. п.) с повторяемым словом неодинакова. В одних типах реплик изъятие частицы (или другого слова) ведет к полному разру-

шению данного типа повтора (ср., например, повторы со многими наречными частицами); в других случаях частица (или другое слово) внешне легко отделима, но такое отделение ведет к превращению данного типа повтора в другой (в собственно повтор), с иной структурой, с иной интонацией, с иным оттенком значения.

6) Место частиц, как и других слов, участвующих в формировании повторов, не свободно. Одни из этих слов всегда начинают собою вторую реплику, другие могут начинать или заключать ее; порядок конструирующих вторую реплику слов определяется для разных типов повторов действующими в языке нормами словорасположения, которые здесь особенно четки и легко выявляются из-за ясной очерченности словесного состава повтора и ограниченных возможностей его распространения.

7) Разные типы повторов имеют свою интонационную характеристику. Вопрос этот остался неосвещенным в настоящей работе: он требует особых методов исследования. Однако даже самые общие непосредственные наблюдения убеждают, что разные типы повторов закрепляют за собой определенный интонационный рисунок; многие повторы вообще могут произноситься только с какой-либо одной интонацией.

8) Существование целого ряда реплик-повторов обусловлено двусторонними конструктивными связями: такие реплики функционируют только как часть сложного предложения, обнаруживая синтаксические связи с первой репликой диалогического единства и со второй частью сложной конструкции, которую повтор собою начинает (см. сдвоенные повторы).

Все сказанное приводит к выводу, что вторые реплики-повторы представляют собой один из видов синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи, — специфическую принадлежность диалога; они многообразны и дают широкие возможности выбора. Изученный материал показывает, в частности, насколько богаты собственно конструктивные средства диалога для выражения разных оттенков несогласия, отрицания, неодобрения. Поэтому нельзя согласиться с Л. П. Якубинским, что диалогическая форма речи «способствует умалению значения речевых элементов в общем порядке взаимодействия[53]. Напротив, диалог как одна из форм разговорной речи обладает богатейшими собственно языковыми возможностями, которые и реализуются говорящими в процессе речевого общения.

[53] Л. П. Якубинский. О диалогической речи, стр. 184. Ср. также: Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 144.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Построения, описанные в этой книге, объединяются внутри единой категории предикативности рядом специальных языковых приемов выражения частных объективно-модальных и субъективно-модальных значений и общей системой этих значений. В заключение представляется необходимым кратко охарактеризовать эту систему в целом.

1. Как уже было сказано, объективно-модальные значения заключают в себе характеристику сообщаемого независимо от отношения говорящего к тому, что сообщается или как сообщается. Помимо обязательных объективно-модальных значений сообщения, побуждения или вопроса, у предикативно-значимых построений существуют частные объективно-модальные значения, которые могут быть и могут не быть. Есть три вида таких значений: 1) характеризующие внутренние качества предикативного признака, 2) характеризующие признак по его протеканию во времени и 3) характеризующие признак по его соотнесенности с другими признаками или по отсутствию такой соотнесенности.

1) С точки зрения внутренних качеств признак может характеризоваться со стороны: а) полноты или неполноты выявления (значения интенсивности, полноты, высокой степени проявления признака и значения неполноты или слабости выявления, приближения, возможного, но не выявившегося признака, прерванности или отсутствия результата); б) единственности, исключительности, преимущественности; в) обычности или необычности, соответствия или несоответствия требуемому, желаемому, образцу, «норме»; г) своевременности и целесообразности; д) подготовленности, «ожидаемости» или неподготовленности, неожиданности; е) «сложносоставности»: значение выявления признака в процессе пребывания в том или ином состоянии; совмещения двух полностью совпадающих накладывающихся друг на друга признаков (или разных, но близких и взаимосвязанных, или сходных и обычно нераздельных, или связанных друг с другом отношениями временными или целевыми); сложного

единства выявления и невыявления, одновременного наличия и отсутствия признака; значение признака, в своем выявлении связанного с предварительным движением туда, где он непосредственно реализуется; ж) собственно качественной характеристики, заключающейся в лексическом значении одного из компонентов построения.

2) По характеру протекания во времени признак может определяться со стороны: а) длительности и постоянства (с оттенками значений незатрудненности, свободы выявления, «исхождения» из прошлого, неукоснительности) или недлительности (с оттенками значений внезапности и напряженности); б) регулярности или нерегулярности, эпизодичности.

3) По соотнесенности с другими признаками или по отсутствию такой соотнесенности признак характеризуется со стороны: а) причинно-следственной обусловленности, условной зависимости; б) противопоставленности и сопоставленности (сюда же — значение признака, сопоставляемого с неназванным предшествующим как отсутствующее с наличествовавшим); в) связи с предшествующим состоянием (характеристика признака как начавшегося и продолжающегося либо как завершения или выявления предшествующего состояния); г) свободы, независимости, несвязанности, отсутствия соотнесенности с другими признаками (значение выявления признака, несмотря на условия, ему неблагоприятствующие; выявления признака независимо от каких-либо сопутствующих обстоятельств, решений, советов, побуждений и т. п.; безразличия для последующего; собственно независимости и несвязанности; ничем не затрудненного осуществления принятого решения).

2. Субъективно-модальные значения несут в себе характеристику отношения говорящего к сообщаемому; такое отношение почти всегда экспрессивно окрашено, поэтому субъективно-модальные значения можно назвать модально-экспрессивными. Эти значения объединяются в шесть больших групп: 1) акцентирование, выделительное ограничение и усиление; 2) оценка, отрицательное или положительное отношение, удивление; 3) утверждение или отрицание; 4) волеизъявление; 5) уяснение; 6) характеристика признака со стороны его подлинности, соответствия существу называемого.

1) Общее значение акцентирования конкретизируется в значениях: а) собственно акцентирования; б) акцентирования в сочетании с тем или иным отношением; в) акцентирования утверждаемого как не совсем обычного, противоречащего тому, что могло бы или должно было бы иметь место; г) ограничительного выделения. Разновидностью акцентирования является

называние предмета как характеристического, несущего в себе те признаки, на которых говорящий хочет сосредоточить внимание. К значению акцентирования близко значение усиления; оно опирается всегда либо на лексическое значение слова, формирующего сказуемое или главный член предложения, либо на общее значение формы соответствующего построения.

2) Внутри общего значения оценки, отрицательного или положительного отношения выделяются значения: а) собственно оценки — отрицательной или положительной, но чаще в самой конструкции не дифференцирующейся и определяющейся контекстом или ситуацией; б) отрицательного отношения — возражения, неодобрения, порицания, несогласия, осуждения, упрека, недовольства, раздражения, возмущения, вызова, насмешки, презрения и т. д.; сюда же — выражение неодобрительно оцениваемой чужой речи; в) оценки признака как несущественного, маловажного, «отстраняемого»; г) удивления, недоумения, непонимания; д) раздумья, сомнения, смешанного с неодобрением, недоверием, осуждением, подозрением, несогласием, насмешкой, огорчением, досадой и т. п.; е) неуверенности, неопределенности, неясности — часто с оттенками неодобрения, опасения, неуверенного предположения нежелательного; ж) положительного отношения — удовлетворения, одобрения, предпочтения и т. п.; з) уверенности, несомненности или убежденности, скрытой под видом сомнения, внешней неуверенности; и) согласия, допущения (уверенного и безусловного принятия; допущения возможного; допущения с оговоркой или по необходимости; вынужденного, неуверенного, неохотного или примирительного согласия; раздраженного, вызывающего принятия).

3) Значения отрицания и утверждения, выявляющиеся преимущественно во вторых репликах диалога (не в диалоге это обычно отрицание возможности), часто сопровождаются той или иной экспрессией. Здесь выделяются значения: а) уверенного, категорического отрицания (часто — с яркой экспрессией насмешки, обиды, вызова); б) смягченного, неуверенного, ослабленного отрицания; в) уверенного, безоговорочного утверждения, подтверждения; г) неполного, неуверенного, неохотного подтверждения; д) вызывающего утверждения того, что собеседнику кажется нежелательным.

4) В общее значение волеизъявления входят более частные значения: а) решения и «перерешения»; б) призыва и побуждения; в) предостережения; г) угрозы и угрожающего запрещения.

5) Значение уяснения конкретизируется в следующих частных значениях: а) собственно уяснения и уясняющего заключе-

ния; б) разъясняющего сообщения, пояснения; в) припоминания или отнесения к известному.

6) С точки зрения соответствия называемому, истинности, подлинности, несомненности признак может определяться как а) точно соответствующий существу называемого; б) не соответствующий тому, что должно быть характерно для называемого; в) кажущийся, противоположный называемому.

3. Частные объективно-модальные и субъективно-модальные значения нередко выступают в сложном единстве. Это имеет место не только в образованиях, в которых разные языковые средства объединяются для выражения этих разных значений, но и в ряде конструкций, в которых частное объективно-модальное и субъективно-модальное значения неразделимы не только по смыслу, но и с точки зрения их словесно-грамматического выражения. Намечается три круга таких сложных значений: 1) отрицание, утверждение или согласие, обязательно сочетающееся с противопоставлением или уступительным сопоставлением; 2) значение положительно или отрицательно оцениваемого признака (желательность или нежелательность) в сочетании со значением осуществимости или неосуществимости, трудности или близкой возможности выявления; 3) акцентирование в обязательном сочетании с сопоставлением или противопостановлением.

2

В специальных главах была сделана попытка показать, что русская разговорная речь имеет целый ряд специфических, характерных именно для нее построений, объединяемых общим кругом частных объективно-модальных и субъективно-модальных значений. Эти построения не стихийно и каждый раз заново создаются в процессе говорения, а относятся к строевым элементам языка [1]. Разговорная речь, так же как и речь письменная, не свободна в своем строении, и нормы ее в каком-то смысле определеннее и обязательнее, чем нормы речи письмен-

[1] В цитировавшейся выше книге «La Grammaire des fautes» Фрей высказывает верную мысль о том, что очень многие явления разговорной речи, которые при поверхностном наблюдении представляются хаотическими, на самом деле группируются в определенные типы и не могут быть объяснены как частные искажения (стр. 36). Эта мысль и положена Фреем в основу его исследования французской разговорной речи, изучаемой в плане задач «функциональной лингвистики» как «объясняющей» науки, противостоящей описательной нормативной грамматике.

ной: условия непосредственного общения исключают возможность обдуманного выбора вариантных форм, и та конструкция, которая употребляется говорящим в данный момент его речи, естественно и необходимо, без предварительного избирания, интуитивно берется им из того, что всегда лежит наготове в богатом арсенале языковых средств. Эта обязательность готовых языковых формул составляет одну из характернейших черт разговорной речи как особой функциональной разновидности языка.

При изучении специфически разговорных построений, несущих в себе разнообразные модальные значения, возникает ряд специальных, связанных с природой этих построений проблем. Первой в их ряду стоит проблема соотношения лексического и грамматического в сфере синтаксиса. Изучение огромного количества конструкций разговорной речи не может быть осуществлено без разрешения вопроса о возможных границах их словесного наполнения, о лексических ограничениях или лексической незаменяемости в них тех или иных структурно значимых элементов. Там, где за «готовой формулой» разговорной речи не стоит абстрактная синтаксическая схема, допускающая — внутри соответствующих категорий — любое лексическое наполнение, там не может быть только и чисто грамматического изучения.

Особые вопросы возникают в связи с функционированием ряда построений в составе сложного предложения или в определенных типах контекста, а также в составе диалогического единства. Конструкции, выступающие, как правило, в составе того или иного типа сложного построения, и при относительно самостоятельном употреблении несут в своих значениях следы связанного употребления. Свои особые закономерности действуют здесь для построений, функционирующих в составе противительных конструкций, в составе конструкций со значением причинно-следственных, условных отношений, конструкций, одна из частей которых имеет значение ограничительного выделения.

Как об этом уже говорилось выше, изучение свойственных разговорной речи построений только со стороны их словесно-грамматической формы — лишь одна из двух задач, разделение которых может быть оправдано только невозможностью их одновременной постановки и разрешения в одном исследовании. Лишь решение другой задачи — изучение интонации этих построений — даст возможность получить их полную языковую характеристику. До тех пор, пока не будет разработан весь комплекс вопросов, связанных с обеими этими задачами, всякое

описание неизбежно будет односторонним и приблизительным; не могло избежать такой односторонности и предлагаемое исследование.

Границы письменной речи достаточно определенны; границы разговорной речи лишены такой определенности: они подвижны. Непрерывно, самыми разными путями и в разных формах осуществляется взаимодействие разговорной речи с просторечием и с разными социально-групповыми диалектами. Языковые переходы, смещения и взаимопроникновения здесь постоянны и носят массовый характер. Если в области лексики и фразеологии попытки разграничения этих сфер живой звучащей речи могут в конце концов увенчаться успехом, то в области синтаксиса предложения такое разграничение вообще вряд ли может быть осуществлено. Поэтому для изучения специфически разговорных конструкций вполне закономерным является привлечение таких материалов, которые отражают речь носителей не только литературного языка, но и просторечия и социально-групповых его ответвлений. Общность основных словесно-грамматических схем предикативно значимых построений в этих смежных и постоянно взаимодействующих сферах говоримой речи несомненна. Это не значит, конечно, что здесь имеет место полное совпадение как в отношении самих форм конструкций, так и в их употреблении и отборе. В результате изучения материалов под соответствующим углом зрения могут быть получены необходимые данные для установления системы функционально-стилевых разновидностей языка в определенный период его существования.

Сложной является проблема исторического изучения синтаксиса разговорной речи. В пределах только литературного языка, по письменным источникам такое изучение неосуществимо: здесь можно почерпнуть лишь отрывочные и несистематические сведения о генезисе и трансформациях некоторых фразеологизированных и близких к ним образований, о колебаниях в словорасположении, об изменениях в стилистической окраске тех или иных конструкций. Подлинная история основного массива собственно разговорных построений может быть изучена только методом сравнительно-исторического исследования синтаксиса литературного языка и народных говоров, с одной стороны, русского литературного языка и родственных славянских языков — с другой стороны. Такие изучения еще не начаты, разработка самих методов их — дело будущего.

Настоящая работа носит характер предварительного изучения, не претендующего ни на полноту охвата материалов, ни на незыблемость классификаций. Классификационный характер

описания в данном случае имеет своей целью не только упорядоченное изложение фактов в соответствии с существующей в языке системой, но и наглядную иллюстрацию положенного в основу всего исследования тезиса о том, что синтаксис разговорной речи имеет свою систему норм и не представляет собою безбрежного моря произвольно и каждый раз по-новому складывающихся образований. Широкий круг проблем, связанных с природой предикативно значимых построений разных типов, должен здесь подвергнуться детальному изучению. Перечислим некоторые из этих проблем.

Вопрос о характере лексических ограничений при формировании разных типов построений — вопрос сложный и мало исследованный. Предварительные наблюдения позволяют выявить два основных вида таких ограничений. Это, с одной стороны, внутрикатегориальные ограничения определенной семантической группой слов (например, в некоторых конструкциях, представляющих собою соединение глаголов, ограничения — для одного из компонентов — глаголами движения или пребывания в состоянии, восприятия, чувства; в ряде построений с частицами и междометиями — ограничения глаголами волеизъявления, речи, мысли, называния и др.). Другой вид лексических ограничений — распространяющиеся на слова разных категорий ограничения одним общим типом лексического значения (например, в некоторых построениях с частицами и междометиями — ограничения словами разных категорий, но объединенными значениями качественно-характеризующими или значением признака, способного появляться с большей или меньшей степенью интенсивности). Эти два основных типа словесных ограничений в разных конструкциях разговорной речи проявляются по-разному, имеют много частных видов и конкретных выявлений, в целом составляющих сложную систему лексических ограничений, действующих при формировании очень многих разговорных конструкций.

Проблема лексических ограничений или лексической незаменяемости одного из компонентов особенно актуальна при изучении построений, образующихся путем разного вида соединений полнозначных слов. Здесь существенны не только случаи четко выявляющихся границ словесного наполнения той или иной конструктивной схемы, но и те многообразные живые тенденции к внутрикатегориальным и межкатегориальным семантическим ограничениям, которые обнаруживаются в очень многих построениях разговорной речи. Проблема лексических ограничений и лексической незаменяемости возникает при изучении и других видов конструкций. Здесь открывается широкое поле для иссле-

дований, посвященных вопросам лексико-синтаксических взаимодействий в области языкового строя.

В построениях с частицами и с междометиями особое место занимают такие, в которых незнаменательное слово структурно неотчленяемо. Предстоит очертить полный круг этих образований, четко отграничив их от таких, в которых с участием незнаменательного слова образуется не новый структурный тип, а лишь вариант общего типа конструкции; нужно точно установить пределы словесного распространения данных образований и ограничения в возможностях их лексического наполнения; эти два последние вопроса встают и при изучении тех построений, в которых с участием частицы образуется вариант общего типа конструкции; здесь самого пристального внимания требуют вопросы словорасположения. Многие частицы в своем функционировании — в составе самого разного типа конструкций — встречают ограничения со стороны категорий и форм слов, с которыми частица сочетается. Основную массу здесь составляют построения глагольные, где действуют ограничения со стороны вида, форм лица, времени и наклонения глагола. В настоящей работе такие построения только названы, но полно и всесторонне не описаны. Здесь должна быть изучена вся система категориальных и внутрикатегориальных (формальных) ограничений, исследован весь круг вопросов, связанных с влиянием природы самой частицы на характер категориального и внутрикатегориального ограничения.

При изучении предикативно значимых фразеологизмов центральной является задача отграничения конструкций с живыми и мотивированными связями компонентов от таких, компоненты которых срослись в сложное единство идиоматического характера с индивидуальными, немотивированными для современного состояния языка связями частей. Предложенный в настоящей работе обзор фразеологизированных построений, их основных типов и разновидностей неполон и в значительной степени схематичен. Между намеченными основными группами здесь существует большое количество явлений переходных, определение внутренней природы которых не может быть осуществлено в рамках синхронного описания. Кроме того, при изучении этого вида образований встает проблема образования новых лексических единиц через ступень синтаксической фразеологизации.

Для реплик-повторов, помимо дальнейшего изучения их собственно структурных черт, первостепенной является проблема их функционирования в системе диалогического сцепления

нескольких реплик, т. е. в наиболее естественных и обычных условиях существования всякой строевой единицы диалога.

Как и вообще очень многие типы синтаксических построений, конструкции разговорной речи в пределах своей словесно-грамматической схемы допускают варьирование, многообразные частные изменения. Вся совокупность этих вариантов и конкретных проявлений основного типа конструкции может быть изучена только по материалам, извлеченным непосредственно из звучащей речи. Письменные источники дают достоверные сведения для изучения лишь основных схем, основных грамматических типов построений. Эти грамматические схемы и описаны в настоящей работе. Строй русской разговорной речи в ее живом звучании, со всем богатством ее специфических построений ждет своих исследователей.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Р. И. Аванесов — *100*
К. С. Аксаков — *72, 74, 101, 105, 109, 110, 123, 124, 158, 159, 188, 203, 204, 206, 215, 216, 225, 226*
О. С. Ахманова — *3*

С. Д. Балухатый — *28, 33*
В. Г. Белинский — *75*
Т. А. Бертагаев — *44*
А. Н. Боголюбов — *4, 7*
Т. В. Борисова — *15*
Д. В. Бубрих — *99, 265*
Р. А. Будагов — *16, 17, 303*
Л. А. Булаховский — *52, 61, 66, 75, 214, 284*
С. И. Буракова — *15*
Ф. И. Буслаев — *35, 60, 61, 72, 74, 75, 76, 77, 82, 92, 109, 123, 137, 163, 206*

Г. В. Валимова — *282*
П. В. Вальков — *283, 284*
Ж. Вандриес — *5, 251, 362*
В. В. Виноградов — *4, 7, 8, 10, 14, 15, 16, 21, 74, 92, 94, 97, 98, 109, 110, 113, 130, 146, 148, 149, 163, 176, 186, 190, 207, 220, 233, 250, 251, 273, 310, 323*
Г. О. Винокур — *280, 281, 282, 284, 286*
Т. Г. Винокур — *282*
В. В. Водовозов — *35, 50, 54, 69*
А. Х. Востоков — *36, 109, 110, 149*

И. Г. Галенко — *29, 31, 42, 69*
А. Н. Гвоздев — *7, 31, 47, 48, 49, 52, 71, 127, 156, 283, 313, 351, 354, 356*
А. И. Германович — *251, 253, 257, 259, 260, 266, 267*
Е. А. Гузунова — *43*

И. И. Давыдов — *75, 109, 161*
В. И. Даль — *65, 74, 77, 85, 253*
А. А. Дмитревский — *14, 100*
А. В. Добиаш — *16, 99, 172, 188, 285, 310*

А. П. Евгеньева — *44, 74*

С. Е. Каган — *15*
Н. В. Касаткин — *250*
А. Е. Киселев — *28, 29, 30, 31, 34, 36, 43, 50, 71, 283, 309*
Н. Колесников — *216*
А. И. Корнеева — *15*

Н. М. Мешковская — *198*
И. И. Мещанинов — *10, 102, 249*
Н. Милов — *62*
М. Л. Михлина — *282, 283, 285*

И. А. Новиков — *286*

Д. Н. Овсянико-Куликовский — *180, 249*
А. А. Остроумов — *198, 199*

А. М. Пешковский — *32, 57, 62, 165, 249, 264*
А. В. Попов — *272*
И. А. Попова — *283, 302*
А. А. Потебня — *31, 32, 33, 34, 35, 44, 46, 49, 50, 51, 52, 54, 60, 61, 66, 68, 74, 110, 148, 214, 216, 226, 265*
В. Я. Пропп — *44*

И. Г. Рикман — *15*

Д. С. Светлышев — *15, 97, 98*
Э. Сепир — *48*
В. Н. Сидоров — *100*
Г. Г. Скиба — *97*
А. И. Смирницкий — *3*

В. И. Собинникова — *48*
И. И. Срезневский — *265*
М. И. Стеблин-Каменский — *10, 11, 12, 14*

В. А. Трофимов — *53, 135, 273, 274, 357*

В. И. Чернышев — *31, 49, 228, 237*
Г. И. Чирва — *15*
Л. М. Чистякова — *15, 97, 116*

А. Б. Шапиро — *4, 9, 31, 34, 39, 97, 180, 274, 280*
А. А. Шахматов — *31, 37, 48, 49, 52, 55, 56, 57, 61, 65, 68, 69, 70, 74, 76, 78, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 91, 92, 95, 97, 101, 104, 106, 109, 110, 113, 120, 124, 131, 135, 138, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 150, 151, 156, 157, 158, 159, 171, 176, 177, 180, 181, 184, 186, 191, 206, 210, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 224, 227, 228, 229, 230, 233, 250, 255, 261, 264, 266, 270, 272, 275, 283, 284, 317, 331, 340, 343, 344, 346, 355, 359*
Н. Ю. Шведова — *31*
Р. Д. Швец — *265, 266*
Н. В. Шляков — *97, 215*
Б. Б. Шувалов — *15*

Л. В. Щерба — *122, 178, 179, 249, 280, 281*

Л. П. Якубинский — *4, 7, 276, 280, 281, 285, 362*

Ch. Bally — *3, 4, 5*
N. Borowska — *43, 61, 64, 74*
A. Braue — *5*
Fr. Daneš — *23*
B. Delbrück — *43*
H. Frei — *5, 6, 366*
I. B. Hofmann — *5, 6, 26*
D. Jones — *3*
S. Karcevski — *163, 164, 252*
Z. Klemensiewicz — *16*
L. V. Kopeckij — *8, 9, 106*
Ph. Martinon — *5*
Fr. Miklosich — *43, 44*
R. Mrázek — *13*
L. Spitzer — *5, 26*
A. Van Holk — *49*
M. Weingart — *24*
H. Wunderlich — *5, 26*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

(список писателей)

Серг. Антонов
Арамилев
Аргунова
Бажов
Бунин
Вальцева
Вишневский
Гаршин
Гоголь
Голубов
Гончаров
Горбунов
Горький
Грибачев
Грибоедов
Дорош
Достоевский
Жданов
Зубавин
Каверин
А. Калинин
Каратыгин
Короленко
Крылов
Крымов
Леонов
Лесков
Лукашевич
Макаренко
Мамин-Сибиряк
Ю. Нагибин
В. Некрасов
Н. Некрасов
С. Никитин
Новиков-Прибой
Овечкин
В. Одоевский
Осин
Основьяненко
Остров
А. Островский
Павленко
Панова
Пантелеев
Паустовский
Писарев
Писемский
Б. Полевой
Н. Полевой
М. Пришвин
Пушкин
Радов
Решетников
Рыбаков
Салтыков-Щедрин
Сальников
Славин
Слепцов
Соболев
Станюкович
Л. Толстой
Тренев
Тэсс
Троепольский
Тургенев
Гл. Успенский
Фадеев
Федин
Фоменко
Фонвизин
Холендро
Чехов
Шебунин
Шолохов
Эртель

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

I. ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ РАЗНОГО ВИДА СОЕДИНЕНИЙ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ 27

Бессоюзные сочетания 31

Сочетания слов, относящихся к одной и той же грамматической категории 32

Лексически не ограниченные сочетания 32

Лексически ограниченные сочетания 57

Сочетания с лексически незаменяемым компонентом . . . 71

Сочетания слов, относящихся к разным грамматическим категориям . 73

Лексически ограниченные сочетания 73

Сочетания с лексически незаменяемым компонентом 76

Союзные сочетания 78

Лексически не ограниченные сочетания . . 78

Сочетания с соединительными союзами 78

Сочетания с союзом *и* . . 78

Сочетания с союзом *да и* 81

Сочетания с союзом *да* 82

Сочетания с разделительными союзами . 85

Сочетания с союзом *как* 85

Лексически ограниченные сочетания . . . 86

Сочетания с соединительными союзами . 86

Сочетания с союзом *что* 91

Сочетания с лексически незаменяемым компонентом . 92

Сочетания с соединяющей частицей . . . 94

II. ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ СОЕДИНЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО СЛОВА С ЧАСТИЦЕЙ 97

Построения с глагольными частицами . 101

Построения с наречными частицами . 115

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц. 115

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц . . 136

Построения с местоименными частицами . 154

Построения с союзными частицами 163

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц 164
Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц . . 178

Построения с частицами, не соотносительными с другими классами слов 190

Построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц 191
Построения с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц . . 218
Построения с отрицательной частицей 237

ПОСТРОЕНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПУТЕМ СОЕДИНЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО СЛОВА С МЕЖДОМЕТИЕМ 249

Построения с непроизводными междометиями 252

Построения, формирующиеся с участием одиночного непроизводного междометия 252
Построения, формирующиеся с участием сочетания непроизводного междометия и частицы 257
Построения, формирующиеся с участием сочетания непроизводного междометия с местоименным словом 259

Построения с производными междометиями 262
Построения с междометием *эк* 262
Построения с глагольными междометиями 264

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ 269

СТРОЯЩИЕСЯ НА ОСНОВЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРЕНИЯ ВТОРЫЕ РЕПЛИКИ ДИАЛОГА (РЕПЛИКИ-ПОВТОРЫ) . . 280

Собственно повторы 300

Повторы, строящиеся с участием частиц 309
Повторы с наречными частицами 311
Повторы с местоименными частицами 319
Повторы с союзными частицами 324
Повторы с глагольными частицами 329
Повторы с частицами, не сохраняющими функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов 330
Повторы с отрицательными частицами 336

Повторы, строящиеся с участием модальных слов и сочетаний, а также с участием имен и глаголов, выступающих в роли модальных слов 338

Повторы, строящиеся с участием междометий . 343

Повторы, строящиеся с участием согласуемых слов . 345

Повторы с обязательным местоимением в форме именительного падежа в субъектном значении 350

Повторы с удвоением 352

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . 363

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 372

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (список писателей) 374

Наталья Юльевна Шведова

Очерки по синтаксису
русской разговорной речи

Утверждено к печати Институтом русского языка
Академии наук СССР

Технический редактор *И. А. Макогонова*

РИСО АН СССР № 27—110В. Сдано в набор 2-XI-1959 г.
Подписано к печати 16/III 1960 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆
Печ. л. 23,75. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 6000 экз. Т. 03022.
Изд. № 4206. Тип. зак. № 402.

Цена 15 р.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже следующие книги по языкознанию:

АРЦИХОВСКИЙ А. В. и БОРКОВСКИЙ В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 и 1954 гг.). 1958. 158 стр. 15 р. 30 к.

АРЦИХОВСКИЙ А. В. и БОРКОВСКИЙ В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). 1958. 152 стр. 15 р. 40 к.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. 1957. 1001 стр., 279 карт. 165 р.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 3. 1955. 255 стр. 10 р. 20 к.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 4. История русского литературного языка, стилистика и культура речи. 1956. 583 стр. 16 р. 55 к.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 5. 1957. 680 стр. 18 р.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 7. 1958. 534 стр. 15 р. 85 к.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию, изданной в СССР с 1918—1957 год. Вып. 1. Книги и сборники на русском языке, изданные в СССР. 1918—1955. 1958. 367 стр. 10 р. 65 к.

Вопросы культуры речи. Вып. II. 1959. 234 стр. 7 р. 10 к.

Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. 1957. 274 стр. 9 р. 70 к.

Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. 1958. 172 стр. 9 р. 10 к.

Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР. Вып. XII. 1959. 159 стр. 6 р. 80 к.

Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей. 1955. 356 стр. 19 р. 85 к.

Исследование по языку советских писателей. 1959. 315 стр. 13 р. 65 к.

Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 7. Вопросы славянского языкознания. 1952. 77 стр. 3 р. 80 к.

КУЗНЕЦОВ П. С. У истоков русской грамматической мысли. 1958. 76 стр. 2 р. 40 к.

КУЗНЕЦОВ П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. 1959. 275 стр. 15 р. 75 к.

Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. Новая серия. 1959. 138 стр. 9 р. 30 к.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. III. 1953. 286 стр. 16 р.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. 1957. 278 стр. 15 р. 70 к.

ОРЛОВА В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. 1959. 209 стр. 16 р. 55 к.

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. 1955. 216 стр., 8 вкл. 13 р.

Славянская филология. Сборник статей. IV Международный съезд славистов. Вып. 1. 1958. 374 стр. 15 р. 60 к.

Славянская филология. Сборник статей. IV Международный съезд славистов. Вып. 2. 1958. 420 стр. 17 р. 65 к.

Славянская филология. Сборник статей. IV Международный съезд славистов. 1958. 390 стр. 15 р. 90 к.

Славянское языкознание. Сборник статей. Советский комитет славистов. 1959. 232 стр. 12 р.

Труды Института языкознания. Т. V. 1954. 274 стр. 13 р.

Ученые записки Института славяноведения. Т. XIII. 1956. 288 стр. 16 р. 10 к.

ЧЕРНЫХ П. Я. Язык уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. 1953. 272 стр. 14 р.

Для получения книг почтой
заказы направлять в контору «Академкнига»
Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10
Отдел «Книга — почтой»
или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	9 сн.	L. Klemensiewicz	Z. Klemensiewicz
287	12 сн.	повторения-	повторение-
290	11 св.	субъективном	субъектном
321	3 сн.	Губ. об.	Губ. оч.
363	4 сн.	совпадающих наклады-вающихся	совпадающих, наклады-вающихся

На странице 339 вместо 15-й строки сверху читать: [Буланов] Ведь я тебе *велел*. [Карп] *Мало что велели?*

Н. Ю. Шведова. „Очерки по синтаксису русской разговорной речи"

Р-45
181400/XII 76.

15 руб.